

Илья Видманов

НА ПОСЛЕДНИЙ ШАНС МЕНЬШЕ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Илья Алексеевич Видманов

На последний шанс меньше

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42021499

SelfPub; 2021

Аннотация

В Новосибирске вспыхивает бандитская разборка, в результате которой быстро становится крайним невинный. Его арестовывают, после чего он очень быстро умирает... Бандиты успокоились, вот только они не знали, что сын этого человека не из робких. Вскоре на них обрушивается заслуженная кара, а герой, решившийся в одиночку противостоять целой банде, становится изгнанником и бежит, стремясь уйти от расправы. Какая ирония, ведь совершив дома настоящий подвиг, спасаясь от преследования этот человек попадает в переделку ещё яростнее и круче, чем та, от которой он убегает!

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	41
Глава 3	89
Глава 4	105
Глава 5	115
Глава 6	203
Глава 7	240
Глава 8	286
Глава 9	319
Глава 10	371
Глава 11	406
Глава 12	458
Глава 13	490
Глава 14	533
Глава 15	559
Глава 16	592
Эпилог	627

Илья Видманов

На последний шанс меньше

Пролог

Жар, выпавший на это лето, уже давным давно миновал. Человек в солнечных очках или в кепке сейчас такая же редкость, как абсолютный трезвенник. Иногда даже можно заметить, что люди на всякий случай ходят по улице с зонтиками. Кстати заметив одного такого сидящий на лавочке мужчина задумался и поднял глаза к небу – затянутое тучами оно как раз будто бы обещает скорый дождь. Да и ветер какой-то сырой, холодный. Гоня листья он ещё и шею щекочет, заставляет ёжиться... Брррр...

Неожиданно громко каркнула ворона. Точно чем-то напуганная, птица взмахнула чёрными крыльями и улетела, оставив покачивающуюся веточку. Проводив её беспокойный взглядом, мужчина сглотнул и решил проверить часы. Половина седьмого. Пора...

Одетый в пачканную, много раз штопаную спецовку давно уже не синего цвета, с такой-же старой, замызганной кепкой, мужчина взял пластиковый чемоданчик и пошёл к дому, напротив которого сидел. Изюминкой в его невзрачном наряде выделились новенькие белые перчатки, подходящие

к остальной одежде, как пирожное подошло бы в прикуску к селёдке. Мужчина не торопился. Кидая взгляды по сторонам, он шёл, как на прогулке в парке. Подбираясь к нужному подъезду, он не спешил. Подойдя к домофону, он достал универсальный ключ... но тут же зажал его в кулаке и наклонил голову, закрыл лицо козырьком кепки. Из подъезда донеслись бодрые шумные шаги. Пропищал электронный гудочек. Подъездная дверь распахнулась и наружу, не глядя по сторонам, выбежала запыхавшаяся девушка. Даже не взглянув на прохожего, она поторопилась прочь. Её заканчивающиеся крашенными ноготками пальчики прямо на ходу набрасывали по телефону какое-то сообщение.

Отмерев и глубоко, но сдержанно вздохнув, мужчина вошёл в подъезд и, прошагав мимо лестницы, вызвал лифт. Разъехавшиеся створки пропустили внутрь железной, уже давно не новой коробки. С жужжанием и скрипом она поднялась на шестой этаж. Выйдя в коридор, мужчина прокашлялся и огляделся. Взгляд его поймал электрораспределительный щиток.

– Кхм-кхм... Та-а-ак...

Подойдя к щитку, он достал кусачки. Связывающая ушки проволока чикнулась, распалась на две кривые половинки. Дверки щитка раскрылись, обнажились счётчики квартир. Выкрутив пробки у двадцать второй, мужчина спрятал их в карман и, приняв как можно более занятой вид, стал ждать.

Не прошло и трёх минут, как замок двадцать второй

хрустнул и дверь квартиры раскрылась. На пороге, одетая только в домашний халат, возникла очаровательная блондинка. Волосы падают ниже плеч, белая персиковая кожа сияет жизнью. Большие красивые глаза смотрят очень внимательно, а розовые пухлые губы заставляют думать о поцелуе.

Глядя на ковыряющегося в щитке мужчину, с некой растерянностью она произнесла:

– Простите... У нас что, отключили электричество?

– Ой, извините!.. – мужчина улыбнулся и помотал головой. – Нет, только у вас. Кажется, проводка, проходящая через вашу кухню, где-то не прозванивает... Понимаете, у ваших соседей сверху постоянно отключается свет, вот я и пришёл проверить. Вот только хотел к вам стучаться, но по глупости сначала вырубил электрику. Простите, пожалуйста...

Долгое мгновение блондинка смотрела на спеца, потом пригладила волосы и спросила:

– Так в чём же дело? И что с моей кухней? Вам надо будет зайти?..

Мужчина с облегчением кивнул, виновато улыбнулся.

– Если вы не против! У вас на кухне с проводкой всё в порядке? Мне кажется, повреждения должны быть именно там...

– Не знаю... – женщина пожал плечами. – Ну зайдите. Посмотрите, если уж без этого никак...

Мужчина снова кивнул. Смотрелся в этот момент он настолько виновато, что хозяйке квартиры стало неловко. Не

закрывая дверь, она прошла в коридор и остановилась, прислонилась плечом к стене.

– Извините ещё раз за беспокойство!.. – мужчина с очередным поклоном переступил порог. – Работа такая...

Закрыв дверь, он разулся. С большим удивлением женщина заметила на его ступнях совершенно чистые новые носки. Белейшие.

– Только, пожалуйста, побыстрее. У меня работа... – предостерегла она, всё ещё глядя на эти удивительно девственное по сравнению с остальной замызганной одежкой носки. – Кухня вот здесь. Проходите.

Мужчина снова поклонился, после чего пошёл, куда указали. С лёгким волнением хозяйка квартиры заметила, что пока мужчина шёл, он стрельнул взглядом в каждую комнату. За каждый угол глазом зацепился, хоть и старался это скрыть. Зайдя на кухню, он произнёс:

– Ой, как красиво тут у вас... Позвольте, я вот так стол отодвину, а то боюсь попортить. Ага, чтобы розетка была видна... У вас, кстати, изолянты не найдётся? А то у меня кончилась...

От возмущения женщина потеряла тревожную мысль и разразилась на неудачливого спеца, как Зевсова гроза:

– У вас ещё и изолянты нет! А чего ещё у вас нет?! Знаете что?! Если свет не появиться через пятнадцать минут – вы об этом сильно пожалеете! Вам ясно?!

– Что вы! Что вы! – мужчина примирительно поднял оде-

тые в белые перчатки ладони. – Вас задерживать и в мыслях не было! Но, вот кстати, ведёрко бы мне пригодилось. У вас найдётся в ванной тазик какой, или, может быть, лейка?..

Женщина впала в ступор.

– Чего?.. Лейка?..

С честнейшими, как у младенца, глазами мужчина закивал.

– Ну да! Чтобы в неё мусор складывать! Жалко пол ваш марать. Моете-то ведь его вы, как-никак...

Не скрывая раздражения, женщина развернулась и зашагала в ванную. Когда она принялась искать там хоть что-то, способное служить ведром для мусора, её осенило: почему не стодиться кухонное ведро для мусора? Почему искать надо в ванной? И почему электрик собрался проверять электричество в квартире, которую сам же от тока и отключил?.. Намереваясь разоблачить гнусного пройдоху, женщина резко повернулась... и как заколдованная замерла, поймав на себе прямой, жестокий взгляд.

– Это тебе за всё... – притворщик, оказывается, уже стоял за её спиной! Оскалившись, он резко выбросил руку вперёд. – За всё!

Широкое лезвие ножа – её собственного, кухонного! – прокололо халат и впилося в кожу. Вгрызлось в живот по самую ручку! Женщина натужилась крикнуть, но чужая ладонь уже зажала ей рот. С грубостью мужчина выдернул нож. Резко взмахнув он ударил жертву снова, уже в бок.

Животный, безумный страх вонзился в сознание несчастной. Бежать! Спасаться! Выжить!.. Вопреки таким электризирующим мыслям силы бороться почему-то оставили её. Уплыла, как вода сквозь пальцы, её воля к сопротивлению. Сваленная в ванну, скованная мучителем, женщина потянулась к лицу убийцы, попыталась хоть чем-то навредить, хоть как-то защититься. Легко справившись, притворщик выдернул окровавленный нож и направил клинок туда, где должно биться сердце. Удар! От салюта боли глаза жертвы распахнулись, как сверхновые звезды. Руки и ноги её будто обрели силу; в адреналиновом раже они задёргались, как у помешенной! Опьянённая естественным наркотиком, женщина даже на секунду решила, что она справится!..

Дух покинул её. Пышная грудь перестала вздыматься, глаза остановились в одной точке. В неуловимое мгновение тревога покинула её и сделало её лицо каким-то даже умиротворяющим. Тихим. Вымокшая в красном, испачканная в собственной крови, хозяйка квартиры превратилась в жутковатую иллюстрацию алого купания.

Задыхаясь от волнения убийца оставил нож в теле и отступил. С барабаниющим, как сумасшедший барабанщик, сердцем он воззрился на творение своих рук. Не выдержав он скривился и с омерзением отвернулся. Оказалось, слева от ванны висит зеркало. Мужчина посмотрел в него: на одежде никакой крови. Ни на рукавах, ни на штанах, даже на перчатках нет – нож он выбрал специально подлиннее... Только

вот лицо бледное, словно не она мертва, а он...

В течение минуты собрав всё, что принёс, мужчина обулся и уже хотел выйти, когда заметил ключик, висящий в коридоре на крючке. Одетые в ткань пальцы сняли железочку. Указательный нырнул в кольцо и несколько раз скакнул вверх-вниз, заставляя ключик крутиться. Глубоко и успокаиваясь вздохнув, мужчина открыл входную дверь и как ни в чём не бывало вышел и закрыл её, после чего совершенной по-хозяйски спрятал ключик в карман.

Как на зло лифтом уже кто-то пользовался и скрежет движущейся кабины подсказал, что двери могут разъехаться прямо перед носом. Решив не рисковать и приняв вид самый мирный, мужчина начал спускаться по лестнице. Когда он миновал четвёртый этаж, снизу раздался стук: кто-то забарабанил в дверь, да с такой силой, будто прибежал сообщить о пожаре! Замерев от внезапного страха, с подсакивающим до горла сердцем убийца глянул через перила – высокий, метра под два ростом незнакомец в кожаной куртке и джинсах позвонил в квартирный звонок, потом снова громко и требовательно постучал. Выругавшись, он пошёл прочь, глядя себе под ноги.

Подождав, пока за незнакомцем захлопнется подъездная дверь, притворщик с прежним напускным спокойствием спустился и вышел на улицу. К удаче никого поблизости не оказалось. Случайно только может сейчас кто-то из окна выглянуть, да и то – вряд ли хорошо разглядит его лицо...

Стараясь не ускоряться, мужчина спокойным шагом прошёл несколько дворов. После свернул в подворотню, где в подвале в укромном местечке ждёт спрятанным особый, набитый вещами рюкзак. Словно выпуская накопившийся, требующий выхода нервоз, мужчина распотрошил его беспощадно, чуть ли не разбросав вещи по сторонам!

Наскоро переодевшись в свежее и сгрудив спецовку, инструмент и обувь в кучу, мужчина вылил на неё запасённый бензин и поджёг. Успевшие было привыкнуть к подвальному сумраку глаза заслезились. К сырой вони подzemелья тут же примешалась вонь костра. Кинув в огонь последнее мужчина ушёл не оборачиваясь. Сейчас он уже только надеялся, что не успел хвататься слишком много блох. В подвалах это всегда настоящее бедствие.

Глава 1

Час Казни

Солнце накалило воздух и выжгло из земли всю влагу. На дороге пыль, как пепел, поднимается от лёгкого шага, даже нечаянного движения стопой. Июль выдался особенно жгучим и для людей в Новосибирске стало привычным болтать, что, мол, такого не было уже давным-давно. И в самом деле не было: даже люди с высокой температурой, которым каким-то чудом не повезло заболеть, не чувствовали озноба, пока другие рядом обливались потом.

По трассе мчит роскошный, блестящий новизной «Мерседес». Лаково-чёрный. Диски в лучах солнца сверкают серебром, тонированные стёкла бросают блики. Машина чуть сбавила ход и повернула на просёлочную дорогу, где под колеса легла уже заботливо уложенная для коттеджного посёлка щебёнка. Несколько соседей выглянули проводить машину взглядом, но быстро потеряли интерес, так как хозяина знают, он местный. По дороге пристала местная собачонка. Погавкала сбоку и убежала, спеша спрятаться обратно в тень.

«Мерседес» пропустил десяток домов, наконец сбавил газ и остановился возле зелёных кованых ворот в стене из красного кирпича. Сделанные на заказ, массивные и с завитыми узорами, ворота дрогнули и начали расходиться. Они открыли бетонированную дорожку. Автомобиль проехал через

портал и остановился во дворе, напротив гаража. Хозяин машины не стал загонять её, так как в любой момент могла стать срочность снова куда-нибудь ехать.

Блестящая дверь приоткрылась и наружу показалась нога в чёрном, начищенном до зеркальности служебном ботинке. Спустя полминуты кряхтений и вздохов человек вылез полностью – в полицейской форме, с погонами полковника, но с животом, как у настоящего генерала. Раскрасневшееся пухлое лицо в капельках пота, черные глаза прячутся за надутыми щеками и стреляют по сторонам, как стрелки из бойниц. Захлопнув машину и даже не включив сигналку, человек направился в дом. А что это за дом...

Трёхэтажный, из декоративного бордового кирпича. С живописными, покрытыми черепицей куполами и коваными решётками на окнах. Этот дворец возвышается над посёлком, как башня феодала над хижинами крестьян. Нет, в посёлке живут и зажиточные, даже очень. У некоторых семей по два, по три дома... Но этот красный замок, как прозвали его дети, считается настоящей здешней достопримечательностью.

Человек спеша повернул ключ в замке. Механизм щёлкнул. Дверь распахнулась, пропустила хозяина в роскошные апартаменты. Разувшись, он прошёл по расписанной под дорожку в итальянском лесу настоящей венецианской плитке. Прошагал мимо широченного телевизора, смотрящего на домашний кинозал из нескольких кожаных диванов. Чело-

век не обратил внимания на уже привычный ему блеск полированных резных перил, ведущих на второй этаж. Шаркая штанами, он поднялся и прибежал в спальню, где стоит резная кровать с балдахином, взглянул в окно.

Дорога, по которой он ехал, пустует, лишь оседает поднятая им самим пыль. Полдень давно миновал, но ни любящие вечно где-нибудь бегать соседские дети, ни тот мужик, майор ВВС на пенсии и большой любитель пошататься по окрестностям, до сих пор на улицу не вышли. А всё невыносимая жара...

Пухлыми потными ладошками человек погладил живот – белая рубашка, и так изрядно промокшая у подмышек, теперь совершенно потеряла вид. Постояв у окна ещё минуту, он громко побряхтел и пошёл раздеваться.

Бутылочка прохладной минеральной воды из холодильника, холодная вода из-под крана... Ополоснув лицо, человек, порыскал и нашёл пульт от кондиционера – на экранчике высветились установка на девятнадцать градусов. Грязные вещи полетели в стиралку, микроволновка ожила и зажужжала, грея недоеденную вчера пиццу.

Сделав всё, что хотел, человек уселся на диван и, уставившись в одну точку, стал настукивать пальцами по коленкам. Лоб его снова покрылся испариной, а домашняя майка спустя всего минуту носки уже стала липнуть к телу. Человек сидел, смотрел на стену и мысленно прокручивал события последних дней. Он настолько погрузился в раздумья, что

даже забывал моргать, от чего глаза его заболели. Так прошло сколько-то времени.

Сквозь открытые окна долетел шорох щебёнки и моторное тарыхтение. Человек оглянулся так резко, что капли пота сорвались с его лба и полетели в разные стороны. Тяжело вздыхая и краснея, как помидор, он подскочил к домофону и замер, точно собака, учуявшая мясо в руке хозяина. Повисла тишина. С улицы уже ничего не доносилось, а сам человек боялся даже шаркнуть ножкой, весь превратился в слух.

Наконец кнопочка на домофоне загорелась зелёным. Звонок пропел российский гимн. Человек затаил дыхание и, как загипнотизированный, уставился на панель... но опомнился, всё-таки нажал нужную клавишу и постарался спросить как можно спокойней:

– Да?..

Из динамика прозвучал знакомый голос:

– Это я. Открывай.

В волнительной спешке хозяин дома по-глупому поклонился домофону, как самому гостю.

– Сейчас открою! Одну минуточку!

Пухлые пальцы нажали специальную кнопку и выездные ворота стали расходиться. Через несколько мгновений во двор въехала «Нива-Шевроле». Обыкновенная, даже где-то потёртая. Боковые окна закрыты занавесочками, лишь на окне водителя занавесочка отодвинута. Закинув руки на руль там сидит серый, совершенно не напоминающийся мужчина

с залысиной на макушке. Хозяин дома уже несколько раз видел его, но как ни пытался, запомнить не мог. При случае не узнал бы даже если бы ехал с ним в одном лифте.

«Нива» припарковалась рядом с «Мерседесом». Водитель опустил стекло и высунул расслабленно локоть. Одна из задних дверей открылась, оттуда выпрыгнул настоящий гигант – бугай ростом метра в два, в джинсах и белой майке-безрукавке. Длинные белые волосы падают по бокам на толстую, усеянную вздувшимися венами шею. Светлая борода подчёркивает выступающий подбородок. Глаза горят голубым льдом и сильно выделяются на загорелом лице. Ну и фигура, как у олимпийца. Хозяин дома, наблюдающий из окна, сразу узнал этого громилу. Алекс Кружилин, после известных событий заработавший себе особую татуировку и кликуху Топор...

Без подобострастия но очень резко гигант обошёл «Ниву» и открыл вторую заднюю дверь. Без особой спешки следующим наружу выбрался мужчина в обыкновеннейшей одежде: недорогая рубашка, недорогие брюки. Ботинки только и ремень выделяются, по ним видно, что стоят немало. А ещё заметно, что обувь начищена прежде, чем надета. С коротенькими, покрытыми ранней сединой волосами, с морщинками у глаз, мужчина этот выпрямился во весь рост и вдруг поймал взгляд толстяка, застывшего у окна.

Хозяин дома встрепенулся, с его губ сорвалась брань на самого себя за глупую медлительность. Чуть ли не подпры-

гивая на бегу, он пулей оказался у двери, распахнул её и торопливым, но красивым жестом пригласил гостей. Первым вошёл Алекс. Руки толстяку не протянул, сразу вышел на середину дома и огляделся, как заправский сторож. За ним, не торопясь, вошёл старший.

– Михаил Сергеевич... – хозяин дома протянул для рукопожатия сразу обе ладони, спина его подобострастно согнулась. – Проходите, прошу...

Михаил Сергеевич – а для некоторых Каштан – вошёл спокойно, не глядя по сторонам, но упереv в толстяка прямой, как шпага, взор.

– Здравствуй, Коля... – произнёс он, пока его ладонь, вместо пожатия, хлопала толстяка по плечу. – Как твоё здоровье?.. Ну что – пойдём, поговорим...

Тем временем из «Нивы» вылез ещё один атлетического сложения. Лысый, среднего возраста, в спортивном костюме. Подойдя к уличным воротам, он встал там с сигаретой в зубах. Хозяин дома не узнал его. Наверное, из новеньких...

Гости вошли в дом. Михаил Сергеевич скользнул взглядом по мебели и остановился на стульях у кухонного столика. С той смесью строгости и спокойствия, которая часто пугает трусливых, он обронил:

– Пойдём, посидим...

Алекс бойко шастал из комнаты в комнату, при этом умудрялся быть тихим, как тень. Проверил туалеты, кинозал, чулан. Заглянул на цокольный этаж.

– Михаил Сергеевич, – обратился он к патрону, ставя ногу на лестницу вверх. – Я пойду, верхние этажи проверю.

– Иди, Лёша, иди. – Каштан уже устраивался на стуле поудобнее и махнул ему ладонью. – Ты своё дело знаешь.

Алекс унёсся стрелой, а Николай Прошин, полковник МВД и хозяин дома, подошёл к кухонному столу и в нерешительности остановился. Михаил Сергеевич взглянул на него с вопросом и мотнул головой.

– Садись, чего встал? Или тебе что мешает?..

– Да я... – Николай небрежно отмахнулся, вроде как «нет, ничего»... Только при этом глаза его искали пятый угол.

Положа руки на лакированную столешницу, Михаил Сергеевич смерил взглядом тихонько, как мышка, присаживающегося возле него толстяка.

– Коль... а есть у тебя водичка попить?

Николай замер в полуприсяде, глаза его широко раскрылись.

– Попить? Может, вам из под крана водички налить? – он мотнул головой на кухонную раковину. – Она у меня фильтрованная, из местного ключа!

Михаил Сергеевич держал голос подчёркнуто спокойным.

– А есть минеральная?..

– Конечно! – Николай уже спешил к холодильнику. – Конечно есть!

Бутылочка минералки прыгнула из морозилки и бережно встала перед гостем. Михаил Сергеевич неторопливо отвер-

нул крышку и поднёс горлышко к губам, искоса стрельнул в Николая хитрым глазом. Тот уселся рядом и терпеливо ждал, когда гость напьётся.

– Хорошо, что вы сейчас приехали, – произнёс Николай, дождавшись момента. – Как раз лишних глаз поменьше. Да и вообще...

– Лишних глаз... – задумчиво повторил Михаил Сергеевич, глядя на толстяка. Брови его медленно и грозно сошлись над переносицей. – Лишних глаз мне, Коля, бояться нечего. А тебе уже поздно... Ну и наворотил же ты дел, поганец. Ты чего так лопухнулся, а?..

Сказано было с прохладой, но Николай почувствовал, будто ему ударили по лицу мокрой вонючей тряпкой.

– Взял с того, взял с сего... – продолжал Михаил Сергеевич, пронзая жертву острым, как жало, взглядом. – Со вторых взял, с третьих... Тебе было сказано, что с администрации брать нельзя? Было или не было?..

– Было... – Николай виновато кивнул, но вдруг выпалил, оправдываясь: – Но так это же кто говорил? Митя Барнаул! А Митя в Новосибирске турист – и всё!

– И всё... – Михали Сергеевич многозначительно кивнул, – и всё остальное, когда надобность имеется... Тебя, дурака, в дела наши кто посвятил? Кто?!.. Никто? Может, сам ты чего смыслишь?!

Последнее уже было криком! Каштан скалился и тарасил теперь глаза, как волк. Лицо его покраснело, на висках взду-

лись вены. Николай уронил взгляд, как побитая собака. Глядя в пол он пробубнил:

– Всегда так делали... Откуда мне было знать, что этих трогать нельзя?..

Каштан рывкнул, брызжа слюной:

– Всем было сказано! Да тебе вот, дураку, особые разъяснения требуются! Надо было по-хорошему тебя, а не помощника твоего в санаторий отправить!..

Словно опомнившись, Михаил Сергеевич выдохнул и будто бы даже стал меньше размером, как жаба, которая надувается при опасности. Продолжил он сухо.

– Скажи спасибо, что Толя твой валенком оказался. Если бы он хоть немного сотрудничал – ты бы уже червей кормил...

Глаза толстяка стали широкими, как блюдца. Он чуть ли не задохнулся от возбуждения, даже сделал попытку встать – но быстро одумался и сказал уже с тем самообладанием, на которое осмелился:

– Толя, может быть, и сотрудничал бы, да только вы, Михаил Сергеевич, после такого сотрудничества сами бы в тюрьму и сели!

– Ты чего несёшь?.. – брови Каштана взлетели на лоб. – Сдурел?!

– То есть, я хотел сказать... – Николай замялся, как двочник у доски, – он-то уж точно в наших делах участвовать ни за что бы не стал! Не такой был человек...

Михаил Сергеевич подозрительно прищурился, помолчал.

– Да... – не опуская взгляда он кивнул. – Не такой был... А ты откуда знаешь? Что, уже сообщили?..

– Сообщили, – Николай охотно кивнул. – В телевизор это, конечно, не попадёт, но все, кто должен знать, уже знают.

– Все, кому н а д о знать... – Михаил Сергеевич поднял указательный палец. – Кому н а д о знать, Коля...

Чтобы немного отвлечься, Каштан снова взял минералку и пробежался взглядом по кухне, мебели, домашнему кинозалу. Через окошко во дворе хорошо виден караулящий у ворот новенький. Алекс привёл его из своих знакомых, лично поручился. Надо этого спортивно-костюмного, кстати, как-нибудь в деле проверить...

Сделав пару глотков, Каштан задержал взгляд на новичке дольше, чем тот заслуживал... как вдруг его коснулась тревога. Какая-то волнующая, но неоформленная мысль... Какая? Понять он не смог, но заикнуться на ней не стал. Звучно шлёпнув ладонью по лакированной столешнице, он по-хозяйски произнёс:

– В общем, так, Коля! За тобой должок! И крупный! Я и так тебя высоко поставил. Ты сам бы так вряд ли взлетел... – Михаил Сергеевич обвиняюще ткнул пальцем в замершего собеседника. – Теперь вот приходится и говно за тобой убирать! Ты понимаешь меня, остолоп ты этакий?!

Плечи толстячка опустились, голова поникла. Взгляд его

искал что-то в ногах, ему было невыносимо тяжело посмотреть в глаза своего Хозяина. Именно так. После всего, что случилось, Каштан уже не будет «партнёром», даже в шутку. Будет только повелевать и указывать, а Коле останется только смотреть ему в рот и делать, как скажут. Иначе – смерть.

Михаил Сергеевич продолжил уже спокойнее:

– Всё, дальше живи, как жил. Мути свою водичку потихоньку... но впредь, – он приподнялся, навис над столом и ткнул Николая в грудь, – хоть за каким малым, каким угодно, даже жалким решением только ко мне. Понял?..

Николай подавленно кивнул. Он весь сжался, как сдутый шарик, а смотрелся и того ничтожнее. Михаил Сергеевич пару мгновений сверлил его тяжёлым взором, наконец, упёрся кулаками в стол и поднялся, неприятно морщась от боли в коленях. В последний год они что-то разнылись, спасают только мазь и приседания. Может, уже возраст?.. Уже повернувшись к выходу, он обронил:

– По делам всё обсудили. Если с руководством какие вопросы возникнут – опять же звони мне. Я решу.

Михаил Сергеевич бросил последний взгляд на Николая и уже сделал шаг к двери, как вдруг понял, какая мысль его обеспокоила! Подняв лицо к потолку он крикнул:

– Алекс?! Эй, Лёша! Где ты там?!

Николай тоже с удивлением оглянулся на лестницу, по которой гигант совсем недавно поднялся. Ему бы уже давно всё там наверху проверить и вернуться...

– Алекс! Ну где ты там возишься?! Алекс?!

Михаил Сергеевич переглянулся с хозяином дома, скулы его вздулись, послышался скрежет зубов. Не выдержав обжигающего взгляда Каштана, Николай отвёл глаза.

– Что за чертовщина?! – возмутился Михаил Сергеевич, глядя вверх. Обернувшись к окну, он крикнул: – Эй, там! А ну все в дом! Живо!

Через пару мгновений дверь распахнулась от удара ногой. С громким треском она ударилась ручкой о стену, оставив в ней вмятину. В дом забежал новенький в спортивке.

– Михаил Сергеевич?! – он уставился на шефа, как гончая на охотника. – Что случилось?!

– Вот сейчас это и выясним... – Каштан перевёл недружелюбный взгляд на Николая. – Ну-ка... – он сделал тому жест приблизиться. – Поди-ка сюда...

Хозяин дома испуганно сглотнул, но послушаться не посмел. Безропотно, как ребёнок по приказу взрослого, он подошёл. Каштан схватил его за руку и рывком прислонил спиной к себе – возле потной шеи толстяка сверкнуло бритвенно острое холодное лезвие.

– Да что это вы, Михаил Сергеевич! – лицо полковника стало белым, как бумага. – Да что вы такое обо мне думаете?!

– Заткнись! – Каштан прижал нож к его горлу плотнее. – Валера! Доставай игрушку и дуй наверх! Проверь, как там обстановка...

Сверкая потной лысиной, без лишних слов новенький

кивнул и полез за пазуху – в его руках появился «Макаров». В этот же время в дверном проёме возник водитель, тоже уже с «Макаровым» в руках.

– Стой там! – скомандовал ему Каштан и перевёл взгляд обратно на Валеру. – Ну, чего встал? Вперёд!

К удовольствию Михаила Сергеевича, «спортивщик» не раздумывая бросился к лестнице. Подняв пистолет, он быстро глянул наверх и отступил, облизал в миг пересохшие губы. Каштан, водитель и покрывшийся холодным потом толстяк следили за ним с напряжением футбольных фанатов на последней минуте матча.

Валера поглядел на главного, на застывшего в дверях напарника. Сделав глубокий вдох и напружинившись, он ринулся по лестнице, перескакивая сразу через две ступени. Наверху оказался коридор с открытыми дверьми, видна ванная комната, спальня. Сердце Валеры заколотилось, как пойманная в кулак птица. Всего один раз до этого ему приходилось учувствовать в подобном, и в тот раз впереди идущий первым же и схватил пулю.

Лестница уходит на третий этаж. Оттуда не слышно ни звука. Валера снова огляделся, стараясь не упустить ничего, что может стоить жизни. Глянул на открытые двери, на лестницу, снова на двери. Подбросил в уме монетку – и пошёл вверх по ступенькам.

– Не его ли ищешь? – спросил голос за спиной.

Валера испуганно обернулся, но только для того, чтобы

увидеть человека в чёрных форме и маске, одной рукой зажимающего Алексу рот, второй же держащего «ТТ» у его виска. Оружие в руке незнакомца дёрнулось – по ушам саданул зловещий грохот! Валеру шибануло в грудь, да так, что ноги его подкосились. Пистолет выпал из его ослабших пальцев и слетел по ступеням вниз.

«Макаров» прогрохотал аж до первого этажа. Николай почувствовал, как при выстреле и виде кувыркающегося по лестнице пистолета чужая рука надавила, лезвие упёрлось ему в шею и рассекло кожу, пустило кровь. Михаил Сергеевич напрягся, его руки стали деревянными и неподвижными, как коряги. Он задышал чаще, сердце его взволнованно забилось.

Валера нашёл себя на полу. Грудь жгёт страшной болью, невозможно сосредоточиться ни на чём, кроме неё! Забыв обо всем, кроме раны, он принялся тереть ушибленное место. Пальцы нащупали тёплую влагу, ветровка промокла и покраснела. Рядом прошаркали шаги. Валера вдруг сообразил, что он сейчас как раз в центре событий, поднял взгляд... Человек в чёрной маске взглянул в глаза бандиту, краткий миг смотрел, как в них отражается страх от упёршегося в его лоб ствола... и выстрелил.

Снова бахнуло! Михаил Сергеевич вздрогнул. Мёртвой хваткой сжимая заложника, он попятился к двери.

– Чего ты встал?! – заорал он на оцепеневшего водителя. – Вперёд! Прикрывай давай!

От крика тот дёрнулся, словно был глухой, но вдруг обрёл слух. Проявляя молодецкую прыть он метнулся к лестнице, правда, всего лишь чтобы замереть у её подножья с поднятым оружием. Придерживая вздрагивающего толстяка Каштан пятился. На мгновение он обернулся, чтобы не споткнуться... и тут же грохнул новый выстрел! Это водитель палил в массивное тело, несущееся на него с верха!

Алекс сосчитал головой все ступени, поймал плечом пулю и рухнул на водителя, заставив того распластаться на полу. Видя, на какую дурацкую уловку попался его человек, Каштан заорал, как ошпаренный:

– Идиот! Вставай! Соберись!

В страхе, что не успеет среагировать, водитель отпихнул безвольное, но тяжёлое тело, вскинул пистолет... Грохнул новый выстрел и во лбу нерасторопного возникло ровнёнькое круглое отверстие.

Николай впал в дикий ужас! С неведомой дотоле силой он разорвал хват и побежал! У дома есть чёрный ход, надо только проскользнуть, добраться, и тогда можно спастись, спрятаться у соседей! Николай бежал, не замечая, как из раны на горле струиться кровь. Он не видел и не слышал ничего по бокам – только перед собой, только умозрительный тоннель к ходу, который надо преодолеть.

Человек в чёрной форме скакнул на середину лестницы. Михаил Сергеевич замороженно смотрел, как он сиганул с высоты не менее двух метров на мебель, где легко можно

сломать шею, как перекатился и встал, ничуть не замедляясь. Незнакомец наставил ствол на улепётывающего толстяка и выстрелил – вспышка с грохотом и жертва свалилась, будто ей дали подножку. Опомнившись от шума, Каштан сосредоточился на спине напавшего и бросился, готовый возить в неё нож... Колено стегнуло болью и это замедлило, заставило стараться не упасть не бегу. Вторженец резко обернулся и прицелился от бедра – грохнуло! В штанине Михаила Сергеевича образовалась лишняя дырка.

– Ай! – крикнул он как-то по детски, как не кричал уже много лет.

Схватившись за рану, Каштан проковылял в сторону, не удержался и рухнул, опрокинув табуретку.

– Чтоб тебя волки грызли! – выплюнул он с зажмуренными от боли глазами, потом резко открыл их и выпучил на незнакомца с яростью, заставивший белки вздуться красными жилками. – Ты покойник!

С холодной, но всё же угадываемой злобой незнакомец ответил:

– Это ты покойник... Выбросил нож! Живо!

Михаил Сергеевич сообразил, что всё ещё держит рукоять выкидного. Глянув на пистолет, направленный ему в лоб, он нехотя откинул железку. Губы его при этом недовольно скривились.

Незнакомец попятился. Храня взгляд между стариком и пытающимся ползти на локтях толстяком напавший держал

оружие наготове.

– Лежать! – он подскочил к перепуганному хозяину дома и с размаху впечатал тому берцем по раненной ноге. – Ни с места!

– А-а-а-й! – Николай согнулся, как гусеница, Михаилу Сергеевичу на секунду даже стало его жалко. – Не убивай! – Толстяк перевернулся, его пухлые ладошки поднялись к вторженцу. – Что тебе нужно?! Что нужно, скажи?! Я всё отдам! Только не убивай!

Жалось Михаила Сергеевича улетучилась. Он тихонько покосился на холодеющее тело водителя с «Макаровым» в руках.

Незнакомец встал над поверженным, как охотник над убитым медведем. Пистолет в его руке глядел в пол.

– Да... – произнёс он хрипло. Прочистив горло, он добавил: – Да... Мне от тебя кое-что нужно...

Оскалившись, как бульдог, он замахнувшись и хлестнул Николая по щеке, да так, что на той остался алеющий след. Толстяк охнул, закрылся было руками, но в страхе убрал их, боясь разозлить мучителя. Незнакомец замахнулся по новой и рявкнул:

– Вставай! Ползи к дивану! Быстро!

Михаил Сергеевич кидал взгляд между вторженцем и «Макаровым», прикидывал, когда лучше кинутся и схватить оружие. Рана в ноге ноет как-то тупо, почти без боли, но только если не шевелиться: от любого движения вспыхивает,

словно в тебя пыряют раскалённым железом. В голову Каштана начала закрадываться жутковатая мысль, что над ситуацией он контроль потерял. Хотя, может кто-то из соседей вызвал полицию? Хорошо-бы...

Незнакомец дёрнул толстяка за шиворот и хозяин дома поддался, как тряпичная кукла. Его глаза вопили ужасом. Михаил Сергеевич с отвращением решил, что на помощь этого труса рассчитывать не стоит. Вторженец кивнул на Каштана и толстяку грубого пендала.

– Дуй к нему! Вы оба – быстро вон на тот диван!

– Вам, молодой человек, следует быть вежливее... – заметил Каштан с мрачным выражением. – Оставьте своё рычание и угрозы баранам. Лично я никуда двигаться не собираюсь, мне и здесь хорошо. – Тут он вызывающе поглядел вторженцу прямо в глаза и стоически добавил: – Выкладывайте лучше, зачем пришли!

Незнакомец покачал головой, сквозь маску послышался его приглушённый вздох. Выпрямившись до хруста в спине, он размял плечи и направился к перечасшему.

– Бить будешь? – осведомился Каштан с подчёркнутым спокойствием. – Ну бей! Но напугать не рассчитывай!

Незнакомец замер в одном шаге, его бритвенно острый взгляд прошёлся по лицу дерзкого авторитета, скользнул по его одежде, рукам, ногам. Каштан недобро нахмурился. Вдруг голову его двинуло, в глазах потемнело, показались звёздочки. В ушах зазвенела глухота. Михаил Сергеевич по-

нял, что его ударили, схватили за руку и теперь тащат – носки его дорогих ботинок волочатся по полу.

Незнакомец усадил обмякшего авторитета на диван, оглянулся и ожёг злым взглядом мокрого от пота хозяина дома.

– Чего остановился?! – с криком он подпрыгнул к бледному от ужаса Николаю. – Шевелись! Вперёд! Быстрее!

Подстёгиваемый пинками, Николай вскочил резвее белки и в секунду очутился рядом с Михаилом Сергеевичем. Лицо его от спешки стало причудливым сочетанием красного и белого. Вторженец оглядел их, замерших на диване, заострил взгляд на каждом – сумрачной, недоброй физиономии Каштана и его полной противоположности, трясущемся, чуть ли не роняющим слёзы толстяке. Недобрую тишину разрезал его жестокий голос:

– Ну вот мы встретились... Вы... И я.

Он потянулся левой рукой к шее – пальцы в перчатках зацепили краешек маски и резко сорвали её, обнажив молодое, усеянное недельной щетиной лицо. По загорелой коже катятся капельки пота. Правильной формы нос выглядит так, будто ни разу в жизни не знал драки. Ямочки под носом и на подбородке смотреться мужественно и в тоже время немного комично. Короткие русые волосы липнут от пота, а голубые глаза горят, как самоцветы.

– Ну?.. – парень бросил победный взгляд. – Узнаёте?!

Михаил Сергеевич вцепился в него взглядом, как коршун. Он смутно помнил, кого и как в последние годы обидел и

сейчас спешно тасовал лица в памяти. Николай же замер с отвисшей челюстью. На мгновение он забыл, как дышать.

– Это... – промямлил он, задыхаясь, – это же Краснов! Никита Краснов! – он повернулся к Каштану с выпученными, как бильярдные шары, глазами. – Это сын моего зама!

– Бывшего зама... – поправил парень и мрачно почесал оружейной мушкой щёку. – Человека, которого вы убили.

Михаил Сергеевич закрыл глаза – его ещё трепыхающийся гонор схлопотал убийственный удар. Посидев в молчании, он постарался очистить голову от лишних мыслей и взглянул на вторженца совсем другими глазами. Голос его прозвучал с мужественным спокойствием.

– Так значит ты поквитаться пришёл?.. За отца?..

– За отца, – не опуская глаз Никита кивнул. – Да, пришёл.

Николай таращился то на Каштана, то на Никиту. Пухлый рот его оставался открытым, словно он хотел что-то сказать, да онемел язык. Михаил Сергеевич настроился на хладнокровие: никакого туза в рукаве у него нет, остаётся только принять реальность и наедятся на случай.

Никита нарушил повисшее молчание.

– Не знаю, что вы там сделали, да и знать не хочу... Мне всё равно! Украли что-то, кого-то убили... Плевать мне! Но вы убили моего отца... – кулак его взлетел к груди и сжался аж до треска. – Моего отца! Моего! Это был замечательный человек, лучший из всех! Настоящий офицер! И что вы с ним сделали?.. Вы его оклеветали! Заточили. Затравили...

Глядя парню в глаза Каштан сухо произнёс:

– Мы всего лишь сделали то, что нам было нужно. Мы бандиты, Никит. Душегубы. И деловые люди... У Коли – он кивнул на соседа – возникли проблемы. Он дурак, конечно, и вина его, но поскольку мы с ним в одной лодке, а кто-то всё-таки должен был оказаться крайним, то мы и выбрали его заместителя. Я так понимаю, твоего папу...

У Никиты зачастило дыхание, глаза широко раскрылись, ноздри заходили ходуном. Его пальцы стиснули рукоять пистолета, а на щеках заиграли желваки.

– Что сделали, то сделали, – продолжил Михаил Сергеевич косясь на Николая, уже готового упасть в обморок. – Дела наши такие. Но... прежде, чем ты убьёшь нас, я хочу, чтобы ты взял в расчёт две вещи.

Никита захотел резко возразить, но сжал губы и наклонил голову – какая-то мысль не дала грубо заткнуть врага, заинтересовала выслушать. Он небрежно бросил:

– Ну и...

– Ну и первое, – начал Каштан деловито. – Если ты нас убьёшь, то вся страна будет искать тебя, как опаснейшего преступника. Тебе нигде не будет спасения. Нигде. Клянусь! Труп полковника МВД, моя смерть... Некоторые, конечно, скажут тебе спасибо, но никто не подаст тебе руки. А вот таких, кто захочет сцапать – их будет много, очень много...

Никита пожал плечами. Лицо его не выразило растерянности. Михаил Сергеевич помолчал, давая собеседнику вре-

мя подумать на услышанным. Поняв, что пора, он продолжил:

– И второе. Если ты сейчас уйдёшь и тихо испаришься, то – я даю тебе слово! – никто не станет тебя искать и мстить. Ты уже убил несколько человек, их жизни тоже чего-то стоят. У них есть родственники, друзья – они захотят твоей крови. В свете случившегося мы могли бы посчитать это... размером.

Пламя в глазах Никиты немного угасло. Он опустил взгляд и сделал несколько чуть заметных кивков.

– В чём-то вы правы, Михаил Сергеевич... Я правильно к вам обращаюсь?

Стараясь держать лицо спокойным Каштан кивнул.

– Вы правы... – продолжил Никита туманно. – Вы всё грамотно рассудили и столь же грамотно обсказали. Да и я, скорее всего, сую сейчас голову в пасть льву...

– Ты погорячился, – Михаил Сергеевич смерил взглядом два бездыханных тела у лестницы. – Между прочим тот белокурый был моим главным помощником. Толковый был человек... А теперь мне придётся искать нового.

Николай, всё это время боявшийся и вздохнуть слишком громко, чуть ожил и даже несмело заулыбался, хотя пытался это скрыть. Понимая, что это ухмылки нервные, панические, он пытался удержаться, но у него не выходило.

– Вообще-то... – Никита снова почесал щёку мушкой, – белобрысый, скорее всего, жив...

Он перевёл взгляд на хозяина дома как раз в момент, когда тот натянул очередную нервную улыбочку. У Николая замерло сердце... но Никита никак не показал, что что-то заметил или разозлился.

– Я всего лишь врезал ему по затылку. Думаю, если он шею не сломал, то жить будет...

Михаил Сергеевич важно кивнул, изо всех душевных жил стараясь этим движением выразить, что всё хорошо, всё идёт к лучшему... но в то же время чутьё его почему-то вопило, что что-то совсем, совсем не так...

– Но вам не стоит переживать: замену искать всё равно бы не пришлось, – губы Никиты сжались в кривую мрачную дугу, пистолет поднялся и направился Каштану в голову. – Мёртвым слуги не нужны.

Выстрел! Николай вздрогнул! Рядом с ним уже заваливалось тело главного, в чьих глазах застыло дикое изумление. Ноздрей коснулся едкий запах пороха, свежайшего, только что сгоревшего.

– Нет! Не надо!– завизжал толстяк, прикрываясь ладонями. Любопытство всё же взяло верх и краем глаза он скользнул по онемелому лицу авторитета: во лбу у того чернеет дыра с пятьдесят копеек, а всё ещё розовые губы словно бы готовы что-то вымолвить, но молчат.

Подступая к трясущейся жертве Никита рявкнул:

– Надо! Надо, Коля! Надо! А что ты думал?! Что тебе всё сойдёт с рук?! Думал, что ты особенный?!

Толстяк мотал головой и скулил, закрывал лицо ладонями и плакал. Никита смотрел зло, всхлипываний не слушал, только его палец всё ласкал спусковой крючок, готовился к решающему нажатию. А кончать пора уже давно – время на исходе...

– Не убивай, прошу! – взмолился раскрасневшийся, вставший на колени толстяк, заливаясь крокодильими слезами. – У меня дети! У меня больная мать! Кто им поможет, если не я?! Забери всё! Не убивай!

Выстрел! Запястье Никиты привычно дрогнуло а из дула «ТТ» побежала тоненькая струйка дыма. Хозяин дома верещать перестал. Наступила тишина.

Никита огляделся, посчитал убитых. Только сейчас, когда всё почти кончено, он позволил себе немного расслабиться, глубоко и шумно вздохнул. Выпущенный пистолет грохнулся у его ботинок, пальцы в перчатках с силой растёрли лицо, взбугрили кожу на лбу. Никита выгнул спину, размял шею – позвонки приятно захрустели. Всё, теперь срочно уходить. Валить из города и области, куда глаза глядят. Но сначала...

В ход пошла припасённая бутылка с «девяносто пятым». Стрелой Никита метнулся наверх и прикрыл во всех комнатах окна. Пластиковая крышечка слетела с горлышка и на полу второго этажа образовалась пахучая дорожка, бегущая в спальню. Из кармана выпрыгнул коробок спичек, пальцы чиркнули огонёк – запылало!

Резво перебирая подошвами, Никита помчался на пер-

вый этаж... и замер на вершине лестницы. Сердце тревожно ёкнуло: беловолосый пропал! Опасливым взглядом Никита скользнул по видимой части комнаты, в мгновение его мозг представил поведение лихого человека в подобной ситуации. Либо он уже слинял, либо... Сделав пару глубоких вдохов, Никита сиганул – ноги взвыли от натуги и что есть мочи толкнули от стены, пол в зале полетел к голове...

...Грохнул выстрел! Никита кувыркнулся, но от неудачного переворота зашиб плечо. Сжав зубы, он схватил первое попавшееся под руку и метнул в стрелявшего – это оказался чей-то телефон. Услышав, как где-то там мобила была поймана и с хрустом разбита об пол, Никита огляделся и заметил «Макарова», пригласительно ждущего в руках трупа у лестницы. В его голове вспыхнул план.

– Сдаюсь! – Никита поднял руки. – Сдаюсь! Не стреляй!

В ответ гаркнул хриплый, брызжащий злобой голос.

– Поднимайся, урод! Руки на виду!

Никита медленно встал и повернулся к беловолосому гиганту, прячущемуся под лестницей. Лицо у того распухло, на скуле алеет ссадина. Левая рука в крови, в правой огрызнулся на прошлого хозяина родной «ТТ»... План Никиты мгновенно поменялся. Он крикнул как можно громче:

– Я сдаюсь! Не стреляй! Не стреляй, я хочу жить!..

– Хочешь жить?! – гигант сострепал издевательскую гримасу. – После того, что ты сделал!? – Не отводя прямого взгляда, он заматал головой. – Ну не-е-т, гнида... Нет!

Беловолосый шагнул вперёд, ствол «ТТ» остановился в метре от головы Никиты.

– Ты сдохнешь! – он злобно сплюнул, его глаза налились кровью. – Ты, блядь, убил Кутуза! Двоих моих пацанов убил! Даже не надейся уйти отсюда живым!

– погоди! – Никита взмолился, даже ладони соединил в мольбе. – Хочешь убить – убей! Но выполни мою просьбу! Последнюю просьбу! Прошу!

Громила недоумённо сдвинул брови.

– Чего ты несёшь?! Сдохни!

– Нет, погоди! Я поклялся когда-то, что умру с оружием в руках! – лицо Никита стало страдальческим. – Пускай сегодня, я не против! Я уже получил то, зачем пришёл! – Он кивнул на тела на диване. – Я отомстил! Просто кинь мне что-нибудь. Нож например. И стреляй!

Губы Алекса презрительно скривились, его взгляд бил по лицу русого парня, как наштипованная свинцом бита.

– Да ты чокнутый совсем ... – он покачал головой. – И как у тебя ума хватает? Или глупости?.. Но знаешь, мне это даже нравится. Почему бы и нет?!

Гигант мрачно улыбнулся, его голубые глаза скользнули по округе в поисках чего-то подходящего и наткнулись на нож на кухонном столе. Осторожно, не выпуская Никиту из вида, Алекс подошёл и взял «оружие».

Сверху докатилось потрескивание горячей древесины, ноздрей коснулся пока ещё слабый запах дыма. Никита не

шевелился, держал руки поднятыми и безропотно смотрел на подступающего палача.

– Вот! – Алекс бросил нож, железка пролетел пару метров и звякнула у ног приговорённого. – Поднимай и можешь помирать, как викинг... Но только сделай мне хоть одно лишнее движение!..

– Нет, нет! – Никита торопливо замахал руками. – Не буду, обещаю!

В единый миг поведение его изменилось: неспешно он поднял нож и встал в ветреной, прямо-таки вызывающе-расслабленной позе. Нож крепко сел в его левую ладонь. Рукоять на вес меньше лезвия и судя по кромке – заточка хорошая. Не самый худший клинок.

– Будут последние слова? – Алекс предвкушающе нацелился противнику в голову. – Ну? Какие ещё там у тебя ритуалы имеются?..

– Последние слова? – Никита задумчиво поднял глаза на своего будущего убийцу. – Думаю, у меня будет последний вопрос. Да, всего один.

Глаза гиганта загорелись жестокостью и любопытством. Он грубо рявкнул:

– И какой же?!

Никита смерил взглядом пистолет в руках гиганта, посмотрел тому в глаза и спросил:

– Как ты думаешь, сколько патронов в обойме у «ТТ»? Нашего, советского производства?

Во взгляде беловолосого мелькнуло колебание. Он поспешно нажал на спусковой крючок – боёк впустую щёлкнул.
– Восемь!

Никита замахнулся, его левая рука метнулась вперёд – блеснула размытая, словно брызг воды, сталь. Алекс охнул, выронил бесполезное оружие. Его пальцы сжались на торчащей из живота рукояти. Отшагнув, он чуть не свалился. Его здоровая рука попыталась найти опору, пальцы хватали в надежде за что-то зацепиться.

Никита следил, как гигант пытается держать равновесие... а потом пригнулся, рванул, подлетел и с яростным замахом провёл крюк! Кулак содрогнулся болью, кости чуть не поломало, словно ударил в бетон! Челюсть Алексу свело, его глаза закатились, а безвольное тело рухнуло под ноги победителя.

– Ай! – Никита вскрикнул совсем не мужественно, сжал немеющую кисть. – Чёрт! Железный же ты болван!..

Боль вспыхнула такая, что из глаз выступили слезы. Никита сжал зубы и зажмурился, разжал пальцы и потряс пятернёй, разгоняя кровь.

Треск наверху расшумелся, вниз по лестнице поплыл ядовитый белый дым. Пахнет горелым деревом и пластиком, можно даже учуять горящее мясо... В последний раз Никита потряхнул кисть и огляделся: комната в ужасной разрухе, повсюду следы борьбы и кровь. Пистолет он подбирать не стал, торопливо подошёл к двери и вышел на улицу, с наслажде-

нием вдыхая свежий, пускай и жаркий воздух.

Зелёные кованые створы всё ещё разведены и открывают улицу. Машины стоят брошенные, прямо с ключами в зажигании. Стараясь оставаться спокойным, Никита сглотнул и шагнул к «Ниве». Планировал уходить на «Мерсе», но «Нива» показалась сейчас более подходящей. Мотор взревел, Никита оглянулся и сдал назад. Ещё. С ворчанием машина выгрэбла на главную дорогу, сразу оказавшись под перекрёстными взглядами соседских окон. Никита глянул направо, налево, на щебёнку, бегущую к трассе. Кинул последний взгляд на дом – в верхних окнах уже пляшет огонь, скоро стёкла начнут плавиться и пламя выскочит наружу, как из коробка спичек, подождённого ребёнком.

С надрывным шуршанием пробуксовали колёса, «Нива» взревела и унеслась в облаке поднятой пыли.

Глава 2

Ночные гости

Солнце прячется за горизонт, загораются уличные фонари. Город тонет в тенях. Но вечерняя Самара бурлит, как суп на быстром огне. Люди заканчивают дела и наконец-то бегут по домам. Они покупают молоко и хлеб, проверяют уроки детей, готовятся к завтрашнему походу на работу. Они смотрят ток-шоу и новости, самозабвенно сёрфят в инете. Кто-то уже собирается спать. Животные тоже готовятся к ночи: птицы спрячутся под крыши, кошки и собаки шныряют в поисках тихой норы.

Но то обитатели города дневные, законопослушные. Вечер же открывает ход для личностей иного толка – тех, кто ищет приключений. В клубе ли, в подворотне ли, на лавочках у подъездов, в парках у фонтанов и на тёмных аллеях. Иногда приключение и искать не нужно – оно само тебя находит...

По улице Льва Толстого напротив дворца культуры припарковалась чёрная «двенадцатая». Двери машин раскрыты, из неё во всю гремит музыка. Возле с сигаретами в пальцах болтает о том о сём молодёжь. Одеты все в разное: кожаные куртки, спортивные и даже одно пальто. Разные лица, разные возраста: от пятнадцати миловидной девушке одного из парней до девятнадцати уже почти серьёзно выглядящему хо-

звину машины. Бьют по ушам басы, мелькает светомузыка. Зажимая в губах сигаретные фильтры, молодые передают по кругу двухлитровую пачку сока и опустошают банки энергетиков. Пятнадцатилетка потягивает коктейль.

Бежит, как борзый ручей, среди ребят разговор. Перемываются кости стариков, преподавов и отсутствующих друзей. Компания весела и беззаботна, лишь у хозяина машины слегка потеют ладони. Он общается в полслова, слушает в пол-уха, постоянно коситься по сторонам и то и дело поглядывает на телефон, проверяя время. Вдруг он задерживает дыхание – из-за угла вышла фигура в условленной одежде: незнакомец лет двадцати, в жёлтой спортивке и кепке козырьком набок.

Хозяин машины выдыхает и принимает наигранно неприуждённую позу, делает вид, что слушает, о чём болтают остальные... а остальные уже заметили перемену. Их движения стали скованными, голоса притихли.

Незнакомец подходит ближе, и, хотя направляется он явно мимо, хозяин машины шагает ему навстречу и спрашивает:

– Извините... Закурить не найдётся?..

Незнакомец сбавляет шаг и смотрит в глаза спросившему, на его виске чернеет татуировка китайского дракона.

– Конечно, дружище! – он дружески улыбается и лезет в карман. В его руках появляется пачка, из которой он вынимает сигарету и протягивает с пожеланием: – Угощайся!

Парень кивает и сигарету берёт, а незнакомец ловким, отработанным движением прячет пачку в карман и уходит.

Только сейчас хозяин машины заметил, что его юная команда замолкла и ждёт, переступая с ноги на ногу. Первым нарушил молчание Кирилл – юноша с чёрными, как у Пушкина, кудрями.

– Ну что, Жень?.. Это оно?..

Женя взвесил на ладони трубочку свёрнутой бумаги.

– Ага, оно... Кофеинчик...

– Поедем ко мне! – решительно махнула рукой Полина, девушка семнадцати лет, уже месяца два встречающаяся с Женей. – У меня родители уехали! В санаторий. Сегодня точно не вернуться!

Вся компания горячо поддержала и в минуту несчастная «Лада», приняв шесть человек, взревела и понеслась, лихо взвизгнув на старте шинами. Настроение полетело бодрое и яркое, как фейерверк. Все в предвкушении нового, не сходящего с языков у друзей ништяка... Правда опыта с этой дурью ещё ни у кого нет, но всё же когда-то случается в первые?..

– Сколько отдали? – поинтересовалась Полина, сидя на переднем пассажирском, справа от Жени. – Много?

– Интересный вопрос! – Женя вырулил на перекрёстке. – Я семёрку дал, Кирилл с Антохой по трёшке скинулись.

– Одуреть! – вырвалось у самой младшей, Анфисы. Она уселась сзади на коленях у Кирилла и всё ещё потягивает

коктейль.

– Да мы так, просто попробовать... – вставил Антон, тоже сидящий возле Кирилла со своей девушкой на коленях – вечной молчуньей Мариной. – Ну дорого, конечно, но за то я про эту химию такое слышал! В космос улетим!

– Ага! Славка со второго курса рассказывал... – ловко удерживая баранку Женя оглянулся на друга. – Божился, что лучше любой травы прёт, да и ядов никаких. И отходняк, сказал, минимальный. Нормальная тема! И не спалит никто – вот что мне в рассказе его больше всего понравилось...

«Лада» вырулила на улицу Скляренко, где уже через минуту показался дом инициаторши вечеринки. Женя тут часто бывал а потому быстро нашёл, где припарковаться. Ребята высыпались из машины, как спички из коробка и шустро последовали за Полиной. Девушка шла и то и дело оглядывалась, не смотрит ли кто... Но на лавочках никого, а если кто в окно и наблюдает, то родителям при случае найдётся, что соврать...

По дороге компания расшумелась, посыпались шуточки. Полине пришлось недовольно цыкать. Соседка вот из этой квартиры уж больно ушастая... А вот и родная дверь! Полина отпёрла её и вошла, сразу проходя вперёд, чтобы остальным было, где скинуть обувь.

– Эй, ребят, не свинячьте! Тут всё-таки убираются! – потребовал Женя сердито, когда Кирилл прошёл мимо коврика сразу на паркет. – Между прочим Полина полы моет!

– Да ладно, всё в порядке! – пропел её весёлый голос откуда-то с кухни. – Я потом уберусь!

Компания зашла и разделась. Ребята с хохмами разбрелись по квартире. Будучи здесь впервые они принялись с интересом разглядывать окружение: побывать в четырёхкомнатной «берлоге» директора предприятия, на котором работает четверть города и в том числе их родители – не каждый день такое случается. Всё по богатому, ко многим вещам руки так и тянутся потрогать, пощупать, посмотреть поближе...

– Так, ну что? – Женя остановился в главном зале с двумя диванами и широким телевизором и взглядом пересчитал людей. – Давайте, что ли, пока присаживайтесь. Столик вон приготовьте, а я сейчас всё справлю...

– Полин, а тут курить можно? – спросила Марина, девушка Антона, выглядящая младше его, но на самом деле на год старше.

– На балкон выходи!

– Ой, а я с тобой! – Анфиса помахала Марине ладошкой. – У тебя какие? У меня закончились...

Время потекло неспешно и сладко, как мёд. Включили телевизор, в одной из комнат оказался старенький музыкальный центр. Антон попробовал с ним поиграться, но пришлось перестать под давлением Полины. Женя на кухне приготовил стаканы и двухлитровую бутылку «Пепси», специально купленную для намеченного дела.

Вернулись покурившие Анфиса с Мариной, расселись по диванам Кирилл с Антоном. Тихонько, как мышка, вышла из туалета Полина... Держа поднос с «Пепси» и стаканами, в зал вошёл Женя. У ребят загорелись глаза и отвисли челюсти. Они уставились на поднос с готовящимся кайфом, как не уставились бы и на олимпийский огонь.

– Вот что... – Женя поставил посуду. – Сегодня мы только попробуем, ясно? Так, чуть-чуть, как говориться, нюхнём...

– Да не ссы! – Антон шумно хлопнул в ладоши и растёр в томном предвкушении. – В крайнем случае скорую вызовем. Скажем, рыбой отравились.

– Ты чего несёшь?! – Полина испуганно вылупила глаза. – Если суда скорая приедет – мне кирдык придёт!

– Ну шутит он! Шутит. – Кирилл брезгливо махнул на друга ладонью. – Да и в самом деле не мочите ляжки, всё будет ровно! Мы же не нарики какие... Мы так, чисто оттянемся. Культурно.

Ребята загалдели невпопад, посыпались острые шутки, расцвели улыбки. Женя сосредоточенно достал из кармана сигарету и развернул – внутри сверкнула фольга, в которую завёртывают шоколад. Бережно отогнув краешек, он положил свёрточек рядом с бутылкой и отвернул крышку.

– Так... – буркнул он настороженно, – Славка говорил, надо высыпать в газировку и взболтать... Мы на шестерых заказывали, так что...

Действуя с осторожностью ювелира, он высыпал содержи-

мое в горлышко – коричневый порошок сразу перемешался с «Пепси», зашипел. Незнакомый запах ударил по ноздрям. Взбучилась, как нефть в скважине, чёрная пена. Женя тут же приготовил крышку на случай, если пойдёт столбом. К его облегчению обошлось.

– Слушайте, ребят... – Анфису заворожило бурление в бутылке. – А это точно то... ну, вы понимаете... то самое? Может, это сода?..

– Славка не болтун, пацан проверенный, – Женя тоже не отрывал глаз от бурного кипения. – Да и взяли мы у того же самого человека по его же собственной наводке. Думаю, обойдётся без кидков...

Сосредоточившись и став глухим к болтовне друзей, Женя подождал, пока пена усядет, взял бутылку и аккуратно взболтал вкруговую. Содержимое булькает, брызгает и выглядит уже настоящим варевом из котла ведьмы!

– Ну... – Женя сделал глубокий вздох и поднёс горлышко к стакану. – Поехали!

Пачкаясь потёками тёмной пены, большие хрустальные стаканы заполнились до краёв. Женя разлил почти всё, стараясь каждому выделить одинаково. На донышке бутылки осталось совсем чуть-чуть.

Ребята взяли бокалы, вытянули руки и с ожиданием взглянули друг на друга.

– За нас! – произнёс Антон и, коснувшись хрусталём общей кучи, припал губами к кромке.

Ребята кто кивнул, кто поддержал словом. Уже через мгновение у всех скакали кадыки. Женя глотал шипучку, косясь на остальных, особенно на Полину. Марина с Анфисой пили с закрытыми глазами.

– Всё! – Антон стукнул стаканом об стол и прикрылся, сдерживая отрыжку. – Давайте теперь что-нибудь посмотрим!

– Кстати, там выход к вай-фаю есть, – Полина взглянула на показывающий новости телевизор. – Вот, возьми пульт. Сумеешь разобраться?

Антон принялся разглядывать кнопки на «лентяйке».

– Да уж как-нибудь...

– Дай сюда! – допивший своё Кирилл отобрал у друга пульт и направил на приставку. – У меня дома похожий стоит. Сейчас я что-нибудь бодрое включу!

И включил – канал с музыкальными клипами, один из платных. Заиграла жгучая музыка, заплясали на экране фигуристые девки. Одна, поющая, выглядит скромнее остальных, да и двигается пристойнее, зато разрисована похлеще попугая какаду.

Вечеринка стала набирать обороты. Ребята расселись по парам. Снова шуточки, разговорчики о том о сём. Обсуждение чьей-то новой машины, чьих-то родителей. Женя с Полиной в один прекрасный момент начали целоваться и забыли остановиться.

И тут ПОШЛО.

Все заметили! Все ощутили! Глаза ребят ошарашенно раскрылись, они взволнованно запыхтели и уставились друг на друга, словно начался пожар. На всех напало чувство, что в жилах течёт не кровь, а расплавленное золото! Тело наливается мощью, усталости не существует. Мысль обостряется и ты чувствуешь себя сверхчеловеком. Гением! Бесконечно сильным, умным и живым.

– Ого! – выдавил Антон сквозь отдышку. – Ого-го-го!!! Вы чувствуете?! Вы это чувствуете?!

– Я богиня... – Марина с удивлением взглянула на свои руки, словно видит их в первые. – Я сверхсущество! О боже, как я прекрасна!

– Кажется, я могу летать... – Анфиса прыгнула с дивана и уставилась потрясённо на остальных. – Я могу летать!!!

Взорвалась кутерьма. Молодые ощутили первобытную раскрепощённость, градус веселья устремился к точке кипения. Мир заиграл красками, как полотно безумного художника. Анфиса принялась носиться по комнате и прыгать, Кирилл смотрел на неё с дивана, словно Зевс с золотого трона. Марина разделась донага и встала возле большого зеркала в прихожей – то боком повернётся, то встанет спиной и выпятит грудь с попой.

– Совершенство, – то и дело срывается с её губ. – Абсолютное совершенство!

Антон сидел столбом, молча глядел на друзей, но вдруг резко встал и вышел в подъезд, даже не подумав запереть

дверь или хотя бы обуться. Женя и Полина, видя сейчас только друг друга, начали рвать друг на друге одежды и раскидывать эти рваные лоскуты по углам зальной комнаты.

Александр глубоко затынулся и щёлкнул бычок под чужие колёса. Народу сегодня набежала целая орда: человек сто, не меньше! Большая часть притащилась просто поглазеть на уличные гонки, но какая-то пришла специально ради ралли между ним и Славой Баяном – старого спора, должного быть решённым этим вечером. Но вот что-то второй участник соревнования задерживается...

Вокруг Александра треплют языками друзья, время от времени он потягивает пиво и отвечал на вопросы, тоже болтает ни о чём, иногда здоровается со знакомыми, иногда уходит отлить. Ждать приходится уже больше часа.

– Слушай, надо всегда здесь собираться! – Коля, старый школьный приятель, встал по правую руку друга-гонщика. – В городе-то особо не погоняешь. Здесь вон и места полно, и дорогу новую положили!

– А то! – поддакнул Артём, ещё один знакомец Сани, уже по армии. – Раньше в Сызрань нужно было часа три пилить, а теперь и за полтора легко! У меня дядя водилой вкалывает, хлеб развозит...

Народ шумит, громко переговаривается. Гомонит хор разных голосов. Толпа встала широким кругом, в нём друг напротив друга дрейфуют всеобщие знакомцы Кит и Кузя – любимчики толпы и завсегдатые всех тус. Выделяются они

по полной, каждый мастерски крутит руль и заставляет дымиться покрышки. Визжит резина, визжит публика. Бамперы режут по кругу у самых зрительских коленок.

– Что-то Слава задерживается... – пробасил Пётр, друг дальнего друга Александра, которого тот за полгода общения так толком и не узнал, а иногда мог и имя забыть. – Договаривались же, что он вообще первым приедет...

– Ого! – Коля толкнул приятеля в бок. – Накаркал, Петя! Только чёрта помяни!

Послышался грозный рык моторов. В толпу, то и дело взнуздывая двигатели, въехали два красавца – чёрный громадный внедорожник с самыми широкими, которые только можно купить в Самаре, дисками и красная, сверкающая редкой светоотражающей краской «Мицубиши» – настоящая дискотека на колёсах!

– Явился не запылится! – закричал Коля во всё горло и толпа ликующе завизжала. – Ну что?! Мы увидим сегодня крутой заезд?!

Дверь внедорожника открылась и наружу выпорхнул тощий, как турниковая перекладина, долговязый парень в футболке, разукрашенной под русский триколор. Его приветствовали, жали руку, по-братски обнимали. «Мицубиши» встала поодаль, гомонящий люд в мгновение облепил её, словно фанаты, рвущиеся до кумира. Дверь машины поднялась, как у «Ламборджини», и на суд публики вышел пухленький розовощёкий парень. Ростом на голову ниже сред-

него но с выпученной, как у героев голливудских боевиков, грудью и таким же выражением лица. Набрал побольше воздуха в грудь он заголосил:

– Здорова, народ! Девчонкам моё особое почтение!

Толпа возликовала. Постороннему может даже показаться, что гостя вот-вот понесут на руках! Славу иной раз и в самом деле могут – он для всех особенный, каждому свой.

Александр выждал, пока накал немного спадёт. С гордо поднятой головой он двинулся к сопернику.

– Ну что, Слава?.. – спросил он с позёрским спокойствием. – Приехал пыли из под моих колёс поглотать?..

– О-о-й! – Баян развёл руками, будто пытаясь обхватить небо. – Это ты на своём ведре меня уделать собираешься?!

Несколько долгих секунд они глядели друг на друга, наконец Александр не выдержал – губы его дрогнули и растянулись широкой белозубой улыбкой.

– Здорова, Баян! – он подступил и заключил тоже уже улыбающегося друга в объятия. – Ты чего народ тухнуть заставляешь?!

– Да по дороге стопорнули... – Слава сжал приятеля ещё крепче и кивнул на подходящего Женю Тут-как-тут, хозяина внедорожника. – У Жени задние огни не горят, пришлось вот задержаться на разговор с одними...

Долговязый поздоровался со всеми по очереди, с каждым проделав какой-то особенный приветственный жест. Кроссовки на нём так и блестят чистотой – ни пылинки, ни пес-

чинки. Руки ухоженные, ногти вычищенные, словно он только что от маникюрщицы – ногти, никогда не знавшие ни грязи, ни машинной смазки.

– Да, ребят, звиняйте! – он протянул ладонь Александру. – Вцепились в меня менты конкретно, хотели купонов состричь. Уже думал бате звонить, но, кажись, они почуяли неладное и сами слились.

Толпа сгущается. В предвкушении главного заезда люди подтягиваются всё ближе. Вот уже выкрикивают разное, кидают призывы. Все ждут веселья. Все знают, что скоро начнётся нечто, стать свидетелем чего не просто, но это одно из немногих настоящих удовольствий в мире!

– А-а-й, ладно! – Слава махнул рукой и обвёл окружающих азартным взглядом. – Ну что?! Вы готовы посмотреть, как я разделаю эту мокрую курицу?!

Он насмешливо кивнул на Александра, лицо которого выразило целый вагон сомнений.

– Пфф! – тот отмахнулся. – Хвастун! Пустомеля... Когда я тебя обгоню, ты поцелуешь мою малышку в выхлопную трубу!

Толпа восторженно заулюлюкала.

– О-о-о-о-о-о!!!

– Тогда, если выиграю я... – Баян задумчиво наклонил голову, – ты... съешь свои грязные носки!

Толпа взорвалась гомоном, от которого заболели уши. Вне зависимости от того, кто победит, вечер обещает стать

ну просто исключительным!

Между друзьями втиснулся Коля, его выпученные глаза пронзили одного, второго. Надрывая глотку он закричал:

– Все всё слышали?! Все это слышали?!

Толпа ответила:

– Да!

– Да, слышали!

Гомон поднялся, как на стадионе во время финального матча кубка мира.

– Тогда... – Кирилл широко взмахнул рукой. – По машинам!!!

Толпа радостно взревела и принялась освобождать дорогу, хотя всё ещё хлопают ладоши, гремят уханья. Несколько парней сложили пальцы и свистят, нагоняя какофонию.

Александр натянул уголки губ, его взгляд стал насмешливым и победным. Уже шагая к своей машине он кинул через плечо:

– Удачи тебе, Баян... Она тебе понадобится!

– Конечно понадобится! – откричался Слава насмешливо. – Чтобы не встречаться потом с тобой и не видеть твоего жалкого взгляда!

Под громоподобный гомон соперники разошлись, сопровождаемые приятелями – Баян с Женей, Александр с Кириллом и Артёмом.

– Ну всё, сейчас начнётся! – воскликнул Кирилл увлечённо, когда они отошли. – Саня! Ох, Саня... Сегодня ты дол-

жен выложиться по полной, чтобы победить!

Находясь под перекрёстными взглядами, Александр решительно кивнул, поднял ладонь и с хрустом сжал её в кулак.

– Я выиграю! Не сомневайтесь!

Друзья стали хлопать его по плечам. Артём подошёл и крепко обнял.

– Давай, Саня! Уделай этого наглого везунчика, а то он меня уже конкретно достал!

Александр сжал друга так, что у того чуть рёбра не треснули, потом резко отстранился, вздохнул... и устремился к машине.

Разукрашенная в пылающие черепа его «десятка» ждёт хозяина. Толпа расступилась, освободила выезд к старту. Щёлкнул замок, дверь распахнулась. Александр сел за руль и сразу повернул ключ в зажигании.

Скрывшись за тонированными стёклами он наконец-то остался один, без лишних глаз. Чёрт, как же долго пришлось ждать!.. По нажатию кнопки открылся бардачок – внутри томится заветная бутылочка минералки. Покрытая изнутри пузырьками газа, она валяется среди всякого хлама... но именно она станет залогом сегодняшней победы!

Александр схватил её и быстро свинтил крышку. Щелчка не произошло, ведь он уже снимал её несколько часов назад, когда добавлял «допинг». Дилер сказал, что одного грамма на триста миллилитров более чем достаточно. «А когда будешь пить – не забудь добавить сахара!» Что гонщик и сде-

лал. Бутылка опустела в несколько спешных глотков. Отбросив сдутую тару, Александр вынул из кармана припасённую конфету. Сладкая до приторности, сейчас она годится как нельзя лучше. Фантик был аккуратно скомкан и спрятан в карман.

Всё, готово... Теперь осталось самое главное – победить!

Часы показали за полночь. Луна сияет насыщенная, полная. Она освещает землю, словно ночное солнце. Люди шутят, смеются, обсуждают предстоящую гонку. Народ сходится в две полосы по обочинам начиная от самой стартовой черты. В воздухе витает азартное ожидание.

К неидеальной белой линии подъехала искрящая «Мицубиши». Баян высунул локоть, вторую руку небрежно кинул на руль, всем видом демонстрируя уверенность. В окно к нему нагнулся Женя и стал о чём-то шептать, то и дело тыкая пальцем на трассу. Иногда Слава кивал, но всё больше поглядывал в зеркало.

Гомон усилился – вторая машина выкатила к стартовой черте! Ухмыляющиеся черепа горят в адском пламени, на людей злобно таращатся пустые глазницы.

– Скоро-скоро-скоро! – махая рукой, Кирилл выбежал на старт и остановился между соперниками. – Скоро-скоро! Сейчас начнётся гонка!!!

Толпа взорвалась криками и свистом, люди вскинули руки и замахали невесть откуда взятыми светящимися в темноте флажками.

Сжигаемый любопытством, Александр опустил стекло. Оказывается, Слава терпеливо ждал, когда сможет встретиться взглядами с соперником, а когда это произошло, улыбнулся до ушей.

– Тебе ничего не светит! – заявил он и назидательно помахал пальчиком. – Смирись, Саня. Ты проиграешь!

Во взгляде старого соперника что-то мелькнуло – или показалось?.. Баян не стал задумываться и поднял стекло, а Александр хитро улыбнулся – он уже почувствовал перемены. Изменения в мышлении, изменения в теле. Он уже ощутил, как мышцы вздуваются силой, как дух становится твёрже кремня, уже не помещается теле – он внутри и вокруг, чувствует и понимает намного больше, чем дано простому человеку. И Александр почувствовал, о да! Он больше не человек. Он стал машиной!..

Кирилл убежал и из толпы вышла длинноногая, в короткой джинсовой юбке и мало что скрывающем топике девушка. В её руках мелькнул факел – секунда – и он загорелся, как тысяча подождённых бенгальских огней. Встав между соперниками, девушка глянула на одного, на второго, высоко вскинула факел... Толпа заголосила истошнее! Люди напрягли глотки на пределе сил!

Баян крепче сжал руль и нервно сглотнул – сейчас можно, уже никто не увидит. Александр застыл, как боёк на курке. Все следят лишь за одним движением...

Девушка вскинула факел ещё чуть выше – и с криком

«Старт!» прочертила в воздухе огненную дугу! Моторы взревели, шины завизжали! Поднялся дикий визг и дым с запахом жжёной резины. Гонка началась!

Дневной город засыпает, просыпался ночной. Уходят дневные люди, приходят ночные. Гоняют ночные машины, светит ночное светило. Даже в воздухе витает запах ночи, если ты чувствительный к такому человек.

Парень лет двадцати, в жёлтой спортивке, кепке набок и татуировкой китайского дракона на виске идёт по городу с видом скучающей беззаботности. Кто-то скажет, что он беспечен и никуда не торопится, однако знающий глаз сразу приметит, что этот прохожий постоянно озирается: то обернётся, то кинет взгляд по сторонам, оценит встречного, посмотрит на его руки, обратит внимание на проезжающую машину. Он не зайдёт в переулок с незнакомцем, не завернёт за угол, не посмотрев с расстояния, не стоит ли там кто.

Парень режет Самару от точки до точки. Начал с заброшенного киоска в парке, где «нашёл» особую пачку сигарет. Вызвал такси и добрался до перекрёстка Ленинской и Льва Толстого, там отдал заказ клиенту. Перекусил в чебуречной, где от запаха жаренного лука чуть не заслезились глаза, оттуда двинул в клуб на Московском шоссе. Выпил кофе. Отнёс заказ. Ещё кофе. Ещё заказ... Где-то в половине первого в пачке остались лишь простые сигареты. Парень поглядел на часы – с каждым разом он задерживается всё дольше, с каждой ночью прибавляется новых клиентов. Вызвав очередное

такси, он смял пачку прямо с содержимым, выбросил в урну и поехал на квартиру.

– Командир, притормози-ка здесь! – настоял он, когда машина проехала через перекрёсток Пензенской и Владимирской. – Встань вон там, у ларька.

Водитель кивнул и услужливо встал возле будочки, днём торгующей хлебом. Расплатившись, парень устремился к ближайшему дому. С каждым шагом он двигался всё бодрее – пока ехал, после много выпитого кофе жутко захотелось в туалет, а гуляющих поблизости как назло многовато. Даже пара с детской коляской на углу в такую темень что-то забыла! Последние метры до подъезда парень уже бежал, чуть ли не зажимая мошонку!

Стальная подъездная дверь отворилась его рукой, как картонная, ноги молнией занесли на первый этаж. Удерживаемый вспотевшими пальцами, к дверному замку устремился ключ...

Сеня – здоровенный мужик тридцати лет с фигурой, как у быка и широким, как люк на подводной лодке, лицом поставил рюмку на стол. Пухлые пальцы схватили кругляш колбаски и сначала прижали к носу – послышалось шумное сопение – а за тем отправили мимо масляных губ в рот.

– Кажись, Паша пришёл... – буркнул он, не оборачиваясь.
– Пойду, открою ему, – решил Гарик, загорелый парень с миниатюрной чёрной бородкой и карими лисьими глазами. –

Стёпа, когда за сигаретами ходил, дверь, наверное, на защёлку закрыл.

Сеня отрешённо кивнул, его взгляд уже бродил по тарелке с сыром.

Гарик вышел с кухни и двинулся к входной двери, откуда уже бьёт яростная дробь.

– Да сейчас, сейчас! – крикнул он, вытаскивая защёлку. – Чего так ломиться?!

Дверь распахнулась нечеловечески быстро – Гарик еле успел увернуться! На пороге возник Паша с выпученными, как у жабы, глазами.

– Быстрее! – выпалил он, ломясь в коридор. – Чёрт возьми! Быстрее!!!

Как был в ботинках, он скакнул в туалет и с шумом там закрылся. Через мгновение послышался звук льющейся струйки и громкий вздох облегчения. Гарик от всей души засмеялся и закрыл входную дверь. Снова на защёлку, так как все СВОИ теперь уже точно дома.

– Что, кустиков по дороге не нашлось? – схохмил он, проходя мимо туалета. – Или за тобой гнался кто?..

Из кухни вышел Сеня и подождал, пока несчастный выгянет наружу. Послышался звук смываемой воды. Дверь открылась и перед приятелями встал Павел с лицом благодостным, как у пречистого ангела.

– Ну, как прошло?.. – Сеня опёрся плечом о стену. – Всё нормально?..

Павел глубоко вздохнул и глянул на патрона со смесью торжественности и в тоже время усталости.

– Всё идёт как по маслу, – он вздохнул снова. – Ох, еле добежал... В общем: по точкам прошёлся, всех обскакал, всем всё раздал. За нами никаких косяков. Дело сделано, БОСС!..

Последнее слово он выделил театральным взмахом кисти. Сеня самую малость кивнул и перевёл взгляд на Гарика.

– А ты говорил, что стоит ждать проблем. Вот видишь – я был прав!

– Сеня, ну какой же дурак будет с тобой спорить?.. – Гарик пожал плечами и хитро улыбнулся. – Но ты сам подумай – как долго будет продолжаться, что наши обороты будут расти, а *верхние* не будут нас замечать?..

– Долго! – ответил Сеня без раздумья. – Так долго, как мы сможем торговать, используя лишь соцсети.

– Ну, хозяин барин! – Гарик поднял примирительно ладони. – Но я не уверен, что ОНИ не делают тог же самого. В конце концов они же тоже как-то торгуют...

Пока патрон болтал с Гариком, Паша разделся, и вся компания отправилась в зал. Квартира, которую они сняли, представляет из себя четырёхкомнатное помещение с тремя спальнями и большой, прямо таки по музейному огромной центральной комнатой, куда завезли мебель, поставили второй холодильник и повесили на стену широченный телевизор. У последнего, сидя на полу на подушках, сейчас бодро режутся в PS двое. Один с короткими чёрными волосами,

двадцати с небольшим лет, худощавый парень в свитере. На его азиатском лице тонкие с чёрной дужкой очки отсвечивают картинку с плазменного экрана. Второй тоже лет двадцати, со светлыми волосами и прыщавым прямоугольным лицом с крупной, прямо таки лошадиной челюстью. На немного обрюзгшем с животиком теле протёртые синие джинсы и майка какой-то старой рок-группы.

– Здорова, бойцы! – поприветствовал Паша, заходя в зал. – Чё, Стёп, опять японца вздрючить пытаешься?

На экране в это время один ниндзя с красными демоническими глазами рассёк катаной второго, с синими. Красный явно выиграл.

– Твою!.. – парень в рок-майке всплеснул руками и чуть не запульнул джойстик в стену. – Я же почти победил! Паша, вот тебе всегда обязательно под руку встревать?!

Качаясь на подушке азиат сдержанно засмеялся. Он оглянулся на Пашу, его тонкая ладонь поднялась в знак приветствия.

– Салют! – Паша тоже вскинул ладонь и снова поглядел на Стёпу. – Стёпа, ты скажи лучше японцу, что обыгрывать детей и умственно отсталых нехорошо.

– Пошёл ты!

Сеня и Гарик расселись по диванам. Сеня не любит, когда при нём занимают телевизор, все это знают, а потому Стёпа, как патрон окончательно уселся, тихо сказал японцу несколько слов по-английски, тот кивнул и PS они быстрень-

ко выключили.

– Ну что, как прогулка? – Стёпа сложил джойстики в специальную коробочку. – Удачно?

– Да не плохо... – Паша приземлился рядом с Гариком. – Пару раз мне показалось, что за мной тащится хвост, но, наверное, это уже я мнительным становлюсь, паранойя крышу подпиливает...

– Пару раз показалось, что был хвост? – Сеня прищурился. – А мне ты такого не сказал...

– Ну, я же говорю – показалось... Мало ли чего в голову придёт, когда на улице барыжишь?.. – Паша пожал плечами и выгнул скептически губы. – В каждом встречном видишь подставу... Я само собой посматриваю по сторонам, но стараюсь слишком сильно не параноить.

Сеня поймал многозначительный взгляд Гарика. Устраиваясь на диване поудобнее, главарь распорядился:

– Ладно, сегодня отдыхаем. О всяких паранойях завтра поговорим. Давай, Стёпа, тащи на стол всё, что мы набрали. А ты, Гарик, вызовешь попозже девочек, когда до кондиции дойдём. Расслабляться, пацаны, будем.

– О! Это мы с радостью! – Стёпа подскочил бодрый, как зайчик. – Сейчас всё организуем!

Гарик тоже встал и отправился вслед за ним на кухню, откуда через минуту пришёл с бутылками коньяка.

– Давай мне вон ту, – Сеня потянулся и ухватил початую бутылку. – Вот этот коньячина, мне кажется, толк имеет!

Гарик поставил бутылки рядом со столом и ушёл опять.

– Я, Сеня, посижу малость, – Паша проводил Гарика взглядом. – Я так уже находился, что вставать сейчас нет никакого желания...

– Да отдыхай, отдыхай... – Сеня небрежно отмахнулся. – Тебе всё равно завтра ещё к девяти идти квитанции оплачивать.

– Чего?! – Паша вылупился на патрона с негодованием. – Это уже третий раз будет! Да ещё и в такую рань!

Сеня рассудил с прежним спокойствием:

– Ничего, ноги не отвалятся. Нам завтра в обед аренду отдавать, так что к двенадцати все квитанции должны быть готовы. Точка.

Паша снова открыл рот но Сеня так посмотрел на него, что тот тут же умолк, скрестил руки на груди и, всем видом демонстрируя недовольство, отвернулся.

– А вот и гвоздь программы! – с весёлой улыбкой в комнату заплыл Стёпа. В его руках красуется поднос с блестящими печёной корочкой птичьими тушками. – Самые толстые, что только удалось найти!

– Давай-давай, – Сеня потянулся к подносу и помог поставить на стол. – Закуску тоже не забудь! Я там килограммов пять накупил. Тащи всё!

За Стёпой зашёл Гарик как раз таки с подносом закусок, где в равных долях морепродукты, сыры и колбасы кокетничают со всякой зеленью. Спустя минут десять стол уже ло-

мился от вкусовностей и счастливая компания собралась во-
круг с поднятыми рюмки.

– Ну что, ребята, я могу вам сказать... – Сеня оглядел парней. – Кстати, ты, Стёпа, японцу-то мои слова переводи, чтобы он в дурака не играл.

Стёпа тут же сказал несколько слов по-английски сидяще-
му рядом азиату и снова устался на патрона.

– Что я могу сказать? – начал Сеня ещё раз. – Жизнь наша хорошая штука! А мы стоим сейчас на пороге лучшей жизни. Лучшей, уверяю вас, пацаны. Вот он, – Сеня указал на азиата, и все тоже взглянули на него, – парень с мозгами. Уж не знаю, чего он уехал из Японии своей, но если рассказывать не хочет, то и ладно. Главное, что у него золотые руки!

Стёпа перевёл ещё, но выглядело это так, что что-то из слов патрона он всё же сократил. Японец же лишь кивал, явно смущённый таким вниманием.

– Этот парень валяет лучшую дурь! – глаза Сени горят, коньяк плескается и каплями вылетает из высоко поднятой им рюмки. – И эта дурь, этот, как его назвал Паша, «кофеин» – за ним будущее! Скоро весь город узнает о нас! А это куча денег! Кучу капусты для шинкования, пацаны!

– Кстати – здорово я названьице придумал? – Паша гордо ухмыльнулся, пока Сеня соображал продолжение. – Вполне подходит! Его же с водой и сахаром мешать надо. Разве не очевидное сходство?..

– Паша, помолчи! – сделав сердитый взгляд, Гарик ткнул

его локтём в бок.

– Короче! – Сеня махнул рюмкой, от чего ещё несколько капель сорвались на тарелку с кальмарами. – За нас, пацаны! За то, чтобы мы были всегда при бабле и чтобы наши дела шли, как по маслу! За нас!

Зазвенела посуда, закачался коньяк в стекле. Громче всех чокался японец, после чего пил самым последним, косясь на остальных.

Застолье понеслось! Никто себе ни в чём не отказывает, ест и пьёт в три горла. Даже Паша, которому завтра рано вставать, хлестает коньяк, как ключевую водичку. Время от времени Стёпа переводит японцу реплики и вопросы друзей, потом переводит обратно ответы. Японец как всегда не особо разговорчив и отделяется односложными фразами, что Стёпу абсолютно устраивает, так как роль толмача ему уже до коллик в печени осточертела.

– Ох, какую кашу мы замутим! – Сеня всё не унимался, кидал взгляд между дружками и тарелкой. – Какую кашу! Что нам эта ганжа? Что герыч? Всё фуфло теперь, когда появился наш продукт!

– Шеф, потише! Соседи ведь в ментовку позвонят... – заметил Паша как можно мягче. – Сам нам все уши прожужжал про секретность...

– Ай, угомонись! – Сеня небрежно отмахнулся. – Ничего не услышит никто, да я и не так громко разговариваю... Кстати, расскажи всё-таки про то, что тебе там померещи-

лось. Ну, чего было-то?..

– Да чего рассказывать? – брови Паши сошлись над переносицей. – Сказал же, что мне почудилось. Ну почудилось и почудилось, подумаешь... Вот даже если...

– Извини, дай я пройду, – Стёпа поднялся и, стараясь протиснуться, двинулся мимо друга в коридор.

– Вот даже если менты меня пасли, то ну и что? – продолжил Паша после моментного неудобства. – В крайнем случае я бы всё скинул или сказал, что мне это подкинули. Я даже отпечатков на пачке не оставляю: либо через карман беру, либо стираю сразу же.

Гарик вставил:

– Сеня, ты же сам говорил – все паранойи завтра. Разве нет?

– Да ну вас! – Сеня задето махнул головой, будто сплюнул. – Ну сказал. Ну и что?.. А вот мысль в голову пришла – она завтрашнего дня ждать не станет. Ей сегодня развиться нужно!

– Ну, не соглашусь, – Гарик помотал головой, на его чернобородом лице отразилось сомнение. – Если мысль важная, то она и ночью, и утром, и днём с тобой. А если она забывается, так, может, и не важная вовсе...

– Да чего мы всё про фигню какую-то?! – Паша отправил в рот и разжевал кусок дурманяще пахнущей колбаски. – Вот я вам сейчас тему любопытную подкину, а вы над ней подумайте... Видали девчонку с первого подъезда, что мимо на-

ших окон постоянно на остановку ходит?

Сеня нахмурился

– Тёмненькая такая? С длинными волосами?

– Ага... Так вот... Я её чпокнул!

– Ха! – Гарик не сдержал улыбки. – Ты?! Её?! Ну, может, и да, но только во сне!

– Да говорю как есть! – Паша звучно хлопнул по столу. – Сегодня днём дело было!

– Вот человеку двадцать лет... – процедил Сеня, косясь на болтуна с отеческим сожалением. – А в голове у него... Нет, Паш, избавь меня от подробностей. Не желаю ничего слушать. Но даже, если это правда, я тебе советую теперь быть повнимательнее и иметь глаза на затылке.

Улыбка на губах хвастуна поблекла. Он уже собирался сказать что-то – может быть, пошутить – но осторожно спросил:

– Почему?..

Гарик ответил снисходительно:

– Да потому, дуралей, что мы видели её мужа. И мужик этот, Пашенька – ну чисто слон! Помесь кита с жирафом, отвечаю! Если он про твой подвиг узнает – от тебя, братуха, мокрого места не останется...

Паша перевёл мёртвый взгляд на Сеню, тот наклонил голову и многозначительно моргнул.

– Не мужик, а грузовик какой-то, – подтвердил он. – Прямо шире гаражных ворот! Кажется, он где-то в охране рабо-

тает. Вроде бы я что-то про него уголовное слышал...

Паша словно бы расстался с душой. В секунду лицо его побледнело, а нижняя губа затряслась. Он через силу про-чистил охрипшее горло, взгляд его упал на пол и где-то там потерялся.

– Да ты не бойсь, друган! – Гарик похлопал несчастного по плечу. – Если с тобой что случится, мы долю твою семье твоей отдадим! Развлекайся, пока возможность есть, а там уж... Эх!..

– Да ладно вам, пацаны... – во взгляде Паши отразилась бездна муки. – Да я это... пошутил просто... Я пошутил! Я и звать то её как не знаю! Вы чего! Какой муж?!

Теперь его лицо уже покраснело а на щеках заалел румянец.

– Да мы знаем, – ответил Сеня как ни в чём не бывало. – Вся правда у тебя на лбу написана, дружище.

Мгновение, показавшееся застывшим, Паша смотрел на спокойного, как камень, патрона, потом перевёл взгляд на начинающего улыбаться Гарика... До него дошло.

– А-а-а-а-а! – он наигранно растянул губы и сделал корявое движение трясущейся рукой, уперев кулак в бок. – Да я понял! Я же тоже пошутил, пацаны! А вы чё, поверили?..

Всё время, пока остальные перекидывались фразами, япо-нец сидел и тихо ковырялся в тарелке, точно пытаясь най-ти в ней золото. То коньячок хлебнёт – самую малость, то от курочки чуть-чуть отщипнёт. А то и просто уставится в

окно, положив подбородок на скрещённые пальцы. Сеня искоса поглядывал на него, но вопросов задавать не спешил. Мнение у него устоялось такое, что если человек что-то хочет сказать – он скажет. Если не хочет, то не стоит из него тянуть – только наговнишь.

К концу Пашиной тирады с блестящими вымытыми руками вернулся Стёпа.

– Чё, ругаетесь уже? – он насмешливо глянул на Пашу. – А вроде бы пока много не пили... Ну, сейчас плеснём ещё! Тогда уже можно будет на разные темы конкретно побазарить!

– Ты садись лучше, базарщик... – Сеня кивнул ему на место рядом с азиатом, – и разливай скорей, чтобы было, что плескать. И это... у японца спроси, не хочет ли он чего, а то сидит, как бедный родственник...

Стёпа прошёл к себе. Гарик в это время вынул телефон и стал листать контакты.

– Я сейчас девочек закажу... – произнёс он, ни к кому конкретно не обращаясь. – По одной на каждого, на всю ночь.

– Только не прямо сейчас! – остановил его Паша со всей серьёзностью и схватил новый кусочек колбаски. – Пускай через час лучше приезжают, когда мы будем уже... э... готовы.

– Ну да, Гарик, не спеши, – Сеня поднял свежую рюмку. – Девочек надо звать, когда за столом уже сидеть не хочется. И... японцу тоже заказать не забудь, может, у них там азиаточка какая есть. Ты поспрашивай...

Гарик кивнул и встал из-за стола. Его фигура, склонившаяся над телефоном, вышла из зала.

Застолье продолжилось. Было решено включить новости и посмотреть, что в мире твориться, однако оказалось, что когда на улице уже ночь, по всем каналам крутят какие-то фильмы. Остановились на старом боевичке со Стивеном Сигалом: что-то про корабль и группу музыкантов, оказавшихся террористами.

Стёпа о чём-то болтает на английском с уже захмелевшим японцем. Тот иногда делает попытки говорить по-русски, но звучит это очень комично. Паша наелся до состояния, когда ремень уже врзается в живот, теперь лежит недвижимый и полностью погружённый в телевизор. Гарик, как вернулся с кухни, тоже не отрывается от кино. Лишь Сеня раздумывает о всяком. То и дело поглядывает на людей, трёт подбородок и хрустит позвонками, разминая шею.

Заиграла восточная мелодия. Гарик встрепенулся и схватил телефон – на экране высветился неизвестный номер. Всё ещё пребывая в задумчивости Сеня спросил:

– Шлюхи?

Гарик глянул на часы.

– Да рано ещё. Через полчаса только позвонить должны...

Он провёл пальцем по экрану и, аккуратно прислонив аппарат к уху, спросил:

– Алло?

– Гарик, это Дима. У меня дело к Сене. Дай ему трубку.

На кратчайшее, неуловимое мгновение лицо Гарика стало таким тревожным, будто ему сказали, что он сейчас умрёт. Впрочем он быстро пришёл в себя и этого никто не заметил. Закрыв микрофон ладонью, он прошептал:

– Это Дима. Стволами который занимается...

Сеня нахмурился: в такое время такой звонок...

– Что за напасть? – пробурчал он недовольно. – Ну-ка дай-ка телефон!

Гарик послушно протянул трубку, тут же схваченную главным.

– Ало? Сень, это ты? Это Дима.

– Да, я... Дима! Что за новости?..

– Сень, тут такое дело... – голос в трубке спешил. – Вы же у нас две игрушки заказывали, так? На следующей неделе мы должны были подвести. Короче, мой человек... заболел. А после воскресенья все будут заняты и я решил приехать с товаром сам. Сегодня, сейчас. У меня всё при себе, так что готовься принимать заказ!

– Чё-то я не понял... – Сень нахмурился аж до глубоких складок на лбу. – Дима... Какой тебе резон лично этим заниматься? Да ещё в такое время? Давай, выкладывай! Не темни.

– Да я и не темню... – теперь голос звонившего стал степеннее и медленнее. – Сейчас подъеду и всё расскажу. Вы у себя?

Сеня буркнул не задумавшись:

– Ну да... Э!.. Пстой!

– Сейчас буду... – только и донеслось из трубки прежде, чем связь оборвалась.

Вся компания, включая ничего не понимающего японца, выжидательно уставилась на главного. Сеня недовольно сжал губы, но перезванивать не стал и кинул телефон Гарику обратно.

– Сейчас Дима приедет, – он обвёл компанию нетрезвым взглядом. – Сказал, притаранит наш заказ по пушкам.

У Стёпы удивлённо взметнулись брови, голос его неожиданно прохрипел:

– Стволы?..

– Да, стволы, – Сеня задумчиво кивнул. – Два «грача» к нам летят... Только что-то странное, ведь могли бы и заранее о встрече договориться... А вот так вот у хаты отсвечивать... Короче! Гарик! Готовь бабки! А вы – он глянул на остальных – сидите и помалкивайте.

– Я кое-что про Диму слыхивал... – Паша сделал глаза большими и загадочными, его ладонь в этот момент погладила опухший живот. – Кое-кто болтал, что у него и помимо стволов интересы какие-то имеются. Лет десять назад...

– Лет десять назад, – беззлобно прервал его Сеня, – тебе самому было десять лет. Часто ли ты, Паша, судишь по слухам?..

Паша шумно вздохнул и отвернулся, демонстративно скрестил руки на груди.

– Лучше перестраховаться, чем недостраховаться! – подбодрил Гарик весело. – Сколько приготовить за «грачей»?

– По сорок пять за штуку, – ответил Сеня, мысленно считая с поднятыми к потолку глазами. – Всего девяносто кусков тащи.

Стёпа присвистнул, но под суровым взглядом патрона стусевался. Гарик ушёл в соседнюю комнату. Остальные продолжили, как ни в чём не бывало, смотреть телевизор. И, хотя через пару минут Стёпа с Пашей уже про все позабыли и глядели в голубой экран, японец держался с заметным напряжением, чуть ли не втащил голову в плечи, как черепаха. Сеня это заметил, но опять-же ни о чём азиата спрашивать не рвался. Ещё несколько месяцев назад, когда Стёпа впервые притащил этого чудного в их по лёгкому барыжущую ганжой компашку, Сеня понял, с кем имеет дело: беглецы везде похожи друг на друга. Они постоянно озираются, вечно ждут неприятностей, спят вполглаза. Нигде они не чувствуют себя, как дома, особенно если знают, что преследователь не сдастся, что он настырный и жаждет их поймать. Ну, или когда убегают от закона. Тогда всё то же самое...

Гарик вернулся и уселся на своё место. В зале повисла тишина, прерываемая лишь стрельбой и криками из телевизора. Спустя совсем немного времени снова заиграла восточная мелодия. Гарик тут же нажал на кнопку ответа и вскочил.

– Алло, Дима? Подъехал? Ага, сейчас подойду!

– Нет, погоди... – Сеня встал, на плечо Гарику легла его

тяжёлая ладонь. – Я сам пойду. Прогуляюсь, воздухом свежим подышу.

– Как хочешь... – Гарик пожал плечами, отвёл взгляд. – Но ты же сам говорил, что тебе лишний раз светиться нельзя...

Достав из кармана «котлету», он протянул её патрону и уселся обратно.

– Сделаю исключение... – холодно ответил Сеня и направился в коридор.

Накинув ветровку и прыгнув в кроссовки, Сеня вышел в подъезд и спустился по лестнице. Его пальцы сами собой сжались на деньгах в кармане. Нехорошо, кстати, что пачка толстая, набита тысячными – старыми, замусоленными бумажками. Человеку будет неудобно считать. Надо было разменять...

Просигналил магнитный замок. Железная дверь неохотно поддалась, впуская в подъезд струи свежего ночного воздуха. Сеня вышел и сразу сосредоточил взгляд на иномарке, притаившейся у торца дома: «Тойота», окна затонированы, одно стекло припущено и изнутри вьётся белая струйка дыма. Стекло опустилось до конца и в окне появилось лицо человека, которого Сеня видел лишь однажды, когда ещё только начинал дело: массивная короткостриженная голова напоминает перевёрнутый котёл. Громоздкий подбородок на вид кажется тяжелее наковальни, а таким широким лбом легко и самого настоящего горного барана забодать. Мужчину та-

кого вида можно запросто принять за самбиста и тяжелоатлета. Но за крепким внешним видом, люди судачат, таится не менее крепкий ум...

Дима щёлкнул сигарету – бычок вертушкой скрылся в кустах. Выдохнув дым, он глянул на приближающегося и кивнул ему на пассажирское сиденье. Сеня обошёл машину полукругом, открыл дверь и уселся рядом с хозяином «Тойоты».

– Привет, Сень, – Дима протянул руку – их ладони при пожатии оказались почти одинаковой носорожьей величины. – Извини, что вот так ночью выдёргиваю, но у меня кооонкретный срочняк...

– Привет, – Сеня уселся поудобнее и отрегулировал сиденье под себя. – Ну рассказывай, что за срочняк, а то я уж не знаю, что и думать...

– Да проблемы с кадрами... – Дима хмыкнул. – Так вышло, что мой человек, с которым вы имели дело, работать больше не сможет. Заменить его пока не кем, а завтра я уезжаю по делам, так что я решил, э... решить этот вопрос сегодня.

Сеня поглядел в карие, мелкие на фоне массивного лба глаза собеседника и помолчал. Устало вздохнув, он пожал плечами и произнёс:

– Ладно, дело есть дело. Ну выкладывай, чего привёз...

– А всё, что заказывали! – Дима с готовностью потянулся к бардачку. Крышка бокса упала и в руках ночного гостя

оказалась коробочка из-под женских туфель. – Две птички, как и просили!

Сеня взял коробку, по весу оказавшуюся намного тяжелее, чем если бы внутри и правда лежали туфли. Даже тяжелее, чем следовало ожидать от двух «стрижей»...

– Что-то тяжеловата... – он оценивающе покачал её на руках.

– Там внутри бонус, – Дима стрельнул взглядом в коробку, намекая её открыть. – Две обоймы с полным зарядом к каждой «птичке». Так скажем – за беспокойство.

Сеня изучил символику обувного магазина, украшающую картон. Пальцы не выдержали и сами полезли внутрь. Крышка легла под дно коробки, зашуршала обёрточная бумага. Мелькнул чёрный металлический уголок – и вот уже Сеня глядел на пистолет, заботливо упакованный ещё и в марлю, пропитавшуюся оружейной смазкой.

– Это чтобы его вытереть перед тем, как в руки взять, – Дима глядел то на оружие, то на соседа. – Слишком много заводской смазки. Приходится удалять самим. Но! Зато можешь быть уверен, что они полностью чистые, из них не стреляли ни разу, даже в тире.

– Сколько? – Сеня не отрывал взгляда от пистолета.

– Девяносто. И, кстати, в следующий раз могу сделать скидочку на патроны, если понадобятся.

Сеня кивнул и молча достал из кармана «котлету», сразу сунул её бардачок. Дима не считал, просто закрыл ма-

ленькую дверцу и протянул собеседнику ладонь со словами: «Приятно иметь с Вами дело!»

– Взаимно, – ответил Сеня с пожатием. – Только в следующий раз, если будут такие срочняки, ты уж предупреждай заранее, чтобы мысли всякие нехорошие в голову не лезли...

В этот момент на лицо Димы будто пала тень. Ответил он неожиданно мрачно:

– Надеюсь такого больше не повториться... Ну, вопрос порешали! А теперь извини, Сень, пора мне ехать другие вопросы разгруливать. Времени в обрез.

– Пфф... – Сеня лишь улыбнулся и помотал головой. – Не смею задерживать! Я и сам домой уже хочу. Стол зовёт.

– Ну давай!

– Давай!

Попрощавшись, они расстались. Сеня вылез и «Тойота» тут же зарычала и унеслась, словно гепард, устремившийся за газелью.

Зажав коробку подмышкой, Сеня неспешно побрёл к подъезду. Шурша подошвами, он вглядывался в окна квартиры, где гуляет его шайка. Последние шаги он сделал уже бодрее. Вприпрыжку забрался на крыльцо и с лёгкостью отварил громоздкую железную дверь. Спешить, конечно, не хочется, но когда несёшь такой «горячий» груз, ворон лучше не считать.

Быстро добравшись до квартиры и зайдя внутрь, Сеня поставил коробку на тумбочку и стал раздеваться. Грудь его

вздыхалась от лёгкой отдышки. Из зала вышел Гарик.

– Ну что? Взял?..

– Взял, – Сеня снял кроссы. – На вот, спрячь в секретном месте...

Гарик принял коробку и ушёл, а Сеня с ощущением полной свободы вернулся в зал и уселся на старое, самое козырное место, которое, конечно, никто не посмел занять. Степа с японцем о чём-то горячо спорят на английском. Выглядит это забавно, потому как язык они более-менее знают, но даже человеку не посвящённому понятно, насколько – в их речи то и дело слышатся «э» «ом» «аэ» и прочие сорняки. Паша как сидел, уставившись в телевизор, так и сидит. Лениво глянув на вернувшегося патрона, он отвернулся и продолжил смотреть кино.

– Так, ну что?! – Сеня громко хлопнул в ладоши и растёр их в предвкушении. – Хватит, пацаны, нам скучать! Пора девочек вызывать!

– Да ты, Сень, стихами заговорил! – Паша с улыбкой снова оглянулся на главного.

– Через часок ты тоже заговоришь! – задорно бросил ему отвлёкшийся от японца Стёпа. – Ах, как запоёшь, Пашенька!

– И застонешь! – поддакнул Гарик из-за угла. – Чё, Сень, вызываем?

Тот многозначительно улыбнулся и авторитетно кивнул. Гарик сразу достал мобильник и набрал заветный номер.

– Алло?.. – он внимательно оглядел компанию и, хотя гу-

бы его улыбались, взгляд остался не по-праздничному серьёзен. – Да, это мы... Приезжайте, мы уже готовы. Ага, я понял, понял... Конечно открою, какой вопрос?..

Веселье набирает новые обороты! Откупорились новые бутылки, насадились на вилки новые закуски. Паша уже не льёт в себя коньяк, как в бездонный колодец, но и просто так старается не сидеть. Сеня напротив опрокидывает рюмку за рюмкой, в глазах его уже пляшет муть.

– Ох, ну и сложно с этим японцем... – промямлил Стёпа хмельными губами, глаза его причудливо скосились один к другому. – Он мне все мозги уже высушил! Вот сейчас, ребята, знаете, о чём он триндит?..

С показной серьёзностью Паша заявил:

– Конечно! У меня же докторская по японской и английской лингвистике. Разве ты не знал?..

– Да я не об этом! – Стёпа пьяно отмахнулся. – Я о том, что он у нас гнать начинает. Сечёте?

В этот момент азиат обратился к Стёпе на родном языке, что заставило всех на него оглянуться. Сообразив, что говорит на японском, он повторил на английском, коряво жестикулируя и корча гримасы.

– Вот и сейчас! – Степа тяжело вздохнул и всплеснул руками. – Опять! Надоел он мне!

Сеня не выдержал:

– Да что он говорит-то?!

– Он говорит, что за ним охотятся японские бандиты. И

что они его, может быть, скоро найдут!

Паша спросил недоумённо:

– Якудзы что ли?..

– Ну, типа того... – Стёпа скривил губы и обернулся к азиату. – Are you being hunted by the Yakuza? Ох, правильно, чтоль, говорю?..

Японец сбито закивал, его движения тоже уже расшатаны алкоголем. Они обменялись со Стёпой парой фраз, после чего последний снова тяжело вздохнул и встал из-за стола.

– Всё, сами с ним разговаривайте! – возмутился он, выходя из зала. – А я устал! Ну как ребёнок! Ему вообще пить нельзя! Я покурить...

Сеня хотел Стёпу остановить и потребовать, чтобы тот выспросил у азиата всё, пока у того развязан язык... но что-то его остановило. Может, желание заняться этим на трезвую голову, а может уверенность, что когда Стёпа вернётся, их разговор продолжится и можно будет узнать что-то просто подождав.

Только Стёпа вышел, японец будто воды в рот набрал. Избегая смотреть другим в глаза, он отвернулся к телевизору, где развязывается сейчас финальная сцена между героем и антигероем.

– Слушай, Сеня, ты прав был, – произнёс Паша, не отрывая глаз от фильма. – Пойду я, пожалуй, прилягу. Что-то меня рубит. Вставать завтра рано ещё...

Гарик с улыбкой удивился:

– А как же девочки? Что, свою любимую рыжуху уже и не встретишь что ли?

– Отправьте сразу ко мне в комнату, – с твёрдым, настырным намерением Паша всё-таки поднял себя с дивана. – А я пойду, мурчать завалюсь. Пускай сама меня разбудит.

Прикрывая зевоту, он лениво двинулся в обход стола к комнате, где ждала его не запрошенная ещё с утра кровать. Гарик с Сеней проводили друга удивлённым взглядом, потом переглянулись и обменялись хитрыми ухмылками.

Вернулся Стёпа и снова сел рядом с японцем, однако тот вовсе не спешил откровенный разговор продолжать, а Стёпа и рад был его не слушать. Сеня какое-то время ждал и следил, к выпивке почти не прикасался. Может быть что-то и заставило бы азиата заговорить снова, но тут прозвенел телефонный звонок.

– Алло? – Гарик поднёс трубку к уху. – Приехали? Ага, Сейчас открою. Секунду подождите... Приехали! – произнёс он для всех, убрав телефон. – Уже в подъезде ждут. Пойду, дверь отворю...

– Иди, – Сеня охотно кивнул. – Проследи только, чтобы они в коридоре не свинячили.

– Девочки! – Стёпа вожацки улыбнулся. – Ну наконец-то, а то вечер уже начинает казаться скучным!

– Про японца не забыл, надеюсь?... – взгляд Сени стал требовательным. – Помоги ему выбрать, если он, конечно, захочет... Ты мне его не оставляй, понял?

– Да-да... – Стёпа закивал без особого воодушевления. – Конечно, Сень, как скажешь. Мы ему...

Наступила гробовая тишина. На пороге в зал остановился высокий и тяжёлый, как каменная башня, мужик. Восточное лицо отсвечивает загаром. Недельная щетина покрывает изрытые оспиной щёки. Черные короткие кудряшки взвиваются и блестят, словно невымытые, а нос смотрит набок, как у старого боксёра. В руке он угрожающе сжимает арматурный прут, перевязанный у ладони тряпкой.

– Ну что, щенки? – пробасил он, смиряя всех жутким, обещающим смерть взглядом. – Девочек захотели? Сейчас вам будет кое-что покруче!

Мужик вошёл в зал и следом за ним ворвались бандиты в кожаных и спортивных куртках, размерами и грубостью уступающих лишь первому чудовищу. Сень пьяно закрылся, когда на него обрушился страшный удар! Железо разорвало кожу и оголило мясо на руке, там показалась розовая кость! Бандиты накинулись на Стёпу, один схватил японца за шиворот и поволок, слабо вырывающегося, к выходу.

– Да вы что, суки?! – заорал Сень свирепо. – Ублюдки!

Не чувствуя в хмеле боль, он улучил момент и схватил прут, несущийся прямо на его голову. От удара пальцы всё же заныли, но Сень упёрся спиной в диван и со всей силы саданул пяткой великану между ног.

Напавший взревел, его глаза налились кровью.

– Сука! Убью!

Уже слабо соображая, Сеня схватил вилку и ткнул ею врагу в лицо, метя в глаз.

– А-а-а! – великан защитился арматурой, свободной рукой ударил Сеню по голове, от чего тот завалился на бок. Предвкушая победу, великан высоко занёс железный прут и с злобой обрушил его на голову жертвы. В страшное мгновение Сеня умер.

Японца вытолкали из зала. Двое пинают Стёпу, тот корчится на полу в уже растекающейся под ним луже крови.

– Вы чего творите, дурни?! – заорал великан и быстро, как кошка, оказался рядом с ними. – Сдурели?!

Оба «дурня» были отброшены, будто котята. Великан схватил Стёпу за грудки, но тот уже пускает пену в предсмертной агонии, закатывает глаза и корчится.

– Идиоты! – в бешенстве великан отшвырнул тело несчастного, словно скомканный бумажный лист. – Что вы натворили?! Это же переводчик! Его надо было вести вместе с япошкой!

– Да нам сказали... Ну... – пролепетал один, растирая ушибленное плечо.

– Заткнись! – взревел великан, пуча налитые кровью глаза. – Если Агаян скажет тебя порешить – я лично тебе шею сверну!

Шаркнули подошвы. Все разом оглянулись на пришедшего из соседней комнаты человека. Парень лет двадцати встал в дверном проёме в одних трусах, губы его дрожат, в вытя-

нутых руках хищно чернеет поднятый пистолет.

– Стоять, мрази! – крикнул он, истерично разевая рот. – Не двигаться!.. Кто вы?!

Великан переглянулся с дружками и сделал кивок на новенького. Оба бандита заколебались, но когда заметили нарастающую злость в глазах главаря, кинулись вперёд обгоняя друг друга.

– Стоять! – Паша не ожидал, что люди побегут прямо на оружие и начал палить, как придётся. Его босые ноги сделали несколько растерянных шагов назад.

Один бандит схватился за грудь – на его куртке ближе кшее возникла новая некрасивая дырка. Сзади, страшно сверкая глазами, его тут-же подхватил второй и спрятался за ним от пуль. Грохочут выстрелы, шум разлетается по комнатам и проникает в стены, будит соседей. Паша отходил и стрелял не целясь. Прикрывшийся дружкой бандит подступил и бросил стонущее тело на противника, опрокинул того на пол.

– Ну и кто мразь?! – заорал он, принявшись пинать побеждённого. – Кто?! А?!

– Т-т... ты! – прохрипел Паша сквозь боль в рёбрах. – Ты!!!

Пистолет в руках всё ещё придавал ему уверенности а бандита заставил остановиться в страхе и изумлении, что он совсем о нём забыл!

Выстрел! Выстрел! Выстрел!

– А-а-а... – с жалостливым стоном напавший свалился ря-

дом с умирающим кентом, его дрожащие руки зажали краснеющую на животе куртку. – А-а-а...

Паша уже хотел вскочить, когда на него пала тень – приблизился великан. Его рука сжимает покрытую кровью и волосами чёрную арматуру...

– Да пошёл ты! – выкрикнул Паша, сам не зная почему. – Пошёл отсюда!

– Нет, дружок... – великан покачал головой. – Это ты сейчас пойдёшь. К праотцам!

Арматура взмыла вверх и понеслась на голову жертвы... В кратчайший миг Паша кувыркнулся, как в детстве учили в секции самбо... и застрял в ногах у врага. По спине садануло железом! Боль заставила сжать зубы так, что Паша смог бы раскусить и грецкий орех. Великан растерялся, а когда ему во второй раз за ночь ударили в пах – от боли на его глазах выступили слёзы.

– Ах ты гнида! – завопил он и к собственному стыду услышал, что голос его звучит тонко и ломано – не дай бог кто-то из братвы сейчас услышит...

Воспользовавшись моментом, Паша протиснулся и вскочил, поковылял с подгибающимися коленями. Не думая головой, соображая в такой панике исключительно инстинктами он понёсся к окну в зале, молясь, чтобы оно открылось быстро.

– Куда?! – крикнул великан вслед и дёрнулся, но боль в паху не дала сделать и шага. – Стоять! Убью!

Занавеска запуталась, Паша безжалостно рванул её, чем только усложнил дело: на страшные мгновения она упала ему на голову и закрыла глаза!

– Давай! – зарычал он с перекошенным в страхе лицом, его руки терзали и пытались сбросить ткань в сторону. – Ну давай же!

Великан попробовал шевелиться и у него слегка получилось. Делая шаг за шагом, силой воли заставляя себя не прикрывать ладонью ушибленный пах он двинулся на Пашу со злой решимостью.

– Да ну давай же ты быстрее! – закричал Паша занавеске, будто она живая.

Полотно наконец-то спало, и хотя обычно справиться со шторой есть дело трёх секунд, сейчас это время показалось смертельно долгим. Оконная ручка повернулась на середину. От бешеного рывка рама влетела бы в комнату, если бы была не была вмонтирована в кирпич.

– Не уйдёшь! – зарычал великан, подступая. – Всё равно достану!

Паша прыгнул в окно не глядя, как прыгают в бассейн с пружинящей доски. В живот больно ударило, треснула рвущаяся ткань. Паша вытянул руки, надеясь выполнить перекат – в эту секунду он благодарил судьбу, что квартира всего лишь на первом этаже! Руки ударились о твёрдое, неудачно согнулись и в спину больно садануло. Паша обнаружил себя на холодной земле, грязной от мусора и окурков, выбрасы-

ваемых из окон. На трусах зияет огромная рваная дыра, они еле держатся и вообще не прикрывают срам.

– Лови его! – из окна над головой высунулась морда великана. Его глаза горят злобой, а изо рта летят слюни, как у лающей собаки. – Ловите его, идиоты! Скорее!

Сообразив, что поблизости могут быть чужие, Паша вскочил и дал дёру, не обращая внимания, что бежит босой, что на нём только порванные трусы и что его может сейчас кто-то видеть. Страх придал ему необыкновенной прыти.

Арсен попытался выпрыгнуть из окна следом, но быстро передумал. Зря он вообще закричал, зря поднял шума больше, чем уже поднято. Наверняка кто-нибудь из соседей уже позвонил в ментовку. Оглядевшись по сторонам, он посчитал трупы, пригляделся к каждому, не дышит ли кто тихонько, не притворяется ли мёртвым. Нет... Все холодные, даже последний, с прострелами в животе... Отбросив прут, Арсен спешно двинулся из зала. По дороге он брезгливо обошёл лужу крови. Проходя мимо стола, он прислушался, нет ли в квартире кого из своих – и стащил с тарелки кусок курятины.

Остановившись в дверях, великан оглянулся на квартиру – так просто, без умысла – и ушёл, исчез в ночи. А всего через пять минут после его ухода в опустевшую, не запертую квартиру ворвался наряд полиции. Но пять минут – это вечность в делах подобного толка.

Глава 3

В гостях у старика

Прошло несколько дней с момента, как в квартире по улице Пензенской обнаружили трупы. Сказать, что соседи были в ужасе – это ничего не сказать. С самого раннего утра весь квартал узнал, что ночью совсем рядом с ними произошла какая-то кровавая разборка. Сотрудник, отвечающий за секретность и не допуск посторонних в этот раз крупно облажался – репортёры со второго канала ловко просочились на место преступления и засняли всё ещё до того, как тела увезли. Новость взорвала местное телевидение. В масштабах страны такое суший пустяк, но для самого города – бомба! Люди ходили по Пензенской и показывали на злосчастный дом пальцем, спешили поделиться с другими услышанными и надуманными подробностями. Эта новость стала даже более интересной, чем авария на загородной трассе с участием усевшегося под кайфом за руль водителя. Но там погиб только он, а тут – целых четверо!

В полиции громко объявили о поиске преступников. Пресс-секретарь МВД по Самаре заявил, что будут предприняты самые жёсткие меры, будут задействованы самые лучшие оперативники, а самое главное – силы правопорядка во всём разберутся!

В общем, история вышла яркая... но жизнь продолжается,

а потому через два дня на слух уже встали другие события, иные происшествия. Только жильцы дома по улице Пензенской продолжили судачить о случившемся да поплёвывать через левое плечо.

Как раз в один из таких дней над Самарой снова, как и тысячи раз до этого, уступая небо луне а улицы – фонарям, садилось солнце. Темнота заставляет город светиться множеством красок: автомобильные фары, огоньки сигарет, экраны телефонов... Свет ламп накаливания смешивается с люминесценцией ионных вывесок. На одной из таких, очень крупной и заметной, написано «Ivory», а под буквами красуется настоящий бивень, срезанный у какого-то несчастного слона. Под вывеской кованая чернёная дверь, закрывающая вход в ресторан, сделанный из старого склада, построенного в Железнодорожном районе города ещё в ранние послевоенные годы. Узоры на двери рисуют фрагменты охоты, когда главным оружием людей были ещё лук и копьё. Рисунки стремятся в разные стороны, напоминая человеку с живой фантазией лучи солнца. Всё одноэтажное здание выполнено в похожем стиле: ковка и камень, минимум пластика и широкая плиточная дорожка вокруг, по которой могут, взявшись за руки, пройти трое.

Рядом с дверью дежурит мужчина в классическом костюме. У него короткие с редкой проседью волосы и худое, как у монаха-подвижника, лицо. Руки сомкнуты у живота, бдительные глаза ошупывают всякого проходящего.

Для местной публики «Ivory» уже давно место статусное, так как помимо роскоши всего, чего не коснись, тут можно заказать и самые редкие блюда – и ваше желание будет исполнено! Можно также попробовать привычную кухню и понять, насколько паршиво было всё, что вы ели раньше. Разумеется, «Ivory» собрал у себя весь цвет российских поваров. Болтают, что за некоторыми из них даже ездили в столицу, уговаривали проявить талант в этом, казалось бы, вовсе не пафосном месте. Знающие, приближённые к хозяйским делам люди могут при случае шепнуть, что даже официантов местных нет, за исключением одного молодого дарования, расторопностью и внимательностью к деталям превзошедшего, наверное, всю остальную свою городскую братию.

Но даже не всё вышеперечисленное является бриллиантом этого места. На самом деле оно не особенно прибыльное, не смотря даже на космические цены и постоянную занятость всех столиков. Особенность ему придаёт его хозяин, почитаемый среди братвы авторитет Цыган. Известный далеко за пределами Самары, более сорока лет уже любимый одними и ненавидимый другими, бессменный «банкир» и судья для всех, кому требуется вмешательство третьей стороны... и последние несколько лет держатель нейтральной территории, на которой могут встретиться любые, даже самые недружественные друг другу люди без опасения получить пулю в лоб. Цыган, а по паспорту – Цыганков Иван Андреевич.

Кто-то шептал, что Цыгану когда-то предлагали короноваться, но он отказался по причине, сейчас уже никто и не вспомнит, какой. Однако в те времена никто не посчитал отказ оскорблением.

Человек у входа бросает косые взгляды на прохожих. Время от времени он глядит на часы, кстати, «командирские» наградные, и посматривает на дорогу. Его ожидание оказалось вознаграждено: без пяти минут одиннадцать показался чёрный «Мерседес». Тихий, как тень, он подплыл, шурша колёсами. Пассажирская дверь открылась и наружу вышел мужчина в классическом полосатом костюме – тройке, которые были модны годами в восьмидесятых. Синий галстук выделяется на белой рубашке, на волевом подбородке видна ямочка. Высокий лоб говорит об уме, а зачёсанные набок волосы отсвечивают лёгкой проседью. Из-за очков зорко смотрят карие глаза, один из которых, если приглядеться, чуть скошен – это протез, хорошо замаскированный под живой глаз.

Выпрямившись, мужчина поправил галстук и двинулся ко входу, лишь на миг встретившись взглядом с охранником – тот подчёркнуто вежливо кивнул и помог отворить входную дверь. Мужчина скрылся внутри заведения, а его водитель отъехал на специальную стоянку, где и поставил машину среди таких же иномарок, не уступающих ей ни роскошью, ни красотой

Дверь за спиной закрылась и Юрий Алексеевич Кожемя-

кин, более известный в городе, как Кутуз, мазнул взглядом по сторонам. В такое время народу бывает поменьше, но сейчас не нашлось бы ни одного свободного угла. Кутуз прощупал взором всех, кто сидит к нему лицом или хотя-бы в пол-оборота: так, просто по привычке. Знакомых не нашлось.

Постояв на пороге, Кутуз пошёл дальше. На ходу он изогнул губы в приятной вежливой улыбке. Столик мимо, второй. Один из официантов ловко пронёсся мимо, мастерски обогнув клиента со спины. Охранник рядом со сценой для пения заметил важного гостя и тут же ушёл. Спустя минуту он появился в сопровождении хозяина ресторана. В чёрных штанах и белой, расстёгнутой на две пуговицы рубашке, с высоким лбом под чёлкой седых волос и седыми же усами под скрюченным старческим носом, Цыган глазами выцепил Кутуза и сделал ему пригласительный жест.

– Иван Андреевич... – Кутуз уважительно протянул руку, они обменялись рукопожатиями. – Рад вас видеть. Как ваше драгоценное здоровье?

– Спасибо, не жалею, – Цыган хитро моргнул. – Как я понял, Юра, ты здесь рассчитываешь с Агой встретиться? Я угадал?

– Всё то вы знаете, Иван Андреевич... – Кутуз моргнул не менее хитро. – Но я ведь столик только на себя заказывал, так откуда сведения?

– Птичка напела... – тон Цыгана стал менее дружелюбен. – Юра, вы же с ним вместе своими делами занимаетесь.

Могли бы и так просто увидеться... но вы решили встретиться у меня. Или кто-то из вас решил... – старик, если так вообще можно назвать Цыгана, поглядел Кутузу в глаза, и в его зрачках отразилась могила. – Ты знаешь правила, Юра. И Агаян знает. Если что...

Ни единой мимикой, ни единым жестом не выказав раздражения, Кутуз сдержанно возмутился:

– Помилуйте, Иван Андреевич... За спокойствие можете не волноваться. Да и с Агаяном мы дружим. Просто решили прийти в приличное место, поболтать о том о сём...

– А... Ну, тогда в самом деле можно не волноваться... – Цыган самую малость улыбнулся и, положив ладонь на плечо собеседника, крепко его сжал. – Ваш столик в вип-зоне. Мои люди, как ты уже понял, обо всём знают и о вас позаботятся. Отдыхай, Юра, расслабляйся. Чувствуй себя как дома!

Они снова обменялись тёплым рукопожатием, после чего Цыган ушёл. Кутуз проводил взглядом его всё ещё не согнутую годами спину, после чего прогулочным шагом двинулся к красной бархатной занавеси, отделяющей общий зал от эксклюзивного. Охрана провожала его глазами, на каждом углу вежливо кивала. Кутуз тоже кивал и улыбался, но чуть меньше, как мог бы дворянин приветствовать слуг. Не ускользнуло от него и то, что Цыган поставил людей больше, чем обычно. Неужели в самом деле думает, что может случиться заварушка? А в прочем – бережёного бог бережёт, а не бережёного конвой стережёт. Цыган просто не дожил бы

до седин, если бы не страховался.

Эксклюзивный зал ничем не отличается от общего, разве что занимает меньше места, а каждая кабинка, обставленная с вопиющей роскошью, надёжно спрятана от чужих глаз и ушей. У одной из таких охранник, здоровенный лысый тип в чёрном костюме, склонил голову и сдержанно произнёс:

– Вам сюда, Юрий Алексеевич. Прошу, проходите...

Не глядя, обратили ли вообще на него внимание, он открыл дверь и встал в почтительной позе. Кутуз молча прошёл внутрь, где неторопливо осмотрелся и выбрал место на диване за круглым столиком из стекла, где и сел лицом ко входу. Устроившись поудобнее, он впервые позволил себе шумно и несдержанной вздохнуть: теперь ему осталось только ждать.

Спустя минут десять после приезда «Мерседеса», ко входу в «Ivogy» подкатил большой и блестящий, как космический корабль, внедорожник: чёрная «Тойота» с широченными зеркальными дисками, ионными фарами и дорогушим отсвечивающим номером один ноль один. Окошко водителя опустилось и оттуда на охранника уставился амбалистый, борцовского вида мужчина в чёрной кожаной куртке и месячной щетиной на широкой, прямо таки бычьей челюсти. Впрочем, взглянул он без злости, с вялым любопытством. Да и охранник тут не из тех, кого можно смутить всего лишь страшной рожей.

Задняя дверь внедорожника открылась и на улицу вышел

мужчина лет сорока пяти, с короткой тёмной стрижкой и высоким, прямо таки профессорским лбом. Нос великоват и загнут, как у хищной птицы. Крупные карие глаза смотрят хищно. Одет приехавший в белую рубашку, выглаженные брюки и начищенные вроде бы недорогие ботинки, а в целом похож на типичного менеджера или бухгалтера, никогда не знавшего ни лопаты, ни армии. И наверняка не найти в целой России человека, чей внешний вид так мало отражает внутреннюю сущность.

– Владимир Иосифович... – охранник слегка поклонился и открыл дверь перед гостем. – Вас уже ожидают. Проходите.

Агаян чуть кивнул и вошёл в помещение.

Ресторан, как всегда, оказался полон народу, и сегодня даже больше, чем обычно. Агаян огляделся, примечая, что охранников что-то многовато. Сильно многовато. Среди клиентов мелькнуло несколько знакомых лиц, но Агаян не стал подходить и здороваться, на это сейчас жалко времени, да и люди ни того полёта...

Охранник у сцены исчез и через полминуты вернулся с хозяином заведения – Цыганом. Агаян не любит Цыгана... Но уважает. Потому он первым пошёл на встречу и первым протянул руку, ещё и улыбнулся вполне искренне.

– Иван Андреевич... Рад вас видеть.

– Здравствуй, Ага... – зорко глядя в большие карие глаза гостя, Цыган сжал протянутую ладонь. – Добро пожаловать. Наш общий знакомый уже ждёт тебя в vip-комнате. Мои лю-

ди проводят, куда нужно.

Агаян кивнул и двинулся дальше. Он, конечно, знает ресторан, бывает в нём часто, и пошёл в вип-зал не обращая внимания на бдящих по углам сторожей. У заветной кабинки лысый здоровяк сделал ему предложение остановиться и пройти внутрь. Агаян прошёл – и сходу встретился взглядом с развольно рассевшимся нога на ногу Кутузом. На миг, достаточный лишь для трёх ударов сердца, повисла тишина. Молния пронеслась между двумя цепкими взглядами.

Агаяну не нравится Кутуз – он совсем не походит на людей, с которыми Агаян любит иметь дело: слишком хитрый, слишком умный, слишком продуманный. С ним нельзя не считаться. И Агаян считается. Ему приходится.

Кутузу не нравится Агаян: этот псевдобухгалтер слишком дерзок, неуважителен, груб. И с тем настоящая беда для любого, кто не примет его всерьёз. Агаян не знает слова «нет», не боится ни смерти, ни огласки. Если бы его можно было легко и без последствий просто взять и убить, Кутуз бы без раздумий так и поступил – но хитрость этого человека больше, чем у мешка с лисами, а опасность выше, чем у стаи голодных волков.

– Агаян... – Кутуз непринуждённо встал и протянул ладонь.

– Кутуз... – Агаян ответил на приветствие.

Они обменялись сдержанным рукопожатием.

Кутуз сел обратно, а Агаяну пришлось выбирать место,

так как нужно устроиться и напротив собеседника и спиной к стене. Старые верные привычки. В конечном итоге он выбрал противоположный от Кутуза угол, для чего первому пришлось чуть сместиться, дабы тоже держать «друга» в поле зрения. Снова повисло молчание, но оно стало уже скорее проявлением сдержанности, чем неловкости. Каждый вдумчиво подбирал слова, размышлял, о чём спросить, про что умолчать. Некто сказал однажды: «Нужно подумать дважды, прежде чем не сказать ничего».

– Ну что... – Кутуз нарушил молчание первым. – Давай обсудим, зачем пришли. Есть важные вопросы, требующие немедленных решений. Первый из них – по жёлтому грузовичку, недавно пропавшему со всех наших радаров.

Жёлтым когда-то было условлено называть между собой всё, имеющее отношение к героину.

– Ты прав, – взгляд Агаяна резанул по Кутузу, как ножом. – Что ж, давай сразу к делу... Что касается твоего груза, пропавшего на моей территории, я несую полную за то ответственность... Это не я... Но я возьму тебе стоимость всех... сколько?

– Пяти.

– Пяти килограммов. Не знаю, что за идиоты надумали так глупо расстаться с жизнями, но у них будет время об этом пожалеть. Обещаю...

– Спасибо, – Кутуз кивнул и сдержанно улыбнулся. – Конечно, если выяснится, что это мой прокол и это мои люди

виноваты, я отдам тебе обратно все деньги и половину груза за беспокойство и помощь.

Агаян тоже кивнул, принимая услышанное, как само собой разумеющееся. И даже не без удовольствия, ведь теперь открывается место для какого-нибудь манёвра...

– Хорошо, – он положил локти на стол, от чего ещё больше стал похож на бухгалтера. – С грузовиком порешали. Теперь давай порешаем с Максимом. Я предлагаю его убить.

На лице Кутуза не дрогнул и мускул.

– Согласен... – он опустил взгляд и с неподдельным вздохом сожаления помотал головой. – Эх... Максим не жилец, это ясно. Думаю, он и сам это понимает.

Максимом для простоты сам себя называл человек, у которого вот уже три года Кутуз и Агаян закупают ганжу. Счёт идёт на десятки килограммов ежемесячно поставляемого качественного товара. В новостях не показали, и мало кто вообще в курсе, но совсем недавно «Максима», истинное имя которого Короглу, схватили с поличным на крупной перевозке через границу. Всё. Для него настал конец.

– Не совсем, правда, понятно, как это произошло... – Кутуз недовольно сжал губы. – Всем было проплачено, все нужные люди были на местах... Схема надёжная. Уже много лет с этими авто работаем...

– Ты имеешь в виду, что сдал кто-то из своих?.. – Агаян понимающе кивнул. – Да, это самое простое объяснение. Однако у меня есть мысль... Думаю, это наша новая знакомая

постаралась.

– Решетникова? – Кутуз с сомнением сдвинул брови. – Эта звездатая в юбке?

Решетникову Анну Павловну три месяца, как назначили новым главой отдела по контролю за оборотом наркотиков по Самаре и области. Тридцати пяти лет. Женщина с очень красивой, как сказали бы в первой половине двадцатого века, истинно арийской внешностью за краткий срок успела наговнить уже такому количеству людей, что остаётся решительно не понятным, почему её ещё не сместили. Или не убили.

– Она самая, – Агаян почесал подбородок. – Сорока вот на хвосте принесла, что Анна Павловна откуда-то узнала про всё. Именно она больше всего в этом деле ковырялась. Откуда знаю – не спрашивай, не скажу.

– Смекаю, – Кутуз натянул понимающую улыбку. – У каждого свои источники... Мой источник сообщил тоже самое, только в других словах... Но суть одна.

Снова наступило молчание: каждый задумался о своём, но мысли обоих закружили возле единого дела и нескольких фигур, связанных с ним. Агаян вдруг оскалился, со злостью вдарил кулаком по столу.

– Вот же сучка! Дрянь! Как же хочется придушить её собственными руками!

– Может, мы не достаточно предложили?.. – Кутуз сохранил самообладание, хотя с «бухгалтером» ощутил полное со-

гласие. – Может, нужно послать предложение с новой цифрой?..

– С какой именно?! – взгляд Агаяна вспыхнул негодованием. – Юра! Если мы к той сумме, что уже ей предложили, прибавим ещё хоть пару лимонов, то это мы с тобой новый рекорд поставим! Тебе хочется быть лохом? Мне нет. Да и к тому же... – он замаялся. – К тому же есть у меня ощущение, что деньгами тут не решишь. У этой дряни, чтоб её черти драли, точно есть какой-то свой интерес...

– Интерес? Хм... – Кутуз скользнул взглядом по своим вычищенным ногтям. – Ладно. Чёрт с ней... Поглядим, что будет дальше. А Максима я беру на себя. Обещаю, следующей недели он не увидит. Тебя же я попрошу заняться его людьми, которые могут вывести на нас.

– Не беспокойся. Считай, что все лишние рты уже закрыты... – губы Агаяна сжались в тонкую сухую линию. Слова его не прозвучали грубо, но сказаны были с чётким намёком не лезть всяким умникам со своими указами.

Снова повисло молчание, дающее каждому обдумать услышанное и то, что ещё предстоит сказать. Вдруг в дверь тихонько постучали.

– Да?! – спросил Агаян громко, беспокоясь, что с той стороны не расслышат.

Кутуз повернулся ко входу. Дверь приоткрылась и в комнату вошла девушка в форме официантки, на сгибе локтя она принесла большую кожаную папку.

– Добрый вечер! Не желают ли гости ознакомиться с меню и что-нибудь заказать?

Голос её пропел молодо и звонко, движения оказались полны грации. Кутуз с Агаяном переглянулись. Первый пожал плечами и произнёс:

– Будьте добры чёрный чай с клубникой. Или лимоном. С лимоном даже лучше.

Девушка кивнула и перевела внимательнейший взгляд на второго.

– И мне тоже, – ответил Агаян. Но заколебался. – Хотя нет. Принесите лучше кофе. Кофе и один маленький пирожок с творогом.

Девушка кивнула и скрылась так быстро и тихо, что можно принять её за мираж. Мужчины после её визита посидели в молчании, наконец, не выказывая особого интереса, Кутуз спросил:

– Вот ты, Ага, кофе заказал... А слышал ли ты что-нибудь про такую штуку, как кофеин?

Лицо Агаяна не изменилось: бровь не поднялась, кадык не скакнул. Взгляд остался прохладным и вообще его портрет мог бы посчитаться сейчас воплощением выдержки. Это привлекло внимание Кутуза ещё больше.

– Кофеин?.. – Агаян словно бы плохо расслышал. – Да, на улицах появился какой-то новый продукт. Его вроде бы так и называют. Я слышал, он пользуется успехом...

– Ещё каким! – в глазах Кутуза блеснула хитринка. – Про-

даётся дороже жёлтого, и, говорят, люди его потребляют всё больше! Он не вызывает уродств, его не надо колоть... Считай, целевой клиент – любой человек! Очень заманчивый товар. Нам бы с тобой прибрать его к рукам...

– Говорят, в Москве... ну ты понял, Юр. – Агаян скривил губы. – Может, он и хорош... Но разве лучше нам сейчас, когда цена на белый так взлетела, заниматься каким-то новой, пока ещё неизвестной дурью? Разве можно отвлекаться, когда рынок ганжи под угрозой? Ты помнишь, что было с «крокодилом»? Я слышал, что «кофеин» появился совсем недавно. Вполне возможно скоро мы с тобой увидим, как какого-нибудь дурачка увозят на машине с мигалкой, накрытого белой простынёй. – Агаян покряхтел, прочистил горло от хрипотцы. – Нет, Юра. Я считаю, сейчас нам нужно держаться за старое и отлаживать дело, которым мы уже владеем. А «кофеин» мы можем забрать в любой момент. В конце концов – кто главные перекупщики в городе? Мы с тобой.

– Мысль, конечно, разумная. Пожалуй, спорить с тобой я не буду... – Куруз очень, очень сдержанно кивнул. – Наверное ты даже прав... В конечном итоге хорошо все то, что идёт нам на пользу...

Куруз говорил это, а в голове его метались совсем иные мысли: на днях от стукача из агаяновских стало известно, что они нашли поставщика «кофеина» и разгромили его мелкую бандочку. А тот, вот умора, оказался простым ни к кому не привязанным барыгой! Агаяновские взяли повара и

теперь держат его на какой-то хате. «Ах ты, говнюк! – подумал Кутуз, сохраняя вежливое выражение. – Ах ты гадина! Думаешь меня обмануть?! Хочешь всё забрать себе?! Хрен тебе! Я всё это ещё к себе оберну...»

Агаян не отводил взгляда от Кутуза и тоже выдержанно улыбался. И его мысли были так же далеки от выражения на его лице, как чёрное далеко от белого. «Давай, давай. Выспрашивай! – думал он. – Прощупывай, собака одноглазая. Я уже где надо подсуетился. Поздно тебе! Сколько лет терплю тебя, шакала вонючего! Ну ничего. Теперь-то всё станет по-моему...»

В дверь снова постучали и после разрешения вошла прежняя девушка. На сгибе её локтя приплыл поднос с напитками. С этого момента настал конец серьёзным беседам. Оба особенных гостя ресторана «Ivory» как-то одновременно решили, что оставшееся время можно провести за пустой и ни к чему не обязывающей болтовнёй. Да и никому из них не было нужды следить за часами.

В этот вечер они попрощались друг с другом с тёплыми пожеланиями удачи и успеха, пообещали каждый выполнить свою часть дел, и каждый уходил с твёрдым решением: самому – возвысится, другого – уничтожить.

Глава 4

Женщина в форме.

Стройная женщина вышагивает по коридору. Её тёмная служебная форма ярко контрастирует с белыми длинными локонами, подпрыгивающими на её приподнятой груди. Ростом высокая. Кожа её персиково-белая, а губы розовые и слегка припухлые. Голубые глаза блестят, как самоцветы. Три звезды на двух красных полосах на погонах отсвечивают золотом. Стук каблуков разбегается эхом, заставляет обращать внимание каждого. Женщина идёт и сама с интересом поглядывает на сослуживцев, то и дело косящихся на неё... а иногда и прячущих взгляды.

Ещё совсем недавно, когда три месяца назад Анна пришла сюда, отношение к ней установилось, мягко говоря, не дружелюбное. Даже враждебное. Конечно, не у всех, но те, у кого что-то зависело от прошлого начальника, ожесточились не на шутку. Ещё бы: женщина, да с такой внешностью, вызвала сильное недоумение. Её предшественника, большого друга мера и некоторых других важных людей новость о смещении ошарашила, а его приятелей встревожила. И само собой про нового начальника в юбке быстро стали расходиться слухи, каким образом она должность получила... Но очень скоро многие почувствовали, возможно, впервые за свою жизнь по-настоящему ощутили, что значит оказать-

ся под каблуком. Анна не пощадила никого. Она прижала хвост всем, кто мог бы хоть что-то пискнуть против или хоть как-то ей навредить. У многих затрещал хребет, а под ногами захрустел лёд. Спустя совсем немного времени все поняли, что ситуация вовсе не похожа на анекдот. Совсем наоборот!

Капитан Аксёнов, бывший помощник старого шефа, активно пытался сопротивляться новому порядку – и вдруг застрелился... Ещё один сотрудник, написавший наверх о том, что подозревает по этому поводу нового начальника, сам оказался сослан охранять оленей на Ямал. Двух оперативников из «старой гвардии», что мирно дослуживали свой век и готовились уйти на пенсию, с треском уволили за неподчинение. Над Анной прямо-таки сгустилась туча из проклятий. Она стала ненавистна всем – и честным офицерам, и нечестным. Её красивую, но тяжёлую, как стопудовая гиря, руку у себя на шее ощутили все. Правда, никто уже не желал рисковать и высказываться против новой начальницы, тем более затевать что-то за её спиной. Анна знала, что вселяет ненависть и страх и прекрасно себя в этом ощущала. Это состояние она считала единственно правильным и всячески его укрепляла, постоянно ища повод кого-нибудь наказать.

Сейчас она направляется в свой кабинет после деловой поездки, в которой, правда, не было никакой нужды. Желает

лось просто сунуть кое куда свой нос... Подходя к двери, она обратила внимание на мужчину лет тридцати, с короткой стрижкой и крупным носом на круглом, вечно улыбающемся лице. На его погонах четыре звезды на красной полосе. И, конечно, эти хитрые глаза...

– Анна Павловна! Здравствуйте! – мужчина поклонился, в его руках сверкнула кожей рабочая папка. – А я вас жду! Есть важный вопрос, Анна Павловна...

Полевайкин Иван Владимирович давно уже стал правой рукой Решетниковой. Хотя формально заместителем её является другой человек, Иван давно уже стал тенью и хвостом новой начальницы. Где бы он ни появился, чем-бы ни занялся – все знают, чей интерес он преследует.

– Здравствуй, Ваня, здравствуй... – без особой теплоты, но и без грубости поприветствовала она. – Идём в кабинет. Подальше от лишних ушей...

Комната, ещё три месяца назад переданная новому начальнику, всё ещё хранит следы прежнего хозяина: на шкафу красуется статуэтка Петра Великого, явно привезённая из Питера. На подоконнике зеленеет папоротник, за которым хозяин внимательно ухаживал и лишь по растерянности не забрал. Всю технику, однако, Анна поменяла. Компьютер, принтер и даже электрический чайник. Даже удлинитель! Сама себе она объяснила это брезгливостью и желанием новизны.

– Ну выкладывай, – Анна уселась в кресло у компьютер-

ного стола, закинула ногу на ногу. – Что, небось, про Короглу нашего новости?..

– Да, про него, – Иван подобострастно кивнул. – Как вы и приказали, его сразу взяли в разработку и надавили так, что любое гестапо позавидует.

– И...

– И... до сих пор он не дал никаких сведений, – Иван двинул плечами, выражение лица у него стало виноватым. – Но не беспокойтесь, Анна Павловна! Я точно уверен, что он скоро не выдержит и всех сдаст!

– Не кормить, – распорядилась Анна деловито, словно ветеринар рассуждает о собаке. – Спать не давать. Если будут проблемы с адвокатами и прочим говном, возмущённых сразу пуляй ко мне.

Иван с подчёркнутой выразительностью кивнул, чем вызвал у Анны ассоциации с театральным артистом. Глядя на подчинённого, она сухо спросила:

– Что-то ещё?..

– Нет, – Иван сконфуженно почесал затылок. – Разве что... да нет, неважно. Сами...

Из кармана его донёсся звонок.

– Извините! – Иван спешно достал телефон и поглядел на экран. – Наверно, важное что-то... Это Бочкарёв с изолятора.

Анна кивнула и стала рассматривать покрашенные ногти. Хотя взгляд её обратился на маникюр, уши цепко ловили

разговор.

– Да... – Полевайкин кивнул, словно говорящий стоит с ним в одной комнате. – Да... Да ты что...

Лицо его побледнело, глаза округлились. Дыхание засбоило, лоб покрылся холодным потом. Анна скосилась на него, но сохранила подчёркнутое спокойствие. Когда Иван опустил трубку, она спросила:

– Что?..

– Этот Коруглу... его мёртвым нашли. Кто-то ему голову проломил...

– В изоляторе?! – брови женщины взлетели, как испуганные птицы. – Под охраной?!

– Ну да... – Иван пожал плечами, не зная, куда спрятать глаза.

– Ха! Занятно! – Анна хлопнула ладонью по подлокотнику и перекинула ноги. – Весьма занятно! Кто там в изоляторе старший? Кажется, Фоменко... Что ж, Фоменко – ты сам себя угробил...

Иван стоял перед рассуждающей вслух начальницей и не смел пошевелиться. В такие моменты он чувствовал острое желание прикинуться светильником или слиться со стеной, за что иногда до глубины души себя приизирал, однако поделаться с этим ничего не мог.

– Конец тебе, Фоменко... – Анна покивала сама себе. – Ну а до суда, может быть, дело и не дойдёт...

– Будут ли для меня какие-то поручения? – подал голос

Полевайкин, чувствуя бегающих по спине размером с мадагаскарских тараканов мурашки.

– Нет, – Анна помотала головой. – Если ты об этом идите, то забудь. У меня есть для тебя другое дело... Ты меня слушаешь?

– Конечно, Анна Павловна!

– Хорошо. А то что-то ты какой-то бледный... – Анна внимательно присмотрелась к переминающемуся с ноги на ногу подчинённому. – Пойдёшь сейчас к Озерову и попросишь его в мой кабинет. Мне не важно, где ты его найдёшь, но в ближайшее же время он должен стоять у меня с двумя делами: по Агаяну и по Кожемякину. Ты меня понял?

– Так точно! – Иван резво кивнул и даже чуть было не отдал честь. – Только Озеров уехал в деревню к матери, так как отпуск у него...

– Это что-то меняет?.. – взгляд Анны стал подозрительным.

– Ничего! – выпалил Иван бодро. – Постараюсь всё исполнить как можно скорее!

– Тогда вперёд! – Начальница сделала величественный жест ладонью. – К победе!

Иван снова кивнул и, сделав разворот на каблуках, устремился к выходу. Анна проводила его взглядом, а когда дверь закрылась, закинула ноги на стол и в задумчивости скрестила руки под грудью. Смерть оптовика – это пустое, хотя конечно жалко терять и такую ниточку. Предстоит сделать

ещё много, очень много важной работы. Нужно взбаламутить массу народа. Анна уже наступила на горло многим, хорошо устроившимся при старом раскладе... а придётся обидеть ещё больших! Без грязи не обойтись... Разумеется это опасно... Но! С её партнёром... С его возможностями... С его связями... Уже давным давно Анна перестала бояться кого-либо вообще. Ещё пять лет назад в Сызрани, где она служила капитаном и ловила всякую шушеру, она познакомилась с человеком, который сделал ей предложение, от которого ужасно не захотелось отказываться. С тех пор человек этот имеет всё, что можно иметь, когда в рядах полиции есть свой, а Анна получает звёзды и повышения, продвигается его силами, его деньгами и хитрыми манипуляциями, в выборе которых он не страдает брезгливостью. За короткое время из капитана сызранского отделения, шугающего хулиганов, Анна превратилась в полковника в одном из самых важных и тёплых кресел Самары. Циничные, хитрые. Люди без каких-либо нравственных терзаний – Анна и её новый знакомый ну просто идеально сошлись характерами. За пять лет плотного сотрудничества до постели, правда, дело не дошло, но Анна всегда считала, что если бы ОН захотел – она не была бы против.

Она вскочила и подошла к настенному зеркалу, достаточно большому, чтобы отразить человека в полный рост. Приблизившись, Анна пристально оглядела свою казённую форму и погоны. Ах! Скоро, когда она сделает всё, что от неё тре-

буется, вместо трёх малых звёзд там будет одна большая! Как же это будет прекрасно! Как здорово! Как будут все скрежетать зубами и завидовать! Анна с детства знала, что она создана для великого!..

...В это же время капитан Полевайкин спешно брёл к главному выходу. Сослуживцы старались не задерживаться у него на пути и вообще не подходить. Полевайкина не любили и до Решетниковой, а когда тот стал её бегунком – вообще начали презирать. Однако – что и могло бы значить для Ивана меньше одобрения его сотрудников, так это пыль под его ногами. Ещё когда был маленьким, он уяснил для себя одну простую истину: человек человеку – волк. С этим убеждением он вырос. С ним ложится спать и встаёт. Да, он ненавидим одними... но оценён другими, находящими это убеждение весьма верным.

Выйдя из здания полиции, Иван решил пройтись пешком. Да и машину он сегодня оставил дома... Отдалившись на приличное расстояние и оглядевшись – нет ли поблизости знакомых – он достал второй, никогда не показываемый при коллегах телефон и набрал номер по памяти. В трубке прозвучал спокойный мужской голос.

– Да?..

– Вы велели звонить и докладывать, как продвигается дело, – Иван продолжил шагать. Лёгкий ветерок приятно растрепал ему волосы. – Вот я и звоню. Докладываю: Анна вынюхивает на счёт Агаяна и Кутузова... Кожемякина, то есть.

– Ага... – голос сохранил ровный тон. – Хорошо... Молодец, Ваня. Продолжай в том же духе. Мне интересно всё, что она делает и все, кто вокруг неё вертятся. Мне важна любая деталь.

– Мне кажется, она подозревает меня, – голос Ивана прозвучал чуть взволнованно. – Как-то она странно со мной разговаривает...

– За это не волнуйся, – голос в трубке стал тихим, даже убаюкивающим. – Подозревать – одно, а точно знать – совсем другое... Аня работает на меня, а ты лишь мой человек для её проверки. Ты сам понимаешь, что людей проверять необходимо... С этим глупо спорить. Если Аня что и выяснит, я гарантирую, что на тебе это никак не отразится.

– Хорошо! – Полевайкин повеселел, даже дышать ему стало свободнее. – А что на счёт нашего договора?

– Всё в силе разумеется. Аня работает и ты ей энергично помогаешь. Когда дело будет сделано, она пойдёт наверх, а ты сядешь в её кресло...

Полевайкин остановился и кинул взгляд по сторонам. Постоял немного, вглядываясь в прохожих, вроде как для страховки, хотя это было сделано только лишь, чтобы унять разбежавшийся у него в голове поток волнующих мыслей. Иван не смог сдержать возбуждённую улыбку. Ведь со временем он ГАРАНТИРОВАННО станет начальником над всеми, с кем сейчас служит!..

– Ладно, на этом закончим, – решил голос категорично. –

Докладывай обо всём. Звони всегда, когда стрельнёт что-то важное. Не хворай, капитан...

Глава 5

Сызрань-Самара

Уже третий час Никита ехал на электричке «Сызрань – Самара». Мало того, что сам путь занимает два часа, так по дороге ещё и сместили «окно», из-за чего пришлось задержаться. Ноги ноют, спина болит. Безумно хочется пробежаться, подтянуться, отжаться... только бы не сидеть больше на этой проклятой лавке! Лишь пара вещей радует сейчас: это утренний рейс, что значит не придётся искать жильё ночью, да народу едет мало – тесниться, к счастью, не приходится.

Прошло уже несколько недель с тех пор, как Никита сбежал из Новосибирска. Сначала казалось, что ситуация безнадежная и его обязательно поймают. Никита ждал последнего боя, готовился продать жизнь подороже... но однако ж всё равно продолжал убегать и путать следы. Покупал ложные билеты. Оставлял фальшивые намёки. Приходилось выдерживать изнуряющий темп, проявлять огромные терпение и смекалку. Будь осторожным ВСЕГДА! Прежде, чем что-то сделать – подумать трижды, даже если кажется, что всё хорошо. Никита лавировал, как мог. Путешествовал при помощи приложений о совместных поездках, останавливался на съёмных квартирах, чьи хозяева не задавали лишних вопросов. Всегда пользовался новым именем, никогда не проводил

в одном месте дольше двух суток. И вот, спустя несколько недель такой жизни начала брать своё усталость: душа вымоталась. Начало грызть какое-то противное опустошение. Никита заметил, что начал уж слишком во всём сомневаться, стал по-глупому нервничать. В такие моменты он спрашивал себя, правильно ли поступил... и всегда отвечал себе, что после убийства отца перед ним встало только две дороги – жить и умереть, как овце, или жить и умереть, как льву. Для человека гордого – выбор без выбора.

Путь начал подходить к концу. По динамику громко объявили конечную остановку. Люди зашуршали сумками, зашаркали к выходу подошвами. Никита закинул за спину рюкзак – всё, что у него осталось – и присоединился к толпе.

Уже дней пять, начиная с Уфы, в его голове крутилась навязчивая идея: остановиться в крупном городе, сделать новые документы и исчезнуть, свалить за кордон. Это значит, что надо в незнакомом месте без всяких связей найти человека, который такие документы сделает. При этом никому не сдаст и не обманет. Найти на это деньги... А ведь запасы уже подходят к концу: всё, что за жизнь было скоплено, обратилось в наличность и к сегодняшнему дню почти истаяло. Скоро в карманах останутся лишь дырки... Нельзя и попасться на глаза кому-то, кто способен опознать особо опасного преступника, фоторобот которого крутили по всем каналам страны. А репортажи были, да ещё какие! Убийца невинных! Маньяк! Бандит с большой дороги!.. Ещё в пер-

вые дни, каждый раз, когда по телевизору всплывал сюжет про массовое убийство в Новосибире – тут журналисты иногда путались: то сообщали, что дело было в пригороде, то в коттеджном посёлке вне города – каждый раз Никита закусывал губы и до боли сжимал кулаки. Слава богу камер в доме не было, а единственная, находившаяся на улице, сняла его плохо! На фотороботе преступника если и можно было узнать, то с трудом. У Никиты также не было сомнений, что на его прошлой службе всем ясно, кто главный виновник этой кутерьмы и каков его мотив. Самостоятельное увольнение за несколько дней до случившегося, последующее исчезновение... Полиция уж точно знает, кого искать.

Электричка замедлила ход. Спустя несколько секунд неприятно скрежета она с толчком остановилась. Двери разъехались, народ хлынул наружу и побрёл в сторону переходов. Как вылез, Никита сразу бросил взгляд к голубому шпилю вокзала: на большом круглом циферблате стрелки отмерили десять минут десятого. Самарский вокзал приятен глазу. Аккуратен, красив. Его конструировали явно с любовью: никаких острых линий. Всё гладкое, обтекаемое. С отделкой цвета неба.

Пройдя по подземным переходам и добравшись до автобусной остановки, Никита задумался: пойти в закусочную и там с телефона выбрать квартиру, или купить еды и сделать то же самое в парке. Склонность к свежему воздуху и природе победила и Никита решился спросить, как добраться до

ближайшего парка.

– А тебе какой парк нужен, сынок? – поинтересовалась бабушка в расписном платке, скрывающим волосы.

– Да любой, бабуленька. Какой самый близкий?

– Ну, тебе тогда сквер Высоцкого нужен! Он на пересечении Ленинградской и Самарской находится. Вон, кстати, маршрутка идёт. Садись на неё. У контролёра спросишь, где выйти...

Никита горячо поблагодарил старушку и прыгнул в автобус. Дорога заняла совсем немного времени, и когда он сошёл, пред ним и в самом деле оказался сквер, что значит парк, только меньше, с деревьями, лавочками и дорожками и со всякими архитектурными украшениями. Купив в ларьке пиццу, Никита уселся на спрятавшуюся под раскидистой ивой скамью. Откусив кусок от пиццы, он было потянулся к телефону, но решил какое-то время просто отдохнуть. Сидение на природе в отличие от сидения в электричке не несёт негатива. На свежем воздухе вообще можно провести весь день, даже если у тебя куча дел – и только на пользу пойдёт. Да и последние несколько дней всё не удавалось хорошо выспаться. Постоянно приходилось суетиться, срывать с места... Никита откинулся на спинку и протянул расслабленно ноги.

В какой-то момент он почувствовал вблизи шевеление. Правую руку кто-то трогает, поднимает её и пытается выпутать из лямок рюкзака. Открыв глаза, Никита увидел ули-

цу, освещённую по-вечернему. Солнце, ещё только минуту назад поднимавшееся над городом, уже стремится покинуть небо. Рядом возится какой-то парень лет двадцати. В грязной одежде, в страшущих полосатых кроссовках, какие были популярны в середине нулевых. Лицо измотанное и худое, на левом виске красуется чёрная татуировка толи змеи, толи китайского дракона. Парнишка пытается высвободить рюкзак, так неудачно лежащий под рукой глупого туриста. Внезапно пальцы на этой руке сжались, разом похоронив все воровские надежды взять своё и свалить.

– Чё, рюкзак понравился? – спросил Никита подчёркнуто мирно, его глаза вонзились в незнакомца с пристальностью. – Мог бы попросить хотя-бы, а я, может быть, и отдал бы. Вдруг мне не нужен?..

Парень вылупил на очнувшегося, как мангуст на кобру. Его глаза блеснули молнией! Секунду он глядел, не решаясь шевельнуться – и вдруг замахнулся! Никита разглядел, что во вражеской руке ничего нет, а потому выставил предплечье и отвёл удар, после чего зарядил противнику прямой в челюсть. Бац! Голова парнишки запрокинулась и он повалился на спину, смешно задрав ноги. Никита поднялся со скамейки и вдруг с разочарованием заметил, что уронил пиццу на себя. Видимо, когда заснул.

– Вот же чёрт... Ходи теперь грязный, как неряха...

Не смотря на хороший удар, вор и не подумал сдаваться. Он вскочил и бросился на Никиту с кулаками!

– Эй! – Никита хватил его за грудки и, как тореадор, толкнул мимо себя – парень с маху врезался в лавочку, где неуклюже перевесился и повис на спинке, будто пьяница. – А ну успокойся! Я кому сказал?!

Видимо, до паренька доходит плохо. Или от первого удара в голове у него помутилось – он начал новую попытку встать! Никита понаблюдал, с каким трудом парнишка поднимается на ноги, как натужно сжаты его зубы, как набухли на его висках вены... Однако, можно биться на спор, злобы в глазах его почему-то нет. Никиту это даже удивило: он столько повидал за жизнь озлобленных глаз, что мог бы считаться по этому вопросу экспертом.

Парнишка метнулся в попытке ухватить противника за одежду! Никита уже знал, что сделает, чтобы окончательно сбить с наглеца спесь... однако тут перед ним встала страшная картина: на них обратили внимание и уже подбегают двое патрульных!

– Твою-то мать! – вырвалось у него отчаянное. – Только не это!

Воришка попытался ухватить «туриста» за воротник, но был ловко сбит с ног. Никита не стал вкладывать силу, лишь обозначил удар.

– Полежи тут немного, – бросил он изумлённому противнику и скопился на приближающихся полицейских. – Отдохни. А мне пора!

Никита так наддал, что ноги взвыли от усердия. Мышцы

предательски заболели, но Никита сжал зубы и побежал ещё быстрее: вдруг среди патрульных хороший бегун? А если рядом их машина с парочкой свежих ребят? Быть пойманным, пусть даже по мелочи, означает смерть. Никита не оглядывался и бежал, куда глаза глядят. Если бы это был Новосибирск... но это Самара, и он бежал, полагаясь на только удачу и глаза. Легкие нагрелись, стопы почувствовали, словно бегут по раскалённой сковородке. Вроде бы сзади не слышно топота... Может всё обошлось? Велико же было Никитино удивление, когда рядом, как стрела, пронёсся тот самый воришка, минуту назад оставленный полицейским на добычу! Он пролетел, словно ошпаренный, а выражение его лица было, точно он несётся от тигра!

– Совсем сдурел?! – Никита с трудом прервал дыхание. – Ты чего бежишь за мной?!

– Да я и не за тобой! – Парень будто оскорбился. – Ты сам бежишь! А я... Я сам!

Ответить было нечего. Никита плюнул и в следующий миг поддался искушению оглянуться – наворачивая ногами, словно колёсами, за ними бегут те самые патрульные! Мало того – они догоняют! В голове Никиты вспыхнула идея. Посмотрев в спину вырвавшегося вперёд воришки, он пристроился ему в хвост и побежал, стараясь не привлекать внимания. Если этот хулиган местный, то уж он-то точно знает, как скрыться, верно?.. Верно. Парень принялся плутать междомам. Явно не впервые в этих закоулках. Патрульные уже

почти догнали, даже стали грубо что-то кричать, чем только сбили дыхание. Вскоре они потерялись за очередным поворотом.

Парень и не думал останавливаться, всё вилял и вилял. Никита тянулся следом. Спустя ещё минут пять изматывающего спринта они остановилась в переходе между домами. Оба хрипящие, едва держащиеся на ногах. В насквозь промокшей от пота одежде. Оба настороженно глядели друг на друга и одновременно по сторонам, чтобы рвануть, если что вдруг. Никита первым отдышался и выпрямился, убрал ладони с трясущихся коленей. Воришка сосредоточил взгляд только на нём. Грудь его всё ещё ходит ходуном, он хрипит и дышит через рот.

– Неплохо ты бегаешь... – произнёс Никита нейтрально. – Поди, в школе все соревнования по бегу выигрывал?..

В глазах парня мелькнуло изумление, но он нагнал на себя серьёзности и выпрямился в полный рост. Задышал через нос и грубо спросил:

– А тебе-то что?..

– Да знаешь... Не каждый день доводится вот так побегать. – Никита улыбнулся с хитринкой. – Было весело, согласись!

Парень ответил мрачно:

– У нас явно разные представления о веселье. Если бы я попался – мне бы пришёл конец... Ладно, я вижу, ты не лох и за себя постоять умеешь. Не суди, что полез за твои-

ми шмотками, просто обстоятельства так сложились. – Он отвернулся и пошёл прочь. – Не злись на меня, я просто человек в сложной жизненной ситуации.

Несколько долгих мгновений Никита глядел в его удаляющуюся, мокрую от пота спину, и вдруг неожиданно для себя крикнул:

– Стой! Тебе же ведь деньги нужны, верно?!

Парень остановился. Оглянувшись, он скептически обронил:

– А кому они не нужны?..

– Ты прав, деньги нужны всем! – согласился Никита поспешно, сам ещё не до конца понимая мелькнувшую у него мысль. – И мне в том числе. Просто... как ты выразился, бывают обстоятельства... Мне и самому никому нельзя попасться. Я не местный, города не знаю. А ты знаешь. Ты мог бы мне помочь, а я бы тебе немного заплатил...

Парень поглядел на Никиту с подозрением. Кожа на его лбу сморщилась, губы сжались. Брови сошлись над переносицей. Взгляд выразил явное сомнение. После паузы он произнёс:

– Знаешь, друг... Какой-то ты мутный. Я у тебя хотел шмотки стырить, а ты про какую-то помощь говоришь. И что, кстати, за помощь?.. Ты странный, а я странностей не люблю.

– Наоборот! – возразил Никита горячо. – Никаких странностей! Клянусь! Не знаю, можно ли меня назвать бродягой,

но сейчас я в пути, и пока не знаю, где и как мой путь окончится. Я в розыске по громкому делу, что недавно произошло в Новосибе. Ты мог о нём слышать...

От внезапной откровенности глаза воришки стали широкими, как блюдца. Рот его открылся, как у рыбы. Он даже сделал шаг назад, будто надумал сесть на несуществующий стул. Всё-таки чувствуя некоторый нервоз от того, что раскрывается, но уже и понимая, что останавливаться поздно, Никита продолжил:

– Меня хотят поймать многие. И полиция – далеко не в первую очередь! Положение моё – пан или пропал, как говорится...

– Зачем ты мне это говоришь?! – зашептал парень свирепо, стараясь, однако, громко не голосить. – Ты что, больной?!.

– Может и больной... – Никита пожал плечами. – Сам я себя считаю вполне здоровым. Мне показалось, что с тобой можно поговорить. Ты извинился за свой поступок и объяснил, что такая твоя ситуация, хоть и не стал вдаваться в подробности. Ты хотел украсть, но ведь ты сам не вор – наверное, у тебя просто проблемы? Жизненные сложности? Со всеми бывает...

– Э-э-э... Ну-у-у...

Вор растерялся не на шутку: он глядел на Никиту, изучал его, пытался понять его мимику, раскусить хитрость, но лицо «туриста» выглядит честным, как дневник отличника.

Странно... Ох, странно... Ну неужели этот человек говорит такое?! Нет, чтобы говорить подобное, да ещё чужаку, нужно сойти с ума, или...

– Ты, наверное, думаешь, что у меня крыша поехала? – Никита понимающе улыбнулся. – Нет, не поехала. Не знаю, что там у тебя не так с законом, но думаю, что ты не серийный убийца, не маньяк и не растлитель малолетних. Это значит, что мы могли бы сработаться.

– Можешь не сомневаться! – заявил парень горячо, его лицо в мгновение побагровело. – За мной гнилья не водится!

– Так вот и я не из... этих. – Никита положил ладонь на грудь. – Я не насильник, не педофил. Я не обижал невинных и не брал ничего чужого. Я... лишь отомстил за своего отца людям, которые его убили. Я не стал терпеть – пошёл и отомстил. Теперь я в бегах и меня разыскивают... Так вот что я подумал: помощь такого человека, как ты, могла бы мне пригодиться. Я заплачу хорошо, ты не пожалеешь. Ну а деньгами ты и себе поможешь. Или я не прав?..

– Эх, мужик... – парень безнадёжно отмахнулся. – Точно ты не в себе, раз такие подробности выкладываешь! А что касается меня – тут одних денег мало будет, хоть сто миллионов возьми... Ну да не твоё это дело. Нет, не твоё... – Он помотал головой и снова повернулся к Никите спиной. Бросил через плечо: – Я ухожу. Ты меня не видел, я тебя не знаю. Разошлись, как в море корабли. Всё! Гуд бай!

Сказал и ушёл, не задерживаясь. Никита проводил его

взглядом и немного постоял в задумчивости. Тяжко вздохнув, он поглядел на свои руки – и тут, словно молния, страшная мысль поразила его! От потрясения он даже закрыл глаза и опёрся о стену, чтобы не упасть.

– Боже мой... – еле вышептал он. – О господи... только не это... Только не это! Нет! – Мысли его вспорхнули и растерялись, как стая встревоженных птиц. – Так-так-так, ага... – Никита схватился за голову. – Так, спокойно! Без паники! Ещё не всё потеряно...

Прошаркали шаги. Никита тут же принял непринуждённую позу, насколько вообще может выглядеть непринуждённым человек в мокрой, резко воняющей потом одежде. За спокойным видом он приготовился в любой момент бить или бежать – мышцы насторожились в ожидании команды. В проходе показался тот самый воришка, минуту назад так категорично распрощавшийся и ушедший. По стенам прокатилось эхо урчания из его живота: там словно бы запели киты! Пусть и с напускной жёсткостью, лицо его всё же выдавало обыкновенное любопытство. Увидав его, Никита чуть растянул губы и отпустил как-бы в шутку:

– Что, за наградой пришёл? Так за меня много не дадут...

– Ты сказал, что тебе нужна помощь. Ну, просто, типа, местного что ли?.. – Парень старался говорить на пределе безразличия. – Просто по городу пройтись? Или как?..

Никита ответил с деловым спокойствием:

– Типа того. Спросить там про всякое. Поинтересовать-

ся...

– А сколько платишь?

Повисла пауза.

– Зависит от того, как помочь сумеешь. Ну а вообще...

– Никита пожал плечами. – Если я свои проблемы с твоей помощью решу, то деньгами не обижу. В разумных пределах, конечно же...

– Так... эм... – Парень замаялся, его пальцы нервно сжались и разжались в кулаки, кадык скакнул вверх-вниз. – И каковы же эти пределы?..

– Ну... – Никита почесал затылок, ещё раз оценивающе пригляделся к парнишке, его поношенной одежде, ветхой обуви. Внимательно изучил голодное лицо. – Скажем... тысяч тридцать тебя устроит?

– Тридцать тысяч? – парень недоверчиво скривился. – За работу гида? В самом деле?..

– За важную информацию... – Никита важно поднял указательный палец. – Ты не думай, что я тебя спрашивать буду, где у вас тут Макдональдс находится. Но и ничего совсем уж особого мне не потребуется, не волнуйся. Так... указать на одного, максимум двух нужных людей. Это почти всё.

Воришка прищурился, облизал губы.

– Почти... А что ещё?

– Всего ничего, – Никита улыбнулся. – Надо будет мне где-то остановиться на пару дней. Думаю, что переночую я у тебя.

Парень медленно кивнул, опустил взгляд и прижал пальцы к губам. В этот момент подул свежий ветерок и Никита вздохнул свободнее – запах пота уж больно назойливо лезет в нос, неприятно напоминает о погоне.

– Ага... – парень покачал головой. – Ну и даёшь же ты, мужик... Откуда ты такой вылез? Мы знакомы от силы пять минут. Я попытался умыкнуть твои шмотки да вместе мы от ментов убежали, а ты общаешься со мной, словно мы друзья. Не глупо ли с твоей стороны? Не слишком ли доверчиво?..

Никита выслушал это с твёрдым спокойствием.

– Не глупо ли, спрашиваю?! – повторил парень громко. – Ты ведёшь себя наивно!

– Знаешь... – вымолвил Никита сдержано, – мой отец служил в полиции. Я тоже служил. Только он работал через документы, а я всё больше через оружие и кулаки. Хочешь верь, хочешь нет, но я могу разобраться в человеке за одну минуту. Я столько людей повидал... всяких разных. Врунов, хитрецов, хулиганов, дураков... Умных, смелых, наивных... Весёлых, грустных... Не пересчитать. Чтобы узнать человека, мне не нужно жить с ним год. Достаточно, чтобы он просто раскрыл при мне рот и что-нибудь сказал.

– И что? – парень недоверчиво вскинул брови, – Ты и меня раскусил? Что, уже всё про меня понял?

– Ну, может, не так уж чтоб и всё... – Никита покрутил неопределённо ладонью, – но кое-что могу сказать с уверенностью. И даже если ты будешь отрицать, я всё равно в своём

останусь уверен.

Парень ухмыльнулся, гордо поднял голову. Он расставил ноги шире и вызывающе выпятил грудь.

– Так и что ты обо мне скажешь?..

– Ну... ты мелкий преступник. – Никита примирительно улыбнулся, его взгляд как бы потеплел. – Не обижайся ни на первое, ни на второе, но ты явно не крупная рыба, и уж точно не честный труженик. Я не могу сказать точно, чем ты промышлял – был закладчиком, продавцом, перевозчиком... Но точно что-то из этой сферы. Воровства и грабежей ты не касался. Дальше... – Никита прищурился и ткнул пальцем в сторону воришки. – Ты уж точно не убийца. Нет, может, в качестве защиты ты мог бы кого-нибудь шлёпнуть, но специально за деньги убивать ты не станешь, да и при возможности кровопролития всегда избежишь. У тебя к тому же должны быть какие-то связи... Или нет, точнее, ты наверняка знаешь нужных людей для решения разных вопросов – с кем можно договориться, кого подмаслить и при помощи кого можно что-то проверить.

Парень слушал с напряжением и вроде бы хотел перебить, но так и не решился. Никита следил, как округлились его глаза от услышанного, как дрогнули пальцы на одном слове, как участилось дыхание на другом.

– Ну и главное, – продолжил он с уверенностью, – сейчас ты, дружище, в полной заднице! Твоя одежда либо одолжена у кого-то, либо взята с чьего-то пыльного чердака... а то и

украдена у бездомного! Ты давно не ел, хотя видно, что со сном проблем не имеешь. Ты, я думаю, прячешься, как и я, от людей, что могут схватить тебя и... навредить.

Никита смолк и упёр кулаки в бока. Этот жест мог бы показаться высокомерным, но у него получилось очень даже скромно.

– Если я где-то не прав, то ты поправь, я не против, – разрешил он.

Новый знакомый разинул рот, как громом поражённый. Хотя он и попытался изобразить спокойствие, но лицо его стало, как у ребёнка, которому показали волшебный фокус. Никита заметил себе, что совсем забыл про его возраст: молодые всегда впечатлительны, на них легко произвести эффект.

Несостоявшийся воришка сконфуженно протянул:

– Ну-у... половину этого я и сам тебе рассказал... Хотя, признаю, ты кое-что в самом деле угадал. Не совсем точно, конечно. Но близко, ага...

– Дружище! – Никита сделал шаг навстречу. – Я не могу терять время! Думаю, на счёт тебя я не ошибся, но если ты пас, то я пошёл. У меня дело горит! Меня зовут Никита. – Он подошёл к парню вплотную и протянул ладонь. – Либо называй своё имя и соглашайся, либо мы расходимся. Решай.

Парень взглянул на протянутую руку, потом перевёл взгляд на лицо такого необычного, выбивающегося за все рамки незнакомца. Сделав так несколько раз, он тяжело

вздыхнул, приложил пальцы ко лбу и, крепко зажмурившись, помассировал его.

– Если ты попытаешься меня кинуть, то сильно об этом пожалеешь... – Он снова открыл глаза. – Ты не смотри, что справился со мной. Я обид не прощаю!

Никита молчал и глядел прямо. Парень взял его ладонь и сжал даже сильнее, чем можно было бы от него ждать.

– Меня зовут Паша.

– Да-а-а... Беда не приходит одна... – прошептал Паша, выглядывая из-за угла. – Нет, им там что – мёдом намазано? Какого чёрта они там трутся?..

Никита лишь скрестил руки на груди и оперся плечом о стену дома, за которым они спрятались. Рядом, в каких-нибудь ста шагах у забора одной заброшенной деревянной избушки стоит патрульная машина, а вокруг неё пятеро мужчин в форме. И они травят анекдоты!

– Они должны улицы патрулировать, а не на месте торчать! – не унимался Паша, и вправду, по-видимому, разозлённый бездействием служивых.

– Закон подлости ещё никто не отменял... – произнёс Никита философски. – Нам вообще крупно повезло, что ты умудрился схватить рюкзак, когда драпал. Я вот не схватил... И повезло вдвойне, что менты не заметили, куда ты его кинул.

– Много ли тут везения? – Паши приподнял бровь. – Бе-

жать с рюкзаком на руках задача та ещё. Я просто, когда момент нашёл, швырнул его, куда попало! Скажи и за то спасибо: мог бы и ментам под ноги кинуть...

– Спасибо, – произнёс Никита честно. – Иначе искал бы я сейчас пятый угол...

Паша вздохнул и ещё раз выглянул за стену. Собрание служивых расходиться и не думало.

– Блин, ещё и встали именно около этого забора! Будто знают...

– Не думаю, что это засада, если ты об этом, – рассудил Никита с сомнением. – Никто не будет заниматься подобным ради парочки хулиганов...

– А что там у тебя в рюкзаке? – Паша взглянул на нового «друга» с любопытством. – Нам что, в самом деле обязательно его доставать, так рискуя оказаться в крестах?

– Оказаться в крестах?.. – Никита усмехнулся. – Что ты имеешь ввиду?

– Ну, мы же рискуем присесть... – взгляд Паши стал неуверенным, в нём застыл вопрос. – Если я загремлю хотя бы в обезьянник – всё, мне кранты...

– Знаешь, у выражения «оказаться в крестах» есть два смысла, и оба они нам ну никак не подходят. – Никита помотал головой. – Для первого мы должны покрыть себя вечной славой и увешать всю грудь «Георгиями». Для второго... эм... быть, так сказать, в авторитете...

– Много будешь знать – плохо будешь спать. – Лицо Паши

стало недовольным. – Без тебя знаю, что есть что.

– Ну, раз эрудиция тебя не интересует, то отвечу просто. – Никита стал холоден, прямо в секунду превратился в айсберг. – В рюкзаке важные вещи, которым нельзя оказаться в чужих руках: симка, блокнот с записями, всякое личное... Всё покрыто моими отпечатками. И я ещё забыл выкинуть билет на электричку за сегодняшнее число. Как понимаешь, рюкзачок – настоящий подарок для ищущего...

– Да уж, – Паша почесал затылок. – Ну ты даёшь... Так прошляпить своё барахло...

– А то не единственно моя заслуга. Мне помогли... – Никита с хитрой ухмылкой прищурился. – Но мы в любом случае должны забрать его, а потом... потом пойдём к тебе. Где ты там обитаешь?.. На улице уже ночь почти.

На улице и правда потемнело и уже скоро должны будут включиться фонари. Паша смолчал, тихо продолжил глядеть за угол и озираться по сторонам. Внезапно он радостно вышептал:

– Есть! Кажется, уходят! Наконец-то, вашу налево! Я уж думал они ночевать там останутся!

Никита подошёл к углу и выглянул: патрульная машина уехала с большей частью служивых, а двое оставшихся не торопясь сейчас шагают прочь.

– Значит так, – тон Никиты стал командным. – Мы выждем ещё пять минут, потом быстренько пойдём туда и достанем рюкзак. Вопросы есть?

– Есть конечно, – ответил Паша серьёзно. – Кто полезет за забор?

Никита замешкался, в вопросе ему послышался подвох. Но решать с ответом надо быстро.

– Вот кто рюкзак туда кинул, тот пускай и лезет, – рассудил он авторитетно. – А я прикрою в случае чего...

– Это в случае чего ты меня прикроешь?.. – удивился Паша с издёвочкой. – В случае, если на нас бабка какая орать станет, или на меня бомжи из той развалюхи кинутся?

Лицо Никиты стало серьёзней, чем у памятника Жукову.

– Если кинуться – визжи как можно громче, для меня это будет знаком. Главное, сперва рюкзак мне швырнуть не забудь...

Сказано – сделано. Они подошли к забору и Паша стрижом слетал туда-обратно. Даже понервничать не заставил.

– На сегодня приключений хватит, – Никита поглядел на часы: цифры показали без четверти десять. – Веди домой, Паша. Отдыхать будем.

«Домой» сразу не получилось. Паша наотрез отказался продолжать, пока Никита не закупился продуктами так, что ручки пакетов от тяжести режут пальцы.

– Зачем тебе столько колбасы? – поражался Никита, когда они шагали с раздутыми сумками. – И курицы мы три купили! Это много слишком! Она испортиться, пока мы до неё доберёмся!

– Не бзди, – Паша сохранил серьёзность. – Тут не всё нам. Кое-что, включая птицу, я отдам соседке – в уплату за жильё.

– Это любопытно... – протянул Никита озадаченно. – Ну ладно. Хозяин – барин...

Через десять минут, посреди района, и так бедного на небоскрёбы, вырос двухэтажный деревянный домик в виде квадратного терема. Никита с интересом взгляделся в эту хилую постройку – в детстве он жил в такой же, когда отца командировали в кой-то провинциальный городок.

– Вот мы и дома... – Паша остановился перед облезлыми дверьми. – Следуй за мной и не шуми.

Словно бы приготовившись, он двинулся шагом, полным непринуждённости, однако Никита приметил, как перед каждым углом и лестницей Паша на кратчайший миг замирает и вслушивается, как испуганный заяц. Под ногами поскрипывает, в углах колышется тенёта. Деревянные стены как и деревянный пол кричат старостью. Всё под слоем выцветшей, давно облупившейся краски. Квартирные двери тоже деревянные, лишь одна оказалась стальной. Паша поднялся на второй этаж, прошёл до конца и направо. В его руках появился ключ, похожий на маленький двусторонний топорик.

– Проходи и присаживайся на кухне. Я сейчас подойду, – сказал он, отходя с прохода. – Дай мне вот этот пакет, а этот оставь. Это нам.

Никита молча повиновался и зашёл в квартиру – насто-

ящий оплот бедности и ветхости. Обои выцветшие, мебель вековая. Нос щекочет пыль. И трубы ржавые и будто бы грязные. Чтобы не унывать, Никита решил порадоваться тому, что в доме есть водопровод и хотя-бы не придётся бегать за водой на колонку. А вот туалета с ванной не видно...

В коридоре послышался стук, скрип отворяющейся двери и шамкающий старушечий голос:

– Пашенька, здравствуй...

– Здравствуйте, Ольга Николаевна. Как ваше здоровье?.. Я вам тут гостинцев принёс. Вот, давайте занесу...

Никита не стал слушать и, разувшись, прошёл на кухню, где пылится шкаф с посудой, висит умывальник и квадратный стол под драной скатёркой чуть шатается. «Ну, опять же, лучше мусора меньше, чем больше» – подумал Никита, усаживаясь.

Долго ждать не пришлось. Через минуту Паша зашёл и с ходу забросил ветровку на вешалку. Кроссовки, правда, аккуратно поставил возле коврика у двери. Оглянувшись он произнёс:

– Чувствуй себя, как дома. Можешь ходить свободно, всё равно ничего ценного тут нет. В соседней комнате диван и кровать. На кровати сплю я. Телевизор ничего не показывает, только первый канал.

Никита кивнул и принялся за продукты. Шурша пакетом и выкладывая на стол содержимое, он обратился:

– Паш, поставь, пожалуйста, чайник.

Паша поставил, после чего разложил тарелки, достал приборы и уселся напротив гостя. После нехитрых приготовлений началась трапеза. Не увидев холодильника Никита отметил себе на будущее ничего скоропортящегося не брать. Паша ел аккуратно, хотя было здорово заметно, насколько же он голоден. Лишь медленный ритм соседа заставлял его держать себя в приличии. Никита откусывал по чуть-чуть и кидал взгляды по сторонам, а когда чайник скипел – сам подошёл и выключил газ. Когда заваривал пакетик, он спросил:

– Дай угадаю. Эта соседка – твоя школьная учительница?

Паша невольно хохотнул. Кусочек хлеба выпал у него изо рта и некрасиво шлёпнулся на пол. Покраснев, Паша глянул на Никиту с осуждением и помотал головой.

– Нет. Меня в школе учителя не любили. Это старая начальница моей мамы, ещё со времён, когда я, да, и в самом деле ходил в школу. Ещё в начальную. Она всегда ко мне хорошо относилась. А... что у тебя за интерес?

– Да так... – Никита двинул плечами. – За спрос ведь не бьют. Простое любопытство.

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, – Паша сделал лицо непроницаемо каменным, но через мгновение не выдержал, прыснул от смеха. – Шутка!.. – Тут он вдруг смутился. – Извини, Никит, нервоз нерв точит. Не обращай внимания...

Никита многозначительно кивнул и взял второй бокал.

– Тебе налить?

Паша согласился и они стали пить чай.

– Слушай, – Паша хлебнул кипятка. – Никит... эм... Такое дело...

– Ну...

– Тебе в чём помощь-то конкретно нужна? Давай разложим, как это говорят, по пунктам. Ты же понимаешь – мы друг другу не товарищи. Я тебе помогаю немножко, ты мне платишь – и всё, разбежались в разные стороны.

– Толково судишь... – Никита задумчиво кивнул. – Да, ты прав. В общем-то, почему бы вот так не взять сейчас и не обсудить всё за столом? – Он прочистил горло, его взгляд без интереса скользнул по закускам. – Мне, Паш, документы нужны. Нужно уехать из страны, свалить за бугор. Иначе рано или поздно меня выцепят и я погибну смертью храбрых.

– Смертью храбрых?.. – Паша невольно усмехнулся.

– Ну а как же? – у Никиты поднялись брови. – Живым сдаваться мне нельзя. Если достанут меня новосибирские – это смерть сто процентов. И скорее всего мучительная. Лучше уж погибнуть в бою и продать жизнь подороже. Если полиция будет захватывать – всё то же самое, только придётся отбиваться уже от ментов, а там ведь далеко-о-о не все мусора. Большой частью это всё-таки нормальные, порядочные люди. Жалко их...

Паша саркастические заметил:

– Твоими бы устами, да мёд пить... Так и что? Какие корки тебе нужны? Паспорт? Загранка? Водительские права?..

– Смекаешь, – Никита важно моргнул. – По крайней мере паспорт нужен кровь из носу, а остальное можно и потом раздобыть.

Паша взгляделся в Никиту пристально, потом наклонился и с нажимом спросил:

– Ну, допустим, знаю я одного перца, способного тебе помочь... А не боишься, что я или он тебя сдадим? Ммм?

– Ну, всякое может быть... – рассудил Никита невозмутимо. – Но ты вроде бы не похож на зайца с барабаном... Думаю, я всё же готов рискнуть.

Паша уселся обратно, продолжил жевать. Его пронзительный взгляд не переставал ощупывать нового знакомого.

– Поразительная самоуверенность... – произнёс он туманно. – Просто поразительная... Знаешь, я не причисляю себя к умникам, иначе бы я не оказался в той жопе, в которой сейчас торчу. Но даже я не думаю, что стоит быть настолько доверчивым.

– Ты что же думаешь – я доверчив? – Никита сохранил спокойствие. – Нет, Паш, вовсе нет. Просто я, как уже сказал, могу с ходу о человеке многое понять. И ошибаюсь я очень редко.

– Но ведь всего один раз можно ошибиться так, что голову снесёт! – возразил Паша даже громче, чем хотел. – Разве этого недостаточно, чтобы быть осторожней? Разве этого мало?..

– Паша! Завязывай с изумлениями! – отрезал Никита рас-

сержено. – Я уже всё решил, говорю тебе! У меня в таких делах хватает опыта. Я тебе доверяю! Всё! Остальное пусть тебе в голову не лезет...

Паша открыл рот возразить снова, но слова застряли у него в горле. Лицо его залила краска, в глазах разгорелась борьба между желанием сказать что-то острое и плюнуть на всё. Наконец он вымолвил:

– Ай, ладно! Твоё дело... Остаётся только надеется, что ты такой доверчивый только ко мне, потому что другие люди в этом городе... знаешь... им лучше спину не показывать и вообще не доверять!

Никита откусил от вафли. Сделав медленный, очень медленный глоток чая, он спросил:

– Другие люди... Ты имеешь ввиду кого-то конкретного?

Паша тяжело вздохнул, его пальцы с хрустом сжались на бокале.

– Конкретного, ага... Есть тут одна мразь... одна гадина, которой бы я с удовольствием шею свернул!..

Моргнув несколько раз, он словно бы опомнился и поднял на Никиту злые, настороженные глаза.

– Извини, Никит, но это мой вопрос, не твой. О нём я тебе ничего не скажу. Сегодня мы помогаем друг другу а завтра разойдёмся, и не стоит мне посвящать тебя в свои заботы. Тебе же будет лучше.

Никита пожал плечами и сделал новый глоток. В этот вечер они больше ни о чём важном не говорили, а чуть позже,

повозившись с постельным бельём, легли спать.

Во время завтрака Паша написал на листочке имя и адрес: Прохор Александрыч, 7-я просека 8-й проезд дом 111, и дал с указанием отправляется туда после пяти. Этот человек может свести с другим, работающим в паспортном столе. После, даже не допив чая, Паша ушёл «по делам». Не став задавать лишних вопросов, Никита остался в квартире ещё на час... но не усидел, отправился гулять по городу.

Ох, не лучшая идея! Однако ждать в четырёх стенах показалось слишком скучным. Сторонясь главных улиц Никита бродил по окраинам. Осведомившись у прохожего, где лежит эта самая 7-а просека, он поблагодарил его и побрёл в нужном направлении. На дорогу как раз уйдёт несколько часов, можно просто шагать и считать ворон, не задумываться над временем.

Пару раз Никита заходил перекусить в забегаловки, один раз устраивался в парке попить кофе и съесть мороженое. Погода выдалась такая солнечная и спокойная, что о прогулке жалеть нисколечко не пришлось. Когда время начало поджимать, Никита уже шёл по Солнечной – отсюда, по словам местных встреченных, до Седьмой просеки рукой подать. И действительно: стоило только свернуть с асфальта и город с его многоэтажками и несмолкаемым дорожным гомоном потерялся, а вокруг раскинулись дома и сады. Всё красивое, кирпичное. С высокими заборами и деревьями на-

столько раскидистыми, что веток можно коснуться, подойдя близко к ограде. Птички поют...

Позади загрохотало! Отскочив в сторону, Никита обернулся – мимо, поднимая облако тошнотворной пыли, пронёсся чёрный внедорожник. Шумно взрыкивая, он скрылся в том же направлении, куда лежит и путь к сто одиннадцатому дому. За тонированными стёклами не удалось никого разглядеть... Может, это и есть тот самый Прохор Александрович?

Подождав, пока пыль уляжется, хотя и так уже с головы до ног испачканный ею, Никита пошёл дальше. Навстречу попала женщина, ведущая за руку с ребёнком. Оба доброжелательно улыбнулись и прошли мимо. Потом встретила старенькая бабка с вязаной, раздутой от помидоров сумкой. Она тоже улыбнулась удивительно чистыми и ровными зубами. Спустя ещё минут десять наконец-то показался Десятый проезд. Никита свернул направо и пошёл по точно такой же дороге, какая привела и сюда. Если не знать, что это Самара, можно подумать, что бродишь по большой деревне, где дома застраивались не постепенно, а все разом – ровненько, по ниточке, по единому образцу. А может, так оно и было?..

Сто одиннадцатый дом выстроили поодаль от остальных участков. Он оказался ещё и отгорожен стеной пышного кустарника, почти полностью скрывающего его от соседских глаз. Там, как шутка судьбы, как раз и ждал тот самый чёрный внедорожник. Никита встал и внимательно осмотрел-

ся: машина, дом, распахнутая настежь дверь... деревья, окна, лавочка с мусорным ведёрком возле – всё подверглось анализу, запомнилось и спряталось в «особый карман» мозга. Неожиданности, как говорил один хороший сослуживец, могут стоить человеку жизни, а потому неожиданности надо ожидать и быть к ним готовым.

Из дома долетели крик и ругань. Два мужских голоса громко о чём-то препираются, накал спора возрастает. Никита решил подождать, что будет. Скрестив руки на груди, он стал наблюдать.

Спустя минуту грязнейшей брани наружу выбежали двое мужчин. Один молодой, в чёрной кожаной куртке, толстый и накачанный. Стрижка на голове короткая, а морда, как у бульдога. Второй старше первого вдвое, ему лет пот пятьдесят. В домашней майке и трениках. Худой. С тонким лицом и усами, как у Иосифа Виссарионыча.

– Пошёл вон! – крикнул старший, показывая первому пальцем. – Вон, я сказал! Алёну ты не получишь! Понял?! Всё! Катись!

– Щаз ты сам покатишься! – огрызнулся молодой яростно. – Ты чё, думаешь, если ты её отец, я тебя жалеть буду?!

Они вцепились друг в друга и оскалились, как волки. Никита немного растерялся и призадумался: прятаться поздно. Стоять, как дурак, тоже не вариант. Что же делать?..

– Простите, уважаемые! – произнёс он громко, с силой напрягая горло. – Извините за беспокойство, но в чём ваш

конфликт? Может я смог бы как-то помочь?..

Оба оглянулись на него, как на вдруг заговорившее дерево. Молодой поймал момент и рванул соперника на себя, а когда тот упал, принялся яростно его бить.

– Будет, как я сказал! Понял?! – заорал он, брызжа слюной. – Будет, как я сказал!

Худому пришлось совсем туго – вся масса и ярость бугая придавили его к земле и мешают теперь даже вздохнуть. Никита с тревогой заметил, как начали мутнеть его глаза.

– Эй, остановись! – крикнул он взволнованно. – Убьёшь ведь!

Толстяк продолжил мутузить несчастного. И даже ускорился! В глазах его сейчас не нашлось бы и капли жалости. Никита бросился на помощь. Подбежав, он приложил ладони к плечу бугая и с силой толкнул: от неожиданности тот замахал руками и неловко свалился в пыль.

– Ты чего, козёл?! Офонарел?!

– Это ты офонарел! – Никита хмуро кивнул на избитого. – Посмотри, что ты творишь! Взгляни! Он еле дышит!

Лоснящиеся жиром щёки толстяка побагровели. Он позвериному показал зубы, а в его глазах проснулось бешенство.

– А ты кто такой, а?! – слетело с его губ вместе со слюнями. – Кто ты такой, мразота?!

– Может сосед, – Никита отвёл ногу для устойчивости, – а может и просто прохожий. Какая разница?..

– Убью! – толстяк прыгнул с проворством бегемота. – Заваляю урода!

Никита ждал именно этого: он ушёл вправо и выставил подножку. Туша пронеслась мимо и выставленную ногу сдвинула. Она взвыла от боли! Толстяк не удержался и пропахал мордой грязь, как ребёнок, свалившийся с роликовых коньков.

– Смотрите-ка, какой сильный... – Никита пристально уставился на отплёвывающегося противника. Боль в несчастной ноге пульсирует, как пожарная сирена. – Смотрите-ка, какой ловкий... Тебе, дружок, лучше бы не бычить и успокоиться. Глядишь, ещё успеем зятя твоего несостоявшегося спасти...

– Да ты кем себя считаешь?! – бугай снова поднялся на ноги. – Да ты знаешь, с кем разговариваешь?!

На этот раз он не стал бежать, а медленно и угрюмо зашагал, растопырив перед собой толстые потные пальцы.

– Явно с какой-то шпаной, – Никита сжал кулаки и встал правым плечом к противнику. – Или со свиньёй, не знающей приличий.

Толстяк закричал, кинулся и попытался схватить наглеца за воротник. Никита отскочил, увернулся от страшного бокового, снова отскочил, стараясь всё же держаться к врагу поближе. Толстяк напирал и Никита пятился шаг за шагом, изворачивался, как мангуст.

– Чё, очко играет?! – бугай махал кулачищами, стараясь

задеть ловкача хотя бы случайно. – Иди сюда, ссыкло!

– Похоже, тебя всё-таки не образумить... – выдал Никита сквозь частые вздохи. – Извини, придурок, но ты сам виноват!

Толстяк замахнулся снова... но вдруг почувствовал, будто внутри него что-то хрустнуло. Грудь перестала дышать! На его потной рубашке в центре солнечного сплетения появился пыльный след от ботинка.

– Ох... буэ... – выдавил он с натугой. – Что ты за... за баба такая... Даже честно драться не можешь...

– Сейчас я тебе покажу настоящую честность! – Никита подступил к болезненно согнувшемуся противнику. – Видишь мужика, что на земле валяется?!

Толстяк вздрогнул и невольно покосился в сторону усатого... Никита замахнулся и от души саданул противника по затылку. Бац! Бугай ахнул, попытался сообразить, что же произошло... но глаза его закатились, он обмяк и растёкся холодцом у ног победителя.

– Вечно проблемы со всякими придурками... – буркнул Никита недовольно, после чего перекинул взгляд с одного валяющегося тела на другое. – Ну и кто из вас Прохор Александрыч?..

С облегчением он заметил, что грудь старшего всё-таки вздымается и опускается. Жить будет. Только быстрее скорую надо вызывать: промедли сейчас, и человека уже не спасти...

– Стоять! – рявкнул сердитый голос. – Даже не думай двигаться!

Никита закрыл глаза и тяжело вздохнул – голос раздался со стороны авто, а значит, всё это время за ними наблюдали. Подняв руки над головой, он медленно повернулся. У раскрытых дверей внедорожника стоят двое мужчин в спортивных куртках. Обоим под тридцать пять, лица серьёзные и чем-то схожие. Можно запросто принять их за братьев.

– Не шевелись! – приказал тот, чей голос уже звучал. В его руке чёрным дулом огрызнулся «Макаров». – И кричать не вздумай – сразу положу!

– Больно надо... – Никита перевёл взгляд на второго. – Сегодня уже накричались вдоволь. Хватит пока...

Лица обоих хоть и напряжены, но не выдают той смуты чувств, что охватывает человека, терзаемого стрессом. Говоривший мужик выглядит чуть старше второго, молчащего. На его макушке ещё сверкает зарождающаяся лысина.

– Ты не храбрись, не надо. – Мужик помотал головой. С Никиты не сползал его цепкий, прощупывающий взгляд. – Мы и так уже видели, какой ты хороший танцор. Оценили.

Второй упёр взгляд сначала в Никиту, потом в расплывшегося у его ног толстяка. Кожа на его лбу взбугрилась, он почесал челюсть и снова посмотрел на Никиту, но уже как-то по-новому...

– Если вы хотите что-то сказать, то говорите, – произнёс Никита спокойно, как смог. – Не можем же мы целый день

тут стоять?

– Ну, это смотря, как рассудить, – парировал первый. Пистолет в его руке всё также следил за мишенью. – Хозяин этого дома лежит сейчас без сознания. Наш приятель тоже... А больше никого здесь нет. Смекаешь, к чему веду?..

«Врёт или нет? Неужели дома у усатого никого, кроме него самого?» – подумал Никита, пока бегут секунды. «Если не врёт, то вызвать полицию некому, и этим двоим спешить и в самом деле не приходится»...

Второй несколько долгих мгновений сверлил Никиту заинтригованным взглядом, потом наклонился к уху первого и что-то прошептал.

– Ну... – первый нахмурился, его взгляд стал раздражённым. – Да чего тут разбираться? Кого?.. Хотя да, Вов, ты прав. Вызывай.

«Вова» отошёл и достал мобилу – старенькую кнопочную болванку с истёртыми клавишами. Набрав номер, он нажал на вызов и приложил телефон к уху.

– Алло! Дим, привет... – голос его стал вдруг сухим и словно бы простуженным. – Извини за беспокойство, просто у нас тут вопрос, требующий твоего внимания...

Пока второй болтал, Никита не сводил глаз с первого. Прикидывал, сможет ли прыгнуть так быстро, чтобы выхватить чужое оружие и не словить при этом пулю. Бандит будто прочёл его мысли – посмотрел ему в глаза, ухмыльнулся и помотал головой.

– Тут такое дело... – «Вова» положил ладонь себе на макушку и оглянулся на беспамятного толстяка. – У нас форсмажор случился. Петя немножко лишнего себе позволил. Помнишь, у него с дочкой Александрыча из паспортного шуры-муры были? В общем поругались они, и Петя его приложил. Тот без сознания сейчас...

Голос в трубке загремел, как гром. Звонящий смолк и вынужденно терпел ругань.

– Да мы знаем, Дим, знаем... – оправдывался он виновато. – Да, да, ага...

Никита шумно вздохнул и переменял опорную ногу. Его сторож, не сводя глаз, сделал то же самое, словно отзеркаливая пленного.

– Знаю, Дим. Мы этот вопрос решим, ты не думай, – одной рукой звонящий держал телефон, а второй жестикулировал, будто стараясь отыскать нужные слова. – Загвоздка у нас в другом. Тут один прохожий... как бы это сказать... с Петей закусился... и его положил, в общем. Нет-нет, я думаю, Петя жив, просто в отрубе сейчас... – Тут его взгляд коснулся Никиты, потом прыгнул на распростёртого в пыли бугая. – Мы вот решаем, что с ним делать. Понимаешь? Петя, конечно, не прав – тут мы спорить не будем. Но он ведь наш...

Ему опять пришлось что-то выслушивать. «Вова» даже заткнул свободное ухо и нахмурился в потуге толи расслышать, толи удержать услышанное в голове. В это время Никита с первым бандитом вызывающе пялились друг на друга.

Было это откровенно провокационно и походило на игру в гляделки.

– Ага! – «Вова» кивнул, вслушиваясь. – Ага, понял! Нет-нет, с этим всё в порядке, лишних глаз нет... Хорошо, мы уже выезжаем! – С этими словами он отключился и поднял глаза на старшего. – Короче, Вась, смотри: сейчас Петю и этого ловкача грузим к нам. Сюда вызываем карету скорой, а сами едем на Пятую просеку. Это где ещё озеро такое есть. Помнишь?

– Что-то припоминаю... – не сводя глаз с Никиты, «Вася» кивнул. – Этот там мы в тот раз с тольяттинскими встречались?..

– Ага. Дима сказал через полчаса туда подъедет, так что давай, сажай к нам этого танцора, а я попробую Петю затащить...

С этими словами Вова, внутренне готовясь волочить тяжёлое, двинулся к бесчувственному дружку.

– Ну что, болезный... – Вася взял игривую интонацию. Его залысина блеснула в лучах вечернего солнца. – Ты сам всё слышал. Давай, – он помахал пистолетом, – полезай в тачку. И руки держи на виду. Дёрнешься – пристрелю.

– Ты повторяешься, – заметил Никита с подчёркнутым спокойствием. Всеми силами он старался волнения не выдать. – А что, на месте порешать этот вопрос никак нельзя?

– Ха! – Вася улыбнулся, обнажил зубы. – А ты мне нравишься! Вов, ты слышал?

– Слы...шал... – выдавил Вова через силу, его лицо уже побагровело от натуги волочить тяжеленую тушу. – Ты вот что, друг – не выкаблучивайся. Делай, что говорят. Может, и целым уйдёшь...

Никита продолжил:

– Может, даже на своих двоих?..

– В точку, – Вася ещё раз помахал пистолетом. – Давай полезай. Не доводи до греха.

Никита подавленно опустил голову. В этот момент его ноги будто бы вмёрзли в землю и сдвинуться стало не легче, чем поднять на своей спине быка. Поедешь – подставишься, не поедешь – этот гад навряд ли промахнётся...

Сделав ещё один глубокий, шумный вздох, Никита направился к машине.

– Ох, ну и тяжёлый же! – Вова натужно тягал толстяка за руки. – Откормил ряху, боров!

Его лоб взмок, ветровка в подмышках потемнела. Никита шёл медленно и как бы невзначай предложил:

– Тяжело что ли? Давай помогу...

– Спасибо, – Вова сделал ещё один трудный шаг. – Только дураков в другом месте поищи.

– Бог в помощь... – Никита пожал плечами и с обозначенной неторопливостью влез на заднее сиденье.

– Вот молодец! – Вася с ухмылкой покачал головой. – Веди себя и дальше хорошо!

Сам он садится не спешил. Не сводя оружия с пленника,

он достал телефон – тоже старый и потёртый, только раскладной. С актёрским волнением он произнёс:

– Алло, скорая?.. Приезжайте, пожалуйста, к нам! У нас тут драка произошла. Человека побили!

Никита слушал, как изъясняется его пленитель и в душе ухмыльнулся, настолько правдоподобно тот изобразил невинного, прямо овечку, заставшую криминал. Зверски корча рожу, Вова дотянул беспамятного бугая до машины и чуть не свалился у самой двери – еле удержался, схватившись за ручку. Толстяк выпал из его рук.

– Нет, один я не смогу... – выдавил он с хрипом, словно десять сигар подряд выкурил. – Давай, Вась, помогай. Этот мешок слишком тяжёлый!

– Только шелохнись... – пригрозил Вася жестоко. – Ну ты понял...

Задержав взгляд на пленнике на несколько долгих секунд, он подошёл к раскрасневшемуся Вова и они вместе, кряхтя и чуть ли не пукая, потянули толстяка за руки, постарались уложить его затылком на сиденье. Вова кусал губы, его глаза выпучились, как у рака. Желваки Васи вздулись, на шее вспучились вены, а вески надулись, как сытые удавы. Никита глядел на них с искренним сожалением. Не забыл он и высматривать пути к бегству... однако Вася, пусть и занятый, оставался бдителен. Его движения говорили, что он настроен и готов стрелять в любой момент.

С грехом пополам, с матами, но они всё же усадили тол-

стяка на переднее сиденье, после чего с громким облегчением вздохнули.

– Ну наконец-то! – Вова нагнулся, упёрся ладонями в колени. – Пипец! Какой же он тяжёлый!

– Надо будет нашему Петюне абонемент в тренажёрку купить... – Вася хохотнул сквозь отдышку. – Безлимитный!

– Он и так уже куда-то ходит, – прохрипел Вова между вздохами. – Забыл, как это место называется...

Петя, словно расслышав что-то о себе, дёрнулся, всхрапнул... однако его голова вновь безвольно упала на грудь.

– Ладно. Хватит тут торчать. – Вася глянул на Никиту. Его зрачки в этот момент будто бы сузились, как у змеи. – Пора в дорогу! Вов, давай за руль. А я покатаюсь вместе с нашим клиентом.

Никита подвинулся, когда к нему резво и бесцеремонно подсели – в нос ударил крепкий запах пота. Вася уселся поудобнее, пистолет в его правой руке лёг на колено, однако кисть в любую секунду может повернуться, а палец нажать спуск. Пытаться отобрать оружие слишком рискованно...

Вова отряхнулся и медленно, с отдышкой, уселся на водительское сиденье. Никита кинул взгляд на его шею, отгороженную лишь изголовьем кресла. В этот момент он пожалел, что в руках у него нет чего-нибудь хоть сколько-то острого.

– Скорая-то скоро приедет? – Вова обернулся. – А то Александрыч ведь и покончатся может...

Вася взглянул на валяющееся у дома тело – усач лежит,

не шелохнётся. Видно только, как тихонечко вздымается и опускается его грудь.

– Ну, сказали, вроде приедут... – ответил он скомкано. – В любом случае мы-то что можем сделать? Нам светиться нельзя. Неудобные вопросы начнут задавать, сам знаешь.

– Да знаю... – Вова включил зажигание. – Ну, значит, судьба такая. Поехали!

Внедорожник взревел, пассажиры дрогнули от перепада: вот они стояли, а вот уже мчатся, накручивая километры. Петя чуть не свалился, но Вова придержал его локтём. Никиту вдавило в сиденье, шея заныла в потуге удержать голову. Улица за окнами понеслась, как на ускоренной перемотке.

Вова рулит мастерски! Уверенно жмёт на газ и не сбавляет на поворотах. У Никиты замирало сердце, когда они проехали мимо каких-то людей – на волосок от того, чтобы сбить их. Вася сидит спокойно, только постоянно косится на пленника. Петя клюёт носом. Ему, должно быть, потребуется ещё час минимум, чтобы в себя прийти.

– Вован, давай-ка сбавь чутька... – предостерёг Вася, когда выехали в город. – Внимание лишнее привлекаем...

– Ну как скажите, – Вова и в самом деле скорость сбавил, хотя Никита подумал, что он всё равно продолжит гнать. – Но нам опаздывать никак нельзя, ты знаешь.

Дальше ехали уже спокойней, почти не нарушая правил. Никита узнал улицу, по которой шёл час назад... и тут же у него родилась мысль открыть дверь и прямо на ходу вы-

прыгнуть!.. Но, конечно, этот трюк работал только раньше, когда не было хитрых дверных блокировок. От разочарования Никита тихонько вздохнул.

Машина пробежала по Солнечной, потом на перекрёстке свернула на узкую, побитую временем колею. За окном пробежал отшиб: длинные заборы, огораживающие то-ли заводы, толи их мёртвые руины, да бесконечный кустарник, разросшийся ну просто везде. И даже уже подступивший к дороге! Вася поглядывает то на Никиту, то в окно. Его глаза щурятся и что-то высматривают. Через минут пять езды по кочкам он приподнялся и произнёс:

– Вова, вон там! Туда заворачивай!

В кустарнике открылся проезд – прямо таки секретный, не заметный со стороны туннель среди веток и листьев, куда убегает кривая дорожка. Вова лихо выкрутил руль. Автомобиль брызнул камешками из под колёс и нырнул в листву. Ветки скрыли машину от солнца. Темень, правда, длилась недолго – скоро показалась открытая поляна, окружённая стеной молодых деревьев. От резкого торможения все, как один, клюнули носом.

– Давай, дружок, шевелись.

Вася вылез первым и помахал пленнику пистолетом. Подчиняясь, Никита нехотя выбрался наружу и сразу прикрыл глаза от таких злых после мрака машины лучей. Края поляны уже в вечерней тени, однако в середине всё ещё светло, как днём. Последним вышел Вова. Трогать беспмятного

толстяка он не стал, лишь подошёл к Васе и встал с ним рядом. Взгляд его скользнул по Никите, и в нём не возможно было бы прочесть что-то уверенно.

– Ну что, посопим немного? – он развернулся и сделал пару шагов в сторону. – Дима скоро должен приехать, так что время мы особо не потеряем...

Вася глянул на него и хмыкнул, после снова сосредоточился на пленнике. Стараясь глядеть сразу на обоих Никита спросил:

– А вот скажите, ребят... Вы, должно быть, братья? Готов спорить, что это так.

– И сколько готов на спор поставить? – Вася тонко улыбнулся. – Вернее спросить – сколько ты можешь себе позволить?..

– Это весьма интересный вопрос... – Никита пожал плечами и сделал вид, будто размышляет. – А сколько у меня есть?..

Вова шагал-шагал и вдруг остановился, устремил взгляд вниз, словно наткнулся там на золотую монету. Не отрывая глаз от земли он буркнул:

– Не храбрись, парень. У тебя есть пока что только твоя жизнь, а через десять минут и её может не стать. Не надо, не воображай. Избавь нас от лишней головной боли.

Никита пожал плечами и потянулся растереть глаза. С блаженным чувством он так и сделал, в очередной раз отметив, что дуло вражеского пистолета следит за ним неусыпно.

Спустя минут пять ожиданий Никита почувствовал, как обстановка не просто давит на него, а уже буквально держит за горло. Он всегда терпеть не мог потери времени, а уж по чужой воле... Кто там этот Дима?.. Что он решит?.. На самом деле это даже не важно – разве волк отпустит овцу?.. Нужно выкручиваться любой ценой. Любой! Наверное, придётся даже рисковать попасть под пулю – всё равно и так и сяк конец, так лучше отважиться...

В зарослях мелькнул силуэт. Через мгновение на поляну выплыла сверкающая чистотой «Тойота». Машина блистает так, будто с неё только что смыли мыльную пену. Вова, как её увидел, сразу подобрался, словно лейтенант, встречающий генерала. Подойдя к Васе, он встал с ним плечом к плечу. Вася же застыл, как статуя, с согнутой у пояса рукой с пистолетом. Кольнув Никиту взглядом острее шила, он прошептал:

– Если что-то задумал, то брось. Жди, как решится твоя судьба и выкабениваться не вздумай. – Он помотал головой. – Иначе – смерть...

«Тойота» затихла и из неё выбрался не человек, а, наверное, ожившая статуя какого-то знаменитого борца. Ростом выше Никиты на голову. Одет в новенький спортивный костюм и явно дорогие спортивные же кеды. Лоб широкий, стрижка по-армейски короткая. Глаза с прищуром, как у охотника, отслеживающего добычу. Никита сходу оценил его длинные сильные руки, прямую осанку, властную манеру

держаться, волевые жесты и строгую, но в тоже время и как-то неуловимо хитрую мимику.

– Ну, здоровы будьте, пацаны... – мужчина неспешно приблизился и остановился. – Нельзя вас, блин, на один день одних оставить... – Он говорил, пока не обращая внимания на пленника. – Давайте, рассказывайте, что да как...

Вова переглянулся с Васей, а тот скользнул взглядом по заметно напрягшемуся Никите.

– Да вот, понимаешь, история тут такая приключилась... – он облизал пересохшие губы. – Эм... конфуз некоторый случился. Мы подумали, надо тебя спросить, как решить. – Вася кивнул на тело в машине. – Короче: тут Петя хотел вопрос с Александрычем разрулить, ну и...

– Ну и разрулил, – подхватил Вова. При этом он скрестил руки на груди. – Дорулился до того, что ухайдакал его. Я уже рассказывал по телефону. Скорую мы туда вызвали. Надо надеется, что она уже приехала. Если нет, то, думаю, Александрыч уже не жилец.

– Петя, говоришь... – Дима перевёл задумчивый взгляд на Никиту. – А этот человек – что с ним?..

– А он мимо проходил, – продолжил Вася мирно, и Никита с удивлением отметил в его голосе лёгкость и простоту, какой не бывает, когда обвиняешь. – Вмешался в драку, за Александрыча заступился...

– Петя попытался и его уломать, но у него ничего не вышло, – снова подхватил Вова. – Отделал этот орлик нашего

Петю так, что тот до сих пор сны смотрит. Вон. Лежит, даже не шевелиться...

Дима, пока своих слушал, смотрел на Никиту и вглядывался в него, словно рентгеном просвечивал. Кожа на его широком лбу сморщилась, брови съехались над переносицей, а губы сжались так плотно, что и иголку не просунешь... Внезапно он подошёл к Никите вплотную, случайно или нет перегородив Васе линию выстрела.

– Ну а ты?.. Сам-то про себя что скажешь?..

Никита подавил улыбку: психологический трюк с внезапным приближением во время допроса он знает. Сам, бывало, применял. Набрал побольше воздуха, чтобы голос не дрогнул, он ответил, глядя великану прямо в глаза:

– Да мне и добавить нечего. Я сам к Прохору Александровичу по делам шёл. Смотрю – драка... Этот самый Петя побил его, и, как я увидел, повредил ему голову. Человека надо было срочно спасти, но Петя этот ваш и слушать меня не стал. Всё только усугублял и усугублял. Обзывался, начал кулаками махать. Пришлось его успокоить.

Никита говорил, а Дима смотрел на него, как коршун на кролика, изучал. Однако, когда тот фразу окончил, с изумлением приподнял бровь и вгляделся в пленника уже по-новому, с юморным прищуром.

– Пришлось успокоить?.. – удивился он задорно. – Забавно... Петя сам кого хочешь успокоит...

– Спросите его сами, – Никита кивнул на беспмятного

толстяка. – Я думаю, если его немного потрепать, то он очнётся.

Несколько долгих секунд Дима сверлил пленника пристальным взглядом, потом шагнул мимо и открыл дверь внедорожника. Рука толстяка тут же вывалилась наружу а сам он неразборчиво забурчал, словно с кем-то во сне разговаривает.

– Эй... – Дима легонько похлопал бугая по щеке, – Петя... Петя, вставай... – ноль внимания. – Петя, поднимайся!

Слабые пощёчины тоже не подействовали. Тогда Дима отвесил несколько настолько звонких оплеух, будто хлопал в ладоши. Щеки толстяка запылали, от ударов на них остались белые следы. Петя продрал глаза и заморгал, словно ему фонариком светят в лицо.

– Ой... Что произошло? – Медленно, очень медленно он пришёл в себя. – Что?.. Дима?.. А ты почему здесь?..

– Да так, мимо проходил... – Губы Димы потеряли улыбку, а взгляд – всякое добродушие. – Давай-ка ты Петь расскажешь мне сейчас, что ты сегодня делал у Прохора Александровича. Ну?..

Петя снова заморгал, потом огляделся, узнал друзей... И тут с шоком удивился Никите, смотрящему на него с оскорбительным презрением.

– А что тут делает этот гад?! – толстяк уставился на Диму с недоумением. – Дима! Что он тут делает?!

– Приехал тебя поддержать, – пошутил тот и без крохот-

нейшего намёка на юмор. – Не отвлекайся. Рассказывай, что у Александрыча было. Говори!

– Да что тут рассказывать?! Ох!.. – Толстяк со скривившейся физиономией ухватился за грудь. – Чёрт! Болит-то как... А, на счёт Александрыча... Да пришёл я к нему разобраться. Ты же знаешь, что я за его дочкой ухаживаю. А он, паскуда упрямая, её специально в другой горд отправил. К родственникам!

– Дальше... – Дима отступил на шаг и скрестил руки.

– Ну а дальше слово за слово... Сам понимаешь, как бывает. – Петя махнул рукой и отвернулся, увёл глаза. – Этот пердун выражений вообще не выбирает! И не уважает никого...

– Понятно... – Дима кивнул. Его взгляд упал под ноги, поискал там чего-то, а потом поднялся на Никиту. Качнув Пете головой на пленного, великан спросил: – А с ним что?..

От возбуждения толстяк чуть ли ни слюной забрызгал и вроде как даже сделал попытку встать!

– А этот баклан мимо пролетал! Вмешался в чужой вопрос! Руки начал распускать! Ему за такое шею надо свернуть!..

Никита старался держаться спокойно: кто в жизни не слышал оскорблений?.. Но так захотелось ему сейчас зарядить грубияну по наглой красной роже, что сдерживаться стало мучительно сложно. Словно заядлому наркоману от дозы, лежащей прямо у него в ладони!

– Я-я-я-сно... – Дима раздумчиво потёр челюсть и чуть кивнул. – Теперь всё ясно. Тут и думать не о чём...

Вова с Васей переглянулись. Никита поймал на себе злобный, торжествующий взгляд толстяка.

– Ну что, Петя... Выходи. – Дима отошёл на шаг и сделал жест, приглашая. – Давай, вылезь. Нечего тебе в машине делать.

Пётр непонимающе заморгал и поднял ладони, отказываясь:

– Извини, Дим, у меня грудак что-то болит...

Выходи-выходи! – Тон Димы будто бы стал веселей, но в нём отчётливо зазвенели стальные нотки. – Не ленись! На свежем воздухе раны скорее затягиваются.

В глазах толстяка заиграло сомнение, но он не посмел послушаться и вылез, сразу приняв двоякую позу: гордо расправил плечи и выпятил грудь, но в тоже время и в ожидании того, чего сам не знает.

– Значит, ты настучал по голове Александрычу, – Дима сделал шаг вперёд, между ним и толстяком осталось не больше метра, – нужному нам человеку. Теперь он может умереть, или сболтнуть в бреду в больнице чего лишнего...

Глаза у толстяка стали большими и невинными, как у ослика:

– Диман! Да я не...

– Заткнись! – Дима рывкнул так громко и побагровел так стремительно, что стал похож на демона. – Закрой свой

рот! – Он оглянулся на опешивших Вову с Васей и гаркнул на них: – Вы тоже хороши! Всё при вас происходило, а вы даже не шевельнулись!

У Вовы двинулась губа, словно он хотел что-то возразить, но Вася стиснул его плечо и они и дальше слушали молча. Дима подошёл к Пете вплотную и между ними резко обозначилась разница в росте – Дима оказался выше.

– Ну а потом, значит, ты кинулся на прохожего – и тебя же и поколотили... – Он поднял ладонь и стал загибать пальцы. – Навредил Прохору Александровичу. Засветился перед посторонним. Напал на него и сам был побит...

– Да чего ты ко мне приелся?! – Пётр покраснел, щёки у него затряслись. – Я ни в чём не в...

Шлепок! Никита поразился, насколько быстро Дима отвесил виновному пощёчину: его рука мелькнула размытой линией.

– Эй! – Пётр закрылся ладонью и повернулся к Диме плечом. – За что?!

Ещё шлепок! Ещё! Дима начал бить толстяка уже без спешки. Теперь он делал это прямо-таки кисельно медленно, с подчёркнутым жестом занося руку для каждого удара. Бугай пытался закрыться, но жестокий взгляд главного заставил его смириться и покорно терпеть удары.

– Избил Прохора! – Дима словно бы выдвигал обвинение на каждом ударе. – Спалился перед посторонним! Напал на него! Был побит!

Шлёп! Шлёп! Шлёп! Шлёп!

Лицо толстяка полыхает, как китайский фонарь. Он жмурится, вытягивает руки по швам, сжимает пальцы в кулаки и изредка рискует приоткрыть один глаз.

– Ты дурак, Петя! – Дима остановился. Уронивши голову толстяк перед ним молчал. – Из-за тебя мы все можем попасть под удар! Ты должен ответить за свой проступок...

Сказав это, Дима развернулся и от толстяка отошёл. Вова с Васей следили за ним с затаённым дыханием, даже про пленника забыли. Пистолет в руке Васи опустился, его взгляд стал слеп к тому, что твориться сбоку... Поняв момент, Никита взволнованно вздохнул и быстро закрутил глазами яблоками, ища путь к бегству. Если рвануть сейчас, то может повезти. Неизвестно, есть ли ствол у Димы и у Вовы, но от Васи можно спрятаться за машиной, а от неё сигай в кусты и при, как кабан, напрямки. А там будь, что будет!..

– Вот тебе, Петя, два условия... – Взгляд Димы уколол толстяка, как кинжалом. – Первое: если Александрыч отдаст богу душу, то вместе с ним отдаёшь её и ты. Понял?

Лицо толстяка из красного стало бледным, словно он уже стал мертвецом. Плечи его задрожали, как на ледяном северном ветру.

– Хочешь, с моста прыгнешь, хочешь, под поезд сунешься. Мне плевать. – Голос Димы резал, как ножом. – Умирает Прохор – умираешь ты. И второе. – Он кивнул на Ники-

ту. – Сейчас ты извинишься перед нашим гостем. Извинишься вежливо, со всем почтением.

Лицо Петра, обескровленное и подавленное, снова побагровело, как помидор. Вид его стал, как у побитой собаки, но взгляд, как у змеи, которой наступили на хвост. В сердцах он возопил:

– Почему я должен извиняться перед кем-то посторонним?! Перед каким-то бродягой?! Я человек! А он?..

Вася с Вовой на этих словах застыли так, что непонятно – дышат ли вообще? Дима не смутился, лишь оглянулся на Никиту и спросил:

– Парень! Ты кто?

– Человек, – ответил Никита сразу, будто ждал именно этого вопроса.

– Вот видишь, – Дима снова перевёл взгляд на толстяка, – один человек извиниться за своё поведение перед другим человеком. Ничего огорчительного тут нет. Давай, Петь... – голос Димы ожёг ну просто космическим холодом. – Извиняйся...

Толстяка словно судорогой разбило. Крылья его носа затрепетали, он стиснул зубы и сжал кулаки. Грудь его широко раздулась. На глазах вздулись уродливые капилляры, сделав их похожими на куски сырого мяса. На него стало жалко смотреть. Прошло какое-то время, но ни он, ни Дима не шелохнулись. Никите мучительно захотелось прервать это представление и исчезнуть уже прочь с чужих глаз. Он на-

брал уже воздуха сказать, что обойдётся без извинений, когда Пётр произнёс:

– Извините меня... Я был не прав...

Прозвучало это настолько лживо, что не поверил бы и ребёнок. Дима гаркнул, будто ударил толстяка плёткой:

– Ты не перед нами извиняйся, а перед парнем этим! И на него смотри, а не ботинки свои разглядывай!

Пётр сглотнул, закрыл глаза. Даже слепой бы увидел, какие титанические усилия он прилагает, чтобы себя заставить.

– Извини меня... – Его взгляд впился в Никиту с обещанием убить. – Пожалуйста, прости...

Повисла тишина. Дима глядел на Петра ещё пару мгновений, после чего перевёл взгляд на Никиту и уже спокойно, даже дружелюбно спросил:

– Ну что, парень? Простишь его? – Губы великана добродушно изогнулись. – Он ведь у нас не злой. Так только, бывает, попутает иногда... Ну, что скажешь?

– Да какие вопросы? – Никита двинул плечами и картинно развёл руки. – Если человек извиняется, то другому надо его простить...

– Вот видишь! – Дима снова посмотрел на толстяка, вид которого напоминает сейчас распустившего хвост павлина, которого бросили в грязь и оплевали. – Ничего сложного!

Тут он повернул голову к Вове с Васей, прилежно ждущим развязки.

– Так, орлы! Берёте сейчас Петю и едите все вместе на Ново-Садовую триста двадцать пять А. Как прибудете, позвоните. Я сообщу, чего вам там нужно делать.

Вася с Вовой опомнились и точно по волшебству потеряли к Никите всякий интерес. Вова прыгнул за руль, Вася подошёл к Пете, прошептал ему что-то на ухо и похлопал по спине, после чего они влезли на заднее сиденье и внедорожник с рёвом унёсся прочь. Дима сунул руки в карманы спортивной и проводил их пристальным взглядом. Никита старался выглядеть бесстрастно. Забавно всё получилось... Может, удастся даже попросить этого самого Диму подбросить до Паши?.. Но эту мысль Никита сразу отмёл – слишком она рискованная.

– Ну, чего стоишь? – Дима оглянулся. – Давай подброшу! Куда тебе надо?..

Никита замаялся, сразу не сообразил, как ответить, а Дима подошёл, простецки хлопнул его по плечу и сказал:

– Садись ко мне! Докину тебя, куда попросишь.

Пришлось сесть. В машине оказалось прохладно: вовсю работает кондиционер. Дима завёл мотор и мастерски, даже лучше Вовы развернулся на месте. Минута ловкого виляния меж кустов – и поляна осталась позади.

– Ну, чего молчишь? – Дима глядел на дорогу. – Куда тебе? Давай говори, а то я по своим делам спешу. Тебя могу по пути высадить.

Никита припомнил место, мимо которого проходил в на-

чале дня.

– Есть Успенская церковь в парке Дружбы... Можете меня туда подвезти?

Дима ответил задорно, словно общается со старым другом:

– Да не вопрос! Хотя мы там можем и в пробку попасть... Если что, я тебя на Советской высажу.

– Хорошо... – Никита кивнул и пристегнул ремень. Дима, и когда только успел, оказался уже пристёгнут.

По отшибу проехали молча. Часто объезжали ухабы и ямы, а когда выбрались в город – понеслись мимо многоэтажек. Тут Дима как бы невзначай произнёс:

– Если ты умный парень – как тебя, кстати, зовут? – то ты сделаешь вид, что сегодня ничего особенного не произошло. Догоняешь?..

– Догоняю... – Никита смотрел прямо перед собой а лицо держал, словно играет в Покер. – А зовут меня Никита.

– Никита? – переспросил Дима с улыбкой. – Хорошее имя. Его звали Никита! Ха-ха!.. – Он беззлобно рассмеялся и Никита улыбнулся тоже, из вежливости. – Слушай, Никит... А что это ты в том районе делал, а?.. – Дима скользнул по пассажиру липким и холодным, как щупальце осьминога, взглядом.

Никита ждал этого вопроса и ответил заготовлено:

– Да гулял просто. Долго дома сидел, решил вот выйти, ноги размять.

– Ой не ври... – Дима помотал головой. – Далеко больно гулять тебе пришлось, от парка-то Дружбы...

– А я и не говорил, что у парка живу, – Никита пожал плечами. – У меня там всего лишь дело.

– Да?.. Как интересно! – Дима лихо вырулил и обогнал наглую «Ладу», вырвавшуюся вперёд, но не способную удержать первенство. – А если тебя спросить, где ты живёшь – ты скажешь?..

– Нет, – ответил Никита и не пытаясь схитрить. – От этого зависит, как вы понимаете, моя безопасность, так что извините.

– Давай на ты! – Дима вдавил педаль газа и обоих утопило в креслах. «Тойота» рванула вперёд, как дикая кошка. – Я-то, в принципе, не против, ты мне отвечать не должен. Просто... с нашей стороны был косяк. Петя повёл себя глупо и будет правильно решить ситуацию к общей пользе... – На мгновение Дима повернулся к пассажиру, его глаза лукаво блеснули. – Знаешь, Никит, на местного ты не похож, так что я тебе разъясню: к Александрычу ходят или сделать документы, или пристроить своих сынков в какое-нибудь пафосное воинское училище. На молодого папашу ты не очень похож, так что одно из двух...

Никита поглядел на руки, перевёл взгляд на обувь, мазнул взглядом по окну – лишь бы не смотреть на Диму. Боковым зрением он увидел, что тот ухмыляется, чувствует свою правоту.

– Ну что? Угадал?.. – Дима не спрашивал, а скорее заявлял, бойко выруливая меж грузовиков. – Угадал! Я вижу!

– Ну допустим... – Никита двинул плечами и устроился в кресле поудобнее. – Допустим, что я пришёл к Прохору Александровичу поговорить на счёт документов. Что дальше?..

– А то, что в ближайшее время ты от него ничего не добьёшься, – Дима повернулся и с намекающим движением бровей чуть наклонился к пассажиру. Лицо его вблизи показалось широким, как сковорода. – Я так понимаю, Петя его хорошо ухайдакал?.. Прохор теперь, наверно, на долгий срок в больнице поселится?..

– Это уж как минимум... – Вспоминая сцену драки Никита покачал головой. – Он и умереть может. Всё решится сегодня. Если и выживет, то проваляется в кровати ещё недели две, не меньше.

У Димы приподнялись брови, а уши наострились, как у лисы.

– А ты, я смотрю, в этом разбираешься. Опыт имеешь?..

– Ну, есть у меня некоторый... – Никита неопределённо покрутил ладонью. – Кое-е в чём смекаю...

– Кое-е в чём... – повторил Дима задумчиво, его глаза в этот момент смотрели не на дорогу, а куда-то вглубь мыслей. – И Петю ты утихомирил... А ведь его побить не каждый сможет, это уж точно. Вот так чтоб... без сдачи...

– Ну, повезло просто... – Никита наигранно равнодушно

пожал плечами: разговор уходит на опасную дорожку. – Случайно так получилось.

– Ты угораешь что ли?! – Дима неожиданно захохотал. – Да ты не стесняйся! Я ж ведь не заставляю тебя хвастаться! А то, что Петюню нашего в грязи повалял – так будет ему уроком. Посообразительнее станет!

– Дима... – Никита облизал губы, сжал пальцы на колене и устремил на великана прямой, как шпага, взгляд. – К чему ты клонишь?..

– Хм, надо подумать... – тот загадочно улыбнулся. – Наверное к тому, что у меня есть знакомый, который может тебе помочь.

– Да я вроде бы...

– Нет, ты послушай! Ты же ведь, я так понял, не из лопухов каких?.. Есть у нас тут в городе человек один, так он способен решить очень многие вопросы. Я его лично знаю. Слушай, слушай меня!.. Ему какие хочешь документы справить – что высморкаться! Я могу тебя с ним свети. Прямо сейчас.

Вот теперь Дима как-то хитро замолк и вёл машину, поглядывая на попутчика косо. Какое-то время молчал и Никита. Любопытство всё же взяло над ним верх и он спросил:

– А что ему потребуется взамен?.. Сколько это будет стоить?..

– Вот это уже спрашивай не меня! – Дима победно улыбнулся. – Это уже с ним договаривайся! Единственное, что могу сказать – человек это надёжный. С ним смело можешь

сотрудничать.

Машина помчалась по улице Советской Армии. Парк Дружбы должен быть уже совсем близко. Глядя искоса на ругающего великана, Никита осторожно поинтересовался:

– А твоя-то какая выгода? Ты же меня и знать не знаешь...

Лицо Димы стало кристально честным, как у дающего предвыборные обещания политика.

– Я должен этому человеку хорошую услугу. Ты же, если я не ошибаюсь, из тех, кто живёт не на зарплату. Верно?..

Никита уже слышал это выражение в каком-то фильме, но вспомнить его название не смог.

– Ну, я бы сказал, что я сейчас в сложной жизненной ситуации... – ответил он уклончиво, припомнив недавний разговор с Пашей. – Но опять же – к чему это ты?..

Дима вывернул на кольцо и юрко вклинился в общий поток.

– К тому, что денег у человека этого и так хватает, а вот хорошая услуга всегда и всем нужна. Если ты не валенок, то сможешь этим воспользоваться...

Всё, они подъезжают. Парк Дружбы – вот он. «Тойота» встала у обочины. Дима достал из кармана блокнот и ручку, начертил на листочке номерок, с треском вырвал и вручил Никите.

– Вот! Здесь его цифры. Я предупрежу на счёт тебя. Ты, главное, подожди до завтра, желательно часиков до двенадцати, и только тогда звони. Скажешь – Дима прислал. Там

поймут.

– А если я не позвоню? – Никита приподнял бровь, его пальцы уже легли на ручку двери.

– Ну, тогда ты и вправду будешь валенком... – Дима беззлобно ухмыльнулся. – Кроме Александрыча и вот этого человека я не стал бы в Самаре иметь дело ни с кем: либо кинут, либо лажу подсунут... Ну всё! Удачи!

Никита вышел и хлопнул дверью. Взрыкнув и обогнав нерасторопных водителей, «Тойота» тут же унеслась стрелой прочь. Никитина ладонь зажала бумажку. Её белый краешек порвался настолько, что при неудаче располовиниться весь лист. Проглядев цифры несколько раз, Никита повторил их про себя, затем скомкал шпаргалку и выкинул.

Возвращаться к Паше пришлось уже глубоким вечером. Улицы успели погрузиться во мрак. Можно даже стало подумать, что в городе отключили электричество! Фонари долгое время не оживали, но потом всё же зажглись и Никите стало интересно: их просто забыли вовремя включить или специально ждали, когда стемнеет так глубоко?.. По дороге захотелось сладкого и Никита купил вафельный торт.

Старенький дом принял, как родного. Половицы скрипнули под торопливыми шагам. На втором этаже кто-то выкрутил лампочку и пришлось включать фонарик в телефоне. Никита подошёл к двери в Пашину квартиру и постучал, готовясь услышать шорох тапочек... но ответом стала только

тишина. Достав спрятанный под коврик ключ, он тихонько отпёр дверь, настороженно вошёл и включил свет: все вещи оказались ровно там же, где их оставили утром. Даже старые, кое-как кинутые на проходе шлёпанцы, которые невозможно не задеть при входе, встретили ровнёхонько на своём месте. Неужели Паша так и не возвращался?..

Решив над этим не задумываться, Никита разделся и сперва помыл в раковине руки и лицо, а потом ещё умудрился сполоснуть и ноги. Встал на плиту чайник, нарезались хлеб и закуска. Со стола убралась немытая посуда. Усевшись за тарелку, Никита принялся жевать и обдумывать произошедшее за день. Вспомнил мельчайшие подробности, все детали в памяти прокрутил, словно кино смотрит. Эту привычку он приобрёл, ещё когда нёс срочную службу. Она стала такой же обыденной, как и чистка зубов.

Перекусив и выпив чаю, Никита улёгся на диван, закинул ноги на спинку и стал смотреть в потолок. В полной тишине прошёл час, но сосед так и не пришёл. Никита не мог уснуть и всё размышлял, размышлял... Где-то в половине второго он всё-таки погрузился в дрему, а потом и уснул.

...Ближе к шести Никита проснулся от дикой дрожи и принялся искать хоть какое-то одеяло, пускай даже с дырками. Утро выдалось холодным, а за окном всюю хлестает дождь. К семи разошёлся настоящий ураган! К девяти он чуть сбавил, но лишь чтобы поливать город мелкими каплями и промораживать ветром до костей.

Паша так и не пришёл. Гадать над этим бессмысленно а обращаться к соседке опасно – это вызовет лишнее внимание. Строго говоря находиться в квартире сейчас тоже опасно: Паша мог угодить в какую-то передрагу, а тогда в квартиру может наведаться кто угодно, чтобы проверить адресок... Но Никита мысленно махнул на это рукой – всё равно скоро уходить.

Пока завтракал, дождь утихомирился, и от ненастья остались лишь капли на стекле. Когда Никита вышел на улицу, часы показали половину одиннадцатого. В другой раз он спрятался бы где-нибудь с оптикой, затаился бы и проследил – не придёт ли кто на квартиру?.. Но сейчас нет ни удобного места, ни оптики, ни времени. Да и дело важное ждёт.

На улице оказалось безлюдно. Непогода загнала домой даже самых настырных гуляльщиков, а по дорогам, разбрызгивая лужи, носятся недовольные авто. Никита брёл неспешно. Заходил в скверы, во дворы. Несколько раз любопытство привело даже в кинотеатры, но задерживаться нигде не стал. Когда время подошло к двенадцати, он заглянул в пельменную и пообедал, с вялым интересом разглядывая посетитель. Когда стрелки на часах над прилавком в пельменной перевалили за половину первого, Никита глубоко вздохнул, достал телефон и набрал по памяти заветный номер. Пошёл звонок...

Ответил ровный мужской голос:

– Ало?

– Здравствуйте, это Никита... На счёт меня должен был Дмитрий позвонить. Я от него...

Повисло какое-то непонятное молчание. Никита даже подумал, что связь оборвалась, но голос всё-таки ответил:

– Да, нам звонили. В какое время вам удобно встретиться?

– Да я целый день в общем-то свободен...

– Прекрасно. Приходите в три часа на улицу Ивана Булкина. Я буду ждать вас у входа в «Леруа Мерлен». Как подойдёте, позвоните.

– Хорошо, – успел ответить Никита прежде, чем на том конце отключились.

Вот и договорились...

...К «Леруа Мерлен» Никита подошёл за час до встречи – ехать на автобусе случилось недалеко. Это оказался строительный магазин со всякой всячиной. Пройдясь вокруг здания и в отдалении от него, Никита запомнил все наружные видеокamеры, подъезды для машин и чёрные ходы для персонала.

К половине третьего перед главным входом горланила огромная толпа. Магазиновую парковку забили машинами так, что даже и велосипед не найдётся, где поставить. После очередного разведывательного круга Никита побрёл уже меж рядов авто. Он осматривался и запоминал, сосредоточенно вглядывался по сторонам и старался заметить даже не важное. Совсем не стоит исключать вариант, что тут его тоже хотят поймать, и уже не важно, почему: к бегству нужно

быть готовым всегда.

За разведкой время пролетело незаметно. Чувствуя жажду, Никита сухо сглотнул и поискал взглядом какой-нибудь ларёк, где можно купить воды, не заходя в главное здание. Ничего поблизости не оказалось и пришлось терпеть.

Когда часы показали без пяти три, ко входу в магазин подошёл лысый мужчина. Штаны и рубашка выглажены, чёрные ботинки начищены. Роста выше среднего. Лицо загорелое, а лоб выпуклый. Он заметил Никиту и какое-то время глядел в его сторону, прежде чем отвернуться. Никита уже хотел по назначенному номеру позвонить но в последний момент передумал и двинулся к новенькому, снова поймав на себе его цепкий, как нюх немецкой овчарки, взгляд. Теперь он уже не отводит глаз и всё различимее становится его внешность. Нос у лысого немного набок, но это не с рождения, видно, что сломан. Широкие, прямо таки слоновьи уши ловят ветер. При сочетании с лысиной это смотрелось бы комично, если бы не общее выражение лица – лица человека, над которым лучше не смеяться.

– Здравствуйте, – Никита остановился от него на расстоянии двух шагов. – Не меня ли ждёте?

– Может и тебя... – голос мужчины прозвучал мирно, но сильно. Он пожал плечами. – А может и нет... Как тебя зовут?

Никита назвал, но руки подавать не стал, внимательно наблюдал за глазами лысого.

– Ну, наверное, всё-таки тебя... – Мужчина неожиданно и как-то по-ребячески подмигнул, чем очень удивил. – Такого совпадения, думаю, быть не может. Идём за мной!

Не глядя, послушали ли его, он развернулся и пошёл в магазин. Никита подождал, отстал на пять шагов и двинулся следом.

Внутри людская давка оказалась такая, словно в городе все вдруг одновременно решили устроить ремонт. Сильный запах пота смешивается с аромат духов. Летает в лучах выглянувшего наконец-то солнца пыль. Стоит и несмолкаемый галдёж. Лысый легко лавировал меж покупателей, здоровался с персоналом, люди кивали ему и улыбались. На Никиту внимания не обращали и это ему очень понравилось. Миновав зал с краской, мужчина скользнул в боковой проход и открыл дверь с табличкой «Посторонним вход воспрещён». Внутри обнаружился крохотный, санитарно чистый коридорчик, упирающийся во вторую дверь с такой-же табличкой. Мужчина шёл дальше по коридору и не останавливался. Открыл он и последнюю дверь. Никита шагнул за ним в комнату, способную вместить, наверное, человек сто. Не комната а целый зал! Посередине, окружённый стульями, красуется длинный широкий стол. Овальный слева, справа он упирается в стол поменьше, за которым высится дорожущее кожаное кресло. Всё это в форме буквы Т. Из остального только шкаф с художественной литературой. На корешках фамилии классиков русской и зарубежной литературы.

– Не бойсь! Проходи! – Лысый сразу направился к главному креслу. – Садись куда хочешь!

Никита подождал, пока хозяин сам усядется, потом выбрал стул и разместился в паре метров от него.

– Чувствуй себя комфортно. – Мужчина полез в карман. В его руках появился смартфон с большой, прямо таки студийной камерой. – А теперь смотри на меня и не вертись...

Имитирующий щелчок фотоаппарата звук прозвучал раньше, чем Никита успел среагировать. Теперь у этого человека есть его снимок!

– Не волнуйся... – произнёс лысый успокаивающе, словно прочёл его мысли. – Это для шефа и нашей СБ. Больше ни для кого. Сейчас я им твою фотку скину, чтоб была. На тебе это никак не отразиться, не трясись.

Никита почувствовал себя, как на сковородке, уже поставленной на огонь. Больших усилий стоило подавить порыв дать лысому по голове, вырвать злосчастный смартфон и убежать, куда ноги поведут.

– Вообще-то я по маленькому на самом деле вопросу пришёл... – Никита заёрзал в кресле так, будто оно бьёт током. – Мне нужна кое-какая услуга... а больше ничего.

– Да ты не менжуйся, родной! – Отправив сообщение, лысый дружелюбно, по-настоящему дружелюбно улыбнулся. – Знаю я, что корки тебе нужны! Дима на счёт тебя кое-что рассказал, так что я в курсе...

Никита глубоко вздохнул, упёрся ногами в пол, повернул

стул к лысому и спросил:

– И что рассказал?

– Достаточно... – мужчина многозначительно прищурился. – Кстати! Я не представился. Меня зовут Валентин, но можешь звать просто Вале́й. Так будет даже лучше.

– Никита... Но вы это и так уже знаете.

– Что-то ты друг всё-таки нервный какой-то... – Валя хитро ухмыльнулся и подпёр челюсть кулаком. – Что-то не так?..

– Да как вам сказать... – Никита пожал плечами. – В незнакомом месте с незнакомым человеком... Я ведь не обои сюда покупать пришёл...

– Да ну, брось накручивать! – Валя махнул ладонью и откинулся в кресле. – Лучше расскажи, где служил!

На краткое мгновение Никита взглянул на Валею внимательней, потом взгляд опустил. Ответил небрежно:

– Да так... Срочку отбывал. Плац подметал.

– Ты не скромничай! – Валя с удовольствием растянул рот до ушей, и было это похоже, будто разевает пасть, глядя на тебя, бульдог. – Петю-то ты хорошо отделал! Молодчик! Да-да, я в курсе! А ведь такого борова, как он, ещё поди пощи...

– Да ладно... ничего особенного. – Никита изобразил полное равнодушие. – Я и не сделал ничего почти. Его Прохор Александрович хорошо потрепал. Этот Петя до меня уже сильно утомился...

Валя громко, от всей души расхохотался. Даже стены, ка-

жется, закачались. Никита сдержанно улыбнулся и принял вид, будто это и в самом деле была шутка, а не попытка отвести внимание.

– Молодец! Ну молодец! – Валя утёр слезу. – Александрч... Ха!.. Ладно. – Он встал и направился к выходу. – Пока наши тебя по фото проверят, пока шеф отреагирует, тебе придётся посидеть здесь и немного подождать. Думаю, всё будет нормально. Я бы подосланного точно почувал, да и от Димы подвохов не было никогда.

Никита следил за идущим к выходу Валентином и чувствовал, что упускает какой-то момент, что он должен срочно что-то сказать, сделать! Но что? Да и если бы он сам занимался безопасностью, то устраивал бы проверки куда глубже, чем просто по фотографии...

Остановившись на пороге и в последний раз взглянув на гостя, Валя вышел и закрыл дверь. Обрекающе щёлкнул замок! От свалившегося на голову нервоза Никита закрыл глаза и поднял ладони к лицу. В комнате может быть камера, но плевать – растирание лба и висков помогло чуть успокоиться... Окон нет, входная дверь хоть и деревянная, но толстая. Замок на ней врезан хороший, с пинка не вышибешь. Западня!.. Ладно... Ладно. Если ничего сделать нельзя, то нужно выдохнуть и плыть по течению терпеливым и хитрым крокодилом. В крайнем случае, если придут братья, Никита даст отпор, и, возможно, завладеет оружием. Старый товарищ научил одному трюку... Коли всё пойдёт плохо – покор-

но он не дастся...

Утихомилив так растревоженные нервы Никита встал и перешёл на другую сторону, чтобы сесть лицом ко входу. Плюхнувшись на стул, он закинул ладони на затылок и закрыл глаза.

...Наверное, прошло полчаса, а то и больше, так как Никита вяло встрепенулся от дрёмы, когда дверь резко распахнулась и в комнату вбежал раскрасневшийся Валентин с «Макаровым» наготове.

– Сиди, где сидишь! Не двигайся! – С широкими, как у совы, глазами он направил дуло Никите в грудь. – Шевельнёшься – пристрелю!

Толи сонность сказала, толи память вчерашних приключений, но Никита не дрогнул, лишь скривил в печальной улыбке губы и произнёс:

– Что-то часто на меня оружие направлять стали...

– Молчи! Будешь говорить, когда тебя спросят!

Валя отступил в сторону и в комнату вошёл мужчина лет пятидесяти. В отглаженных штанах и рубашке. Волосы зачёсаны набок. На носу очки, как у профессора. Никита встретился с незнакомцем взглядом, посмотрел на его начищенные дорогие туфли, на явно недешёвую одежду – и снова в глаза. Незнакомец постоял немного в задумчивости и произнёс, не оглядываясь:

– Валя, закрой-ка дверь. У нас, кажется, важный разговор намечается.

Не опуская оружия Валя попятился и выполнил приказ. Незнакомец неспешно прошёлся до кожаного кресла и уселся, после чего кивнул помощнику на Никиту.

– Теперь проверь, нет ли чего при нём.

– Руки! – потребовал Валентин, делая шаг вперёд. – Руки подними!

Никита поднял и терпел, пока его без всякой нежности обыскивают. Новый человек следил за этим и стучал пальцами по столу, словно барабанщик, набивающий ритм.

«Нервничает» – подумал Никита.

– Ничего! – Валентин отошёл в сторону. Пистолет в его руке продолжил смотреть Никите в голову.

– Хорошо. – Незнакомец медленно кивнул и перестал наступивать. – Ну?.. Что скажите, молодой человек?..

От изумления у Никиты поднялись брови. Даже голова как-то сама собой набок склонилась.

– Чего скажу?.. – Голос его прозвучал ровно, на удивление без дрожи. – Скажу, что зовут меня Никита, а вот вы не представились.

– Да, – незнакомец поправил очки, – не представился...

Ответь: зачем ты сюда пришёл? Кто тебя послал?

– А вы мне что?..

Очень уж хотелось Никите съязвить, надоело второй подряд день ходить в терпилах. Но «профессор» и глазом не моргнул, остался спокоен, как ледяной бульжник.

– А мы тебе жизнь. Или смерть лёгкую, если ты напако-

стить уже успел. Ну?.. Хороший ведь обмен?.. – Тут он посмотрел на пленного пристальней. – Техники на тебе нет, а если и есть, то знай, что сигнал глушится. Мы эту комнату особенной сделали – тут любой сигнал гаснет, так что если на тебе маячок, или камера... может микрофон – никто от тебя сейчас ничего не ловит. Ты нем.

Никита хмыкнул: если комната в самом деле экранирована или стоят глушители, то Валя не смог бы отправить никакого сообщения. Да и глушители – это устройства такие, что нужно их ставить близко. Они свою зону действия имеют, типа раций, а здесь ничего такого. Врёт ему, на испуг берут. Хотя постой... а если...

Никита медленно, без резких движений заглянул под стол: к его основанию в нескольких местах оказались прикреплены пять стандартных глушителей. Соединённые меж собой проводом, они мигают зелёными лампочками, а от последнего кабель уходит и теряется где-то под начальничьим столом...

Глаза «профессора» стали чуть шире. Он терпеливо спросил:

– Ну что? Проверил?.. Валя включил их сразу после, как фотку твою прислал.

Никита взглянул на молчащего «охранника». Валя встретил его взгляд строго и при этом зачем-то кивнул, наверное, подтверждая сказанное.

– Ну, зря только электричество переводите... – Никита

устало вздохнул. – На мне всё равно ничего нет.

«Профессор» наклонился вперёд и повысил голос:

– Ты мне тут не юли! Или ты думаешь, с тобой тетёшкаться будут? Да?! Зачем пришёл?! Кто послал?!

Слова вырывались из него и летели в Никиту, словно снаряды.

– Бог послал! – Никита тоже повысил голос, но остался недвижим, как камень. – Вы мне вообще на хрен не сдались! Я вас не знаю! – Он перевёл дух и недобро зыркнул на пленителей. – Проездом я! Не местный! Мне нужно дальше! Мне нужны документы! Мне сказали, что здесь мне могут помочь! Всё! А если вы помочь мне не можете, то я пойду, потому что на всякие глупости у меня времени нет!

– Заткнись! – Валентин не выдержал, сделал шаг и грозно навис над Никитой. – Ты как вообще смеешь так разговариваешь?!

– Постой! – «Профессор» поднял ладонь и Валентин как-то сразу остыл, словно только и ждал сигнала. – Валя, не кипятись. А ты... – Лицо «профессора» сгладилось, взгляд смягчился. Он упёр локти в стол, а челюсть водрузил на большие пальцы. – Расскажи-ка свою историю, да поподробней. Я хочу её услышать...

Второй раз за день Никиту сумели удивить.

– Да чего рассказывать?.. – Он с раздражением откинулся на спинку. – Я проездом, как уже сказал. Не местный. Так получилось, что нужно мне уйти далеко и надолго, да не са-

мим собой, а левым Васей... Вчера зашёл вот по этому вопросу к одному человеку... Да вы, наверное, уже в курсе, чего там случилось. – Никита устало растёр лоб. – Мне Дима сказал, что к вам обратиться можно. Что вы с бумажками помочь способны. Я вот и поверил...

– А Дима почему тебя послал? – «Профессор» прищурился. – Вы ведь, я так понял, не знакомы?

– Не знакомы были, это точно, – Никита развёл руками, – да вот пришлось познакомиться. Я так понял, он таким способом хотел извиниться за неприятность с... эм... его человеком. Если, конечно, это был его человек. Я не шибко разобрался в их связях...

– Да. Его. – «Профессор» наклонил голову, но его взгляд остался на прежнем уровне. – Это был его человек. Ну ты даёшь, парень... – он сделал паузу и несколько нервно скривил губы. – Ты вообще в курсе, с кем вчера дело имел? С кем разговариваешь сегодня? Ты знаешь, кто мы есть?..

Никита состроил гримасу такую, что у деревенского дурака умнее покажется. Помотал головой.

– Нет, не знаю. Откуда мне, в самом деле? Я же сказал, что здесь просто проездом.

– Проездом... – повторил «профессор» и глянул на Валентина. – Валь, ты это слышал? Этот молодой человек здесь просто проездом!..

– Приехал на конец Льва Толстого поглазеть!.. – Валентин задорно ухмыльнулся, а Никита подумал, что где-то уже

слышал такую шутку, мол, вокзал в Самаре конической формы и находится в конце улицы Льва Толстого...

«Профессор» держит себя властно, бурных эмоций не выказывает. Его взгляд и голос тверды:

– Вот что, Краснов Никита Анатольевич... – эти слова были произнесены с особой интонацией. – Сейчас я тебе кое-что скажу, а ты послушай меня внимательно! Не знаю, по каким прихотям судьбы именно ты, так громко на всю страну прославившийся своими подвигами в Новосибире, попал к нам... но ты, друг мой, похоже, притягиваешь беды...

Никита застыл, как муха в янтаре. Этим людям всё известно! Невзначай даже для самого себя он поправил:

– Скорее неприятности...

– Не переиначивай! – «Профессор» с треском вдарил по столу! – Я когда твою фотку увидел – мне стул понадобился, чтобы не упасть! Ты как по улицам-то ходишь вообще?!

– Как-то хожу... – Никита помрачнел на глазах, над его головой повисла туча. – Не жалуюсь...

– Мало тебе тамошних приключений, так ты ещё и сюда явился!.. – «Профессор» помотал головой, цыкнул. – Знаешь, приятель, что-то я плохо верю, что человек вроде тебя, убийца и бандит, случайно наткнулся сначала на Диму, торговца оружием, а потом пришёл ещё и ко мне...

Он запнулся, прикусил язык. Не дожидаясь продолжения Никита спросил:

– И что? Полицию позовёте?..

– Может и позовём... – «Профессор» в очередной раз поправил очки. На его от духоты уже покрытом бисеринками пота лице они держались плохо. – А может и сами вопрос решим... Сами – это если ты, конечно, сейчас выложишь всё, что имеешь... и скажешь, зачем ты сюда пришёл и кто тебя послал...

– Я понял. – Никита важно кивнул и принял серьёзный вид. – Я понял... Хорошо, я всё скажу. Но прежде... Представьтесь, пожалуйста, а то мне неудобно с вами разговаривать, не зная вашего имени.

– Изволь: Юрий Алексеевич... А теперь – говори.

– Зачем говорить?.. – Никита взглянул с особым прищуром. – Я лучше покажу!

Отчаянным рывком он бросился вправо – и сразу туда, где сидел, прилетела пуля! «Макаров» грохнул ещё раз – снова мимо. Сжав зубы, Никита схватил кресло и с размахом швырнул. Валя опешил – мебель прилетела ему в грудь, ушибла челюсть и закрыла обзор, а когда он отступил, Никита появился перед ним уже с занесённым кулаком.

– Валя! Стреляй, Валя! – Юрий Алексеевич выскочил из-за стола. На миг его глаза показались как-то странно разными.

Никита метнул кулак, но встретил сопротивление. Его рука чуть не увязла в захвате. После неудачной попытки схватить юнца, Валентин вильнул вбок. Пистолет в руке лысого снова направлялся на противника. Чувствуя острое жже-

ние в чуть ли не рвущихся от натуги мышцах, Никита пнул Валу по кисти. Оружия лысый не выпустил, но глаза у него выпучились. Он зашипел и отступил. Его пальцы сжались на рукояти, и не столько из желания удержать, сколько из потуга унять боль.

– Валя! Держи его! – Юрий Алексеевич уже подбежал к двери. – Я сейчас подмогу позову!

Наверное высшие силы наблюдают за людьми, и если всё слишком просто, то им скучно... Запнувшись нога за ногу, «профессор» грохнулся прямо возле входа. Стало слышно, как клацнули у него зубы. Глазея на это, Валя застыл, а Никита вдруг подумал, что сама удача на его стороне! И такую это придало ему уверенность, что он победно отобрал у оторопевшего противника пистолет и врезал ему рукоятью по черепу, отчего Валентин схватился за темечко, упал и скорчился на полу.

– Всем стоять... – процедил Никита сквозь зубы. – Не двигаться!

Юрий Алексеевич кинул на него осторожный, но вовсе не испуганный взгляд. Потрогав челюсть, он медленно поднялся и поправил одежду. Стал рассматривать очки.

– Ну и что будешь делать? – Он подчёркнуто неспешно начал протирать рукавом линзы. – В комнате ведётся съёмка. Сюда уже спешат наши молодцы... Они ведь тебя в труху раскатают...

Выстрел! Юрий Алексеевич вздрогнул и испуганно воз-

зрится на ладонь, в которой осталась половинка очков! Вторая улетела вместе с пулей, оставившей дыру в стене. Рядом на пол упали осколки стекла.

– Промахнулся немного... – Никита мрачно указал дулом на кресла возле входа. – Садитесь! Вы оба! – Он глянул на проходящего в себя Валентина. – Ты тоже давай!

Лицо Юрия Алексеевича стало – в гроб краше кладут. Выдержав миг ожидания, он медленно подошёл и сел, куда велели. Подождал, пока то же самое сделает и Валя.

Дверь с грохотом распахнулась! На Никиту устремились два пистолета, удерживаемые ребятами в чёрных охранных костюмах.

– Руки за голову! – заорал первый, щербатый мужчина лет тридцати. – Оружие брось!

Второй встал к товарищу поближе и уставился на Никиту так колко, словно его взгляд может парализовать или причинить боль.

«Нет, не профи» – подумал Никита, оценивая подкрепление. – «Первый, может быть, бывший мент, но второй явно какой-то дурак – лезет напарнику под руки, мешает двигаться».

– Поостуди своих орлов, – потребовал Никита, пистолетом тыча в «профессора», а взглядом держа новеньких. – Они-то меня, может, и угрожают, да только я с собой и тебя, и помощничка твоего заберу.

Про помощника блеф: если начнут стрелять, дай бог

успеть попасть в главного, а там – прощай жизнь!.. Юрий Алексеевич, выглядящий сейчас, будто встретился с мужем своей любовницы, прикрыл ладонью глаза. Долгие секунды он молчал, а Никита наблюдал, как люди потеют и нервно ждут его команды.

– Ладно... Поиграем в твою игру. – Он неохотно обернулся к подмоге, уже позабывшей, что смотреть надо только на напавшего. – Выйдите-ка, ребятки. Мы тут немного потолкуем. Манишин, успокой людей. Для всех тут ничего не происходит.

Щербатый кивнул и обоих охранников в мгновение не стало, как механических солдатиков, убежавших в часы после боя курантов. Никита проследил, как они закрыли дверь. У него у самого от пота уже щиплет глаза, а пистолет сидит в руке, как кусок мыла. Надо решать, что делать дальше, и решать быстро. Каждая лишняя секунда промедления падает камнем на чашу весов против него.

– Ну? Чего ты хочешь? – спросил Юрий Алексеевич устало, после чего покосился на притихшего Валентина.

– Хороший вопрос. – Никита тоже поглядел на последнего: у Вали с головы на шею течёт струйка крови. – Правильный... Хочу я правды. Справедливости хочу. Наивный, наверное, но я всё же претендую... – С этими словами Никита уселся напротив пленников. Пистолет показательно направил вверх, чтобы людей не нервировать. – Сейчас вы выслушаете меня спокойно, без сердца, а после сделаете выводы.

Договорились?

– С человеком, у которого пистолет, сложно не договориться... – Юрий Алексеевич скривил губы, а Валя поморщился – толи от презрения, толи от головной боли.

Никита возразил с претензией:

– Пистолет-то ваш! У вашего же человека и отобран! Я-то вам ничем не угрожал...

Он вдруг смолк, задумался. Юрий Алексеевич не торопился нарушить молчание, а Валентин, если и хотел вставить слово, то хорошо это скрывал. Так прошло минуты две.

– Ну? Долго мы будем сидеть? – Юрий Алексеевич прищурился. Наверное, без очков он видит плохо. – Говори уже давай. Мы ждём.

Никита вынырнул из раздумий и взглянул на него, словно впервые увидел. С его губ сорвался вздох.

– Первое... – Его начала бить нервная дрожь и Никита глубоко задышал, чтобы скрыть её. – Важный вопрос: вам знаком такой человек из Новосиба, как Каштан? В миру Дубков Михаил Сергеевич.

Юрий Алексеевич подумал, помотал головой:

– Нет.

– Допустим. – Никита кивнул и перевёл взгляд на Валентина. – А вам?

Валя молчит, взгляд у него будто отсутствует. Кровь течёт по его шее и уже запачкала рубашку – не отстирать. Никита забеспокоился, в состоянии ли он вообще думать, но Вален-

тин, словно пробудившись, ответил:

– Нет. Не знаком.

– Хорошо... – Помедлив, Никита наклонил шею вправо-влево – суставы громко хрустнули. – Очевидно, вам уже знакома моя история в том виде, в котором он подана на телевидении. Я правильно понял?

Юрий Алексеевич сохранил бесстрастное лицо.

– У информации бывает множество источников...

– Что-ж, теперь таким источником для вас стану я. – Никита откинулся в кресле, руку с пистолетом положил на колено под столом. – Около месяца назад... Нет, не так, надо раньше... Мой отец, царствие ему небесное, служил в МВД и занимался всяческими расследованиями. Звёздочки носил, в общем.

– Поздравляю. – Юрий Алексеевич кивнул.

– Помолчите! – приказал Никита грубо. – Не прерывайте рассказчика! Это не вежливо.

Внешне «профессор» остался спокоен, как скала. По нему сложно что-то понять, но Никита когда-то усвоил накрепко: сильные люди уважают и слушают только силу, а потому церемониться с ними не только бесполезно, но даже и вредно.

– Мой отец был хорошим человеком. Честным! Я знаю, о чём говорю. Своего отца я любил и уважал, потому, что было, за что. – Никита прочистил горло, сглотнул. – К сожалению в мире полно и нехороших людей. И такой вот дрянью оказался у моего отца начальник.

– Госорганы кишат паразитами. – Юрий Алексеевич пожал плечами, взгляд он продолжал держать прямым, как копьё. – Что ж с того?..

Никита поднял ладонь.

– Я лишь хочу сказать, что то говно, которое лилось на меня всё это время с телевизора – это ложь. Сплошная ложь! Я не маньяк. Не грабитель. Не поехавший псих. Дело моих рук – это месть. Месть за пролитую кровь... Одни твари опорочили моего отца и убили его. Я не стал терпеть и ответил, как сумел. Сейчас я беглец, преследуемый как бандитами, так и полицией. Перед вами обыкновенный человек, господа... Ни чей не посланник, ни чья не шестёрка. Я сам по себе и перед вами как на ладони. – Никита глубоко вздохнул, сам утомлённый собственной тирадой. – Мне нужны документы и я готов за них заплатить, сколько потребуется. Не ищите во мне никакого двойного дна. Всё равно не найдёте.

Повисло молчание.

– Проникновенная речь... – Юрий Алексеевич сохранял прежнее бесстрашие. – Вы, наверное, могли бы даже романы писать...

– Кажется, я слышал что-то подобное... – Валя неожиданно обернулся к шефу. – Мой приятель с Барнаула обмолвился, что это в самом деле был ни какой не заказ, а дело там было в чём-то личном... Парень! Ну-ка подкинь подробностей!

– Наверное, ваш приятель из ФСБ... – Никита немного

ободрился, у него радостно стукнуло сердце. – Подробностей... Что-ж... Начальник моего отца – его Николаем звали – был как раз таки связан с этим Каштаном, о котором я вас спросил. А вот Каштан... О-о-о! Это был один из главных авторитетов у нас по области! Я не знаю о нём много, я им не занимался... Но я слышал, что он крышевал некоторые крупные предприятия. Ну и связан был со многими в этой сфере, понятно...

– В какой сфере? – Юрий Алексеевич нахмурился. – В рэкрете что ли?

– Ну и в нём тоже. – Никита кивнул. – В целом я про то, что человек он был, как я уже сказал, в авторитете. С кучей связей. Как бы это выразиться... Он был пауком в центре паутины. Ну, вы же понимаете...

– На что ты намекаешь?.. – У «профессора» возмущённо взлетели брови. – На то, что я бандит?!

– Ну, может, и не бандит... в полном понимании этого слова. – Никита пожал плечами. – Но вы же явно не законопослушный гражданин...

– Не говори того, о чём не знаешь! – «Профессор» покраснелся, на шее у него вздулась синяя жилка. Маску его бесстрастности в миг словно ветром сдуло. – И выбирай слова!

– А чего это вы так заходите?! – Никита изобразил картинное изумление. – Пять минут назад грозили мне смертью, а сейчас вдруг раз – и вот вы, оказывается, уже и не бандит...

Юрий Алексеевич сердито смолчал, Валя же зыркнул на Никиту хитро, потом перевёл взгляд на шефа и чуть заметно улыбнулся, хотя постарался это скрыть.

– Короче, дальше... – Никита махнул ладонью. – Коля этот, мусор поганый, перешёл дорожку какому-то барнаульскому авторитету. Не знаю всех подробностей, но ему срочно понадобился козёл отпущения, и вот так-то моего отца и сделали крайним. А дальше... – Никита тяжело вздохнул, воспоминания как-то совсем не вовремя заиграли мрачными красками. – Дальше арестовали батю моего, да где-то между тюрьмой и судом он вдруг взял и повесился...

Как ни держался Юрий Алексеевич гордо, но при этих словах взгляд его стал суровей, а на лицо пала тень.

– Не мог я просто так сидеть... Не мог такое стерпеть... Дождался я Колю этого дома у него... – Памятью Никита обратился к минувшему. Перед взором, как наяву, встали люди, кто в тот день был в коттедже. – И Каштана вместе с ним там встретил. И людей его...

– И... что?.. – вышептал Валя заинтригованно, даже вперёд чуть подался. Его глаза лучились любопытством.

– Порешил их всех. Всех завалил, паскуд! – Никита неожиданно выложил пистолет на стол. «Профессор» с Валий вздрогнули, когда «Макаров» шумно брякнулся на столешницу. – Всех перестрелял!.. Может и выжил кто, да я не знаю – сделал дело и удрал, пока не схватили...

Взгляд Вали, хоть он и пытается скрыть, кричит восхище-

нием. Юрий Алексеевич напротив смотрит ровно, как змея на мышь.

– С тех пор я и скрываюсь, – подытожил Никита со вздохом. Его взгляд прыгал с «профессора» на Валю и обратно, не задерживаясь долго на ком-то одном. – Вчера был в Сызрани. Сейчас вот в Самаре. А дальше куда поеду – пока без понятия...

Юрий Алексеевич с Валеёй смотрели на Никиту, а он на них, и каждый будто бы ждал, что же скажет другой. Видимо, недолюбливая такие паузы, первым подал голос «профессор»:

– Интересная история... – Он скрестил пальцы на животе и размял костяшки, от чего по комнате разнёсся громкий хруст. – Трагическая. Но... при чём тут мы?..

– Вы же сами спросили, зачем я к вам пришёл! – От удивления Никита чуть не вскочил со стула. – Спросили, кто меня послал! Ну так вот вам вся и моя история, как есть. С самого начала я сказал, что пришёл на счёт документов. Дима мне присоветовал... Я понимаю, не совсем дурак: если вы человек деловой... если занимаетесь каким-то бизнесом и опасаетесь... ну, скажем, всякого... то это не про меня! Я посторонний, свой собственный. Проездом просто! Если вы можете мне помочь, я вам заплачу. Если нет – я свалю! Вот и весь расклад.

Снова повисло молчание. Юрий Алексеевич опустил взгляд, думает, а вот Валю что-то изводит: он кусает губы,

краснеет, словно откусил жгучего перца. Взгляд его метается с шефа на Никиту и обратно.

– Что ж... – Юрий Алексеевич поднял лицо, положил руки на стол и побарабанил пальцами по дереву. – Как это ни странно, но я тебе верю. Да, верю... Но вот что я думаю: мне не безопасно связываться с таким человеком, как ты. Может быть, ты и в самом деле простой парень, попавший в непростую ситуацию из-за своей честности... и даже смелости. И глупости, конечно... Но ты, скажем так, телезвезда. Находиться рядом с тобой – это быть очень заметной мишенью. Да мне и нет интереса напрягаться из-за такой мелочи, как чьи-то документы. – Он наклонился и взглянул Никите прямо в глаза. – Это пыль! Копейки! Для тебя, конечно, спасение, но для меня – потеря времени. Так что... вот что я решаю: ты уйдёшь отсюда спокойно, на своих двоих, и мы навсегда забудем о нашей встрече. На этом и закончим.

С этими словами он поднялся из-за стола и стал отряхивать одежду. Поправляя рубашку и воротник, он добавил:

– Съезди в Рязань. Я слышал, там новые документы печатают, как пирожки пекут. Не прогадаешь.

Никита похолодел, как кусок льда. Губы его сжались в линию, ноздри с шумом выпустили воздух и затрепетали, а взгляд стал тяжёлым, как грех. Юрий Алексеевич развернулся и направился к выходу. Ничего вокруг он словно бы уже не замечал.

– Подожди!.. – Валя неожиданно перегнулся и схватил

Никиту за руку. Его глаза вспыхнули, как два фонаря. – Не торопись уходить!..

Молодецки резво он вскочил и в миг нагнал шефа.

– Юрий Алексеевич! – Валентин встал от него сбоку и заставил обратить на себя внимание. – Юрий Алексеевич! Подождите!

– Ну чего ещё?.. – спросил тот недовольно. Он уже взялся за дверную ручку.

Валентин наклонился и горячо зашептал ему что-то на ухо, то и дело поглядывая на Никиту. Никита напрягся: хоть пистолет и лежит у него под рукой, но мало ли что придёт в голову этим людям?..

– Да ну нет... – Поглядев на Валью удивлённо, «профессор» помотал головой. Голос его, однако, прозвучал вовсе не категорично. – Да нет, Валь, ты чего... Это риск...

Валентин упорно продолжал шептать и лицо Юрия Алексеевича менялось, словно он сидит в кресле у гримёра: то было угрюмо, то постепенно разгладилось, а потом вдруг и прояснилось, словно ушла туча, закрывающая солнце.

– Попытка не пытка! – закончил Валентин уже громче. – Юрий Алексеевич! Мы-то ничем не рискуем, а поймать можем пользу большую!

Эти слова Никите совсем не нравились: запахло подставой... Однако он заставил себя ждать спокойно.

Отпустив дверную ручку, Юрий Алексеевич помолчал. Поглядев задумчиво на замершего в ожидании Валентина,

он перевёл взгляд на парня.

– Никита, да?.. – спросил он, словно запомнил.

– Так точно...

– А вот скажи, Никит... Ты вообще как?.. По жизни человек лихой?..

Никита поглядел на «профессора», как баран на новые ворота: только что этот человек наотрез отказался с ним связываться, но теперь вдруг налаживает мосты!..

– Скорее я планировщик... – Сказав это, Никита сам себе иронично улыбнулся. – Я считаю, что всё нужно просчитать наперёд.

– Давай-ка задержимся ещё минут на пять. – Юрий Алексеевич опять уселся напротив Никиты и прищурился, чтобы лучше его видеть. – Думаю, у меня найдётся, что тебе предложить...

Никите почему-то захотелось сказать что-нибудь острое, съязвить, но он удержался.

– Ловко ты меня обезвредил! – заявил Валя громко, садясь на старое место возле шефа. – А я, между прочим, не пальцем деланный! Кое-что, вижу, ты умеешь...

Никита не сдержался. Растянув губы в улыбке, он спросил, перекидывая взгляд между ними обоими:

– Что-то я вас не пойму, ребят... Минуту назад вы меня гнали, а теперь... Что поменялось?..

– Кое-что поменялось! – отрезал Юрий Алексеевич авторитетно. – Валя мне идею хорошую подкинул. Толковую...

Вся опаска против тебя в чём? В том, что ты человек известный. Много внимания привлечь можешь. Конечно, о том, что ты на кого-то работаешь, речь уже не идёт...

Никита спросил настороженно:

– А о чём идёт?..

– О том, что мы можем быть друг другу полезны. – Лицо «профессора», хоть такое и кажется невозможным, стало ещё серьёзнее и умнее, чем было. – Ты, Никит, я так понял, способен на поступок. Да и терять тебе нечего...

– У меня есть две вещи, которые я о-о-очень не хочу терять... – Взгляд Никиты похолодел и предостерег. – Это жизнь и свобода. Потеряю хоть одно – потеряю всё.

– Согласен. – Юрий Алексеевич охотно кивнул. – Эти вещи не хотел бы терять ни кто из нас. Но, однако, тебе нужна услуга. И мне нужна услуга... Не скрою, дело рисковое, но для такого человека как ты... хм-м-м...

Юрий Алексеевич смолк, его взгляд не покидал Никитино лица. Валентин тоже помалкивал и глядел на парня с острым интересом. Оба ждут ответа, а Никита, хоть и старается казаться умным и уверенным, не чувствует за собой никакой уверенности. Ехать дальше? Но денег уже нет. Да и достали эти постоянные переезды. Остаться здесь, рассмотреть предложение? Это похоже на попытку сунуть руку в закрытую, но очень подозрительную коробочку с надеждой, что там окажется ни капкан, как оно и выглядит, а кусок золота. Наивно. Очень наивно... Но какое зло выбрать?..

Тяжко вздохнув, Никита отбросил сомнения и решил идти ва-банк.

– Так и в чём предложение?..

Глава 6

Логово льва

Хотя август уже успел наскучить проливными дождями и холодным ветром, наперекор всем прогнозам погода сегодня выдалась солнечная и тёплая. Вечером Кутуз намеревался отправиться домой, но, утомлённый суетой и обрадованный ясным небом, решил прогуляться в парке Тридцатилетия Победы. Очень уж нравится ему этот парк, и название его нравится. Если бы кто-то спросил, почему – Кутуз бы не ответил, но для себя он всегда знал – он гордится историей страны, гордится Победой. Гордится, что его отец и дед оба служили офицерами и имели медали, а в семье во все времена считалось дурным говорить плохо про армию или про прошлое державы. Наказав водителю заглушить мотор а охранникам держаться в отдалении, Кутуз побрёл по парковой дорожке и погрузился в размышления, так хорошо плывущие на свежем воздухе.

Три дня минуло с того часа, как этот сумасбродный парнишка заявился в офис. И засранец произвёл впечатление! Далеко не у каждого, даже из своих, Кутуз наблюдал такой... м... хребет. У паренька есть достоинства: характер и несклонность мухлевать. Нет, обмануть он может – а кто не может? – но не стоит этого слишком уж опасаться, а потому Кутуз честно выполнит свою часть сделки, если Никита

честно выполнит свою. Если жив останется... Конечно, каждый может оказаться предателем, даже лучший друг, но это уже философия.

Какие-то держащиеся за руки парень с девушкой прошли мимо задумчивого, в классическом полосатом костюме и в толстых строгих очках мужчины. Когда отошли от него уже шагов на десять, они чѐм-то тихонько засмеялись. Хохот этот прервал течение мысли и Кутуз невольно обернулся, проводил молодых взглядом. В этот же миг подул тёплый ветер. С ним прилетели сорванные листики, обѐртки конфет и клочки рваной бумаги. Кутуз поморщился и молча проклял глупых хамов, бросающих мусор мимо урны. Наступив презрительно на обѐртку, он продолжил путь, стараясь восстановить ход мыслей.

Всѐ-таки... всѐ-таки этот Никита есть тот, за кого себя выдаѐт. Слишком это круто для подставы. Для совпадения тоже круто: это как за раз выбросить шесть шестѐрок с шести кубов... Но, однако, подобное бывает. Каждый человек хоть раз в жизни, да сталкивался с такими шутками судьбы. А что касается дела... Никита должен сработать по плану добросовестно, тут можно не сомневаться. То, как он показал себя в офисе, многообещающе: Валя ведь бывший ГРУшник, да и годов ему сорок с небольшим всего, не дедушка ещё далеко... После того «горячего» приѐма Кутуз потряс Валю и через его знакомого выяснил подробности того самого новосибирского дела. А ведь хорошо сработано! И если учитывать,

что Никита, скорее всего, действовал один – на твёрдую четвёрку.

Охранники почему-то подсуетились и нагнали шефа. Теперь они старались отставать не больше, чем метров на двадцать. Кутуз огляделся: неужели что-то заподозрили? Хотя, скорее всего, просто перестраховываются.

Так что там с Никитой?.. Да, сегодня у него будет весёлая ночка. Если у него не получится, если его убьют, то всё равно никто не свяжет его с Кутузом. Никита не знает настоящей цели своей миссии, и, конечно, не сможет рассказать лишнего, если его поймают. Физически не будет никаких оснований связать его с ним, с Кожемякиным. Даже свои не в курсе, что им будет помогать «внештатный», а значит – и стукануть некому. Единственный, кто кроме самого Кутуза уже всё знает – это Валя, но на него положиться можно.

А вот если у Никиты получится... Если план выгорит... Ох, как же это будет здорово! Это такая польза будет! Такой профит! Ничего за такое не жалко!.. В разумных пределах, конечно же. Если всё пройдёт складно, можно будет предложить парню остаться и поработать уже за хорошие деньги, так как заварушка наверняка начнётся кровавая: каждый боец будет на счету. Да, об этом определённо стоит подумать...

В таких размышлениях Кутуз побродил ещё какое-то время, пока не устали ноги и не захотелось есть – лучший признак успешной прогулки. Довольный собой он двинулся к машине с намерением приехать домой и хорошенько поужи-

нать, после чего завалиться крепко спать. Ждать новостей всю ночь – ну его к чёрту. Утром станет известно, как всё пройдёт.

Никита облегчённо вздохнул: ноги наконец-то вывели на перекрёсток Ерошевского и Гая. Теперь можно немного расслабиться. Не имея на руках своего телефона, специально выключенного и оставленного в секретном месте, прежде чем отправиться в путь пришлось карту места запоминать наизусть. Полустёртые надписи на домах, и так-то еле видные, ещё и прячутся в наступившей темноте. Никита чертыхнулся, в очередной раз не обнаружив на доме такой надписи. Неужели так сложно обозначить каждый дом?! По некоторым улицам можно полчаса брести и не узнать, какое у неё всё-таки название! Ещё и новые штаны, взятые комплектом в вечернем костюме, оказались узковаты. Новые ботинки тоже натирают, и правая стопа уже побаливает... Впрочем, цель наконец-то достигнута: перекрёсток Ерошевского и Гая – вот он! Теперь ещё пройти немного по Ерошевского, а там и встретит его нужный ресторан...

Прежде чем двигаться дальше, Никита остановился и, стараясь унять волнение, сделал несколько глубоких вдохов. Вместе с выдохами изо рта вырвался пар. Ночь выдалась прохладной... но не одинокой: высокие фонари освещают прохожих. Одиночки и компании, смеющиеся и улыбающиеся, что-то шепчущие вдали от посторонних ушей или гром-

ко и весело гогочущие, дабы каждый мог понять, что хозяин голоса никого не боится.

Цифры показали без пяти час. Дело должно начаться ближе к двум. Всё зависит от того, как пойдёт успех лично у него, а потому Никита не спешил, решил пройтись по памяти, прежде чем врываться в логово льва... Забавная метафора: в «логове льва» нужен человек по имени Левон, что, как подозревает Никита, и означает – лев. Именно с ним предстоит работать, именно его нужно искать в ресторане «Арагат».

Три дня назад Никита нырнул в прорубь с головой и согласился на сделку, требующую от него некоего членовредительства... Смутный человек этот Юрий Алексеевич, наверняка какой-то теневой барыга. Продаёт-покупает что-нибудь типа оружия или наркотиков, а может, и вообще людьми торгует... Но Никите какое дело? Шкуру бы свою спасти. Сейчас не до благородства. Подумаешь, пострадает парочка бандитов – это их выбор по жизни, они должны быть готовы к риску. Главное, чтобы потом этот «профессор» не кинул – этого Никита опасался больше, чем всех ножей и пуль. Залогом серьёзного отношения стали деньги, которые ему дали просто так – сто тысяч на всё-про всё. Даже не сказали, что это, мол, на дело. Демонстрируют, что доверяют. Значит, Никита нужен... Но как он нужен? Как штык? Как пистолет? А что делают с пистолетом после убийства?.. Впрочем, Никита всё-таки решил идти до конца, со своей стороны нико-

го не прокидывать. Да и не собирается он в Самаре задерживаться. Как сказал однажды один из отцов-командиров: «Наше дело маленькое – насрать и убежать»...

Случилось ещё одно беспокойство: Паша, как ушёл, так и не возвратился. После похода в «Леруа Мерлен» Никита вернулся, но заходить на квартиру не стал. Дежурил весь вечер и половину ночи, хотел найти признаки наблюдения. Но признаков не было, или они были настолько скрыты, насколько тонко может работать только, например, государственная служба. То есть с применением спецтехники. А для выявления таковой нужна уже своя спецтехника... Но это уже паранойя. В половине пятого Никита решил, что с наблюдением хватит. Завалился в квартиру и уснул. Но к десяти утра он уже собрал пожитки и стёр о себе любой след, даже в общем коридоре протёр всё, чего мог коснуться хоть краешком пальца. С тех пор он жил в съёмной квартире, за которую проплатил на неделю вперёд. Благо, найти её оказалось не трудно.

Сейчас Никита стоял и думал, делал несколько шагов и снова думал, вспоминал произошедшее и прокручивал в уме детали предстоящего. Но сколько можно думать? Пора действовать. Никита выпрямил спину и уверенно зашагал вперёд.

...Найти ресторан оказалось легко. В ночи, привлекая огромное внимание, на всю округу сверкает картинная заснеженная гора, а под ней надпись: «Арарат». Внизу ещё

что-то на армянском, должно быть стих, понятный только своим. Ниже под вывеской широкий карикатурный козырёк, дальше бордюрик из кручёных прутиков и порожек в две ступеньки. У чёрных пластиковых дверей курят и о чём-то разговаривают двое мужчин.

Никита присмотрелся к курящим, огляделся – камер слежения нигде не видно. Или они хорошо спрятаны. Метрах в десяти от входа парковка, откуда к ресторану тянется дорожка узорчатой плитки. Среди автомобилей ни одного отечественного.

Т-а-а-к, а вот оговорённой машины-то и нет... У тротуара напротив должна ждать «десятка» с открытой дверью и ключом в зажигании, но она отсутствует. Это круто нарушает план! Неужели всё отменяется?..

Как Никита «десятку» ни искал, но всё же не нашёл. Это заставило очень крепко задуматься: в машине этой спасение, если придётся драпать. А драпать-то придётся обязательно, уж это без сомнений! Но на своих двоих – это смертельный трюк. Так что же?.. Назад?..

В кармане завибрировало. Никита достал выданный Валей «рабочий» телефон и прочёл смс: «Тачки не будет. Я сам тебя подхватчу. В». Валя?.. Значит, следят сейчас за ним и, очевидно, догадались, о чём казак думает... Но почему не пригнали машину, как договаривались? Перестраховываются? Не хотят светиться? Или... Никита закрыл глаза, сжал кулаки и глубоко вздохнул. Ладно, и так сойдёт. Сомнения

прочь! Вперёд! Только вперёд...

Унимая нервозность руки сами поправили галстук и пробежались по пуговицам. Пригладив волосы, Никита пошёл ко входу. Мужчины, беседующие за сигаретами, уставились на него пристально, но Никита лишь глянул на них с равнодушием и вошёл внутрь.

Заведение оказалось выполнено в духе крепости, возведённой каким-нибудь знатным армянским князем. Белый камень в стенах, серый на полу. Кругом много дерева и железа. В строгих чёрно-белых костюмах обслуга бегают меж столиков из лакированного дуба, огороженных диванами с высоченными спинками. Из-за этих спинок создаётся впечатление, что сидишь не в общем зале, а в изолированной комнате. В глаза сразу бросилось множество армян. Русских почти нет, разве что из работников пара человек.

Не успел бы Никита сосчитать до десяти, как к нему подошёл официант – высокий парень в рубашке, странно подчёркивающей его и без того заметную худобу. Он внимательно спросил:

– Вам заказан столик?..

– Да, я звонил. – Никита вежливо кивнул. – У меня четырнадцатый номер, фамилия Курчаков. Олег Олегович.

– Хорошо, мы сейчас проверим. – Официант откланялся и ушёл.

Проводив взглядом его костлявую спину, Никита пригляделся к окружающим и вроде как из обыкновенной скуки

мазнул взором по лицам. Вроде бы на него не сильно пялятся...

Официант быстро вернулся и с уже более глубоким поклоном пригласил:

– Следуйте за мной, пожалуйста!

И Никита последовал, не забывая оглядываться и запоминать обстановку: что где стоит, кто где сидит... Окружающие тоже косились на него, но лениво, скорее из удивления, чем из любопытства.

– Прошу, присаживайтесь. – Официант пригласил к круглому столику, стоящему в углу у окна. – Я сейчас принесу меню!

Никита сел спиной к стене, упёр локти в столешницу и скрестил пальцы возле губ. Его внимание заработало, как шпионская камера: он стал вглядываться в окружающих, точно кошка, ищущая мышь в темной комнате. Взгляд его нащупывал человека с определёнными приметам в сопровождении ещё двух определённых лиц. Но где же он? Будем ждать, будем смотреть...

Официант отошёл и через минуту вернулся с широкой улыбкой и красиво оформленным меню. Никита принял увесистую кожаную книжку – такой можно и гвоздь забить! – и стал листать, одновременно стреляя глазами поверх страниц.

Прошло минут пять, но никого похожего на искомого не появилось. Ладно, это только начало. Возможно, придётся ждать и намного дольше, нужно запастись терпением...

Худой паренёк снова оказался тут как тут.

– Что-нибудь выбрали?..

Никита ответил с благодарной улыбкой:

– Да. Мне лазанью, пожалуйста. Сырную, будьте добры.

Он не знал, есть ли в меню лазанья, но однажды, с год назад, когда ходил с подругой в ресторан, то тоже заказал лазанью. Её готовили больше часа! Всяко прибавка ко времени.

Официант спросил с намёком:

– Это всё?..

– После лазаньи решу, – отрубил Никита уже менее вежливо. – По аппетиту посмотрим.

Официант раскланялся и унёс меню, держа его более трепетно, чем держал бы даже библию. Никита снова поправил одежду – это уже стало входить в привычку – и уселся поудобнее.

Прошло ещё пять, потом и десять минут, а нужный человек так и не появился. Когда миновало полчаса, Никита с удовольствием отметил, что с лазаньей он не прогадал. Возможно, повара дадут ему и ещё больше времени, если «постараются»...

Внезапно среди людей мелькнули длинные чёрные волосы, связанные резинкой. Никита задержал дыхание: по залу пошёл мужчина в свободной голубой рубашке и джинсах, заканчивающихся модными мягкими туфлями. На толстой, загорелой шее самодельный браслет из круглых деревяшек или косточек колечком. Большой армянский нос перебит. Воло-

сы длинные и чёрные, как раз таки убраны в хвост... Это он – Левон Маркарян. Прямо как на фотографии, показанной Валей.

Левон идёт широким шагом. Грудь выпячивает, подбодок держит высоко. За ним вразвалочку, словно пингвины, следуют два бугая. Оба высокие, выше самого Левона. Небритые и с окаменелыми от серьёзности хмурыми лицами. Никита смотрел на них несколько секунд – и отвернулся, постарался принять беспечный вид. Краем глаза он проследил, как троица скрылась где-то в служебном помещении, и только потом перевёл дух.

Всё. Можно считать, дело пошло... если, конечно, Юрий Алексеевич не соврал и не ошибся: Левон по приезду должен отправиться в подвал по какому-то важному делу – Никите не сказали, по какому, но знать он и не желал. Затем Левон выйдет и – есть у него привычка – посидит с кем-нибудь за рюмкой коньяка. После должен уехать... но может и задержаться на какое-то время. Короче, места для импровизации хватает...

Никиту не интересовало, откуда у «профессора» такие сведения: всегда можно найти стукача, если есть, что ему предложить или на что надавить... Но стукач может оказаться и среди своих, и тогда засада на врага быстро превратиться в ловушку для тебя, а потому Никита нервничал, хоть и старался это подавить. Ладно! Вяжется в драку, там и видно будет...

Левона не было минут пять, а тем временем принесли заказ.

– Приятного аппетита! – Горбя длинную, с выпирающими позвонками спину официант раскланялся. – Если пожелаете ещё чего-нибудь, просто махните рукой и я сразу вас замечу!

– Спасибо! – Никита охотно взял вилку с ножом. – Конечно, если что, то я сразу!

Когда официант отошёл, Никита чуть поковырялся в лазанье, а потом стал нарезать её мелкими кусочками. Это длилось минут десять. Ещё минут пять он разжёвывал первый кусок, словно никак не мог понять, какой же он на вкус. Возникла даже жалость, что не получится толково поесть: полный живот сильно помещает делу, а лазанья то вышла неплохая...

Когда он жевал третий кусок, перемалывая его, словно йог, до водянистого жижи, в зале снова появился Левон, но уже без бугаёв. Встретив по дороге знакомого, он остановился и они стали о чём-то с улыбками болтать, время от времени делая понятные только им двоим дружеские жесты. Никита быстро проглотил кашницу и поднялся из-за стола.

Сердце гулко забилося, грудь помимо воли стала вздыматься чаще. По нервам будто стегнуло электричеством – в кровь попал адреналин. Чувствуя, что тело готовится бить или убежать, Никита собрал волю в кулак и заставил себя дышать ровно. Всплески гормонов хороши только на соревнованиях и в постелях с женщинами, а в работе нужны чистая

голова и холодное сердце.

Пока успокаивался, Никита нарочно прошёл мимо беседующих и услышал часть разговора:

– Нет, Рустик. Ага сейчас в Армению улетел, у него там у какого-то родственника свадьба. Через три дня должен вернуться.

– Ага молодец! – Второй важно кивнул. – Своих не забывает! У меня вот мать в Ереване, так я уже лет пять не могу к ней съездить – дела не отпускают...

Никита сделал вид, что ищет туалет. Огляделся, повертел головой – так вот же он! – и пошёл к нему.

Туалетная комната оказалась выложена белейшим кафелем. Тут смешался запах освежителя и хлорки. Встав у зеркала с раковинами, Никита взглянул в отражение – на него посмотрело лицо двадцатилетнего парня, простое и бесхитростное, ещё не приобретшее той жёсткости, какая бывает у мужчин, долгие годы занимающихся опасной, но истинно мужской работой. Такое лицо, какое было у отца... Никита умылся и с силой растёр глаза тёплой водой. Надо идти...

Быстренько высушив руки под феном, он вышел из туалета... но Левона уже куда-то делся. Закусив губу, Никита провёл взглядом по ресторану – его не было нигде! Неужели ушёл? Или вернулся в подвал? Не успел Никита сделать шаг, как вдруг его грубо толкнули. Пошатнувшись, Никита резко обернулся – его взгляд упёрся в грудь высокого широкопле-

чего бугая, одного из двух, сопровождающих Левона.

– Вы чего это?.. – Никита возмущённо сдвинул брови. – Это вы специально меня толкнули?!

– Слышь ты, петушок... – прошипел громила тихо, чтобы не услышали другие посетители. – Что-то ты сюда, по-моему, не вписываешься. Ты чего здесь забыл? Для твоих места другие есть, а сюда только свои приходят. Давай-ка вали отсюда...

Взгляд бугая властный, полный силы и уверенности. Пальцы его напряжены, готовы в любой миг хватать и бить. Как ни странно, но Никита почувствовал настоящее облегчение! Даже лицом посветлел, так как понял, что дело ещё не провалено и судьба сама даёт шанс.

– Это кто такие мои?.. – Никите пришлось чуть поднять голову, чтобы смотреть верзиле в глаза. – И кто такие ваши?..

– Ты чё, не понял? – Бугай шагнул вперёд, его лоб навис над глазами Никиты. – Тебя силой что ли заставить, собака серая?

– Ну ты и дура-а-а-ак... – Никита улыбнулся, на испуг на его лице не было и намёка. – Лучше бы ты выражения по красивее выбирал. А то получается, что тебя сейчас побьёт собака серая...

– Да ты!..

Громила вдруг с шумом выдохнул и покраснел, как помидор! Его ладони метнулись к промежности. Чувствуя в ноге напряжённость после удара Никита нацелился верзиле в че-

люсть... и хлестнул резким боковым! Кулак встретился как будто не с вражеской головой, а с настоящим каменным валуном! Челюсть бугая съехала вбок, он зажмурился и с грацией пьяного слона свалился на спину. Никита чертыхнулся: в момент удара послышался треск – это пиджак где-то на спине разъехался, теперь костюм нужно нести в ателье, а то и придётся выбросить, как бесполезную тряпку.

По ресторану покатился шум. Женщины ахают, мужчины хмурятся и вытягивают шеи. Никита с примирительной улыбкой огляделся и поднял ладони.

– Извините, граждане! Простое недоразумение!..

Сбоку гаркнул мощный бас:

– Эй, ты! Иди сюда!

Никита оглянулся: уже второй громила подступает взбешённый, словно грозящий от перегрева взорваться локомотив. Свирепый, сильный, с налившимся дурной кровью мордой. Пасть раскрыта, в ней виднеются ряды светло-жёлтых зубов.

– Что, партнёра потерял? – Никита изобразил мимикой издёвку и неприметно приготовился к удару. – Не волнуйся! ТАМ у него всё ещё будет работать, ты только подожди...

В секунду бугай рассвирепел и попёр на наглеца! Как Никита и думал, он занёс кулак для косоного сверху. В последний момент Никита нырнул под вражеский локоть и очутился за чужой спиной, а там уже с силой лягнул противника под колено. Ойкнув, верзила схватился за ногу и еле устоял. На

весь ресторан разлетелся его крик:

– Ах ты щенок! А ну иди сюда!

Не успел он закрыть рот, как Никита возник перед ним на расстоянии ладони. От такой резвости противник замешкался, а Никита оттопырил большой палец и ткнул, метя ему в прямо в глаз.

– А-а-а! – заорал тот, закрываясь ладонями. – Сук-а-а-а! Убью!

Никита скакнул в слепую для противника зону и снова пнул его в колено, но на этот раз сбоку. От удара сустав неправильно выгнулся... Задев ближайший стол и с грохотом повалив на голосащих посетителей посуду, бугай рухнул им под ноги и принялся истошно орать, прижимая одну ладонь к лицу, а вторую к ноге.

Настал волнительнейший момент! Никита поймал на себе взгляды десятков глаз! Скоро ли явится охрана? Где Левон? Будут ли применять оружие?.. В его сторону начали показывать пальцами, женщины в ужасе закрыли рты ладонями. Хорошо ещё, что никто не додумался на телефон снимать... Откуда-то выбежали два охранника в классических костюмах. Оба атлетической формы, с настороженными лицами и хищными, как у волков, взглядами. Им подсказали, куда смотреть, и они в секунду оказались возле Никиты.

– Ребята! Тут какое-то недоразумение! – Никита поднял руки и невинно улыбнулся. – Эти бандиты хотели на меня напасть! Я только защищался!

– Этот шакал пырнул меня! – простонал бугай, зажимающий глаз. – Он пырнул меня! У него нож!

– Да он головой ударился, посмотрите! – Никита возражал громко, во всеуслышание. – Сам упал, сам поранился, а теперь на меня сваливает!

– Саргис! Чего ты стоишь?! – Лежачий вылупил здоровый глаз на одного из новеньких. – Крути его!

«Саргис» осмотрел валяющихся на полу «коллег», потом кинул быстрый, но оценивающий взгляд на Никиту. Переглянувшись с напарником, он ему как-то по-особенному кивнул – и они пошли на нарушителя одновременно.

Держа руки поднятыми, Никита следил за их ногами, на лица не смотрел вовсе. Он догадался: сейчас зажмут с двух сторон... «Саргис» кинулся первым, расставил руки рогаткой. Сбоку послышался шарк подошв... Пальцы сами потянулись к столовым приборам и в секунду между Никитой и «Саргисом» очутилась вилка. Охранник ухватил нарушителя, уже хотел садануть ему лбом в лицо, но в боку вдруг вспыхнула острая боль. Никита нажал сильнее и крутанул – враг быстро отступил, шокировано таращась на торчащую меж рёбер серебристую ручку. Ноги его почему-то ослабели...

Тут же чужие руки сковали плечи в захват! Никиту подняло над землёй, он понял, что его готовят к броску. Второй охранник поднатужился, рванул, но кинуть противника у него не вышло – жертва зацепилась своими ногами за его.

От неожиданности охранник дрогнул, дал на миг слабину... Никиты крутнулся юлой, напрягся и, толкая носком одной, вторую ногу подставил под колено неприятеля. Оба свалились на заваленный едой и осколками посуды пол.

По ресторану загремел властный крик:

– Что здесь происходит?! Что тут твориться?!

Никита и его захватчик обернулись: посреди зала с гневно скрещёнными на груди руками встал Левон. Ноздри его трепещают, брови изумлённо взлетели, а глаза пылают яростью. Он сосредоточил взгляд на Никите и его губы презрительно скривились.

– Быстро встали! – крикнул он в повисшей тишине, словно актёр на сцене театра. – Оба!

– Левон Амаякович!.. – процедил сквозь сбивающееся дыхание охранник, стискивающий Никиту. – Левон Амаякович! У нас тут буйный! Он дерётся! Посмотрите, что натворил!..

Никита резко махнул затылком и почувствовал больнощущий удар кожей о зубы. Попал! Пока противник приходил в себя, Никита силой развёл локти, бодро вскочил и пнул лежащего в висок. Тот сразу затих.

– Ты что же творишь, урод!?! – Левон всё больше и больше походил на демона. – Тебе жить надоело?!

– Между прочим!.. – возгласил Никита спокойным, насколько позволило бухающее сердце, голосом. – Я здесь сторона обороняющаяся! Это ваши люди набросились на меня,

а я только защищался!

Левон оглядел помятый квартет: уколотый глаз, вилка в боку, сломанные зубы, вывихнутая челюсть. Его гневный взгляд опять поднялся на Никиту.

– Оно и видно! – Он шагнул вперёд, пальцы его сжались в кулаки. – Стой на месте, гадина...

– Обидеть пытаешься... – Никита так-же шагнул ему навстречу и тоже сжал кулаки. – Только я не обижусь!

Левон вдруг пригнулся и, как охотящийся лев, прыгнул, выбросив перед собой растопыренные пальцы! Такого Никита не ожидал. Упустив момент, он позволил схватить себя за грудки. Завязалась скрутка с громким треском разрываемой одежды. Левон хотел наглеца повалить, но когда преимущество неожиданности ушло, провёл серию из коротких боковых. Никита закрывался локтями, прятал голову и прижимался к противнику, из-за чего Левону пришлось потеть в клинче, где силы его оказались невелики.

– Да ты хоть знаешь, говнюк, с кем связался?! – Левон в бешенстве брызгал слюной. – Ты уже покойник! Ты мертвец!

Краем глаза Никита заметил ещё одного подкрадывающегося сзади охранника. Скоро появятся другие, а тогда просто сомнут числом. Пора доводить дело до конца...

Заставляя усталые мышцы подчиняться, уже чувствуя на губах солёный пот, Никита нырнул и прижался к Левону, своей грудью к его поясу, сжал зубы и подбросил вперёд и вверх. Противник не устоял и рухнул на бугая с выбитым

глазом, что всё это время следил за схваткой. Несчастный ахнул. Левон попытался дотянуться до Никитиной шеи, но тот снова вошёл в клинч и не давал себя зажать.

– А ну слезай, кусок ты говна! – Левон всё силился ударить Никиту по голове. – Что ты за проклятый баран?!

Уперевшись локтями в чужую грудь, Никита подскочил и в момент оказался верхом на враге. Левон попытался выгнуться мостиком, но сил у него не хватило. Поймав правую руку противника, Никита ловко обхватил её ногами, прино ровился... и выгнул локоть в обратную сторону. Левон заорал. Страшно. Мерзко. Душераздирающе! Никита не стал ломать сустав до конца, лишь довёл до травмы, с которой человеку предстоит долго помяться. Но всё равно это должно быть чертовски больно...

– Отдохни пока... – Никита слез с извивающегося в агонии врага. – В больничку ляг...

– Сейчас ты сам, гнида, ляжешь! – Левон жутко оскалился, его левая рука скакнула в карман, через миг в ней сверкнуло лезвие ножа-бабочки. – Иди сюда!

Никита замер, поражённый такой настырностью. Что это? Сила воли? Или могучая злоба, заставляющая позабыть обо всём на свете, кроме врага?

– Иди сюда! – Левон орал, облакачиваясь на единственную руку. – Иди сюда!!!

В этот момент подскочил кравшийся охранник. Такой же атлетичный, как и остальные, он попытался Никиту пова-

лить, но был встречен крепким прямым. Никита долбанул хорошо... однако усталость уже замедляет движения: получив в челюсть, парень рухнул, но сознания не потерял и сразу же поднялся.

– Левон Амаякович! – зашлёпал он окровавленными губами, подступая к Никите. – Бейте! Я его придержу!

Он снова попытался Никиту схватить, но сплеховал. И ещё раз попытался! И опять не поймал... Пользуясь тем, что у новенького явно двоится в глазах, Никита отбивал его руки и увёртывался, удерживал его между собой и Левоном... а в это время со всех сторон уже подступили другие! Мужчины с хмурыми лицами и одинаковым выражениями ненависти в глазах. Никита выругался: появилось человек пять, не меньше! Все свежие, спортивные. В подсобке где прятались или по тревоге подтянулись...

Резко задышав так, словно уже удирает со всех ног, Никита подступил к новенькому и вроде бы дал себя схватить... но извернулся и сделал подножку. Тот упал мягко, на руки. Хотел было подняться, но встретил удар каблуком в нос! Хрустнуло, кровища хлынула, как из лопнувшего резинового шарика. В ту же секунду на Никиту с ножом кинулся Левон! Стараясь удержаться на уже пляшущих от усталости ногах, Никита отвёл лезвие запястьем. Ткань на рукаве разорвалась, кожу ожгло острой болью. На пол закапала кровь. Воспользовавшись тем, что правая рука противника висит плетью, Никита отнял у него нож силой и без замаха ткнул

железку врагу в левую ногу. Левон болезненно вскрикнул... но когда Никита провернул лезвие, он заорал так, что чуть не оглушил своего мучителя!.. И тут же свалился в беспмятстве.

Остальные пятеро уже подобрались на расстояние в несколько шагов! Высокий полный здоровяк с изрытыми оспиной щеками и чёрными кудрями вышел вперёд и уже хотел схватить Никиту за шиворот, но ахнул и со злобным оскалом отдёргнул порезанные пальцы.

– Не подходить! – Никита показал зубы и даже будто зарычал. Он наводил нож то на одного, то на другого. – Кто подойдёт – порежу!

Враги окружали. Никита пятился, не давал зайти за спину, то и дело резал чью-то руку и смельчак отпрыгивал, злобно щерясь и зажимая порез.

– Чего вы одного глиста поймать не можете?! – прогромыхал кучерявый здоровяк с выпученными от ярости глазами. – Вперёд! Хватайте его!

Может быть подействовал авторитет... а скорее всего страх. Никита увидел, с какой опаской все поглядели на великана, как оробели перед ним... Мужики как стояли, так разом и кинулись, нацелившись в одну точку...

Если бы на месте Никиты оказался кто-то другой, то всё было бы кончено... но Никита не просто так пятился и не просто так кидал взгляды из-за плеча. Зная, что уже через секунду будет схвачен, он развернулся и скакнул на ближай-

ший стол, заставляя людей за ним голосить от страха и негодования. Мужчина, сидящий там вместе с женщинами, попытался ухватить Никиту за штанину, но промазал. Обладываемый армянскими руганью и проклятиями, тот уже скакал дальше по столешницам, словно горный козлик по кочкам. Прыг-скок! Прыг-скок! То и дело что-нибудь падало и разбивалось. От криков с протестами даже у плохо слышащих заложило уши.

Увернулся от летящего в голову стакана, от захвата прыгнул... Молнией Никита преодолел последние метры до выхода, где обернулся и с ужасом встретился взглядом с целым роем ненавидящих глаз... и быстро выбежал наружу.

Прохладный ночной воздух благостно тронул лицо, лёгкие с наслаждением втянули вечернюю свежесть. Прямо у порога оказалась припаркована «двенадцатая». Двери открыты, за рулём никого. Наверное, на ней и примчались те пятеро... Никита глянул на машину прицельно: а ну как прыгнуть в неё сейчас и умчаться?... Лишь бы ключ торчал в зажигании...

Завизжала резина, надрывно зарычал мотор. К ресторану, безобразно портя лужайку, подвалила тонированная «Нива». Водительское стекло опустилось, в проёме сверкнули знакомые глаза и лысина... Ресторанная дверь распахнулась и наружу высыпала разъярённая толпа. Сжав рукоять покрепче, Никита подскочил к «двенадцатой» и с силой всадил нож ей в переднее колесо. После метнулся к «Ниве» и прыг-

нул в распахнутую дверь, неуклюже плюхнувшись пузом на сиденье. Взбешённые люди почти дотянулись до «Нивы», но Валя мастерски выкрутил баранку, выжал газ и машина тронулась, пакостя догоняющих грязью из-под колёс.

– Боже мой! – ахал Никита, устраиваясь. – О господи! Гони! Гони скорее!

Валентин крутил руль, помалкивал и следил за дорогой. Никиту он прекрасно слышал, но не хотел ничего говорить, хотел дать парню выговориться.

– Трындец какой-то! – Никита дышал так, словно всё ещё спасает жизнь. – Я уж думал, придётся выбираться самому...

– С машиной сложности возникли... – буркнул Валя невесело. – Так-то всё по плану шло, но в последний момент машину срисовали. Пришлось адаптироваться...

– Срисовали? – Никита повернул к нему лицо. – В смысле?

– В самом прямом смысле. – Валентин помотал головой и громко цокнул. – Ты чего думаешь – мы с дураками дело имеем? Нет, дружок, мы имеем дело с людьми непростыми. Не с дураками, поверь мне.

– Ладно! – Никита облегчённо махнул ладонью. – Мне ваши разборки не интересны, я только подработать нанялся. Не говори лучше, Валя, ничего такого, чего мне знать нельзя...

Валентин ответил неожиданно легко, даже по-дружески, с улыбкой:

– А я и не говорю. Секретов так уж точно не рассказываю! Но я тебя понял, Никит, можешь не разъяснять. Ты большое дело сделал! Кутуз тебя хорошо отблагодарит...

«Нива» выехала на оживлённую, светлую от фонарей улицу и затерялась в потоке машин, стремящихся куда-то даже в это ночное время.

– Кто-кто?.. – Никита наострил уши.

– Юрий Алексеевич...

Не дождавшись новых подробностей, Никита устало произнёс:

– Достаточно будет и того, о чём уже договорились.

Прибавив газу, «Нива» надала и затерялась на улицах ночной Самары.

Микроавтобус «Ситроен» медленно полз по улице, старательно избегая освещённых мест. Пассажиры сидят тихо, не шепчутся, даже не смотрят в окна, лишь время от времени проверяют обмундирование да перестёгивают карманы. Антон, тридцатипятилетний капитан ОМОНа, в последний раз проверил снаряжение, провёл взглядом по лицам бойцов и глухо скомандовал:

– Надеть маски...

Ребята одели. С этого момента они ждали действия в любую секунду.

«Ситроен» припарковался метрах в ста от «Арарата». Встав за креслом водителя, Антон решил понаблюдать за об-

становкой, благо спецотптика позволяет. Нужно ждать, когда к ресторану подкатит «Нива» и заберёт какого-то пассажира... или когда позвонят и скажут, что делать дальше. Начинается самое муторное – ждать...

Долгое время ничего не происходило. Антон даже взволновался: всё ли идёт по плану?.. Вдруг, страшно шумя и виляя, как пьяная, ко входу в ресторан подкатила «двенадцатая». Из неё высыпал целый ворох мужиков, возглавляемых самым большим и звероватым. Галдя и матерясь на армянском они ворвались в здание, а через три минуты наружу выскочил парень в запачканном рваном костюме. Антон буркнул:

– Готовность...

Ребята приободрились, вытянули спины, напряглись. Из шести человек четверо уже хорошо проверенные бойцы, заслуживают доверие, а вот двое – новички... Нет, с опытом бить-стрелять у них как раз-таки всё в порядке, иных в команде Кузнецов не потерпит... Но они впервые сейчас на ЗАКАЗЕ, и тут кроется риск, что кто-то потом взболтнёт лишнего. В любом, однако, случае – штурмовать логово Агаяна впятером было бы чертовски рискованно, а потому двое новеньких – добавочный риск, без которого, Антон решил, не обойтись.

Рева мотором, к ресторану подкатила «Нива». Преследуемый уже целой толпой, парень сделал что-то с колесом «двенадцатой» и зайцем прыгнул в распахнутую для него дверь.

Визжа резиной и пуская дым, «Нива» драпанула от разъярённого сборища. Антон наблюдал, как люди, растрёпанные и обозлённые, останавливались и перекрикиваются друг с другом, махают руками. Громче всех бранится великан. Теперь Антон узнал его: Арсен, один из помощников Агаяна.

Вздохнув, Кузнецов продолжил смотреть. Спиной он почувствовал напряжение своих людей. По плану один из ребят Кутуза – настоящий самоубийца! – должен зайти в ресторан, навести шуму и вывести из строя Левона. Если это был он, то шуму он точно навёл, а поскольку Левона что-то не видно, то, возможно, и с ним справился... Остаётся либо дожидаться, когда агаяновские вызвонят своих ментов и для перестраховки выведут японца, чтобы перепрятать его в другое место... либо идти и штурмовать «Арарат», развешивать тумачи и искать пленника самим, а это как раз таки то, чего Антон всем сердцем хотел бы избежать. Чтобы понять, как действовать, надо ждать. Просто ещё немного подождать...

В кармане завибрировало. Антон вынул трубку – на экране высветился номер его знакомца, тоже в своё время устроившегося на зарплату к Кутузу.

– А-ало... – От волнения Антон запнулся: боялся спугнуть удачу.

– Они позвонили... – Голос друга, дежурящего в управлении, слышался на самой грани слуха – так тихо он шептал. – Через минут десять, если повезёт, то пятнадцать к вам придут. Понял?

– Понял... – Антон кивнул и отключился.

Кузнецов нервно сглотнул, его спина покрылась холодным потом: сейчас ему предстоит сыграть в угадайку с очень большими ставками. Если пойти за азиатом прямо сейчас, то ведь за десять минут можно и не управиться: завянешь в людях, а заложника всё равно найти не успеешь. Если не пойти, то очень может статься, что всё-таки в чём-то благоприятный момент они упустят. При ментах забрать азиата будет уже не реально и план окажется провален, при том по его личной вине... Вся надежда Кузнецова устремилась к тому, что агаяновские, раз уж в полицию позвонили – не факт ещё, что именно своим ментам! – захотят себя обезопасить и японца от беды подальше до их приезда вывести... Кто скажет – рулетка, а капитан Кузнецов – расчёт.

Агаяновские не заставили долго ждать: вскоре к ресторану подкатила «Газель». Из неё выпрыгнули ещё четверо здоровячков и сразу скрылись в здании.

– Скоро, ребятки... – произнёс Антон, до рези вглядываясь в оптику. – Скоро... Миша, заводи потихоньку. Да фарами не свети...

– Не дурак...

Ребята уже на низком старте: сжимают дубинки, проверяют пистолеты. Двое новеньких заметно нервничают: потеют, без конца трогают оружие и поправляют снаряжение. Когда-то их капитан вот так же сам кусал ногти, впервые в жизни решив подработать на стороне...

Двери ресторана распахнулись, наружу выбежали те четверо. Они окружили согбенную, со связанными за спиной руками фигуру. За ними последовала троица во главе с Арсеном, рука которого оказалась перевязана тряпкой. Антон командовал:

– Погнали!

«Ситроен» взревел и кинулся, как тигр из кустов. Охраняющие японца не успели опомниться, как автобус уже затормозил перед их носами, ещё и насмерть зашибив одного. Кузнецов воинственно гаркнул: «Вперёд!» и первым прыгнул в открывшийся люк.

Агаяновские оторопели. Люди прыснули, кто куда, а двое застыли с выпученными на задавленного дружка глазами. Они сразу же оказались отоварены дубинками по головам! Не растерялся только Арсен: секунду он соображал, что происходит, а в следующую уже понукал своих драться!

– А ну назад! Все назад! – Он орал как ненормальный и сам раздавал злые тумачи. – Это не менты, паршивые вы идиоты! Это не менты!

Антон сжал дубинку покрепче и бросился напрямик на него. Заметив врага, Арсен сшибся с ним и попытался задавить его весом, повалить на землю. Может, оно бы и получилось, но Кузнецов с оттягом саданул ему дубинкой по раненному пальцам – это заставило громилу скривиться. Тут же Антон пнул здоровяка в живот, но это уже не помогло. Арсен оскалился и попёр на противника, от злости забыв про

любую боль.

Громко просигналил «Ситроен» – это водитель сообщает всем, увязнувшему в драке, что задача уже выполнена и пленника забрали. . . Бахнул выстрел: один из бойцов опустил пистолет и направил дымящееся дуло на Арсена. Великан сразу потерял боевой запал.

– Всем стоять! – заорал боец надрывно. В этот момент он случайно встретился глазами с Кузнецовым. – Назад! Не то продырявлю ваши пустые бошки!

Часть группы уже засела с заложником в автобусе, вторая пятится, размахивая оружием. Пока внимание Арсена было приковано к пистолету, Антон подскочил к нему и с силой ударил дубинкой в висок: голова громилы дёрнулась и он рухнул, словно большой дом, сваленный ураганом. Его глаза медленно закрылись.

Бойцы отступали. Кузнецов проследил, как последний прыгнул в люк и обернулся, присоединил свой ствол к уже торчащим трём. Агаяновские стоят растерянные и злые. Они скучковались возле беспамятного Арсена и бросают на обидчиков взгляды, обещающие смерть. Высмотрев на земле пахнущую порохом гильзу, Антон схватил её и сунул в карман, после чего рысью скакнул в автобус и скомандовал:

– Уезжаем!

Автоматика с тихим шумом закрывала люк, а автобус уже мчался, провожаемый ненавидящими взорами. Антон обернулся к отряду, осмотрел, не поранился ли кто, не потерял

ли снаряжение. Как себя чувствуют новенькие?..

– Проверить всё, что может указать на вас! – По его грозной команде бойцы, как один, начали оглядывать себя и друг друга. – Каждый элемент одежды! Каждый кусочек ткани! Ни дай бог я узнаю, что кто-то уронил там зажигалку или ещё какой мусор!.. Где япошка?!

– Под сидением, – ответил боец, сидящий дальше всех от выхода.

Антон присел, и, держась за поручни, взгляделся в фигуру с надетым на голову мешком. Если хорошо прислушаться, можно расслышать тихий, доносящийся от фигуры скулёж... Антон пригляделся хорошенько – а того ли взяли?..

– Плачет он, что ли?.. А, чёрт с ним... Ладно, ребятки! Хорошо сработали! – Тут он, хотя автобус едет быстро и то и дело поворачивает, уверенно занял позицию во главе. – Молодчики! В течении недели ждите, придут вам подарки!.. И новеньких с крещением поздравьте. Один из них сегодня неплохо сориентировался... Только гильзу, салага, забыл! На! – Он достал улику и швырнул тут же ловко поймавшему её бойцу. – Избавишься от неё, чтоб по всем правилам... Миша, гони!

Вторая машина растворилась на сонных, засыпающих улицах ночного города.

Утро выдалось тревожным. В десятом часу позвонили свои, рассказали о новостях из «Арарата», доложили про Ле-

вона, Арсена и японца. Человек, которому выпало звонить, страшно трусил, так как напрямую с Агаяном разговаривают обычно только Левон и Арсен, а крутой характер главного – это тема для постоянных пересудов. Дребезжащий, раздражительно колеблющийся голос звонящего Агаян выслушал стоически, ни разу не перебил и не повысил голос. Завершил разговор просто:

– Хорошо, я понял... Когда Арсен придёт в себя, пусть мне позвонит.

И отключился.

Сегодня Агаян последний день находится в «Гранд Отель Ереван». Номер он снял роскошный, с прекрасным видом из окна и большим разнообразным баром. Погуляв на свадьбе родственника, Агаян захотел ещё на пару деньков задержаться в Армении: посетить памятные места, повидать старых друзей... Но эта чёртова Самара! Только отвернись, и сразу начинаются какие-то гнилые шевеления!

Прогнав проститутку, Агаян стал бродить по номеру в задумчивости. По большому счёту он догадался, что, а точнее как произошло и кто главный виновник, однако для верности надо уточнить у одного особенного человечка. Агаян послал ему сообщение с требованием немедленно позвонить. А не позвонить он не может, даже если бы очень захотел: в любую секунду Агаян способен раздавить его, просто рассказав его нынешнему хозяину несколько интереснейших подробностей, ведь человек этот – стукач из кутузовских.

Уже час лежал нетронутым поданный завтрак. Агаян пил кофе и глядел спортивный канал, словно это могло его успокоить. Наконец телефон зазвонил с самарского номера. Агаян нажал на кнопку ответа.

– Ну? Что скажешь, друг?..

Только идиот мог бы купиться на такую «ласку», но этот человек покупался из раза в раз с самого начала, ещё когда ему «по-дружески» предложили хорошие деньги за очень незначительную услугу. То была уловка, конечно. Крючок.

«Друг» нервничал, спешил, запинаясь, но главное подтвердил. Всё-таки это оказался Кутуз.

– Спасибо, дорогой. За мной причитается.

Агаян кивнул и отключился... а за тем яростно швырнул телефон о стену, да так, что тот разлетелся на мелкие кусочки! Сжав до боли зубы, Агаян схватил с полки лампу и с треском разбил её о дверной косяк, после чего ещё и об колено переломил. Остатки лампы полетели с балкона на головы прохожим!

– Шакал вонючий! – Агаян представил, как сжимает горло Кутуза и душит его. – Убью гниду!

Схватив куски телефона, Агаян выбежал из отеля и сел во всегда ожидающую его машину, в которой постоянно дежурят двое братков.

– В аэропорт! – гаркнул он, брызжа слюной.

Надымив визжащей резиной, машина унеслась прочь. Ребята не задали вопросов. Либо уже обо всем в курсе, либо

боятся спросить, ведь Агаян у себя любопытных не терпит.

– Дай мне записку! – С заднего сиденья он требовательно протянул ладонь.

Ему вручили запасной телефон: дешёвый и надёжный. Поменяв симку и раскачиваясь от езды, Агаян набрал Арсена. После долгих длинных гудков знакомый бас ответил:

– Да, Владимир Иосифович...

– Арсен! Ты почему не звонишь?! – Агаян орал не сдерживаясь. – Тебе что, не передали, что я велел позвонить?!

Машина бежит так быстро, что водителю приходится лавировать и сигналить, чтобы кого-нибудь ненароком не задеть. Агаяна эта тряска бесила, но ради скорости он готов был терпеть.

– Передали, Владимир Иосифович, да я ведь только что в себя пришёл... Голова раскалывается...

– Ладно, про здоровье потом!.. Расскажи лучше, что случилось, да поподробней! Ты там был, сам всё видел... Ну?!

– Спланировано всё было, Владимир Иосифович... – Арсен говорил тяжело, слова словно липли у него к языку. – Сначала в ресторан мальчишка тот пришёл. Не знаю его. Никто не знает. Драку затеял, Левона порезал. Тот сейчас в больнице лежит... Потом мы подъехали, он и на нас кинулся.

– Чего ты мелешь?! – Агаян от бешенства чуть не выронил трубку. – Какой мальчишка порезал Левона?! Кто на вас кинулся?! Вы что?! Сами дети?! С пацаном справиться не смогли?!

Машина вывернула на проспект Адмирала Исакова, до аэропорта стало уже рукой подать. Воспользовавшись простором, водитель прибавил скорости и пассажиры вжались в кресла ещё плотнее.

– Да он какой-то помешанный был, Владимир Иосифович! – Голос Арсена стал надрывающимся. – Совсем спятивший! Как кошка бешеная! Не подступиться...

– Ладно!.. Что дальше?..

– А дальше убежал он. Забрали его на машине. Я, кажется, запомнил номер... Сами мы скорую вызвали, так как у нас уже сильно раненные были. Ну а со скорой и ментов, как полагается...

– И... что?.. – Агаян напрягся.

– Ну и химика этого узкоглазого решили вывести, пока менты по ресторану шляться будут. Нельзя было его там оставлять, сами понимаете...

– И вас с ним же и подбили... – закончил Агаян уже сам. Голос его из надрывающегося стал устало-надсадным, тяжёлым. – Дождались, пока вы его выведете, подскочили к вам и отняли...

– Да, Владимир Иосифович... Так и было...

Бас Арсена стал совсем тихим, виноватым. Оправдываться перед главным он не смел, да и не хотел. Глупо. Агаян это понял. Немного поразмыслив он произнёс:

– Значит так, Арсен, слушай меня внимательно... Собирай всех! Всех наших бери! Хватайте стволы! Раздавайте

оружие! Пусть старшики цепляют каждого! Молодых особенно... Арсен! Это дело рук Кутуза, и мы должны задушить эту скотину его же собственными кишками... Ты меня услышал?! Выполняй!

Тем же утром в Самаре, в кабинете начальника отдела по контролю за оборотом наркотиков женщина в строгой, но расстёгнутой на несколько верхних пуговиц форме смотрела телефонную запись, сделанную ночью в ресторане «Ара-рат». Информатор, уже долгое время висящий на шнурке у полиции, а с недавнего уже и лично у Анны, отзвонился и переслал это видео с комментарием, что оно важно.

– Интересно... – Анна сощурилась из-за плохого качества съёмки. – Весьма интересно... Это наш Арсенчик... Это Лёвушка... А это кто? – Она даже приблизила лицо к экрану, а была бы у неё лупа, то воспользовалась бы и ей. – Кажется, я это лицо где-то видела... Вань, тебе это парень знаком?

Она пригласила капитана посмотреть и даже повернула к нему монитор. Полевайкин, только и ждавший возможности нормально поглазеть на заварушку, прильнул к экрану – и ахнул!

– Вот это да! – От изумления у нег открылся рот, а глаза стали большими, как у филина. – Это же!.. Это!.. Как его?.. Тот парень, который дом в Новосибирске поджёг! Кучу народу там положил!.. Ну точно! Он!

– Ты не обшибся? – Анна нахмурилась. – Что за дикие

совпадения?..

– Век воли не видать! – отшутился Полевайкин с улыбкой, но, наткнувшись на прохладный взгляд начальницы, поостыл. – Точно! Не ошибся! Я его очень хорошо запомнил. У него ведь лицо запоминающееся, а у нас фоторобот в кабинете висел.

– Запоминающееся?.. – Анна откинулась в кресле и с сомнением скрестила пальцы на животе. – Ну возможно... Хм... Как бы мы могли это использовать?..

Иван хотел посоветовать, как, но осёкся: Анна смотрела не на него, а куда-то вглубь своих мыслей и шептала:

– Как же?.. Как это можно использовать?..

Глава 7

Гость из прошлого

День задался жарким, словно опять вернулось пекло, мучившее людей целое лето. Животные спрятались в тень, прохожие спешат убраться из-под палящих лучей. Забавно, но вновь потянулись на пляжи вереницы шляпок и зонтиков. Не Самара – Анапа!

Анна вызвала такси к дому и сейчас стояла у окна, разглядывала город с высоты девятого этажа. Она представляла, что где-то там, если хорошо приглядеться, можно увидеть Тольятти. И Сызрань. И Чапаевск. Всегда, когда она забиралась куда-то высоко, у неё возникало чувство соколиного зрения, просыпалось желание что-то этакое углядеть.

Зазвонил телефон – такси подъехало. Последний раз посмотревшись в зеркало, Анна заперла квартиру и пошла к лифту. Спустившись, вежливо поздоровалась у крыльца с соседкой. Там же её поджидал старенький «Опель». Таксист, как увидел клиентку, потянулся к ручке и с широкой улыбкой отпёр дверь.

– Садитесь, пожалуйста!

– Спасибо. – Анна проигнорировала переднюю дверь и села на заднее сиденье. – Побыстрее, если можно...

– Ново-вокзальная сорок семь?.. – спросил водитель уже спокойней, без огонька.

– Да, там парк должен быть. Кажется...

– Да я знаю! – Водитель выжал сцепление и с шумом тронулся, одновременно крутанув руль. – Я там бывал. Сейчас мигом доедем!

И в самом деле добрались быстро. Ни в пробку не попали, ни на светофоре не задержались. Дав двести рублей и не ожидая сдачи, Анна вышла на воздух и сразу кинула взгляд на ближайšie деревья. Парк выглядит очень ухожено. Зелень подстрижена, мусора нет, скамеечки лакированы. Она заострила взгляд на одной – там сидит нужный ей человек.

– Девушка! Сдачу забыли! – Водитель высунул руку в окошко. – Возьмите!

Анна уже шла к своей цели.

– Оставьте себе...

Мужчина хмыкнул и поднял стекло, после чего такси заворчало и уехало.

Анна шла и смотрела на человека, а он смотрел на неё – приметил сразу, как только подъехала. Этот мужчина всегда производит на неё впечатление. Да, он ей нравился, она его хочет... но в тоже время и восхищена его деловой хваткой, умом и целеустремлённостью. Очень дельный и сообразительный человек, редко такого встретить...

– Привет, Аня. Присаживайся... – Мужчина положил ладонь на скамью рядом с собой. – Ну? Какие вести?

Анна присела и, чтобы не допустить паузы, сразу заговорила:

– Привет... Эм... Сегодня ночью в «Арарате» приключение случилось. Агаяновских бомбанули.

– Да, я уже в курсе. – Мужчина кивнул. – Это Кутуз. Он отжал у Агаяна перспективного химика... Теперь надо ждать ответа от Агаяна. Думаю, кухню Кутуз сейчас делать не будет, сначала постарается конкурента задушить.

– Понятно... – Анна закусила губу. – Что делать мне?..

– По-хорошему надо бы подождать... – Мужчина сосредоточил взгляд на лице собеседницы. Одну руку он закинул на спинку лавочки, второй потёр подбородок. – Агаян должен кипятком ссать, как хотеть Кутуза в порошок стереть. Наверняка он сейчас собирает шпану. Нам бы просто в стороне постоять, но...

– Но что?..

– Агаян не знает середины. – Мужчина с сожалением помотал головой. – Если он возьмётся за дело, то устроит кучу шума. Будет целая гора трупов, а значит, и много внимания. А нам лишнего внимания, Анята, не нужно... Ты вот что: что делала – то и делай. Используй тех людей, которых я тебе дал, сообрази толковый план... Короче – займись обыкновенной ментовской работой. В том направлении, которое ты уже разрабатываешь. А там, глядишь, всё и яснее станет...

– Хорошо, я поняла... – Анна пригладила прядь волос. – У меня тут ещё кое-что есть. Вот. – Она достала SD-флешку и протянула. Мужчина принял чёрный квадратик на ладонь и сразу же спрятала во внутренний карман куртки. Уже ве-

селее, не без интереса он спросил:

– Что на ней?..

– Запись сегодняшней ночи в «Арарате». Снимали на телефон, так что качество не очень, но хорошо видно некоторые лица...

Анна запнулась, внезапно забыла слова, так удачно подобранные заранее. Мужчина спросил:

– И что за лица?..

– На камеру попал некий Краснов Никита Анатольевич...

– Анна отвела глаза, потом снова, уже медленнее и с задержкой подняла их. – Я думаю, он был тем, с кого потасовка и началось. Это он порезал Левона и других агаяновских. Конечно, может быть совпадением, что он начал драку именно тогда, когда кутузовские пришли химика у Агаяна отбивать, но...

– Но так думать глупо, – закончил за неё мужчина. – Таких совпадений не бывает. Хм, Краснов... – Он поиграл бровями, раздумывая. – Этот человек что, тебе знаком?..

Он посмотрел Анне в глаза и обнаружил в них удивление. Помявшись, Анна ответила:

– Он вообще-то всей стране знаком... Это же тот самый парень из Новосибира, про которого в июле все новости трубили. Полевайкин его узнал. Сказал, что у него лицо заметное.

– Заметное? Это какое?

– Ну, такое... – Анна вкратце описала внешность Краснова. – Я бы вовсе не сказала, что заметное. Скорее наоборот.

По новостям фотку его вообще испорченную давали, так что не удивительно, что я его не узнала. Это Полевайкин – вундеркинд...

– А... ага... – Мужчина кивнул... и в этот момент в его голове вспыхнула, ослепительной молнией взорвалась в мозгу догадка. – Кажется, я припоминаю... Ох, ничего себе!..

– Вот и я так подумала! – Анна почувствовала щекотливое удовольствие от того, что её удалось «шефа» удивить. – Я потому и назначила встречу, чтобы узнать – что мне с ним делать?..

– Да-а-а... Ну ни хрена себе... Любопытнейшие новости! – Мужчина растёр подбородок крепче, его взгляд заострился. – Говоришь, что это он начал драку... Стало быть, работает на Кутуза...

– Мне это тоже показалось странным. – Анна охотно кивнула. – Неужели Кожемякин стал бы нанимать на дело... эм... вот такую вот «звезду»? Это на него совсем не похоже.

Оба разом притихли и сделали вид, что просто дышат свежим воздухом: мимо, неспешно крутя колёсами, прошла молодая пара с детской коляской. Анна кинула придиричивый взгляд на девушку, оценила, во что та одета и какой рядом с ней парень, потом снова перевела внимание на «шефа».

– А это с какой стороны посмотреть... – Мужчина подбирал слова с трудом. Сейчас он задумчиво глядел куда-то поверх её головы. – Светиться не в его стиле, тут ты права... Но Алексеич любит нанимать особенных. Имеется у него такая

склонность... Да, есть тут над чем подумать... Ты умница, Аня, хорошо работаешь. Продолжай в том же духе.

– Спасибо...

Анне захотелось поблагодарить как-то более изящно и, может быть, даже с каким-то намёком... но, к сожалению, ничего красивого и остроумного ей в голову не пришло. Мужчина встал и направился к выходу из парка... как вдруг остановился, развернулся. На его лбу отразилась глубокая работа мысли. С хитрым улыбкой и проницательным взглядом он произнёс:

– А знаешь что?! У меня созрел план! По-моему, нам всё это очень даже на руку!..

Как поступить с Никитой «шеф» Анны думал недолго. Светить дело нельзя никак, а значит – никакой огласки и никаких государевых рук. Но упускать шанс сделать подножку Кутузу тоже глупо. Вывод просится сам – надо отдавать вопрос сибирской братве. Однако: являются ли те, кому Никита нагадил, вообще «братвой»? В самом ли деле они имеют на него зуб? Захочет ли кто-нибудь приехать в Самару и с Никиты спросить? Впрочем, главное – подсуетиться, а там видно будет...

Через старого приятеля в органах нашлась дорожка к барыге из Омска, промышленяющего краденными авто. От этого же приятеля стало известно, что товарищ этот совсем гнилой – постоянно стучит на своих... но проверено связан с ка-

ким-то новосибирским авторитетом Лапшой. От души посмеявшись над таким прозвищем, «шеф» позвонил этому барыге и поставил ему выбор – либо выводит на Лапшу, либо... Ни красноречия, ни денег не надо, когда имеешь сведения, способные утопить человека в крови и дерьме. Связь с Лапшой была предоставлена – точнее, был даден его личный номер и вымолено обещание не выдавать того, кто дал...

Состоялся звонок, конечно, с левого номера. Первый разговор получился короткий:

– Алло, это Лапша?

– Чего?.. Кто это?..

– Извините, не знаю вашего имени отчества. У меня есть информация, которая может вас заинтересовать. Сейчас скину файлы.

Отключившись, «шеф» скинул на номер Лапши видео и даже приписал: «Звезда вашего города». И стал ждать. Ждать пришлось долго. Не меньше трёх часов прошло прежде, чем позвонили в ответ.

– Слушаю вас...

Голос Лапши прозвучал тяжело, но спокойно:

– С кем я разговариваю?..

– С доброжелателем. Если вы будете стараться узнать, кто я такой, то не утруждайте себя, всё равно не узнаете. А звоню я потому, что свой интерес имею.

– Послушай-ка ты...

– Нет! Это вы послушайте! Я вам даю возможность покви-

таться! Даю просто так, безвозмездно! Если есть в Новосибире люди, желающие обидчику отомстить – пожалуйста, вот я им сейчас помогаю. Если нет, то я на связь выходить больше не буду. Это ясно?..

– Это ты только по телефону такой дерзкий, или в жизни тоже?..

– Никита ваш в Самаре сейчас. Работает на Кутуза, местного наркодилера. Кожемякин Юрий Алексеевич он по паспорту, если что. Дилер, не Никита... Думаю, более месяца он в городе не задержится, так что спешите.

– И... что?.. – Голос вдруг стал путаным, потерявшимся. – Что дальше то?..

– А то и дальше! Город теперь вам известен, на кого работает ваш обидчик – тоже. Коли не захотите вы эту пташку поймать нынче, то есть у меня уверенность, что уже и не поймаете никогда. Упорхнёт за бугор! Прощайте...

Завёрнутый в полотенце, с выпуклыми мышцами и широкими, как рессора «КАМАЗа», плечами, Алексей Кружилин шёл по коридору сауны. Разнообразные татуировки украшают его спину, живот и ноги. Все на местах шрамов, оставленных когда-то чужими усилиями. Самый большой на ноге – от укуса соседской собаки в детстве. Алекс потом забил её лбом. Соседу тоже досталось... На боку паук закрывает круглый шрамик от пули. По спине ползёт пантера – однажды пришлось отбиваться от четверых с разбитыми стеклянными

бутылками – наследие две тысячи третьего... Около пупка красуется свежая картинка – отрубленная голова. Голова лежит на тарелке, с краёв которой капает кровь. Мёртвые глаза смотрит точно на тебя, куда бы ты не встал. Это шрам на память от нынешнего лета. Татуировку Алекс наколол, как памятник стыда, который мечтает однажды превратить в памятник мести...

Есть ещё одна татуировка, давшая прозвище: на среднем пальце правой руки наколото кольцо с продетой в него секирой. На лезвии секиры капли крови, они как бы стекают в лужу, где валяются разбитыми три золотые звезды... В реале не было, конечно, никакой секиры, а был обыкновенный пожарный топор. И убил Алекс топором не троих, а двоих. Ещё одного просто застрелил. Так получилось. Это было ограбление, его самое первое НАСТОЯЩЕЕ дело, ещё по шпане. Неудачно выбрали кассу, неудачно нарвались на ментов... Неудачниками оказались и два его дружка, взявшиеся за дело, которое им было не по зубам. Мир праху их.

В парной Алекса дожидались. В небольшой кабинке на лавках-ступеньках устроились в непринуждённых позах два особых гостя. Первый длинный, ростом почти с самого Алекса мужчина лет сорока, лысый с и вытянутым, как у змеи, лицом – Серёга Лапша. Тоже в татуировках, но то партаки – каждый с особым смыслом. Второй – полная противоположность: толстый, покрасневшийся. Щёки хомячьи, пальчики на руках и ногах пухленькие и маленькие, а лицо

и особенно глаза, как у грызуна... Это Толя Старший, главный организатор любой стачки и любого беспредела, если такой вдруг возникает. Очень скользкий и очень продуманный тип.

Алекс снял полотенце и закинул на вешалку. Обволакиваемый горячим паром, он прошёл в середину и уселся на нижнюю скамейку, так как жар с недавних пор любить почему-то совсем перестал.

– Здоров будь, Алекс! – Лапша подал руку. – Как жизнь? Как чувствуешь себя?

– Нормально... – Алекс невольно потянулся к свежему шраму, но от касания удержался. – Заживаю потихоньку...

– Привет. – Толя тоже подал руку, а когда минул момент пожатия, произнёс: – Ну что?.. Потолкуем о деле?..

Лапша кивнул, а Алекс напрягся так, что у него аж скулы побелели.

– Недавно к нам прилетела любопытная весточка... – Толя немного похрипывал, будто простуженный, от чего речь его слышалась приглушённой и таинственной. Глядел он только на Алекса. – Серёга уже поделился, с кем нужно. С тобой, Алекс, мы лично решили обсудить.

– Всем говорить нельзя... – Губы Лапши презрительно скривились. – Есть мысль, что кто-то из наших покраснел. Знать должны только самые свои, иначе этот выродок может попасть в чужие руки...

Алекс мрачно вставил:

– В мои... Этот тип должен попасть только в мои руки. Больше ни в чьи...

– Никто не спорит! – Лапша лукаво переглянулся с Толей. – Все знают, что у тебя больше всех прав ему голову свернуть. Вопрос в другом...

– Точнее, их три. – Пухлые пальцы Толи изобразили вилку. – Кто тот умник, что с нами связался?.. Можно ли ему доверять?.. И последнее: если этот – как его?.. – Никита работает теперь на самарского наркобарыгу, то это может вызвать некоторые осложнения...

– Не вижу никаких осложнений! – Алекс яростно махнул рукой, словно крошки со стола смахнул. – Эта тварь убила Каштана! Каштана многие уважали и были ему обязаны!.. Плевать, кто там на кого шестерит! Если не захотят они нам этого выблюдка отдать – разнесу их ко всем чертям! Всю Самару с землёй сравню! Пусть только попробуют помешать...

Лапша с Толей снова переглянулись. Толя слегка улыбнулся и по особенному моргнул – так, чтобы Алекс не видел.

– Ну а с первыми-то вопросами что? – Лапша задумчиво почесал затылок. – Разговаривал я с этим умником, и что-то мне он очень не понравился. Темнит, собака... Может, он вообще подставной... Что тогда?..

Алекс закрыл глаза и сидел так с минуту, прислушивался к пару, к деревянной скамье, к теплу. После взглянул на Серёгу уже спокойнее и спросил:

– Видео-то настоящее? А то я ж его и не смотрел вовсе...

– Да он это, он. Сомнений нет. – Лапша закивал. – Его любой из наших узнает!.. Провбили мы, кстати, ситуацию через ментов – в самом деле в Самаре в каком-то ресторане разгром недавно учинили, так что более-менее всё сходится. Подтвердили люди на вранье ни разу не пойманные.

– Чего тогда ещё думать?! – Алекс с гневом бахнул кулаком по коленке. – Надо лететь в Самару! Надо хватать это урода! Чего терять время?!

– Тише, дружище! – Толя с улыбкой сжал Алексу плечо, и тот словно бы пришёл в себя, выдохнул. – Ты сейчас от злости дырку в лавке прожжёшь, ей богу!

– Убить я его хочу... – Алекс провёл ладонью по взмокшему лбу. – Уничтожить эту гниду где бы она ни пряталась! Мне для этого ни себя, никого не жалко...

– Так что решаем? – Лапша откинулся и обвёл дружков внимательным взглядом. – Поедешь в Самару, Лёха? Или как рассудим?..

– Ты ещё спрашиваешь?.. – Алекс криво усмехнулся. – Нечего тут решать, всё уже ясно. Сегодня возьму билеты, завтра уже приземлюсь в Самаре. А послезавтра... – тут он сжал пальцы так, что хрустнули суставы, – послезавтра я уже буду держать яйца этого гада у себя в кулаке! Вот что!

– Хорошо сказано! – Толя звонко хлопнул в потные ладошки. – Правильно! Нашим, кто в курсе, скажем, чтобы лишнего никому не болтали. Про тебя, если что спросят, то ты

у нас в Болгарию улетел на пляжах загорать. А что касается Самары... – Тут он с прищуром потёр пухлый подбородок. – Есть у меня кой-какая идея... Там ведь какие-то пацаны фурами занимаются, они ещё с нами через курганских связаны. Я слышал – нормальные люди, проверенные. Я попрошу, так тебя в Самаре встретят и, если понадобится, помогут...

Алекс медленно кивнул, взгляд его уже бродил где-то не здесь, не в парилке... Лапша подытожил:

– Ну, дело обсудили, теперь о нём наоборот молчок! Толя! Давай девочек звать!

На раскрасневшемся лице Толи расцвела масляная улыбка.

Путь Алекса утомил. Шесть часов минуло, как он сел в Толмачёво, перелетел в Шереметьево и только потом в Курумоч, аэродром к северу от Самары. Алекс не любил долгих ожиданий и всегда злился, если приходилось терять время. Теперь, в десять вечера, после тряски, нерасторопной стюардессы, задержки на досмотре, среди медлительной толпы ему приходилось прямо-таки сдерживаться, чтобы не врезать кому-нибудь по глупой роже.

Полетел Алекс один, никого с собой брать не стал. Да и, может быть, местные пацаны окажутся путёвыми?.. Они как раз должны ждать его где-то на парковке, вдвоём. Встречу организовывал Толя, надо просто найти «двенадцатую» с тремя тройками – её владельцы и должны быть теми самы-

ми.

Оказавшись вне аэропорта, Алекс двинулся к скоплению автомобилей. Людей вокруг стало поменьше и бешенство уже не так колотило его. У первого ряда машин двое парней лет двадцати пяти и тридцати высматривают кого-то. Один в спортивном костюме и кроссовках, другой в джинсах, ботинках и кожаной куртке. Около них как раз «двенадцатая», три тройки. Машина под такой плотной аэрографией, что похожа скорее на картину с приделанными колёсами. Ухмыльнувшись, Алекс направился к ним.

Тот, что в кожанке, при приближении оказался старше. Взгляд его прямой, сам опрятный и солидный, при том похож на человека, долгое время живущего в подвале без еды – настолько бледен и худ. Второй же пацан пацаном: подтянутый, длинный, на голове «ёжик». С острым подбородком и ушами лопухом. Оба уставились на Алекса, переглянулись. Старший первым протянул руку и произнёс:

– Евгений. Для друзей просто Женя.

– Стас! – Руку протянул молодой и Алекс пожал их обе, с удовольствием отмечая, что жмут по-мужски, крепко.

– Алекс. Просто Алекс... Привет, пацаны. Рад знакомству.

Женя с со Стасом снова переглянулись, на их лицах Алекс заметил оттенок бодрости. Некоего оптимизма что ли... Так бывало, когда он приезжал из Новосиба в какие-нибудь городишки с делом, требующим вмешательства верхушки. Ка-

кими только люди тогда ни становились: иногда серьёзными, не в меру деловыми, иногда апатичными или наоборот разбалтывались без умолку. А иногда вот так просто приободрялись, потому как пришло в их серую, вообще-то скучную жизнь что-то новое, авантюрное. Пришло вместе с человеком авторитетным, разбирающимся, пробивным. И часть этой «авторитетности» можно перенять, украсть для себя...

– Нам вчера позвонили. – Женя взглянул Алексу в глаза. – Фотку твою прислали, просили встречу организовать по всем правилам...

– Потом, всё потом! – Алекс отмахнулся и кивнул на машину. – Давайте, пацаны, уезжать, а то меня от аэропортов уже тошнить начинает. По дороге поговорим!

Уже через минуту разрисованная «двенашка» мчалась в Самару. Алекс высунул ладонь из окна и ловил ветер, Женя сидел сзади, а Стас рулил и азартно набирал скорость, обгоняя не шибко стремительные попутки.

– А ничего тут у вас, красиво... – Алекс загляделся на всё ещё зеленеющий пейзаж.

Стас охотно согласился:

– Да не жалуемся!

– Это мы просто до города не доехали, – возразил Женя. – Это за городом красиво, а внутри грязь сплошная и пылица.

– Ну, грязи везде хватает... – заметил Алекс философски. – Как у вас тут дела идут? Как вопросы решаете?

– Дела хорошо! – снова вставил Стас. Алекс приметил, с

какой страстью парень давит на газ, как горят у него глаза. – Делишки крутятся, лавэшка мутиться! Ха-ха! У нас вот тут недавно тёрки с ребятами одними из Тольятти были, так дело даже до ножичков дошло...

– Да ты что?! – Алекс картинно изумился, а Стас продолжил ещё горячее:

– Да! Но представь – эти идиоты по глупости с мусорами закусились, а потом, я слышал, их главного, Борю, и двух дружков его за изнасилование взяли. Вот идиоты! И подняться-то толком не успели, а теперь уже и не поднимутся никогда. Опущены...

– Стас! Следи за языком! – Женя недовольно сдвинул брови и парень тут же осёкся, улыбка слетела с его губ. – Ты Алекс его не слушай, Стас любит поболтать... У нас дела идут хорошо всегда, благо свою голову на плечах имеем. Да и посоветоваться всегда есть с кем... А Боря этот, до которого тебе, наверное, и дела нет – обыкновенный шкет: ни ума, ни силы, ни характера. Серьёзным проблемой он для нас не был, а теперь, тут Стас прав, уже никогда и не будет.

– А что фуры?.. – Алекс оглянулся через плечо.

– А что с ними станется? – Женя пожал плечами. – Водилы платят, фуры ездят. Всё как всегда. Кое-кто пытается через ментов вопрос решать, но мы это быстро пресекаем. В целом каждый месяц неплохой улов получается...

– Хорошо... – Алекс многозначительно кивнул и устремил взгляд обратно за окно, к природе. – Развивайте эту те-

му, пацаны, развивайте. Сильных конкурентов у вас нет, да и с ментами договориться всегда можно, так что только вперёд! Вольное время для нас настало, можно свободной грудью вздохнуть. А будут какие проблемы, так обращайтесь – вся братва с вами вместе поднимется! Знайте!

Стас снова заулыбался, ему такие слова явно понравились. Женя тоже улыбался, но в отличии от молодого сделал это сдержаннее. Алекс украдкой поглядывал на них, а сам в душе посмеивался. Как мало надо людям, чтобы развесили уши, поверили. Назови их хорошими, одобри их, скажи что поможешь, что с тобой их ждёт удача – и они твои! С потрохами твои! А понадобится их использовать, обмануть, кинуть, убить – Алекс бы не сомневался ни секунды и любому бы шею свернул, даже человеку, который назовёт его своим другом, ибо в жизни только так: либо всех грызи, либо ляг в грязь.

Сумерки сгущаются, ветер становится всё прохладней. Самара приближается. Вынырнув из размышлений, Алекс вспомнил, зачем приехал и спросил:

– Пацаны... а есть ли у вас стволы?

Аэропорт коробил Агаяна настолько, что ему уже почти не хватало сил вести себя прилично. Его бесил день. Его утомляла ночь. Диспетчерская башня, которую он иногда видел, выбираясь на улицу, казалась ему отвратительной... А всё потому, что вот уже два дня он безвылазно просиживает

штаны в ожидании добрых вестей – вестей о начале полётов!

Позавчера, когда до посадки осталась самая малость, разыгрался ураган. Дикая буря! Сначала вылеты отменили на несколько часов, но когда ветер стал раскачивать машины, а перегоняемый к амбарам самолёт завалился на бок, тогда Агаян с бессильной злобой понял, что придётся задержаться надолго. Заставив своих дежурить возле касс, он побрёл по залу в раздумьях, как бы ему лучше повернуть дело: как раздавить Кутуза одним ударом? Обязательно самым болезненным и кровавым!

Гроза, ставшая похожей на кару божью, бушевала день и половину ночи. Стекланные стены аэропорта превратились в руины: где расцвела «паутина», а где и вовсе пробило дырки, в которые свободно влетают птицы! Повсюду снуют рабочие, на взлётной полосе спецтехника собирает вырванные с корнями деревца и ошмётки всякого хлама. Вылеты задержали ещё на день.

Жестоко психующий, Агаян попытался связаться со своими по телефону, но даже связь пропала: на экране не светится ни единой антенны. Настоящая засада!

– Простите... – К сотрудникам аэропорта он обращался, старясь быть вежливым, хотя на самом деле хотел на них орать. – Подскажите, пожалуйста, когда начнутся вылеты? Я очень спешу...

– Тысяча извинений, – отвечали ему заученный текст, – мы делаем всё возможное...

К концу второго дня терпению Агаяна пришёл конец. Изнурённый нервозом, недосыпом и недоеданием он оставил одного из парней дежурить, забрал водителя и отправился обратно в гостиницу с надеждой, что его прежний номер ещё не заняли и можно будет дождаться вылетов с бокалом коньяка. Чёртова гроза!..

Кутуз присел на лавочке в парке на пересечении Урицкого и Спортивной. Маленький такой ухоженный заповедник, с фонарями, дорожками и разукрашенными магазинчиками со сладостями и игрушками. По дороге купил сосиску в тесте, попросил обильно полить её кетчупом и сейчас аккуратно откусывал по кусочку, внимательно следя, чтобы не посадить на рубашку пятно.

Погода выдалась чудная! Солнышко светит ярко, туч нет. Воздух свежий и словно бы даже пахнет природой, а не городом... Хорошо. Очень хорошо. Для разговора, который затеял Кутуз, именно такая атмосфера и требуется. Были даже временно отпущены телохранители. Теперь просто мужчина в возрасте завтракает на свежем воздухе. Ну разве не идиллия?

Кутуз проверил часы – уже скоро должен подойти человек, ради которого он в парк и пришёл. А может, он уже здесь и стоит сейчас где-нибудь, наблюдает?.. Вполне возможно.

– Юрий Алексеевич... – Тихо, как тень, рядом возник Никита. – Здравствуйте...

– И ты будь здоров, Никит... – Кутуз повернул голову к парню и мазнул взглядом по его загорелому, с налётом небритости лицу, по голубым глазам и золотистым, пшеничным волосам и бровям. – Присаживайся, поговорим...

Никита сел и закинул ногу на ногу. С Кутузом их разделило расстояние всего в две ладони, но как-то он сумел так устроиться, словно не на лавочке в парке, а дома на диване.

– Хороший костюмчик... – заметил Кутуз, глянув на рубашку и штаны, купленные явно в фирменном магазине. – И ботиночки новые... Тебя прям не узнать: когда впервые пришёл – и сейчас...

– Встречают по одежке, – произнёс Никита с намёком, – а провожают по уму. Кстати – можно сказать, что вы сами всё это купили. Во второй раз...

– Подумаешь, дал на карманные... У меня к тебе, Никит, два вопроса. Надо нам их с тобой обсудить. – Кутуз поводит ладонью, словно лодочка лавирует между рифов. – Знаешь, как людям серьёзным и деловым. Ты же ведь деловой, серьёзный?..

Всем корпусом он повернулся к Никите и взглянул ему прямо в глаза. Тот хотел что-то ответить, но замер, его рот приоткрылся, а глаза застыли на одной точке... «Наверное, заметил протез» – подумал Кутуз.

– Стараюсь быть... – Никита шумно прочистил горло, но взгляд не отвёл. – Юрий Алексеевич, вы к чему-то клоните?.. Я не люблю заходы с далека. Говорите прямо.

– К чему я клоню?.. – Кутуз сделал движение поправить очки, но остановился на полпути, задумался. – Ну, давай разберёмся. Кхм... На счёт твоих документов: знай, Никит, что всё готовится, всё делается в лучшем виде. Через недельку – может, чуть дольше – получишь свои корочки и сможешь уехать куда вздумается. Как мы и договаривались.

Взгляд Никиты стал цепким и подозрительным, как у сторожевой овчарки. С насторожённой он спросил:

– Есть что-то ещё?.. Какое-то НО?..

– Нет никаких но. – Кутуз помотал головой. – Всё, что обещал, я исполню. Вот только, понимаешь, проблема одна выросла... точнее, на хвосте твоём приплелась...

Если бы люди могли вспотеть за секунду, то Никита был бы уже мокрый. Изморозь пробежала по его нервам а сердце бухнуло, как молоток судьи.

– Приехал тут один из Новосиба... – Кутуз следил за мимикой Никиты внимательнейше, глаз не сводил. – Алексом назвался. Мы простили его, так это оказался Кружилин Алексей Леонидович. Знаком тебе такой?.. – При этом имени у Никиты кровь сошла с лица. – По глазам вижу, что знаком... Понимаешь ли, вчера вечером этот самый Алекс позвонил нам и назначил стрелку. Отказываться от разговора будет неправильно, а про что он пойдёт – я смутно догадываюсь...

– Это каштановский помощник главный. Точнее бывший... – Никита шептал отрешённо. Перед взором его возникло перекошенное злобой лицо беловолосого громилы,

которого он оставил умирать в пожаре. – Алекс Топор... Знаю – ужасно дурацкое прозвище, но, думаю, для него подходящее идеально...

– Да, в самом деле дурацкое. – Кутуз усмехнулся. – Он что – всюду топор с собою таскает?..

– Нет. Просто он как-то раз троих людей прилюдно зарубил, – голос Никиты звучал тихо, почти шёпотом, – вот кликуха и прилипла... Сам я так, не лично – через вторые руки слышал... Я думал, он мёртв...

Кутуз следил за побелевшим, заострившимся лицом парня. Стараясь разрядить обстановку, он произнёс:

– Ну, знаешь... сегодня человек ошибается, а завтра уже и нет... А почему ты думал, что он мёртв?

Никита поглядел на Юрия Алексеевича так, словно тот спросил что-то совершенно глупое.

– Я считал, что вам обо мне всё известно. Неужели нет?..

– А как ты думаешь?.. – Брови Кутуза подпрыгнули вверх-вниз. – Конечно я стремлюсь знать всё... но всегда, так скажем, полезно услышать историю из уст очевидца...

Никита понимающе покивал.

– Да, вы правы. Из уст очевидца... Хм... Ну, я и так уже вам всё рассказал, ничего нового не добавлю. Каштан этот в Новосибе был крупным заправилкой. Криминальным по самую маковку. Убил я его вместе с той скотиной, что отца моего загубила. Вместе они его загубили... – Никита сделал паузу, сглотнул. – А Алекс этот в тот день Каштана сопро-

вождал. Буд-то чувствовали... Когда я расправу устроил и дом поджёг, Алекс последним на ногах оставался. Порезал я его и умирать оставил. Не знаю, как он спасся...

– Я-я-ясно... – Кутуз покачал головой. – Любопытно...

Шумно тархтя и воняя выхлопами, по дороге мимо парка пронёсся грузовик. Грохот поднялся раздражающий. Выхлопные газы будто бы брызнули на всех нечистотами. Никита задержал дыхание, а Кутуз поморщился и прикрыл нос воротником.

– Интересная история выходит... – сказал он, открывшись чуть погодя. – Теперь у меня нет сомнений, зачем он приехал. Если, конечно, это ни какой-то иной Алекс... Другое любопытно: как он узнал, что ты работаешь на меня?..

От возмущения у Никиты округлились глаза. Недоумевающе воззрившись на «профессора» он возразил:

– Я на вас не работаю!

– Ну-ну, не кипятись. Поработал какое-то время, это ведь тоже считается... – Кутуз хитро подмигнул. – Но сейчас не это важно. А важно то, что мы будем делать в этой ситуации...

Мимо ушей Никиты вовсе не проскочило это «МЫ», но он решил всё таки послушать, что ему скажут... В тоже время разум упорно напомнил, что гангренозное мясо отрезают, и опухоль выжигают, и от лишних людей избавляются...

– Алекс этот для меня никто. – Кутуз презрительно махнул ладонью. – И братва новосибирская тоже. У меня, зна-

ешь ли, свои интересы, и я не позволю кому-то себе указывать. Есть, однако, некоторые понятия, которые нельзя игнорировать...

– Понимаю... – Никита неуверенно кивнул, в голову ему полезли самые дурные образы: погоня, убийства, бесконечные съёмные квартиры. Смерть от тех, кому доверился...

– А я вижу, что не понимаешь! – Кутуз смело хлопнул Никиту по плечу, от чего тот нервно вздрогнул. – Посмотри на себя: ещё немного, и тебя начнёт трясти!.. Зря это всё. Не собираюсь я тебя сдавать.

– Да?.. – Никита приподнял бровь. – Оказанная услуга не стоит ничего...

– Ошибаешься... – Кутуз помотал головой и убрал руку. – На меня работают много людей. Догадаешься, что объединяет их?

– Желание денег?..

– Не без этого. – Кутуз с улыбкой кивнул. – Вон и у тебя костюмчик новенький, да не дешёвый... Но нет, Никит. В таком деле, как моё, люди с тобой только если ты страшнее всех ментов и уголовников на свете... или если ты человек, способный своих от всех бед защитить. Человек, на чьё слово можно положиться. Люди такое ценят... если они не идиоты, конечно.

Никита вяло поинтересовался:

– Это намёк на то, что я идиот?..

– Не выпендривайся! – Кутуз повысил голос. – Слушай

лучше, что говорю! Не знаю, как Алекс нашёл тебя, но нет никакой гарантии, что если удерёшь, он этого не сделают снова. Согласен? Ну а если менты тебя где сцапают, то опять же – песенка твоя спета...

Лицо Никиты стало мрачнее тучи, он скрестил руки на груди.

– Америку вы не открываете...

– Да слушай же, не перебивай! – Кутуз подался вперёд, его настоящий глаз, казалось, сейчас прожжёт в парне дырку. – Ты лучше оставайся. Нет, не на всегда. Знаю, ты хочешь свалить... Но побудь здесь какое-то время! А с Алексом мы решим. Я кое-что уже придумал... От ментов я тебя отмажу. Денег опять же хороших дам... Только мне в свою очередь от тебя тоже помощь потребуется. Ну, что скажешь?..

Кутуз замер, опасаясь проронить ещё хоть слово. Отстранившись, он стал терпеливо ждать. Никита упёр лотки в колени, положил подбородок на большие пальцы и молчал. Взгляд его скользил по асфальту, ветер трепал давно не стриженные пшеничные волосы.

– И какого же рода помощь вам требуется? – Никита поднял глаза. – Как в прошлый раз?..

– Именно. – Кутуз кивнул. – Не стану скрывать – у нас тут скоро разгорится самая настоящая война. С кровью, с трупами и с прочей грязью. Каждый боец будет на счету.

– Так вы имеете ввиду...

– Да. Чтобы ты повоевал на моей стороне. Ты же ведь уме-

ешь воевать, правда?.. Не смотри на меня так, будто удивлён. Витя, мой главный по безопасности, про тебя кое-что раскопал. Мы, скажем так, знаем о некоторых твоих подвигах. Соглашайся! Если останешься... хотя бы на месяц, ну может на два – дам тебе... пятьсот тысяч.

На Никиту словно ведро холодной воды вылили. Он открыл и закрыл рот, прищурился, потом снова открыл – и снова закрыл. Кутуз терпеливо ждал.

– Щедрое предложение... – проронил Никита наконец. Слова дались ему с трудом. – Однако я вам уже говорил, что меня ваши разборки не интересуют. Я только проездом. Помните?..

– Помню. – Кутуз не шевелился, шевелились только его губы. – Помню конечно... Однако, прежде, чем отказаться, подумай, Никита, вот о чём...

Он умолк: мимо их лавочки пошла пожилая женщина с веточками в руках. Через толстые лупы очков на Кутуза с Никитой взглянули затянутые белёсой пеленой глаза. Седые волосы спрятаны под старомодным французским беретом, на шее болтаются архаичные бусы. Никита подумал, что так вот выглядела его учительница, Клавдия Ивановна, преподававшая географию в пятьдесят четвёртой школе. Милая была женщина...

– Подумай вот о чём, – продолжил Кутуз приглушённо. – Каким-то образом Алекс сейчас знает, где ты. Наверняка же он и не один ещё – за ним и другие люди стоят. Ты можешь

сейчас уйти, я тебя не остановлю, а на сегодняшней стрелке просто скажу, что знать тебя не знаю, и пусть докажут обратное... Однако тебя будут искать, Никит. А ведь тебе ещё надо дожидаться, пока твои документы приготовят. Что ты будешь делать всё это время? Прятаться?..

Никита угрюмо молчал. Кутуз продолжил:

– Может быть Алекс не найдёт тебя сам, и даже его люди, если они есть, не смогут, однако лично я в таком случае сразу же подключил бы ментов. Зная точно, в каком ты городе, поймать тебя очень легко! Сегодня ты свободен, а завтра, когда проедешься на такси, или в метро спустишься – раз! И уже в наручниках! Ты сам должен знать, как это работает...

– Знаю... – Голос Никиты прозвучал недовольно. Взгляд его стал мрачнее тучи. – Я прекрасно знаю, как это работает...

– Тем более! – Кутуз словно бы ткнул пальцем в несуществующую карту, у которой они сидят. – Попадёшь к ментам – попадёшь к Алексу! А если прямо сейчас убежишь – не видать тебе ни документов, ни денег... И всё равно кто-нибудь опять на хвост тебе упадёт!

Никита молчал. Никакой мимики, никаких чувств не выражал. Сидел, как камень.

– Забудь. – Кутуз закинул ногу на ногу, локоть положил на спинку лавочки. – Переждать, спрятаться, убежать – всё это варианты гиблые. А я тебе дело предлагаю. И с ментами, если вдруг что, вопрос решу, и с Алексом твоим разберёмся... А

через время уедешь ты с новым паспортом и при деньгах. Плюсом к пятистам могу накинуть ещё тысяч пятьдесят, но это моё последнее предложение. Если мои узнают, сколько я тебе даю – меня просто не поймут.

Никита тяжело вздохнул. Левая его ладонь прижалась ко лбу, устало опустилась до подбородка, потом скакнула вверх и пригладила волосы. Холодный взгляд чуть потеплел, а губы скривились в невесёлой улыбке.

– Ладно. – Он опустил руку и сцепил пальцы на колене. – Ладно, Юрий Алексеевич... или Кутуз. Как вас больше устраивает?.. Согласный я. Но! – Никита поднял указательный палец. – Как только всё закончиться – я уйду, и у вас не будет ко мне никаких претензий.

– Это смотря, как уйдёшь... – Взгляд «профессора» стал глубоким, многозначительным.

– Не волнуйтесь, не по-английски. – Никита иронично ухмыльнулся. – Взялся за гуж... Ну а что с Алексом? Что вы придумали? Просто убить его?..

– Не глупи. – Голос Кутуза стал предельно деловым, а взгляд строгим. – Чтобы потом мне что-то предъявляли?.. Нет, Никит, тут требуется самое простое решение. Даже можно сказать – дворово-пацанское. Ты как, нормально себя чувствуешь? Двигаешься хорошо?..

...Когда всё обсудили, Никита сказал, что ему нужно подготовиться и попрощался. Кутуз не стал глядеть ему вслед, решил просто ещё немного посидеть и подышать свежим

воздухом.

Интересно складываются дела в последнее время... Весело. Сердце бьётся чаще, кровь бежит по венам резче. Вот она, настоящая жизнь! Вот оно, развитие!.. Одно настораживает: отсутствие Агаяновского ответа. От стукача известно, что люди его собираются, готовят оружие, подтягивают шпану. Вроде как идёт толк про крупный наскок, но почему-то всё до сих пор тормозится... Стараниями Никиты Левон на больничной койке, так что особо не покомандует. Арсен мужик хоть и крутой, но вовсе не хитрый, а потому большой угрозы не представляет... Но где же сам Агаян? Куда он делся? Очень, очень странно... Или может всё это для усыпления бдительности?..

– А! Хрен с ним! Попутно разберусь... – Кутуз недовольно отмахнулся от тягостной мысли, как от назойливой мухи. Встал с лавочки и поправил одежду. – Сегодня о другом думать надо. Так, где там мои ребятки?..

Часы показали половину девятого. Багровый слепящий шар солнца уже подползает к краю неба. Никита погляделся в зеркало: одет в спортивку – красное вперемешку с чёрным, на груди какие-то полоски, напоминающие порезы от кошачьих когтей. Вообще этот костюм ему не слишком понравился, но приходилось спешить, а остальные, висящие в магазине, показались совсем уж дурацкими. Купив ещё и кроссовки, он быстро приехал домой и наскоро поел, после чего

сразу лёг спать... и вот полчаса назад будильник разбудил, заставил подняться и начать нехитрые приготовления – всего-то умыться и перекусить перед выходом.

Телефон завибрировал, на экране высветилось: «Я подъехал». Никита выглянул из окна съёмной квартиры – у подъезда, сверкая полиролью, красуется «Нива Шевроле». Наскоро доев, Никита вымыл руки и обулся. Уже через две минуты он стоял на крыльце и глядел на машину сверху вниз.

– Ну, чего ждёшь? – Валя выглянул через припущенное стекло. – Забыл чего?..

Никита запрыгнул на переднее сиденье и они стартовали, взорвав позади себя облако пыли.

– Я так посмотрю, вкусы у тебя устойчивые... – Внутри Никита огляделся. – Эта тачка случаем не твоя ли собственная?

Валентин понимающе улыбнулся.

– Не, не моя. Но у меня тоже внедорожник, тут ты угадал. Ну а что? Везде удобно!

Пока ехали, трепались о машинах. Валя рассказал, как в армии управлял БТР, как переводили его в несколько частей подряд и везде поручали какой-нибудь «самокат». Последним оказался «УАЗик», и так глубоко полюбился тот Валентину, что с тех пор он только похожие машины и берёт, остальными брезгует.

– Ну и чинить её легко! – доказывал он, лавируя между тянущимися рядами попутков. – Вот как-то раз за городом у

меня полетел шланг бензиновый. А зима тогда стояла крепкая. Да ещё и первый час ночи! Был бы я на какой иномарке – конец бы мне пришёл! Ну а так легко справился...

Никита молчал, больше слушал. Думать ему не думалось, он лишь наблюдал из окна и временами чесал зудящую щёку. После паузы Валентин спросил:

– Чё? Нервничаешь?..

– Нет, вовсе нет. – Никита повернул голову и встретился с Вале́й взглядом. – Просто... Знаешь, я немного по другому всё планировал, а тут получается, что от меня на самом деле мало что зависит. А я так не люблю...

– Понимаю... – Валя сжал губы. – Ты главное, Никит, Ку-туза слушайся, тогда будет у тебя всё хорошо. Он у нас мужик головастый. Честное пионерское!

– Слушайся... Делай, как сказано... – Никита с шумом выдохнул. – Бесит меня это всё...

Валентин пожал плечами, а Никита отрешённо уставился в окно... но потом добавил:

– Конечно это не значит, что я какое-то брехло. На что согласился – то всегда в силе, ты не подумай...

– А я и не думаю... – Валентин помотал головой. – Я, Никит, давно уже только за себя одного думаю, а за остальных, считаю, думать глупо. Улавливаешь такую мысль?.. Хорошо... Ты к стрелке готов?

С наигранным подъёмом Никита воскликнул:

– Всегда готов!.. Да там и готовится-то к нечему, всю те-

му, как ты говоришь, Юрий...э-э-э... Кутуз контролирует. А почему у него, кстати, такая погрехуа? Из-за глаза?

– Кхм-кхм... – Валентин громко прочистил горло. – Ты про это лучше не спрашивай, меньше голова болеть будет. А про стрелку ты прав – всё схвачено. Если кто на нас там гнать начнёт, ты увидишь, как быстро обломается...

Никита хмыкнул и дальше помалкивал. Его взгляд вновь устремился за окно, на город. Так они и ехали, пока не оказались на пересечении Заводского шоссе и проспекта Кирова.

– Скоро будем на месте. – Валя сбавил газ и вдруг словно бы стал осторожнее, внимательнее. – Тут пустырь один есть, недалеко от лодочной станции. Очень для наших дел удобное местечко...

Никита натянул зловещую улыбку.

– Чё?.. Трупы там закапываете?..

– Разговоры всякие проводим, – ответил Валя серьёзно, чем собеседника малость смутил. – Сейчас времена, конечно, уже не те... однако чувствую, что скоро наступят старые недобрые деньки, и будем мы разъезжать по стрелкам, как вот сейчас по булочным...

– Это почему?..

– Потому что Кутуз затевает большую тему. – Валя завернул на Ветлянскую. – Очень острый супчик заваривает... Давай-ка, браток, пока о том не будем. Сперва этот день пережить надобно.

Вместо широкополосной под колёса прыгнула узенькая,

поганенькая дорожка. Справа потянулась река Самара, слева промышленные бараки. Как и обещал Валя, уже через минуту показалась лодочная станция, опустевшая и безлюдная, а дальше за ней пышный кустарник, разросшийся на развалинах белокирпичного здания.

Валя свернул в сторону этого самого кустарника.

– Окно закрой и приготовься выходить.

Машина обогнула развалины. Перед взором приехавших из-за кустарника и старых руин выплыл чёрный блестящий «Мерседес» с двумя мужчинами около. Мужчины отступили и Валя проехал дальше, оставляя заезд свободным.

– Всё, приехали. – Он выключил мотор и открыл дверь, на ходу стрельнув в Никиту серьёзными глазами. – Выходи! Осматривайся.

Никита выпрыгнул и сразу в нос ему ударил речной запах, смесь тины и плесени. Тут-же, как в засаде ждала, налетела туча мошки! Не успел Никита толком оглядеться, а уже всю хлопал себя по шее.

– Проблем по дороге не было? – Юрий Алексеевич сделал к ним шаг. Спрятанные за очками, его глаза выразили полное спокойствие.

– Да какие могут быть проблемы? – Валентин широко развёл ладони. – Это не про нас. А когда прбудет вторая сторона?..

Никита кивнул Кутузу и только тогда перевёл взгляд на его крупного, прямо таки бочкообразного спутника. Лысый,

широкоплечий. Пузо, как у бегемота. Под выцветшими бровями солнечные очки, а под носом-картошкой «генеральские» усы. Одет в охотничью форму, причём выцветшую и потёртую: на рукаве масляное пятно, на штанах прострочка, скрывающая пошарпанный раструб.

– Уже скоро должны объявиться... – Кутуз указал соседу на Никиту. – Вот, Витя, познакомься. Это тот самый парень, который Левона в больницу уложил. Можешь теперь посмотреть на него лично.

– Да знаю я! – «Витя» небрежно отмахнулся и кивнул Никите, мол: «Здрате!»

– Мой начальник безопасности... – Кутуз улыбнулся и кивнул Никите на Виктора, уже засунувшего руки в карманы. – Будьте знакомы. Он про всех всё знает, так что ты не удивляйся, если что...

Никита немного подождал, ожидая, не подаст ли Виктор руку, но тот оказался явно не настроен, а потому Никита сделал вид, что и тоже не хотел.

– Наш будущий новый знакомый должен подъехать с минуту на минуту. – Кутуз огляделся и поправил очки. – Вить, у тебя всё схвачено?

– Глупый вопрос, шеф! – прорычал Виктор подобно медведю, которому наступили на лапу. – Ты же меня знаешь!

– Да знаю, знаю... – Кутуз нехотя кивнул. – Так просто спрашиваю. На всякий случай.

– Слушайте! А может быть, они за нами сейчас следит,

а? – Валя заинтригованно взглянул на круглобокого усача. – Вон на том берегу замечательное место есть! Там и машину поставить можно так, что никто не увидит. Я сам когда-то ставил...

– Да ты о том не беспокойся! – Виктор не говорил, а прямо рычал, как всамоделешний медведь или кабан. Никиту это даже начало забавлять. – У меня трое молодцов на хороших точках с «дегтерями», плюс ещё двое здесь, метрах в ста с «калашами»... Если хотите, прикажу им во время вашей... э-э-э... приватной беседы заставить пацанов потанцевать малёха... Ха-ха-ха!

Слова «колобка» Никите не понравилось – слишком самоуверенно прозвучали. Что, если у противника тоже не простики водятся? Что, если они сами уже на прицеле?..

Словно прочитав мысли Никиты, Виктор повернул к нему голову-башню и заверил:

– Ты тоже, братец, не трухай! Если вдруг закипит – не бойсь, тебя прикроем! Ручаюсь!

Зарычал мотор, зашуршала перемальываемая колёсами галька. Кутуз махнул рукой и Валентин с Виктором, словно завзятые парные фигуристы, одновременно встали позади него, слева и справа за плечами. Валя мотнул головой Никите.

– Так! Всё делаем, как обычно! – скомандовал Кутуз и тут же обернулся к Никите, кольнул его строгим глазом. – А ты молчи пока, не говори ничего. Понял? Ни слова!

Никита встал справа от Вали, и вся четвёрка пронаблюдала, как на пустырь выехала разрисованная «двенашка». С шорохом гальки она затормозила и наружу подчёркнуто медленно вылезли двое: мужчина лет тридцати в кожаной куртке, бледный и высохший, и парень лет двадцати пяти, в джинсах и спортивной ветровке, долговязый и лопоухий. Они встали в шаг от дверей и приняли такой вид, словно высокородные и богатые приехали смотреть на низких и нищих. Открылась задняя дверь, оттуда показалась голова, покрытая белыми длинными волосами. Блеснули холодные глаза... Узнав Алекса, Никита невольно сжал кулаки. Алекс тоже, видимо, узнал Никиту, так как щёки его быстро налились дурной кровью, а вены на висках вздулись, как змеи. Вид такой, словно он сейчас кинется!.. Но гигант лишь смерил его презрительным взглядом, и только потом не торопливо заметил остальных. С насмешливой ухмылкой он произнёс:

– Здравствуйте, люди...

– И ты не хвораешь, добрый человек, – ответил Куруз добродушно. – Я так понимаю, вы и есть тот, кто назначил мне встречу. Чем могу быть полезен?..

Алекс опять глянул на Никиту, потом спросил:

– Вы Юрий Алексеевич Кожемякин?

– Да, это я... А вы Алексей Кружилин?

– Точно. – Алекс склонил голову влево-вправо, с хрустом размял позвонки. – Но можете звать меня просто Алекс, как

и все.

– Благодарю... – Юрий Алексеевич чуть поклонился, в его голосе легко угадалась насмешливость. – И вы тоже обращайтесь ко мне просто – Кутуз. Так меня иногда зовут.

– Спасибо... – Теперь поклонился Алекс, и в этом его жесте тоже блеснула ирония. Никита заметил, с каким восхищением следят за беловолосым ребята, приехавшие с ним: глаза вылупили, уши наострили, каждый жест и каждое слово его ловят, точно Христа увидели. – Ну что ж, думаю, лучше перейти сразу к делу... – Алекс снова кольнул глазами Никиту. – Да, это я вам звонил, это я назначил встречу. Хочу решить важный вопрос... А вопрос такой: вон среди вас стоит чучело, нанёсшее мне оскорбление и ущерб. Мало того – оно убило моих друзей и сбежало, не ответив. Я бы хотел поговорить с тобой о нём, Кутуз.

Алекс скрестил руки на груди и глубоко вздохнул – это было похоже на то, как вздымается парус на корабле. Кутуз оглянулся на Никиту – лицо его выразило искреннее изумление. Хмыкнув, он произнёс:

– Интересные дела... Расскажи-ка, Алекс, обо всём поподробнее. Я хочу знать...

У Никиты сердце ёкнуло, но он заставил себя хранить маску спокойствия. В такие моменты нельзя давать и ничтожную слабинку.

– Да историю-то эту уже, наверное, вся страна знает... – Алекс развёл руками. – Вот этот вот, Никита его зовут... он

убил моего друга. Убил моих людей. Он тварь, которая должна ответить за свои поступки! Которой не место среди нормальных людей! Думаю, ты согласишься, Кутуз, что держать среди своих пацанов всякую шваль вовсе не правильно...

– Думать – это, конечно, признак ума. – Кутуз слегка наклонил голову вперёд. – Как и спрашивать, если чего-то не знаешь... Но что же ты хочешь от меня? К чему эта встреча?..

Лицо Алекса покраснело. Глаза выпучились, верхняя губа поднялась, обнажила зубы. Чуть ли не плюясь он выпалил:

– Чего хочу?! Я хочу взять его и раздавить, как червяка! Он виновен передо мной и перед другими людьми! Ты должен отдать его!..

– Стоп-стоп. – Юрий Алексеевич поднял ладонь. – Я, Алекс, никому и ничего не должен. Никому и ничего...

Глаза великана пылают, как факелы. Руки будто бы ищут что-то, а пальцы сжимаются в потуге задушить и сломать. С прямо-таки кричащим усилием сдерживая себя, Алекс кивнул.

– Хорошо, я не так выразился... Я хочу, чтобы ты отдал его мне. Это будет честно...

– Честно по отношению к кому?.. – Ко всем переменам в беловолосом громиле Кутуз остался пренебрежительно спокоен. – И вообще... Если мы слушаем тебя, то должны и выслушать человека, которого ты обвиняешь. Правильно я рассуждаю?..

Вопрос был риторическим, Кутуз не ждал ответа. Повернувшись к Никите, он попросил:

– Приятель! Выйди-ка! – Никита тихо вздохнул, сжал челюсти и шагнул вперёд, сиюсь держать во власти испытывающие неприятную слабость колени. – Видишь, какая история складывается? Человек вот говорит, что ты убийца, людей каких-то погубил... Что на это скажешь?..

Либо Никита переволновался и плохо соображает, либо Кутуз отличный лицемер – он спрашивал не по задуманному, а по наитию. Может быть Юрий Алексеевич всё-таки решились жертвенного козла зарезать?..

Взглянув на людей Алекса, чьи глаза жадно следят за всем, потом на своих, пусть и временных союзников, потом и на самого Алекса, похожего сейчас скорее на бомбу, готовую взорваться, Никита собрался с духом и ответил:

– Да мне рассказывать почти и нечего. Они убили моего отца! На их руках была его кровь. Я не стал терпеть – пришёл и поквитался! Вот и вся история.

Посчитав, что сказал достаточно, он умолк.

– Та-а-к, ага... – Кутуз скрестил руки на груди, взгляд его стал острым и липким. – За отца, говоришь, поквитался... Все ли слышали?..

Алекс вдруг яростно всплеснул руками.

– Почему я должен его слушать?! Что за чёртов фарс? Вы заодно?! Ты, Кутуз, защищаешь это ублюдка?!

– Что за вспышки?.. – Голос «профессора» в секунду по-

леденел. – Что за грубости?.. Ты нам, дружок, рога-то не показывай, а то мы тебе их быстро обломаем...

– Обломаете?! – Алекс переменялся в лице. – Мне?! Рога?!

– Да. – Кутуз снова стал эталоном спокойствия. – А ты как хотел?.. Разговаривать с нами на высоких тонах мы никому не позволяем.

– С НАМИ?.. – Алекс насмешливо изумился. – С НАМИ – это с тобой? С королём что ли?..

– С нами... – Кутуз кивнул на Виктора и Валентина. – С такими людьми, как мы...

– Понятно... – Теперь уже похолодел Алекс, глаза его превратились в кусочки льда. – Всё ясно... Тогда мы поговорим на другом языке.

Ребята за спиной беловолосого напряглись. Никита видел, как они побледнели, как проступила на их лбах блестящая под закатным солнцем испарина. Никите болезненно захотелось взглянуть на лица Вали и Виктора, но они остались позади, а поворачиваться к врагу затылком в такой момент никак нельзя.

На щеках Алекса вздулись желваки. Гигант с шипением пропустил воздух через раздувшиеся ноздри, медленно закрыл-открыл глаза-льдинки.

– У меня есть предложение... – произнёс он так, словно является клапаном, сдерживающим колоссальное давление. – Не от меня, а от всей нашей братвы... Если вы отда-

дите нам этого говнюка, то мы вам заплатим. Это чтобы одни люди не сорились из-за всякого говна с другими людьми. Речь идёт о тридцати зелёных кусках – намного больше, чем стоит его поганая шкура...

Кутуз слушал молча, Валя и Виктор не двигались. Никита же, хоть и сохранял показательное спокойствие, внутренне готовился к самому худшему. Вовремя предать – значит предвидеть, а оказанная услуга всё-таки не стоит ничего. Кутуз это понимает, не может не понимать...

Проследив за тем, какой эффект произвели его слова, Алекс добавил:

– А вот предложение уже лично от меня: если вы его от-
дать не захотите, то сильно пожалеете! Вы, – он ткнул паль-
цем в Кутуза, – и все, кто с вами связан! Я слов на ветер не
бросаю...

– И это правильно! – Ответ Кутуза бахнул, как неожидан-
ный выстрел. – Люди вообще и не должны словами бросать-
ся! За свои слова нужно отвечать, иначе кто тогда будет с
таким человеком дело иметь?.. А есть у меня вопрос один,
дозволь поинтересоваться...

– Так задавай, если есть...

– Почему ты думаешь, что Никита работает на меня? И
откуда тебе стало известно, что он в Самаре?..

– Ха! – Алекс плотоядно оскалился. – Если не работает,
тогда я прямо сейчас его живьём сожру!..

– А я не говорил, что не работает. – Кутуз помахал указа-

тельным пальцем. – Я спросил, откуда это известно.

Алекс застыл, будто решает – злиться ему или нет. Постояв в задумчивости, он осторожно произнёс:

– Ну, думаю, никому хуже я не сделаю... Видюха нам пришла с этим вот героем, а к ней и указания, где его искать и на кого он работает. – Алекс снова недобро ухмыльнулся. – Доброжелателей вам по всей видимости хватает...

Губы Кутуза сжались, взгляд упал под ноги, а правый кулак подпёр подбородок. Поразмыслив, он сказал:

– Ладно, с этим как-нибудь разберёмся... Ну а на счёт нас... Как, Алекс? Порешаем?..

Никита задержал дыхание, нервы его натянулись. Начинается...

– Порешаем конечно! – Алекс белозубо оскалился. – Конечно порешаем! Чё, Кутуз, согласен со мной? Не стоит хорошим людям из-за всякого мусора сориться!..

Алек сияет безграничной уверенностью: подбородок выпячен, взгляд волевой, спина прямая. Невольно Никита скользнул взором туда, где должен быть свежий, его рукой оставленный шрам. Он не мог так скоро зажить...

– Вот что я решаю, – произнёс Кутуз, не отрывая руки от подбородка. – Наверное, и то, что говоришь ты, и то, что говорит Никита – правда. А потому вы как бы равны...

– Не понял... – От неожиданности Алекс пошатнулся. – Чего?..

– Спокойно, – тон Кутуза остался деловым, – сейчас пояс-

ню. Вот что я думаю: если у тебя, а через тебя и у других есть претензия к Никите, то ты можешь с него спросить. Здесь и сейчас. Сам.

На лицо Алекса пала тень.

– Давай-ка конкретнее...

– Хорошо, конкретнее. – Кутуз кивнул. – Здесь и сейчас ты можешь решить этот вопрос кулаками. Вот тут, на этом самом месте. Никто вам не помешает, обещаю.

Алекс с Никитой обменялись колючими взглядами.

– Денег мне не надо. – Кутуз убрал кулак от подбородка, переменял ногу и развёл руки в стороны. – Думаю, это решение для всех достаточно честное. Правильно я рассуждаю?..

Алекс открыл было рот ответить, но закусил губу. Лоб его наморщился, брови взлетают и падают, пальцы сжимаются и разжимаются, а дыхание стало частым, как у коня во время скачки.

– Ты... Я... – Слова с трудом пробивались сквозь его стиснутые зубы. – Я бы конечно очень хотел шлёпнуть эту мразь прямо сейчас! Задушить своими руками!.. Но... Но есть одно но...

– Какое же?.. – Кутуз склонил голову, его брови удивлённо подскочили.

– А такое! – Беловолосый скорчил морду настолько жуткую, словно рычит на тебя бешеный питбуль. – Ты прав! Не я один имею претензии к этому ублюдку! Многие люди ждут показательной расправы! Очень многие! Я могу убить его

сейчас. Раздавлю, как клопа!.. Но это не будет наказанием. После того, что он сделал, простая смерть в драке... Этого мало!

Кутуз покосился на Никиту с намёком, и парень тут же выпалил слова, давно жгущие язык:

– Послушай-ка ты, хамло! Раскудахтался, как петух! Закрой лучше рот и иди сюда! Или ты боишься? Ну?!

От удивления у Алекса глаза на лоб полезли. Задыхаясь от гнева, он отодвинул ворот на шее, сделал шаг и протянул руку к Никите. Тот уже принял боевую стойку... Но гигант остановился, несколько долгих мгновений жёг противника ненавидящим взглядом, потом выдохнул и тихо, ядовито-ласково произнёс:

– Что ж, я рад, что это произошло... – Он указал пальцем на Никиту. – Ты покойник! А вы, – тут он ткнул уже в старшую троицу, – следующие! Не будет по-вашему! Будет по-моему! Сегодня вы выкопали себе могилы...

Кутуз молчал, Валентин с Виктором не двигались. Гордо задрав подбородок, Алекс развернулся и кивнул своим. «Двенашка» приняла людей обратно, взревела и унеслась, яростно выбрасывая землю из под колёс.

– Интересный какой... – Кутуз всё ещё не двигался. – Витя, что думаешь?..

– Просто ещё один придурок. – «Колобок» брезгливо отмахнулся. – Ни ума, ни хитрости...

От этих слов Никита вздрогнул и словно бы выпал из оце-

пенения. Не смотря на уход врага тело не желает расслабляться, всё ещё ждёт драки. В висках стучит, дыхание суетится, как при беге. Повернувшись к остальным, он провёл ладонью по вспотевшему лбу и стряхнул капли на землю.

– Молодца, Никита! – Валя подошёл и дружески хлопнул парня по взмокшей спине. – Нормально держался! Хотя в один момент я подумал, что ты сейчас на него кинешься...

– Спасибо... – Никита взглянул на него, пытаясь понять, шутит он или всерьёз. – Спасибо, ага...

С реки подул ветер, вместе с ним прилетел тухлый запах. Заколыхались кусты, забеспокоилась мошкара. Никита вдруг понял, что всё это время его нещадно кусали. Шея, руки и спина в секунду зазудели отчаянно, до слёз.

– Юра, ну что? – Виктор упёр кулаки в бока, его тыквообразная голова сверкнула лысиной. – Что делать будем? Может шлёпнем этого блондинчика да и всех делов?..

Кутуз помедлил с ответом, на лбу его проявились морщины.

– Нет, Вить, не надо его трогать. – Он с сожалением помотал головой. – По крайней мере пока... Слишком будет заметно. Проблемы с его корешами начнутся.

– Это ещё не известно, что у него за кореша! – прорычал Виктор с сомнением. – Может такие-же дураки, как и он! Ну да ладно. Ты главный, тебе и соображать...

– Уж соображу как-нибудь! – Кутуз улыбнулся «колобку», как старому другу. – Ну и ты не плошай, ежели что!

– А то!

Валя выждал, когда они насмеются. Искоса поглядывая на Никиту, он спросил:

– Юрий Алексеевич, с этим заезжим мы решили... А дальше что делать будем?..

Куруз его взгляд заметил и сам посмотрел на парня. Тот молчит и просто, как сказал бы романист, плывёт по течению. Чего-то ждёт.

– Что будем делать?.. – повторил Куруз задумчиво. Взгляд его стал глубоким, а лицо строгим. – Будем, Валя, серьёзными делами заниматься. Кстати, Никит... Ты не против запачкать руки ещё немножко?..

Глава 8

Засада

Агаян наконец таки прилетел в Самару, но не испытал при этом никакой радости. Задержка так расшатала его нервы, что он впадал в ярость при малейшем поводе. В Курумоче его встретили и такси вызывать не пришлось. Цепь из трёх, набитых братвой машин покинула аэропорт. Парни суетились, заискивали и твердили каждый на свой лад про всякую дребедень. В гневе Агаян бесполезный галдёж прервал:

– Хватит болтать! Где Арсен?! Что с Леоном?!

Про Арсена сказали, что он сейчас на деле, поехал договариваться с Димой о стволах, а вот Левон в больнице, у него серьёзные травмы. Врачи сказали, что поправиться не скоро...

Чёртов Куруз! Мразь! Собака! Как он посмел?!

В тяжёлом, людоедском расположении духа Агаян заглянул в «Арарат». Разговаривая со своими, выспрашивая у них подробности, Агаян видел страх в их глазах... и, честно говоря, им было, чего бояться: у Агаяна то и дело возникало желание уличить кого-нибудь в ошибке и наказать жестоко, в назидание остальным! Чтобы боялись ошибаться! Боялись его подвести!..

В делах день быстро сменился ночью и уставший от уже кажущейся бесполезной суеты Агаян отправился домой, в

коттедж на Десятой линии, что на перекрёстке с Солнечной. Купленный когда-то за сорок с небольшим миллионов недострой нынче мог бы выставиться за все семьдесят! Двадцать две сотки обнесены забором из декоративной каменной кладки. Сам дом из особого расписного кирпича, трёхэтажный, в семьсот квадратных метров. Гараж, бассейн, сад с верандой. А внутреннее убранство – ах! – у человека непривычного к роскоши здесь могло бы стать плохо сердцу! Он бы посчитал, что попал во дворец какого-то султана!

Вокруг дома и внутри всегда дежурят люди. Агаян частенько менял их, чтобы и они не привыкали, и чтобы самому к ним не привыкать. А на счёт воровства он не боялся, скорее ждал его: однажды один из своих решил умыкнуть золотую ложку, и Агаян с удовольствием сделал из этого пример для всех, лишив дурака обеих рук и оставив так жить. В этот раз, правда, его встретила смена, оставленная ещё до отлёта в Ереван.

– Владимир Иосифович! – У калитки Агаяна первым встретил парень, ещё только год назад прибившийся к банде. Невысокий, черноволосый, с кустистыми бровями и бычьей челюстью. Агаян постоянно забывал его имя, но в этот раз оно вспомнилось само.

– Расул... – Агаян похлопал его по плечу и вошёл во двор. – Здра-а-авствуй... Ну давай, рассказывай, как тут у нас. Всё ли спокойно?..

– Всё спокойно, Владимир Иосифович! – Расул последо-

вал за главным в дом, но в отличие от него снял обувь ещё до порога. – Пока вас не было, всё было тихо! То есть... Ну, вы поняли... Арсен сказал, что вы задержитесь, и мы всё время были здесь, только в магазин за едой ходили по одному...

– Хорошо, молодцы... – Агаян по-отечески улыбнулся, словно и вправду держит дома что-то ценное, кроме старинного ятагана на стене. – Так держать, Расул... – Тут он понизил голос и вышептал: – А где новенький?..

Новеньким был парень, вступивший в банду полгода назад. До того ничем серьёзным не занимавшийся совсем недавно он крупно отличился. Агаян решил проверить его на вшивость и поставил охранять те самые золотые ложки. В конце концов – что может быть лучше для новичка, чем тест на жадность и глупость? Мусор надо выметать сразу.

– Он в туалете. – Расул кинул взгляд в сторону. – В гостевом, Владимир Иосифович. Мы, как и сказано, в ваш личный ни ногой!

– Ладно-ладно... – Агаян махнул ладонью. – Завари лучше чайник чая, да покрепче. И вызови покушать, я сегодня ещё не ел.

– Сейчас всё сделаю!.. – Расул с готовностью кивнул и пошёл на кухню, по дороге достал телефон.

Расправив плечи, Агаян с хрустом выпрямил спину и побрёл в зал, где его дожидался огромный кожаный диван, поставленный напротив широкого, прямо таки кинозального телевизора на стене. Отбросив разноцветные подушки, толь-

ко мешающие удобству, Агаян рухнул на ложе и с наслаждением задрал ноги на журнальный столик подле. Только он потянулся к пульту, как зазвонил телефон.

– Да?.. – Агаян поднёс трубку к уху прежде, чем прочёл, от кого звонок. – А, Арсен, это ты... Да, я знаю, мне сообщили. Что? Левона заберёшь? А ему не вредно будет?.. Впрочем давай, бери его и прямиком ко мне, нужно многое обсудить. Ага, жду.

Отбросив трубку, Агаян включил новости и стал лениво их посматривать. Передали про какие-то очередные сложности во взаимоотношениях России и других стран, потом пошло про бедную жизнь и низкие зарплаты. Агаян с раздражением переключил на спортивный и уже с интересом стал наблюдать за соревнованием пляжных волейболисток.

Сзади послышались шаги. Обогнув Диван, перед главным появился новенький. Рослый, загорелый, с ухоженной чёрной бородкой и острыми карими глазами.

– Владимир Иосифович... – парень склонился и протянул руку.

– Ладочки-то после писюна помыл, а?! – потребовал Агаян грозно. – Ха! Шучу... Привет. Ну, как работается?..

– Да не плохо, Владимир Иосифович. – Парень улыбнулся, пожал плечами и обвёл зал особым взглядом. – Роскошно у вас здесь, конечно, я к такому не привык...

– А ты и не привыкай! – Агаян задорно улыбнулся, правда глаза его остались серьёзными. – Ты тут редко будешь, я

охрану часто меняю. Только в этот раз задержка вышла. Что б её...

– Да, наши рассказывали. – Новенький важно кивнул. – Владимир Иосифович, я пойду, по двору прогуляюсь...

– Пойди, пойди... – Агаян подмигнул. – Не теряй бдительности. Давай.

Полчаса прошло в созерцании волейбола. Никогда Агаян не был поклонником этого спорта, его всегда больше увлекали борьба и бокс, однако смотреть на женщин, ловких и быстрых, фигуристых да ещё и легко одетых, с криками бьющих по мячу ему понравилось. Увлекательное зрелище! Через какое-то время в комнату снова вошёл новенький и важно спросил:

– Там Арсен с Левоном приехали. Впускать?..

Агаян чуть не закашлялся, настолько удивился такому вопросу. Нельзя представить, чтобы кто-то посмел задержать Арсена или Левона на пороге, да ещё и заставил ждать, пока спросит разрешения пропустить их! Списав это на неопытность молодого, он ответил:

– Да, пускай войдут. И в следующий раз... в следующий раз не спрашивай, просто впускай их. Эти двое всегда должны попадать ко мне без вопросов. Понял?..

– Я понял... – Новенький кивнул. Лицо его зарумянилось, он облизал пересохшие губы – видно, сам уже догадался, что сделал что-то не то. – Сейчас пушу!

Он убежал, а уже через минуту в зал, словно медведь в

избушку, ввалился Арсен. Высокий, дородный. Нос смотрит набок, черные кудрявые волосы сально блестят. Испорченные оспиной щеки покрывает щетина. Пройдя пару шагов, он остановился и наклонил почтительно голову, пробасил:

– Агаян...

– Проходи, Арсен, не задерживайся. – Агаян пригласительно махнул ладонью. – Садись так, чтобы я тебя видел. Скоро чай будет готов.

Арсен поклонился, но с места не сошёл. Обернувшись, он застыл в ожидании. Стуча новенькой алюминиевой тростью в зал вошёл Левон... Агаян затаил дыхание: всегда гордый, всегда прямоспинный и суровый Левон хромот на левую ногу, как старый дед. Правая рука в перевязи, на лице обширный синяк. Волосы как всегда собраны в косу, но не аккуратно – видно, сам собирал, одной рукой.

– Будь здоров, Агаян! – Левон отсалютовал тростью и хозяина дома это немного обрадовало. – Не могу я в больнице лежать. У нас такие паскудные дела творятся, что лечится некогда...

– Молодец, что пришёл, Левон! – Агаян встал и, отстранив Арсена, сам помог хромоту добраться до дивана. – Нечего тебе вообще там делать! Здесь ты нужнее! Да и среди своих-то всё-таки безопасней...

Кому другому Левон посоветовал бы руки убрать, но Агаяну усадить себя среди подушек позволил. Арсен сел от него чуть поодаль, а Агаян устроился так, чтобы видеть обоих.

Телевизор сразу выключился.

– Пожалуйста, чай. – В зал с подносом посуды вошёл Ра- сул.

Поставив его на журнальный столик, он поклонился Ага- яну, гостям и удалился.

– Так! – Агаян хлопнул и энергично растёр ладоши. – Рас- сказывайте, какие успехи! Арсен, ты ездил к Диме?

– Да, на счёт оружия. – Арсен потянулся за чашечкой. – Ездил разговаривать с ним. Забился купить калашей и гра- нат. Он ещё пистолеты предлагал, но я сказал, что подумаю.

– И как прошло? – Агаян отпил немного. Чай заварился чёрный, как дёготь, и такой-же вязкий. – Этот барыга, поди, цену задрал, да?

– Наоборот даже. Скидку дал. – На чудной манер Арсен взял чашечку тремя пальцами, как джентльмен – По две сот- ни зелёных нам ствол выходит, если я правильно посчитал.

От удивления Агаян чуть не подавился: две сотни баксов за «калаш» – это как подарок!

– Ничего себе... – Агаян облизал мокрые от чая губы. – Интересные дела... Это как же так ты с ним сторговался?..

– Не знаю. – Арсен помотал головой. – Я просто приехал, сказал, что оружие нужно. Нужно просто так, в запас, на вся- кий случай. Ну, чтобы дела наши лишней раз не светить. А Димон послушал меня и говорит: есть партия горячая, хочу поскорее от неё избавиться. Забирай и дуй...

– Горячая?! – Агаян вытаращился на Арсена, точно яст-

реб на кролика. – Ты что?! Мокрушные стволы взял?!

– Не сердись, Агаян, не так дело было... – Арсен остался флегматично спокоен. – Мы съездили к нему в одно местечко и я проверил там все ящики. Стволы новые, даже ещё заводской смазкой покрыты. Я в армии не служил, вы знаете, но думаю, это со склада. Мне родственник как-то показывал, когда я в часть к нему ездил...

– Тёмное дело, Арсен... – протянул Левон хмуро. – Вот так вот новыми «калашами» никто, как пирожками, не торгует... Разве что с ними и вправду что-то не чисто...

Арсен повернул широкую, щетинистую физиономию к Левону.

– Ну а даже если и так, то что?.. Если одного из наших с таким стволом поймают – ему не всё ли равно будет?.. Какая разница?.. Да пусть хоть они с войны привезённые! Дешёвые и рабочие. Новенькие... Вот что главное!

– Ладно-ладно! – Агаян шумно хлопнул по колену. – Нечего нам из-за этого спорить! Взял и взял, и хорошо, что дешёво. Меньше расходов! У нас и так их не мало предвидится...

Посидели, попили чаю.

– Так что, Ага? Будем мы отвечать?.. – Глаза Левона стали жестокими. – Нас ударили, нам в лицо плюнули... Что будем делать?..

– Известно, что... – Агаян пожевал губу. – У меня стукачок среди кутузовских есть, он мне всё обсказал... Точно

Кутуз это, мразь паршивая! А ещё говорил, что... В общем, надо его валить. Его и всю его шайку к чертям в ад отправлять. Этим мы и займёмся.

– Так что делать-то нужно? Ты скажи! – Левон завёлся не на шутку, глаза его загорелись, как у помешанного. – Я хоть сейчас готов!

– Брат, успокойся... – тихо, но внушительно возразил Арсен. – От твоих криков у меня уши болят.

– Я успокоюсь, – Левон яростно схватил воздух, словно мяч поймал, – только когда сожму пальцы на глотке того урода...

Арсен с Агаяном переглянулись. Стараясь перевести тему, Агаян заверил:

– Сожмёшь, не сомневайся! Если его раньше не прибьют, конечно... Арсен, что у нас с людьми?

– Людей хватает. – Арсен продолжал держать чашечку тремя пальцами, а отпивал по чуть-чуть. – Шушеры всякой как всегда много, я их, если честно, даже не считаю. Ну и наши четверо орлов, ты их сам знаешь: Вазген, Азат... Мурзаевы одни чего только стоят.

Мурзаевы – два брата татарина с Крыма, ещё того, украинского. Бывшие «контрабасы», они повоевали на родине так, что числятся в уголовном розыске и на Украине, и даже в Белоруссии. Два года назад через знакомца они прибились к братве и с тех пор занимаются тем, к чему давно стали привыкли – убийствами и запугиванием.

Вазген и Азат мокрушники циничные настолько, что не брезгают и самой гнусной работой. Действуют достаточно умело, чтобы добиваться успеха, и достаточно удачно, чтобы не попадаться. Когда нужно повернуть что-то в самом деле незаурядное – зовут их.

– Четверо... – Агаян задумчиво почесал подбородок. – Для того, что я задумал, это даже больше, чем нужно. Однако, – он понизил голос, – для массовки надо-бы ещё пару-тройку бойцов. У нас есть этот, как его... Абас. Да, нужно его подписать. И дружков его.

– Абас? – Левон презрительно скривился. – Да он же дурак, каких мало! Годится только ларёчников пугать...

– Да и дружки его не лучше. – Арсен с готовностью кивнул. Подумав, он добавил: – Но я, кажется, понял, к чему Ага клонит...

– Хотите его подставить? – Левон вскинул бровь. – Да я совсем не против! Можно на него хоть пояс со взрывчаткой повесить и отправить к одноглазому – мне этот дебил уже порядком надоел! Он даже зуботычин не понимает!.. Но загвоздка-то как раз и в том, что ему даже самое простое доверить нельзя – обосрётся!

– Сильные выживают, – отрезал Агаян жёстко, – слабые погибают. Используем его, а если сдохнет – то и чёрт с ним. – Тут он немного помолчал, подумал. – Я вот что хочу сделать, слушайте... Нужно сначала убрать самого Кутуза и его помощника, Витю этого толстощёкого. Думаю, без этих двоих

кутузовские сразу разбегутся, как свора крыс.

– Очевидное решение. – Левон пожал плечами. – Наверняка они тоже так думают. Может, вот так же сейчас сидят и решают, кого из нас убить первым. А тои и всех разом...

– А может они гадают, с кем можно договориться?! – Арсен захохотал, ни сколько не смущаясь, что остальные хмуро смолчали. – Надо, кстати, на счёт этого пробить: может, кого из кутузовских подкупить, чтобы они нам дело облегчили?..

– Не надо! – Агаян властно поднял ладонь. – У меня уже есть человек, который мне всё, что надо, шепнёт, останется только оказаться в нужное время в нужном месте... А с этим у нас проблем быть не должно.

Гордо, с выпяченной грудью он взглянул на своих и заговорил, с выражением чеканя каждое слово:

– Скоро город будет наш! Только наш! Мы будем хозяевами, и никакая собака не посмеет нам мешать! Даю своё слово!

Левон с Арсеном уставились на главного не без восхищения.

Расул открыл дверь в сад и полной грудью вдохнул прохладный ночной воздух. Луна в небе яркая, полная и круглая, как серебряная медаль. Постояв минутку, Расул достал сигарету и пошёл к беседке. Выложенная из камня, с кованой крышей на кованых же, увитых плющом прутах, из лакированного дерева, она смотрится шикарно даже ночью. ОСО-

БЕННО ночью, при свете звёзд.

– Чё, опять курить идёшь?

Расул обернулся и увидел новенького там, где только что стоял сам.

– Да. Что-то сегодня особенно тянет... – Он кивнул и продолжил путь. – Идём, составишь компанию.

– Идём...

Новенький сошёл с порога и бодро нагнал приятеля. Они зашли в беседку и уселись за деревянный круглый стол. В середине его красуется громоздкая медная пепельница в виде рыцарского шлема, почти доверху уже наполненная бычками. Расул закурил и предложил из пачки новичку, но тот отказался, так как курит только свои.

– Вот и Ага приехал. – Расул выдохнул после первой затяжки. – В скором времени, чувствую, пойдёт жара такая, что мы все знатно согреемся!

Новичок наострил уши.

– Думаешь?..

– Не сомневаюсь! – Расул стряхнул пепел. – Ты у нас недавно, но шефа уже должен понимать: он у нас буйный, если можно так выразиться... Кутузовским по-любому вломит! Ты ещё увидишь, как они облажаются!

Новенький обронил нейтрально:

– Хорошо с таким шефом быть... Я слышал, наши новых бойцов подтягивают?..

– Ну да. – Сверкая огоньком, Расул глубоко затянулся. –

Ищут толковых ребят. Чтоб стрелять умели, чтоб не боялись ничего... У тебя, кстати, кто-нибудь есть на примете?

– Не-е-е... – Новичок помотал головой и постучал по сигарете над пепельницей. – Кого я знаю, тем доверять нельзя. Жаль, верных людей мало...

– Это точно... – Расул задумчиво кивнул, на миг его взгляд будто замёрз. – Верных сложно найти... Я вот тут недавно с одним из наших разговаривал, с Вазгеном. Да ты его, наверное, и не знаешь... Я к Агаяну как раз через Вазгена попал, с ним ещё Азат постоянно корешится. Азат, кстати, тоже через него устроился. Да тебе, наверное, и Азат-то не знаком... Короче, я так понял, Вазген сваливать хочет. Представляешь? У него под Нижним Новгородом родственник поднимается, к себе его зовёт. Что-то связанное с оборудованием немецким, я не понял, если честно... Так Вазген и Азата уговорил, и меня тоже пригласил. Речь, я тебе скажу, о хороших деньгах шла... Только я не согласился. У меня ведь родители здесь, а Агаян перебежчиков не любит, так что... Только ты никому! Понял?!

Новенький понимающе моргнул. Расул затаился, сигарета в его пальцах уже почти истлела. Выдохнув, он спросил:

– Гарик, а ты сам-то в налёте на кутузовских хочешь поучаствовать? Налёт-то точно будет, это уж сто процентов.

– Ты имеешь ввиду – хочу ли я пострелять? Типа себя показать? – Гарик прищурился. – Ты про это?..

– Ну а про что?.. – Расул пожал плечами, почесал нос. –

Что тут такого? Нам, молодым, надо пробиваться, надо себя показывать. Разве ты так не думаешь?..

– Отчасти... – Гарик докурил и затушил окурок о медную стенку «шлема». – Но это всё так, ля-ля. Хочешь, не хочешь – всё равно ведь будешь делать, что велят... Идём, нам лучше подолгу здесь не засиживаться.

– Идём! – Расул с готовностью кивнул и выдохнул последний дым. – Это ты прав: разозлим Агаяна – больше сюда не возьмут.

Следующим после стрелки вечером Кутуз, Валентин и Виктор собрались в «Леруа Мерлен», пили чай с прикуской и беседовали. Никита пил вместе с ними, но в разговоре не участвовал.

– Видимо, у него совсем крыша поехала, раз из больнички драпанул! – Виктор взял в одну руку кружку, в другую кусок яблочного пирога. – Как он вообще ходить-то может?

– Ну а что тут неясного? – Валентин скептически скривил губы. – Там его достать легко. Среди своих каждому спокойней...

– Это не проблема, а так – проблемка. – Юрий Алексеевич аккуратно хлебнул из кружки. – Левон, конечно, может организовать людей, спланировать дело. Может даже выкинуть какую-нибудь неожиданную пакость, особенно теперь, когда он оскорблён... – Кутуз покосился на Никиту, но тот никак не отреагировал. – Но то так, семечки. Главное сейчас

– Агаян. Пока остаётся Агаян, остаётся опасной и его банда.

– Так завалить его и всех делов! – прорычал Виктор с набитым ртом. – Давно уже пора это сделать!

– Завалить Агаяна... Мы ведь об этом ещё тогда думали, помните? – Жуя вафлю, Валя смотрел в одну точку. – Но даже если сейчас и выйдет, всё равно ещё остаются Левон с Арсеном, а они тоже наговнить способны...

– Это уже, как Юра выразился, не проблемы, а проблемки. – Виктор облизнул сладки пальцы. – Ты лучше идею какую подкинь, а то видишь же – шеф придумать что-то старается...

Кутуз посмотрел на одного, на второго, перевёл взгляд на Никиту.

– Думать нечего, – произнёс он лаконично, – всё уже подумано. Осталось понять только, как лучше повернуть... Никит, ты в слезке что-нибудь смыслишь?

– Смыслю. – Всё это время Никита грел пальцы о кружку с чаем. – Только если вы меня хотите за кем-нибудь хвостиком отправить, учтите, что у меня лицо очень уж приметное...

– Ты прав, – Кутуз недовольно сжал губы, – лицо у тебя приметное: на камере часто попадает... Эх, ладно, нечего лишнего мусолить. Пора Агаяна кончать.

Слова эти были сказаны просто, но Виктор с Валентином перестали жевать. Виктор даже чай отставил и пирог отложил.

– Чё?.. Всё? В самом деле? – Он облизал губы. – В самом

деле кончать, да?..

– Да. – Кутуз выразительно моргнул. – Медлить нельзя, надо действовать: мне стукнули, что агаяновские взяли крупную партию калашей. Что это значит? Это значит, что готовятся давить нас по-крупному. Мы просто обязаны ударить до того, как ударят по нам.

– Это тебе стукач напел? – Виктор хмуро прищурился. – А где гарантия, что он не врёт? Сначала скажет что-то правдивое, а потом заманит в ловушку... Агаян, конечно, не гений, но и не простак. Ты уверен, что твой казачок стучит не по заказу?..

– Верить, разумеется, нельзя никому... – Взгляд Кутуза стал колючим, как дикобраз. – Да только ведь и так всё ясно! А если ты боишься, что я по глупости кому-то доверюсь и мы из-за этого пострадаем...

– Я был бы дураком, если бы такого не боялся, Юра! – Виктор потряс указательным пальцем, словно дирижёр. – Сам понимаешь: враг хитёр...

Никита слушал разговор вполуха, думал о своём. Валя замечал его скучающий вид. Да он и сам поглядывал на часы, так как уже давно хочется поехать домой и завалиться спать.

– Понять не могу, чего вы спорите?! – воскликнул Никита с раздражением, громко и внезапно. – Нет человека – нет проблемы! Так идёте сегодня же! Сей час же! Трах-бабах и всё, дело кончено! Чего тут судить-рядить?!

Валентин неодобрительно отвёл глаза, Кутуз с Виктором

установились на парня, как на вдруг заговоривший стул.

Помолчав, Виктор кивнул на Никиту и неожиданно произнёс:

– А пацан-то дело говорит! Он дурак, конечно, манерам не учен... Но попал в точку!

– Спасибо, Никит, что высказал мнение... – Взгляд Юрия Алексеевича стал недовольным. – Впредь постарайся делать это более вежливо. Руку поднимай, что ли...

– Извините! – Никита яростно растёр лицо, особенно глаза, очень уже уставшие от лампочного освещения. – Я сорвался, я вспылел... Однако, Юрий Алексеевич, – он убрал пальцы и взглянул на Кутуза прямо, – вы уже ВСЁ сказали, мы уже ВСЁ поняли. Раз уж я с вами в одной упряжке, то имею право голоса.

Валентин ухмыльнулся, во взгляде Виктора мелькнула хитринка. Утомлённо вздохнув, Никита продолжил:

– А раз я его имею, то скажу, что ничего проще мы не придумаем. Сколько ни обсудим – придём к одному! Чем быстрее мы сделаем наше чёрное дело, тем быстрее вздохнём спокойней... Юрий Алексеевич, ну вы же уже решили избавиться от этого чёртового Агаяна, так давайте! Чего ждать?! Тем более что Кружилин этот полоумный объявился... Когда он ударит?.. Что он сделает?.. Этот гордиев узел надо рубить!..

В повисшей тишине Кутуз почесал нос, а потом, как ни в чём не бывало, произнёс:

– Прекрасно сказано. С душой... Вот ты, Никит, этим и займёшься. Вместе с остальными... – Тут он поглядел на застывшего, словно замороженного в лёд, Валентина. – Валя, собирай группу. И кое-чего надо будет тебе прихватить. Есть у меня один план...

Наступил назначенный день. Агаян отпустил охрану и остался дома один. Прохаживаясь с чашкой кофе, он думал о грядущем и от азарта пальцы его сжимались так, что грозили раздавить хрупкий фарфор. Даже внезапный отъезд Вазгена с Азатом не опечалил – ситуация позволяет обойтись и без них.

Полчаса назад с подставного номера кинул звонок Арсен – это условный знак: обе группы на местах. Одна с самим Арсеном у дома Кутуза, вторая – Мурзаевы – у дома Виктора.

Отлично, просто отлично! Скоро при помощи всего лишь нескольких выстрелов и, возможно, некоторых жертв среди своих, он, Владимир Агаян, станет единственным крупным дельцом в Самаре! Единственным крупным – значит главным! Власть, деньги – всё будет его! Куруз – старый партнёр... паршивый лицемер! Убить его и забыть навсегда!

Агаян вдруг замер, как вкопанный: а что же будет с азиатом? Как же «кофеин»? Как же то, из-за чего всё началось?.. За все эти дни он об этом так ни разу и не подумал, и это кольнуло его, как кинжалом, заставило взглянуть на себя

уязвлённо, как на человека не самого умного...

Плюнув в душе, Агаян всё-таки поставил чашку на стол, от греха подальше. Да чёрт с ним, с косоглазым! Выход Кутуза вперёд ногами из бизнеса увеличит продажи вдвое! Втрое! А если повезёт, то и из бывших кутузовских попадётся кто-нибудь, кто расскажет, где прячут япошку... Можно даже денег пообещать – за золотую курицу не жалко.

В сумбурных размышлениях Агаян вышел гулять по саду.

– Вижу его... – Никита говорил тихо, на воротнике у него повис микрофон. – Только что вышел, гуляет во дворе. Что делать?

Голос в наушнике повелел:

– Жди. Пока просто жди, наблюдай.

Валя отключился и Никита положил подбородок на локоть, вздохнул. Уже четыре часа лежал он на чердаке домика, так удачно расположенного прямо напротив Агаяновского коттеджа. Двухэтажный, дачного типа, что значит – посещаемый изредка, с простейшими замками – он идеально подошёл для стрелковой позиции. Остаётся только не надыхаться здесь пылью и не измазаться в ней, как свинья. В руках Никиты тяготеет цевье АКМ с прицелом четырёхкратной дальности. Многовато, конечно, но другого не нашлось. А глаза в своё время привыкли к полторашке...

В этот самый момент Валя и двое его бойцов просматривают район из фургончика газовой службы, остановившего-

ся возле распределительной газовой станции. На взгляд Никиты это выглядит довольно топорно, но для простых людей вполне скрытно: сходу их заподозрит только параноик или настоящий спец. Сейчас Валя должен решить, можно ли начинать или лучше сворачиваться.

Никита крепко зажмурился, потёр лоб о рукав, шмыгнул. Последние два дня его не покидало чувство тревоги. Вот что помешает Кутузу избавиться от него, когда дело будет сделано?.. Ничего. Выдаст его тому-же Алексу... Очень хороший ход, выгодный – и денег не платить, и от проблем избавиться...

Снизу звякнуло, словно что-то упало. Никита открыл глаза и замер, прислушался. С минуту висела тишина, но потом раздался «чпок!» – открылся старенький холодильник на первом этаже.

– Кажется у меня гости... – прошептал Никита в микрофон. – На первом этаже кто-то топчется...

– Чего?! – Вали встревожился. – В дом кто-то зашёл? Хозяева?..

Никита ответил с лёгким укором:

– Не знаю, мне с чердака не видно!.. Но внизу кто-то есть, это точно.

Снизу зашумели уже вовсю: открываются ящики, шаркает обувь, бесцеремонно отшвыриваются какие-то не вовремя подвернувшиеся под руку вещи.

– Никит, ты сможешь разобраться?..

– Если с одним, то да. – Никита мысленно прикинул, как будет действовать против неопределённого человека, скорее всего мужчины. – Но если их два и больше, то без шума не обойтись. А это надо ещё с чердака тихо выбраться, что не просто...

– Тогда действуй. – Голос Вали стал твёрд, как камень. – Мы подождём.

Никита плюнул и грязно выругался. Последний раз глянув в перекрестье прицела, он оставил автомат и, собирая пыль, на брюхе пополз к люку.

Звуки снизу становятся всё громче. Человек, кто он ни есть, расхаживает из комнаты в комнату, отодвигает мебель, убирает посуду. С иронической усмешкой Никита подумал, что наверняка это воришка: хозяин не стал бы так себя вести. Добравшись до люка, он тихонько приподнял крышку и глянул в щель – внизу никого не оказалось. Осмелев, Никита открыл её. Поставив ногу на старую, покрытую каплями краски деревянную лестницу, он стал спускаться, остро прислушиваясь на каждом шороху.

Ступенька. Ещё одна. Следующая...

По шуму с первого этажа понятно, что человек один, а по тяжести его шагов – что он лёгкий, словно подросток или хилак. Сосед алкаш? Очень может быть. Жаль, нельзя просто подождать, пока сам уберётся, так как в поисках ценного он обязательно заглянет всюду, да ещё и внимание соседей привлечёт – грохочет, как слон в посудной лавке!

Спустившись на второй этаж, состоящий только из двух спален, Никита подкрался к ведущей вниз угловой лестнице и стал слушать.

– Господи! Ну неужели нельзя было оставить хоть что-то, а?! – Голос вора показался неожиданно знакомым. – Хоть бы картошку какую или сотку под половицей! Что за люди! Нищета...

Никита напрягся вспомнить, где он этот голос слышал... и вдруг остолбенел: это ворчит Паша! Хорошенько помотав головой, Никита вслушался получше, дождался ещё парочку сварливых фраз... Сомнений не осталось. Это он...

Совпадение ли?.. И что с этим делать?..

Закрываясь ладонью Никита вышептал:

– У меня сложности. Кажется, тут... тут двое здоровенных мужиков. С одним справлюсь, но второй точно успеет шум поднять...

– Твою ж мать! – Валя возопил громко, Никите даже слышался удар, словно шандарахнули чем-то о стенку машины. – Не было печали!.. Вот же чёрт! Чтоб вас всех!.. Так, слушай меня. Сейчас полезай обратно на чердак и наблюдай за Агаяном, а мы подберёмся к нему поближе. Будешь координировать.

– Есть...

Отключив микрофон и мягко переступая с носка на пятку, Никита покрался обратно к лестнице наверх. Если повежёт, то Паша, откуда бы он ни взялся, не полезет туда сразу.

Да и что ему искать в пыльных сундуках?.. В принципе, его присутствие даже не мешает выстрелу. Если «воришка» его услышит, то просто испугается и убежит... тем самым, правда, всё-таки привлечёт внимание соседей. Ну что за дикая шутка судьбы!..

Напротив жилого дома по Ташкентской сто шестьдесят два около универмага стоит «десятка». Вообще это не «Лада», а «Богдан», но мало кто замечает разницу. В ней караулят двое. Их взгляды скользят по округе, присматриваются к лицам, провожают выходящих из магазина покупателей. Иногда Мурзаевы перекидываются фразами, но почти всегда строго по делу. Старший, Акхан, тридцати семи лет, с широким морщинистым лбом, лысой головой, острыми, будто бы лисьими ушами и усами на манер казачьих говорит чаще и обращает внимание брата на детали. Младший, Явар, тридцати двух лет, с пухлыми губами, открытыми большими глазами, носом картошкой и с таким же лысым, как у брата, черепом всё больше кивает и помалкивает.

Три часа назад наблюдатель у дума Виктора маякнул, что тот вернулся домой. Немедленно собравшись Мурзаевы выехали по адресу и теперь ждали, когда жертва выйдет из подъезда. А выйти она будет обязана, так как у дома Кутуза сейчас дежурит вторая группа во главе с Арсеном. Кутуз у себя – это так же известно от фишкаря. Как только выйдет – БАХ! Виктор об этом узнает сразу и конечно же помочиться

разбираться. И тут снова – БАХ! Двух баранов одним ударом! Хорошо придумано: просто и эффективно. Вот только выходить Кутуз что-то не спешит...

Братья скучали. Младший ещё терпел, но старший начал яриться. Как и отец, ставший когда-то для сыновей примером, Акхан ненавидит ожидания. В такие моменты всякому бы лучше под руку ему не попадаться.

– Слушай, там эта машина уже час стоит... – Явар стрельнул глазами на припаркованную неподалёку «Газель» с тонированными стёклами. – Что-то мне это не нравится...

Между собой братья изъясняются только на татарском.

– Думаешь, слезка? – Акхан покрутил ус. – Я тоже её заметил... Нас тут вообще-то неплохо видно. И тонировки у нас нет...

Братья продолжили ждать, но теперь чаще посматривали в сторону «Газели» и поглаживали спрятанные в карманах пистолеты.

Арсен припарковался рядом с тридцатым домом по Центральной и теперь время от времени созванивался с ребятами, пришедшими на дело. Один гуляет вокруг дома, второй сидит в кафе неподалёку. Третий ждёт в машине поблизости, он должен забрать обоих по окончании дела. Всё идёт по плану, вот только длится уже два часа. Ожидание выматывает: люди теряют внимание, нервничают. За жизнь, полную разборок, Арсен крепко усвоил, что легче найти человека,

способного на разовый сумасшедший поступок, чем терпеливого – сам такой, из первых, а потому сейчас, спустя уже столько времени он начал беспокоиться за способность своих в нужный момент правильно среагировать. Кутуз ведь и не один ещё будет – обязательно с охраной появится...

Арсен то и дело глядел на часы. Скучающий и одновременно нервный, он старался занять себя чем угодно, лишь бы не сидеть просто так. Идея ждать, пока жертва сама выйдет из подъезда уже не кажется такой умной. Можно, конечно, и до утра терпеть, тогда точно повезёт, но это показалось выше всяких сил, и потому Арсен набрал с подставного номера главного.

– Ало, это я.

– Слушаю...

– Может быть выманить его как-то? Мы уже так долго ждём...

После краткого молчания из трубки донеслось:

– Хорошо... Но смотрите, не облажайтесь. Головой отвечаете.

Спрятав телефон, Арсен скрестил пальцы на пузе и стал ждать. Пять минут спустя раздался звонок.

– Я всё устроил. Скоро Кутуз выйдет, так что будьте готовы. Жду хороших новостей...

Радостно возбуждённый, Арсен обзвонил парней и приказал подтягиваться к подъезду. Тот, что сидел в кафе, торопливо расплатился и зашагал к дому. Спортивную сумку на

его плече оттягивает укороченный «калаш» с уже присоединённым рожком. Тот, что прогуливался вокруг дома, встал справа от подъезда и принялся разглядывать доску объявлений. В кармане он сжимает «ПМ». Третий запустил двигатель. Ладони его вспотели, а в горле наоборот пересохло и страшно захотелось курить. Он уже представил, в какой спешке должен будет уматывать, да чтобы ещё никому не попасться и никак лично не засветиться. На всякий случай под сиденьем машины был припрятан укороченный «АК», жаль только, полностью он не влез и из-под ног торчит приклад.

Абас стал молиться, чтобы самому не обгадился, и чтобы хорошо сработали его кенты.

Арсен следил за Абасом и то, что он увидел, ему до отвращения не нравилось: парень побледнел, начал с закрытыми глазами что-то бормотать. Потом он стиснул руль и даже, сам того не заметив, впился в него зубами! Арсен помотал головой: ну и трусливая же тварь!.. И как только его взяли? Или Агаян с самого начала планировал для него вот такие «расходные» дела? В любом случае – пройдёт всё гладко или нет – его с приятелями ждёт один конец: в лесу, под землёй. Уж Арсен позаботится.

Широкая железная дверь открылась и из подъезда вышел мужчина в возрасте, в дорогой «тройке» и очках с толстой чёрной дужкой. Следом за ним выскочили двое дюжих ребят тоже в строгих костюмах. Один забежал вперёд, второй остался позади и оба постоянно оглядываются. Подозритель-

ного человека, тарашащегося в их сторону у доски объявлений они заметили сразу.

Кутуз спешил и не вертел головой, но ему пришлось остановиться, когда впереди идущий развернулся к незнакомцу и загородил хозяина грудью. Арсен закусил губу: абасовский дружок уже тянулся за пистолетом, но предательски помедлил, рука его словно прилипла к карману... При этом он уставился на Кутуза, как на новогоднюю ёлку!

Заметив это, Абас потянулся за автоматом. В этот же момент рядом с подъездом возник третий. В руках его уже нет сумки, зато угрожает смертью хищное дуло АК!

Арсен замер. Он забыл, как дышать, лишь смотрел...

Загрохотали выстрелы, раздался крик... Автоматчик рухнул на асфальт. Лицо его перекосилось гримасой боли, руки бросили оружие и зажали раны в ногах. Из серого, припаркованного возле помойки фургона высыпали люди в чёрной спецовке. В шлемах и масках, с пистолетами-пулемётами, они волной нахлынули на оцепеневших. Раненного перевернули на живот и скрутили руки, Кутуза с охранниками тоже опрокинули лицом в асфальт. Арсен всё ещё не дышал и не мог поверить в то, что видит!

Парень, не успевший достать пистолет, развернулся и дал дёру, однако после очереди по ногам он тоже свалился и истошно завопил.

Всех крутят, обыскивают, отбирают оружие. Арсен увидел, как Абас, глядя на подступающих к нему с подняты-

ми пистолетами людей поднимает руки... В окно постучали. Арсен вздрогнул, повернул голову – в лицо ему уставился ствол пистолета, удерживаемого рукой в чёрной перчатке.

Чутьё заставило Акхана завести двигатель и надавить на газ. За всё время, что промышлял лихостью, он ещё ни разу не пожалел, что послушался интуиции. Явар же всегда полагался на чутьё брата, а потому и спрашивать ничего не стал.

Они уехали. Просто взяли и уехали, не смотря на то, что всё выглядит спокойным – за исключением «Газели» с тонировкой. Не смотря на то, что за провал Агаян, может быть, потребует расплатиться жизнью.

Тихо, как мышь, Никита прокрался обратно и теперь вновь лежал на чердаке и глядел в прицел.

– Я наверху, – прошептал он, прикрывшись ладонью. – Цели во дворе уже нет. Как меня слышно?..

– Да слышно, слышно... – Голос Вали прозвучал угрюмо. – Похоже, придётся нам дом штурмовать...

– Глупая затея. – Никита продолжал смотреть в оптику. – Там могут быть камеры, охрана, собаки. Наследите, нашумите... Пойдёте на штурм – вам конец.

– Ну, ты нас подожди хоронить, – в угрюмом голосе Вали прозвучала новая, упрямая нотка, – мы ещё на моей свадьбе спляшем!.. Посмотри лучше, нет ли во дворе ещё кого?..

Никита в очередной раз оглядел участок. Просмотрел уг-

лы, тёмные места. Протёр прицел и посмотрел ещё раз для дотошности.

– Нет, никого. Вообще-то странно... Было ведь сказано, что в доме постоянная охрана дежурит. Может ловушка?..

Снизу, со стороны лестницы на первый этаж послышался скрип и шаги – «воришка» поднимается. Сейчас начнёт в спальнях шариться... Никита стиснул зубы и безмолвно выругался. Можно ли быть в ещё более глупом положении, чем он сейчас?!

– Может быть, – протянул Валя задумчиво, – может быть... Но отменять дело мы не станем. Ремонтниками пойдём. Не зря же мы в их машине катаемся?.. А ты, Никит, нас прикроешь. Не подведи... Ну а если там у тебя с гостями проблемы возникнут, то ты уж как-нибудь разберись.

– Принято... – Никита сглотнул, уже представляя, как на него посмотрят полные потрясения глаза Паши.

Машина газовой службы подъехала к коттеджу. Из жёлтого микроавтобуса выпрыгнули двое парней в сине-оранжевой форме, в руках держат серые пластиковые чемоданчики. Кидая по сторонам внимательные взгляды, они подошли к двери во двор и стали звонить в домофон.

Дыхание Никиты участилось, сердце забарабанило. Не смотря на то, что он находится более чем в тридцати метрах от них, он почувствовал, будто это он сам стоит там и ждёт, когда хозяин дома ответит. Разговора Никита слышать не мог, но вообразил, что ребята представились ремонтни-

ками и ждут, когда Агаян решит: впускать или нет? А домофон наверняка ещё и с видеонаблюдением...

К удивлению Никиты Агаян из дома вышел. Неужели решил поговорить с гостями лично? Небывалая удача! Парням остаётся только сделать дело и тихо обратиться...

Глядя в прицел, Никита не забывал слушать, что твориться за спиной и под ногами, этажом ниже. Паша, если это всё-таки Паша, а не кто-то с очень похожим голосом, совсем распоясался: слышно, как перевёртывает в спальнях всё вверх дном, с шумом открывает ящики, отодвигает кровати, раскидывает матрасы. Неужели он в самом деле думает, что кто-то мог бы оставить на даче заначку? Или в этом конкретном доме он ищет конкретную вещь?..

Никита глубоко и взволнованно вздохнул: Агаян подошёл к дворовой двери, потянулся к ручке... Ладони Никиты вспотели, скользят по цевью. Через оптику видно, что ребята тоже нервничают. Один то и дело трогает большим пальцем замок на чемоданчике. Рано, дружище, рано, подожди ещё немного...

Глаз заметил движение. Никита отпрянул от оптики и поражённо вытаращился на людей в чёрной форме, бегущих к коттеджу с оружием наперевес. Пистолеты-пулемёты, каски, бронежилеты... Спецназовцы. С отвисшей челюстью Никита глядел, как на парней набросились, заломили им руки за спину. К жёлтому «газовому» фургону подбежали другие, под дулами пистолетов вывели Валю и уронили лицом в ас-

фальт.

Никита видел, как Агаян замер по ту сторону забора. Боясь шелохнуться, вслушиваясь, он припал к двери и застыл так, глядел в глазок, пока ребят крутили.

В дверь к нему постучали – громко, требовательно. Агаян не ответил. Тогда постучали ещё раз. Ещё. Ещё громче и строже. Агаян не отвечал, тихорился. Один из спецов подпрыгнул другому на руки, кошкой вскочил на забор и уже через секунду поднялся на другой стороне. Возникла возня, драка, но Агаян быстро проиграл и скоро нюхал землю в своём же собственном саду.

Никита сглотнул, сжал кулаки. Его начал стегать нервоз. Это засада на всех, теперь ясно! Значит, его тоже сейчас схватят... Наверняка его уже держит на мушке!.. Стоп... А как же Паша?.. Неужто бы ему дали пройти, если за домом следят?.. Неужто бы дали испугнуть человека под наблюдением?.. Нет, настоящие спецы такого бы не допустили. К тому же Никита не приехал вместе с Валеёй, а добрался сюда сам, как партизан, тайно. Значит, всё же есть надежда выбраться...

Стерев любые отпечатки там, где они вообще могут остаться, Никита сунул автомат за старый, стоящий неподалёку от окна сундук. Прикрыв оружие ветхим, пыльным до чихотки ковриком, он покрался к люку, напряжённо удерживая его глазами. С каждым утопающим в пыли шагом фантазия рисует хмурое лицо в маске и дуло автомата, выгляды-

вающие из-под крышки... На поясе висит нож – не боевой, без гарды, но хороший для метания. Если что – живым лучше не даваться...

Тихонько подняв люк, Никита опустил голову и, держась за лестницу, осмотрелся: дверь одной из спален открыта, оттуда доносятся шаги и шум перевертываемой мебели. Ловко подтянувшись и поставив стопы на ступеньки, Никита через мгновение уже был внизу, в любую секунду готовый бить. От волнения и барабнящего, как сумасшедшее, сердца он часто дышал и, чтобы «гостя» не испугнуть, открыл по-собачьи рот.

Подкравшись ко входу в комнату, Никита быстро туда заглянул и тут же отпрянул. Память запечатлела силуэт человека, склонившегося над раскрытым чемоданом. Решившись, Никита тихонько встал прямо на пороге и упёр взгляд в спину знакомца, поглощённого копанием в шмотках.

– Паша... – окликнул он звучно, но мягко, готовясь, что парень среагирует совершенно дико. Может быть даже достанет оружие...

Что тут случилось! Паша аж подпрыгнул! А когда спешно обернулся, то чуть не вывихнул шею! Лицо его исказилось испугом, глаза стали круглыми и выпучились, как у хамелеона. Раскрыв рот, он ткнул в Никиту пальцем, попытался что-то произнести, но с первого раза у него не вышло.

– Н... Никита?! – выдавил он сквозь силу, словно на языке у него повисла тяжеленая гиря. – Что... Что ты тут делаешь?!

– Нет времени объяснять. – Лицо Никиты стало серьёзным, как у врача, которому надо сообщить родственникам о смерти близкого. – Если хочешь жить – идём со мной!

Глава 9

Пересдача

Солнце за окном светит вовсю. Лучик проскочил сквозь стекло и ударил Алекса в опущенные веки. Гигант причмокнул, моргнул во сне, перевернулся на другой бок и стих. Планов на сегодня никаких, можно полениться. Девушки, с которой провёл ночь, уже нет, как и денег, оставленных для неё на тумбочке. Неизвестно, сколько Алекс провалялся в полудрёме, но в реальный мир его вырвал звонок. Нащупав, точно слепой, трубку, он подтянул её к уху.

– Ало?..

– Алекс, это Женя! У меня новость – ты упадёшь!..

– И что за новость? – Алекс говорил лениво, без интереса. – Чё, с водилой каким проблемы?..

– Куруз на нары приземлился, Алекс! Приезжай ко мне, я тебе всё обстоятельно расскажу! Давай, пока я дома!

Женя отключился а Алекс всё не мог понять, что же такого он услышал... Что-то такое необычное... Стоп! Куруз чего?!

...Квартира Жени обставлена по-особому: раритетные часы, персидский ковёр, картины, когда-то привезённые из загранич сувениры – настоящий самурайский меч, мушкет, бронзовая статуэтка Будды в рост ребёнка. Алекс уже бывал здесь. Ещё в первый раз квартира показалась ему такой,

какие достаются людям нынешнего поколения от их неординарных родителей, в советское время имевших многое и живших лучше остальных. Такие квартиры порой без изменений переходят к их детям, и ты сидишь там в гостях посреди ремонта, отличного для семидесятых-восьмидесятых, а сейчас – ну, ретро, только пыль не забывай сдувать и лакируй иногда...

– Выпьешь? – Женя усадил гостя и подошёл к холодильнику, тоже советскому, но на вид словно бы новому. – У меня тут птичка осталась, можно прилично закусить.

– Выпью. – Алекс кивнул, от слов о еде в желудке у него почувствовалась голодная пустота. – И закушу тоже! Ты, Женя, давай главное выкладывай, а то я, может быть, услышался?.. Мне уже неважно!..

– Да ну сейчас! Сейчас! – Женя выложил на стол располовиненную, блестящую белым мясом птицу. Вместе с ней и бутылку водки, ополовиненную и холодную, как февральская зима.

Алекс смотрел, как хозяин квартиры суетится, разглядывал потёртости на его домашних трениках, полосатую, заштопанную на спине майку, старые тапочки и общую, будто бы аскетскую худобу. Забавно, но вот так выглядит человек, имеющий в месяц тысяч двести, не меньше.

– Угощайся! – Женя расставил рюмки и разлил по пятьдесят. – За то, чтобы у нас всё спорилось!

Чокнулись. Выпили. Закусили.

– Ну так что там?! – Алекс с нетерпением вгрызся в курицу сильнее, чем она того заслужила. – Что там с этой шайкой-лейкой?!

– Горячка, – ответил Женя, прожёвывая. – У меня в ментовке человек есть – на зарплате, ну ты понял... Так вот он насвистел, что вчера была какая-то облава, и сейчас сам Кутуз, Агаян и некоторые их пацаны в СИЗО парятся.

– Какой ещё Агаян?.. – Алекс нахмурился. – А Кутуз почему? Что за Санта-Барбара?!

– Точно не знаю, – Женя покрутил ладонью, – но общий расклад такой: поймали их всех на незаконном ношении оружия. Двести двадцать вторая, если я правильно помню... А ты чего, Агаяна не знаешь?..

– Да откуда мне?! – Алекс в удивлении откинулся на спинку стула. – Я ж не местный! Ну и? Кто он такой?

Женя бледно улыбнулся.

– Ну, так-то он с Кутузом вместе дела обтяпывает... обтяпывал. Вернее сказать, вёл. Я слышал, в последнее время они сильно разругались, а почему – неизвестно...

– Деньги, чего ж тут думать! – Алекс уверенно разлил по новой. – Не из-за жены же неверной, хе-хе!

Выпили ещё, без тоста. Закусили.

– Так значит, говоришь, Кутуз на нары приземлился... – Алекс задумался, вытер кулаком уголок рта. – А надолго ли? И вообще – можно ли этому верить?..

– Ну, этот ментяра меня никогда не обманывал. – Женя

пожал плечами. – Если говорит, значит в самом деле так...

Алекс подпёр подбородок кулаком и погрузился в раздумья. Женя нарезал хлеба и сделал бутерброды. Не мешая соображениям гостя, достал вчерашний салат – голодный, сам ещё не ел.

– Значит, Кутуз и Агаян в СИЗО... – прошептал Алекс, словно бы глядя в пустоту. – Оба они, я так понимаю, по наркоте... А предъявляют им ношение оружия... Всё правильно?

Поймав на себе цепкий, острый взгляд собеседника, Женя кивнул.

– Правильно... И, как шепнул один мой знакомый в теме, в последнее время они на ножах.

Алекс лукаво, по-разбойничьи лихо ухмыльнулся. Его лик просветлел, как небо после грозы.

– Всё у вас тут в Самаре, как у людей! – Глаза беловолосого прямо таки заискрились. – Видно, кто-то захотел их обоих подвинуть!

Женя скептически согнул губы, взялся за вилку. Алекс продолжил:

– Тут явный заказ – к бабке не ходи! Но... знаешь, Жень, что меня больше всего интересует?..

Хозяин квартиры прочистил горло, покряхтел, ответил:

– Догадываюсь...

– Тогда ты умный парень! – Алекс взглянул на худого собеседника с искренним уважением. – Но я спрошу всё равно,

на всякий случай: а трудно ли будет к Агаяну попасть?..

Ранним утром субботы Анна уселась в кабинете и стал разбирать бумаги. Целая куча взгромоздилась перед ней и ещё больше уже прочитано и подписано, положено на отдельном месте, чтобы не перепутать. Иногда Анна выглядывала в окно, вставала и прохаживалась по комнате, смотрелась в зеркало, после чего падала в кресло и с тяжким вздохом принималась за писанину снова. Такой труд она ненавидела пуще зубной боли. Свободная душа протестует против всей этой канцелярии! После двух дней напряжённой работы вместе с казанскими хочется уже выть, кричать!.. Да лучше из окна сигануть, только бы не эти проклятущие бумажки!

Анна потёрла виски и постаралась расслабиться. Ещё немного и всё, победа будет в их руках – её и её «партнёра». Столько сил приложено! И через стукачей грамотно сработали, и бойцов вызвали аж из самой Казани, чтобы в Самаре ни одна собака даже случайно не пронюхала!.. Благовидным предлогом прикрылись, ведь теперь и в самом деле есть чем крыть – ни у одного из задержанных разрешения на ношение оружия не оказалось! Слежку грамотно установили, время удачно угадали. Мастерская работа! Есть, чем гордиться.

В дверь постучали. Не отрываясь от бумаг Анна разрешила.

– Анна Павловна, доброе утро... – Капитан Полевайкин переступил порог. Как всегда с улыбкой и в идеально отгла-

женной форме.

– Заходи, Ваня, заходи, – не поднимая лица, Анна пома-
нила ладошкой. – Дверь закрой и докладывай. Как там дви-
жется?..

Щёлкнув дверным замком, Иван встал перед начальни-
цей, но по её новому жесту сел на стульчик возле стола и по-
ложил руки на колени. Разглядывая начальственную макуш-
ку, он ответил:

– Двигается хорошо! Как вы и приказали, всех держим по
отдельности. Владимира Агаяна в одном месте, Кожемякина
в другом. Кстати, ему при задержании глазной протез повре-
дили, но не думаю, что он будет жаловаться.

– Что с остальными?.. – Только теперь Анна подняла
взгляд. Глаза её вспыхнули жгучим интересом. – Сотрудни-
чать хотят?..

– Нет, никто не хочет. – Иван виновато потупился. – Хотя
есть там один, Абасом зовут, фамилию не выговорю. Он дер-
жится хуже всех. Уже два раза устраивал сцены с приступом
эпилепсии. Кривляется, косит под больного. Дурачка изоб-
ражает. По-моему он самый морально слабый, так что мож-
но попытаться на него надавить... Но хозяина своего он бо-
ится всё равно больше, чем нас, это понятно...

– А вот мне не понятно! – Анна шлёпнула по столу ладо-
нью. – Он нас должен больше бояться! Нас! Устройте ему те-
рапию, чтобы по всем правилам! Или мне вас учить?..

– Будет сделано! – Брови Ивана поползли вверх. – Только

как на это посмотрят высшее начальство?..

– А это уже не твоё дело. – Анна отмахнулась. – Высшее начальство не твоя забота. Где оно? Далеко где-то... А я здесь! Вот она я! Или ты Ваня боишься, что из-за какого-то пикового на тебя какой-нибудь твой коллега закраснеет?.. Глупости! Ну а если закраснеет – отмажем.

Капитан Полевайкин сглотнул, пригладил волосы потеющей ладонью. Что его больше всего поражает, так это то, что речь Анны вовсе не идёт к её внешности. Когда с тобой в подобной манере разговаривает такая девушка... Смотришь на неё и думаешь: какая милая! Но стоит ей открыть рот...

– Сходишь к Озерову, скажешь, чтобы принёс документы, которые я просила. – Анна сделала жест ладонью, между тонких пальцев которой зажата ручка. – А сам что хочешь делай, а из припадочного этого всё вытряси! примени силу!

Её лицо стало строгим, взгляд жёстким. У Ромы возникло ощущение, что он находится на краю глубокой, холодной и тёмной, утыканной кольями ямы...

– Но трясина про оружие, – продолжила Анна хищно. – Только про оружие! В сторону не уводи. Нам интересно исключительно про стволы.

Иван опять сглотнул, поёрзал на стуле, словно его кусают злые муравьи. Мучаемый неудобным, но справедливым вопросом, он и уйти не решился, и спросить сразу не смог. Ну не смог и всё, ждал, когда Анна взглянет на него снова и потребует:

– Что-то ещё?..

– Да вот поинтересоваться хотел... – Полевайкин закусил губу, но, заметив за это собой, быстро поправился. – Мы ведь по наркотикам работаем, а тут оружие...

К удивлению Ромы Анна и бровью не повела, как будто бы даже стала спокойней. С невозмутимостью она спросила:

– И что тут такого?.. У нас появилась важная для другого отдела информация, а порядочность велит товарищам по службе помогать. Вот мы и помогаем. Коллегиальная выручка, все дела...

Иван помялся ещё, в конце концов поднялся и отвесил поклон.

– Пойду к Озерову, как вы и сказали. Передам вашу просьбу.

– Иди-иди. – Анна на него не глядела, уже опять марала бумагу. – И про пикового не забудь. Чтобы завтра же он как в опере пел!

Встречу решили назначить на вечер. Анна специально нарядилась, оделась получше, вышла в своих любимых туфлях. Сегодня, когда она встретится с «партнёром» и обсудит сделанное, она рассчитывает на небольшое приключение...

Доехав до парка Гагарина на такси, Анна расплатилась и пошла к условленному месту – забегаловке «Pizza Kitt+». Дойдя до неё, она сильно удивилась, так как за всё время этот мужчина редко приходил первым. Но вот сегодня снова

пришёл.

– Добрый вечер, Аня... – Он улыбнулся. Его глаза, как всегда, пронзили её насквозь. – Пойдём, погуляем?..

И Анна с удовольствием пошла. Пошла и всё время старалась держаться к нему поближе.

– Поздравляю с успехом. – Он повернул к ней лицо. – Отлично сработано! Ты умница...

– Ну, это ведь был твой план, – Анна пожала плечами и скромно улыбнулась, – я только действовала по инструкции... Но всё и вправду получилось отлично, даже лучше, чем я ждала!

Минуя людские сборища, они направились в парковую глубь.

– Какой бы ни был план чудесный, но его ещё нужно правильно исполнить. И у тебя это отлично получилось! Не отрицай своих заслуг...

Анна ощутила, что краснеет. Это ей очень нравилось.

– И Кутуза, и Агаяна сцапала, людей их взяла. Даже без крови почти обошлась... Высший пилотаж!

Почувствовав, что перехваливает, или заметив на щеках девушки алеющий румянец, мужчина продолжил уже спокойней:

– Кстати, что там у вас в органах? Есть ли интересующиеся? Кто-нибудь что-нибудь вынюхивает?..

Анна задумалась, ответила:

– В общем-то нет... Правда, конечно же, есть люди, вечно

во всём подозрительные. Но где их не бывает?.. Разумеется найдутся те, кто отыщет в этой операции чей-то интерес... Но это же как ещё надо заморочиться, чтобы что-то доказать! А на вид всё гладко. Просто совместная работа двух отделов.

– Замечательно... – Мужчина с удовольствием кивнул, его взгляд сейчас был бы способен растопить и арктический лёд, не то, что сердце слабой девушки. – Но если вдруг что-то пойдёт не так, ты только намекни – решу любую проблему.

– Всё-то ты обо мне заботишься... – Анна потупила глазки.

Мужчина спросил уже более серьёзно и даже несколько отстранённо:

– Кстати, как наш казанский друг? Хорошо поработал?

– Ты про Абашева? – Лицо Анны скривилось, словно она понюхала разлагающуюся рыбу. – Вообще-то гад редкостный... Противный, склизкий человечиска... Но отработал хорошо, даже очень. У Кутуза с Агаяном его парни «нашли» по «ПМу», даже отпечатки их сумели на оружие приляпать. Лучшего и желать нельзя.

– Противный человечиска?.. – Мужчина задорно усмехнулся. – Что, пытался приставать?..

– Пусть бы только попробовал! – Анна сделала такие глаза, словно её ошпарили кипятком. – Нет. Он со мной даже и не разговаривал почти, но такой у него взгляд был постоянно... Похабный, честное слово!

– Ну, в мыслях пускай будет похабным, – мужчина скептически пожал плечами, улыбка на его губах продолжала играть, – главное, чтобы в деле полезным был. И рот на замке держал.

Анна нехотя признала:

– Отработал он нормально, что есть, то есть. Не знаю, сколько ты ему заплатил, но думаю, лучше никто бы не справился. Умеешь же ты людей подбирать...

Последние слова она не сказала – мурлыкнула.

Словно не замечая её тона, он ответил:

– Умею, это ты верно подметила... Тебя это, Анечка, тоже касается. Помнишь, я обещал тебя сделать полковником? Я своё слово сдержал.

Анна глядела на мужчину заворожённо, как лягушка на ужа.

– А я в твоих словах никогда и не сомневалась!..

– Так вот... Я думаю, что пора тебе двигаться дальше.

– Дальше?.. – Анна задержала выдох. – Дальше – это куда?..

– Наверх, – произнёс он просто, словно ответил на вопрос «Сколько времени?». – Наверх, Анечка... Будем из тебя генерала делать. Тебе как, кстати, с большими звёздами погоны идут?..

Анна неловко запнулась. Глаза её стали вытаращенными, как у рака, а рот невольно открылся.

– Ты шутишь... – Она почувствовала, что колени её тря-

сутся и голос дрожит. – Ты меня обманываешь...

– Что за глупости, Аня?.. – Мужчина ласково улыбнулся. Лицо его выказало столько тепла и обаяния, что у Анны защемило сердце. – Рука руку моет, или ты забыла?.. Ты помогаешь мне, я тебе – так и работаем. Взлетаем вместе.

Повеял ветер, зашуршала парковая листва. Запахло свежестью, сладкой ватой и сигаретным дымом вперемешку с духами. Анна смотрела на мужчину и не знала, что сказать. Он и вправду сделает её генеральшей... Нет! Генералом! Да!.. Он никогда не обманывает. Настоящий мужчина...

– Осталось сушья мелочь... – От взгляда «партнёра» не скрылось, какое впечатление производят на спутницу его слова. – Дождём агаиновских и кутузовских, у тебя в управлении с кадрами ещё немного поработаем... И всё. Считай, будущее мы себе обеспечили.

Волнение настолько взбурлило мысли, что Анна забыла о всяком сексе. Ей еже виделись новая форма, новое кресло, новый штат, новые звёзды. И новая власть! Много власти!

– Дождём... – подтвердила она немного невнятно, словно только что проснулась... но вдруг сама, первая шагнула вперёд. – Им недолго осталось, недобиткам... – Голос её обрёл прежнюю командную твёрдость. – К концу следующего месяца последний встанет на колени!.. – Тут она остановилась, повернула голову и кинула взгляд через плечо. – Ты идёшь? Или тут постоим?..

Мужчина наслаждался видом Анны с удовольствием.

Лучшая Подельница! Да, с большой буквы. Ох не ошибся, не ошибся он в ней, когда несколько лет назад заприметил этого лейтенанта, прозябающего в сызранской уловке! Не ошибся, похоже, и в мотивах, руководящих этой женщиной.

– Я хочу с тобой погулять. – Он сделал шаг и протянул руку. – Ты не находишь, что вечер сегодня какой-то особенно замечательный?..

Сумки уже давно собраны и погружены. Ребята курят. Кто-то сидит в салоне, тыкает в телефоне. Рашид поглядывал на парней, будто покупатель на базаре, ищущий в товаре брак: как кто поведёт себя после командировки? Кто что видел? Что слышал? Кто о чём догадывается? Может быть кто-то захочет отправить внеплановый отчёт?..

Но как ни смотри, а мыслей в голове не прочитаешь – Рашид напоминал себе об этом каждый раз, когда считал, что становится слишком подозрительным. В конечном итоге всё прошло гладко, дело сделано на совесть. Два его надёжных человека постарались на славу, честно отработали деньги... Честно... Хе-хе...

– Рашид Дамирович! – К Абашеву подошёл Ильнур, один из молодых, всего полгода в группе. – Разрешите обратиться!

– Обращайся. – Рашид лениво махнул ладонью. – Что, хочешь знать, когда домой поедем?

– Так точно... – Молодой помялся, с командиром он общается редко. – У меня у жены завтра день рождения. Хоте-

лось бы успеть...

– Не волнуйся, успеешь! – Рашид деланно показал зубы и хлопнул молодого по плечу. – Иди лучше проверь, не забыл ли чего. Сувенир-то купить успел?

– Успел!

Ильнур улыбнулся и расстегнул ветровку: открылась майка «Крылья Советов», рисунок в полную грудь.

– Ого! – Рашид притворился, будто впечатлён. – И когда ты только момент нашёл?!

– Сегодня! Перед тем, как на заправку заехали.

– Ну иди, иди... – Рашид кивнул на остальных. – Не волнуйся, скоро поедем.

Парень ушёл, а Абашев задумался, скоро ли поедут в самом деле. Заветное сообщение так и не пришло. Впору начинать беспокоиться... Но Абашев никогда не беспокоился. Иногда давал волю дурным мыслям, но то не в счёт – проделки разума. Нервы Рашид всегда держал в кулаке.

Если сообщение не придёт в следующие десять минут – он уедет, не подав виду. Но его наниматель сильно пожалеет, что не...

В кармане завибрировало, пропела мелодия. Стараясь не радоваться прежде времени, не позволять себе волнительно спешить, Рашид достал телефон и посмотрел на экран: от отца пришло сообщение, что он скорее ждёт его домой, и что мама уже готовит стол... Это условный знак. На карту отца пришли деньги.

– Ну что, братва?! – воскликнул Абашев громко, его глаза, ещё только пять минут назад пасмурные, теперь возликовали. – Не устали ещё тут? Готовы ехать? Не слышу!.. Тогда выдвигаемся! Хватит уже в этой Самаре тухнуть!

Комната для встречи с адвокатом выглядит аскетично: стол, две лавочки и узкое зарешёченное оконце, куда не пролезет и воробей. Стены из лакированной фанеры, так делали полвека назад. Пол под дешёвым линолеумом. Кутуз время от времени прикасался к протезу и с неудовольствием ощупывал царапину, оставшуюся от падения на асфальт. И как она могла там появиться?.. Вроде и синяков почти нет, а искусственный глаз попортили, сволочи...

Звонко хрустнул замок, массивная дверь открылась. В комнату вошёл приземистый толстячок в дорогом костюме и с зачёсом, прикрывающим обширную лысину.

– Юрий Алексеевич! – Прямо с порога он протянул пухлую ладошку, и, усевшись напротив Кутуза, горячо пожал тому руку. – Здравствуйте!

– Игорь, перестань.

Кутуз излучал холод и его адвокат, Игорь Абрамович Розенцвайг, сразу перестал. Тонко чувствующий человек.

– Сожалею видеть вас здесь, Юрий Алексеевич. – Розенцвайг покачал головой. Кто-нибудь мог бы даже подумать, что он и вправду сожалеет. – Как же это вас угораздило, Юрий Алексеевич?..

– Ты эту шарманку брось! – Кутуз повысил голос. – Рассказывай лучше, как дело движется. Ну?..

Розенцвайг нахмурился, глубоко и с сожалением вздохнул – рубашка на его изрядном животе натянулась так, что пуговицы чуть не лопнули.

– Дрянь дело, Юрий Алексеевич. Дело дрянь, честно вам говорю...

Его лицо стало прямо-таки трагичным. Кутузу никогда не нравилась эта его театральность, и если бы Розенцвайг не умел находить выход там, где остальные видят только тупик, он и не подумал бы нанимать такого человека... Но Игорь умел.

– Выкладывай подробности.

– Слишком много плохих улик, Юрий Алексеевич. – Игорь скривил пухлые губы. – Вообще-то конкретно против вас всего одна, но зато какая... «Макаров» с вашими отпечатками. Нигде не зарегистрированный, конечно же.

– Скоты... – Кутуз еле удержался от того, чтобы сплюнуть. – Надеюсь, хоть не мокрый?

– Я тоже на это надеюсь. – Розенцвайг снова слепил трагичную мину. – Уж и не знаю, как они вас так ловко подставить сумели. Конечно, мы будем бороться, подадим, куда надо, жалобы... Но ребята ваши сядут точно, у них шансов нет.

– А у меня?.. – Кутуз раздражённо вздохнул. Тон адвоката совсем ему не понравился. – У меня есть шансы?..

– Может быть и есть. – Игорь страдальчески улыбнулся. –

Сами понимаете, при каких обстоятельствах были задержаны. Мы можем сослаться на элемент случайности, на непричастность к остальным задержанным. Мы можем взять даже кого-нибудь на роль громоотвода...

– Но?..

– Но это не отменяет того, что у вас всё-таки нашли оружие с вашими отпечатками, незарегистрированное. Отмазаться совсем тут не выйдет. Даже если мы подкупим судью... Даже если всех присяжных, коли такие будут...

Розенцвайг старательно изобразил печаль. Весь его вид кричит: «Я не виноват, не злись на меня!»

– Понятно... – Кутуз отвернулся, чтобы Игорь не видел его перекошенное в гневе лицо. – Ясно... Ладно, иди. Продумывай защиту...

С напускной невинностью адвокат спросил:

– А на чём мы будем строить эту защиту?..

– На правде! – рявкнул Кутуз, резко повернувшись. – На том, что никакого пистолета не было! Его подкинули!..

– Понял, понял... – Розенцвайг примирительно выставил пухлые ладошки, смиренно поклонился. – Понял, Юрий Алексеевич. Конечно не было, разве я спорю?..

– Тогда иди и не трепи мне нервы! – Кутуз разозлился уже на себя за то, что не сдержался, заорал. – И думай над защитой! Я жду от тебя хороших новостей! Понял?!

...В камере время идёт совершенно не так, как на воле. Каждая минута за две, час за три, а ночь – как целые сутки.

Кутуз маялся, еле-еле сдерживался от ворчания. А ворчать хотелось, ох, как хотелось... Подсадили его к двум лопухам. Один хулиган, по пьяни поколотивший жену, второй сбивший пешехода мужик, держащийся особняком, но при этом без конца бормочущий, что он не виновен. Никогда в жизни Кутуз не «присаживался», ни одного дня не сидел даже во временке, однако общие расклады знал, главным образом через людей, которых нанимал. Сейчас, сидя в холодной, местами грязной, конечно же не уютной бетонной коробке он осознал, что ему ещё не плохо: могли бы засунуть к каким-нибудь беспредельщикам, ан-нет – сидит Кутуз с тихонями, никто его не трогает. Везение ли?..

Вечером, когда уже включили ночное освещение, один из дежурных – здоровенный усач метра под два ростом – открыл камеру и с порога гаркнул:

– Кожемякин!

Кутуз вздохнул и поплёлся на выход, для вида скрестил руки за спиной. Наручники дежурный накинул быстро, но не туго, можно не бояться, что кисти раздуются и посинеют. Они пошли. Миновав несколько коридоров, усач показательно вежливо постучался в дверь с новенькой блестящей табличкой: «ст. следователь Карпухин И. Т.» Табличка выглядит комично, так как новизной своей украшает старую, покрытую полопавшимся кожзамом дверь.

Прозвучал спокойный властный голос:

– Войдите.

Усач отпёр дверь и встал за Кутузом, даже дубинку ему в спину упёр. Стараясь не обращать на это внимание Юрий Алексеевич зашёл в кабинет и с ходу учуял запах крепчайшего кофе. Карпухин, если это он, оказался худым, как цапля вытянутым мужчиной средних лет с седеющими висками. Служебный костюм висит на нём мешком, будто он был выше ростом и толще, однако совсем недавно быстро похудел и укоротился... Смотрится это причудливо.

Усач гаркнул у Кутуза над самым ухом:

– Иван Тихонович! Кожемякина привёл, как вы и просили!

– Хвалю... – Голос Карпухина прозвучал бесстрастно. Руки его легли на столе возле блюда с чашкой, наполненной чёрной, исходящей паром жижей. – Можете быть свободны.

Кутуз не видел, но ярко представил, как дежурный козырнул и скрылся за дверью – так мощно тот махнул руками и протопал ногами.

– Меня зовут Иван Тихонович... – Острые глаза следователя вцепились в Кутуза, как голодные собаки.

– Меня Юрий Алексеевич, – ответил Кутуз с отзеркаленным спокойствием. Прямой взгляд следователя он встретил таким-же прямым своим.

Долгое мгновение они смотрели друг на друга. В повисшее молчание можно было уже ткнуть пальцем, когда Карпухин вдруг произнёс:

– Прошу, присаживайтесь. Вон на тот стул, рядом с кар-

той.

Кутуз обернулся – на стене и правда висит карта России. Старая, с пожелтевшими краями, но видно, что пыль с неё стирают часто. Без спешки пройдя к стулу, который скорее бы следовало назвать табуреткой, Кутуз медленно развернулся и сел, сразу закинув ногу на ногу. Карпухин не сводил с заключённого глаз, а когда тот уселся, сам вышел из-за стола. В руке у него оказался телефон – одна из самых дешёвых кнопочных моделей, которые ещё можно достать в магазине. Подойдя к входной двери, он выглянул в коридор, и, никого не увидев, её закрыл.

– У вас будет мало времени. – Он оглянулся на Кутуза. – Говорите тихо. Если я покажу вот так – тут он выставил ладонь – сразу отключайте связь и прячьте телефон. Прячьте в тумбочку, у которой сидите, в верхний ящик.

Кутуз от неожиданности чуть не кашлянул. Лицо ему удалось сохранить выдержанным, только он побоялся, что оно покраснело. Карпухин отыскал в телефонной книжке адрес и позвонил. Ответили ему мгновенно.

– Это я, – произнёс он, глядя на заключённого. – Да, он со мной. Давай, Вить, только не долго. И симку смени, завтра мне с новой позвонишь. Понял? Всё, передаю...

Карпухин подошёл и протянул трубку. Его взгляд ожёг нетерпением.

– Берете же! Чего ждёте?..

Кутуз всё же спешить не стал – медленно потянулся, те-

лефон взял с аккуратностью.

– Алло?.. – спросил он настороженно, не сводя с Карпухина глаз.

– Юра, это я! – Знакомый рык. – Как ты там?! С тобой всё в порядке?!

– Витя! – Кутуз с облегчением шумно выдохнул, даже веки опустил. – Умеешь же ты удивить!..

– Ваня мой старый приятель. – Снова рычание. – Мужик хороший, можешь доверять ему, как мне. Обязательно с ним познакомься!

Кутуз взглянул на следователя уже по-новому и с пониманием кивнул. Тот словно этого и ждал: развернулся и, демонстрируя худую спину, отошёл к двери.

– Что происходит, Юра? – Голос Виктора прозвенел тревогой. – Что за херня твориться?! Ты кому-то без меня дорогу перебежал?!

Кутуз мрачно ответил:

– Мы вместе перебежали дорогу многим людям... Множество раз... Витя, меня держат в камере, ничего толком не говорят. Я вообще мало о чём в курсе. Наверное, тебе известно даже больше, чем мне, так что выкладывай, я хоть тебя послушаю.

– Так ты не в курсе?.. – Виктора опешил. – Ну и дела... Ладно, расклад такой: Валю с ребятами задержали, как и тебя с телоками. Никита исчез, про него никто ничего не знает.

– Ага... – Кутуз не заметил, как до боли закусил губу. –

Дальше...

– У меня у самого мало сведений, но наш общий теперь знакомый говорит, что это заказ. Ты у него сам обязательно поспрашивай, как минутка найдётся!

Кутуз перевёл взгляд на стоящего на стрёме Карпухина, хмыкнул.

– Как там Валя? Как его люди? Ты знаешь, что с ними?..

Кутуз заметил, как при этом вопросе Карпухин повёл ухом, бросил краткий взгляд через плечо... и отвернулся.

– Под арестом, как я и сказал. Повязали их, как я понял, у Агаяна. Не успели они ни армянина шлёпнуть, ни оружие скинуть. И от стволов, похоже, теперь уже не отвяжутся... Другое любопытно: Агаяна, как я слышал, взяли тоже.

Кутуз чуть телефон ни выронил.

– Чего?! – Он подумал, что ослышался. – Агаяна?! А я думал, это всё его рук дело...

Виктор помолчал, потом тяжело, нехотя рыкнул:

– Да, взяли... Запутанное это дело, Юра. Я ж говорю, поспрашивай у Вани, он более-менее в курсе. И ещё у нас одна проблема имеется...

Кутуз закрыл глаза, глубоко вздохнул.

– Ну какая ещё-то?..

– Человек наш пропал. Федя.

– Ну разумеется пропал... – Кутуз заскрежетал зубами, его пальцы судорожно сжались на трубке, словно на горле предателя. – Ещё бы он не пропал...

– Не понял... – Виктора удивился. – Я чего-то не знаю?..

– Федя мне позвонил в тот день, когда вся эта... облава случилась. – Кутуз еле сдерживался, чтобы не кричать. – Я так догадываюсь, что те молодцы, которых вместе со мной взяли, по мою душу и пришли! Это значит, что Федя меня специально выманил! Гадина паскудная! Если про арест Ага-яна правда, то тогда кое-что сходится. А я ещё понять не мог, чего это он и убийц подсылает, и ментов вместе с ними...

– Ф... Федя?! – Язык послушался Виктора плохо. – Да мы же с ним с самого начала! Юра! Ты ничего не путаешь?!

– Какие уж тут путки! – Кутуз в сердцах сжал кулак. – Если бы это было совпадением – разве стал бы он пропадать?! Нет! Он меня выманил. Позвонил и попросил, чтобы я срочно за каким-то хреном приехал в строительный. А когда узнал, что я жив – вот у него нервишки-то и не выдержали. Всё с ним ясно...

– Федя... – повторил Виктор ошалело. – Федя... – В его голосе зазвенела сталь. – Ну, Федя... Найдём тебя – пожалеешь, что сам не умер...

Карпухин согнулся, припал ухом к двери... через мгновение он уже всю сигнализацию отбой!

– Всё! Потом созвонимся! – прошептал Кутуз и быстро сунул замолкший телефон в ящик.

Повисла напряжённая тишина: Кутуз опасался и вздохнуть громко, Карпухин не отходил от двери, вслушивался. На затылке у него блеснул пот, хотя воздух в кабинете на-

звать душным никак нельзя.

– Кажется, мимо прошли, – прошептал он, не отнимая уха. – Если что – сядьте строже, прикиньтесь подавленным. Тут слишком много чужих глаз.

Кутузу претила сама мысль кем-то прикидываться, но он решил Витиного друга слушаться – единственную руку, способную помочь.

– Ладно, вроде нет никого. – Карпухин повернулся к Кутузу и, всё ещё настороженный, упёрся спиной в дверь. – Перейдём к сути дела. Не против?..

– Ни сколько. – Кутуз помотал головой. – Виктор сказал, вы с ним старые приятели?

– Да, учились вместе. – Лицо Карпухина показалось в этот момент усталым, измождённым. – Потом служили, тоже вместе. Потом... потом суп с котом. Короче, он сейчас сам по себе, чего я, если честно, не одобряю... А я здесь вот. Уже на пенсии, а всё работаю.

После подобных слов чиновники обычно ждали или сами высказывали предложения касательно денег, так что Кутуз приготовился заверить, что всё в порядке, не обидит... Но выражение лица Ивана Тихоновича заставило его в нерешительности помедлить.

– Виктор сказал, вы в курсе последних дел... – проронил он осторожно. – Сказал, можете что-то разьяснить...

– Могу. – Карпухин сухо кивнул. – Но не много. Так, наполовину слышал, на половину догадываюсь.

– Так разъясните. За мной не заржавеет...

Карпухин кисло улыбнулся. Во взгляде его мелькнуло нечто, что Кутузу совсем не понравилось.

– Не заржавеет... – повторил он угрюмо. – Эх, Юрий Алексеевич... Я это всё только ради Вити делаю, он мне однажды жизнь спас. Я ему обязан. А вам я ничем не обязан.

– А я и не настаиваю... – Кутуз сохранял лицо деловым, голос держал спокойным. – Если удобно вам, то расскажите, пожалуйста, хоть то, что знаете. Я по крайней мере махонькую галочку себе поставлю. А то совсем, как в тумане...

Карпухин снова замер. Кутуз услышал, как по коридору за дверью, громко шаркая, идут двое. Ведя разговор о каком-то Абасе они протопали мимо, споря, как лучше на него надавить и есть ли у него в Самаре какие родственники.

Карпухин превратился в слух. Взгляд его упал на пол, потом устремился на Кутуза и наострился, стал колючим.

– О вашем деле говорят... – пояснил он мрачно. – Это они про паренька, которого вместе с вами возле подъезда взяли...

– Про одного из тех, кто пришёл меня убить?..

Кутуз держал взгляд прямым. Карпухин же глаза отвёл.

– Скорее всего... Я не знаю всех подробностей, но что касается самого ареста – это, скорее всего, дело рук нашего нового главного по наркотикам. Она, надеюсь, в представлении не нуждается?..

– Решетникова... – Кутуз скрипнул зубами. – Всё-таки

она...

– Так говорят... – Карпухин пожал плечами. – Мы с ребятами сначала думали, что она из тех, кто взятку не берёт, но оказалось, что она особа со-о-о-всем другой породы... – Следователь помолчал, его глаза снова остановились на заключённом. – Я считаю, она работает на кого-то. Или с кем-то... В любом случае она оборотень. Один из худших, что я видел...

Куруз задумался. В его голове понеслись воспоминания за последние месяц-два. Карпухин следил за его лицом, потом, хмыкнув, добавил:

– Из Казани вызвонили ребят, при их помощи вас и захомутали. Всё выставили, как сотрудничество отделов. Агаян ваш тоже, кстати, присел. Его кажется, Владимиром, зовут?..

Куруз очнулся от размышлений, машинально поправил очки.

– Да. Агаян – это фамилия... А я-то сперва думал, что всё это его рук дело. Как-то получается уж больно путано...

– Вы все под особым наблюдением. – Карпухин принял отстранённый вид. – И все, кто с вами работают – тоже. Включая меня. Это значит, что никакой весомой помощи я вам оказать не могу, так что даже не просите.

Куруз поднял взгляд на худого, серого человека: Карпухин смотрится выжитым лимоном. Прямо тень, а не человек.

– Вы и так уже помогли, – заверил он как можно мягче, – и мне, и Виктору через меня. Ну а как что узнаете, так сообщите.

щайте, держите меня в курсе... – Карпухин тут-же посмотрел на Кутуза хмуро, а тот сразу добавил: – Я, конечно, понимаю, что тут главный вы... Но вы уже взялись помочь Вите – так не останавливайтесь на полпути. А когда я от сюда выйду, я вас не забуду. Даю слово.

– Хорошая речь. – Карпухин натянуто улыбнулся и провёл ладонью по седеющим волосам. – Вот только выйдите вы когда?..

Полы в камере блестят ярче, чем в Эрмитаже. Молодой паренёк, невымытый, в грязной одежде и с противным кислым запахом пота старается изо всех сил, трёт тряпкой пятно в углу. Агаян время от времени поглядывал на него поверх томика Пушкина, но большого внимания не уделял. Ещё позавчера утром, когда его засунули в эту камеру, здесь было невозможно находиться, не морщась от отвращения. Всё грязное, пыльное, где-то даже липкое. На первом этаже развалился этот вот обкурыш, по дурусти попавшийся на краже.

Взаимоотношения Агаян установил жёстко, обязанности распределил быстро. Через дежурного достал свежее постельное бельё и книгу, а грязнуле запретил лезть даже на второй этаж. Теперь его место будет под шконкой.

К сожалению связь с миром наладить не удалось. Среди ментов желающих подработать не нашлось, а другие способы не мелькнули. Единственное, что поначалу радовало Агаяна, это то, что попал он в СИЗО – это значит, можно бу-

дет беспроblemно вызвать адвоката, а через него уже узнать, что за беспредел твориться и кто в этом виноват. Радость, однако, быстро прошла: адвокат пришёл и сообщил, что помочь ни чем не может. Нет-нет, он так не сказал, наоборот, вёл себя разъярённым быком, обещал всех неправых наказать!.. Вот только Агаян сразу понял, что светит ему двести двадцать вторая и вряд ли удастся опровергнуть, что пистолет ему подкинули. Да ведь прямо в руку сунули, гады!.. Так же адвокат передал, что с Арсеном всё в порядке. Через сторонних выяснили, что он держится. А вот с Абасом грозят проблемы: может покраснеть...

Парень продолжает тереть пятно – усердно, быстро, потея. Агаян глянул на него снова, презрительно скривился и уткнулся в книгу.

Странно ведут себя менты, ох странно... Ну да и чёрт с ними, с синими. Даже хорошо, что теперь он сидит здесь, в камере, в грязи и с мерзким запахом, ведь он жив, он здоров... А мог бы уже быть мёртв! В тот вечер, если бы не захват – точно бы пулю схлопотал! Как мог он быть так не осторожен?! Так самонадеян?! Послал своих людей к Кутузу, а сам гулял себе без охраны! Идиот!.. От злости Агаян сжал пальцы так, что книга в его руках жалобно скрипнула. Сам вышел, сам уже хотел открыть дверь этой «газовой службе»... На один шаг со смертью разминулся!

Хрустнул замок, дверь открылась. На пороге возник дежурный.

– Агаян Владимир, – позвал он, стараясь не смотреть на скрюченную фигуру в углу. – На выход! К вам пришёл адвокат.

Агаян нахмурился, но лишь на миг; не позволил себе взглянуть удивлённым. Соскочив с нар он вышел из камеры, и, когда наручники застегнули, побрёл, куда повели.

Его ждала всё та-же комната, в которой он виделся со СВОИМ адвокатом, а вот посетитель оказался совершенно незнаком: длинные светлые волосы собраны в хвост, лицо открытое, белое. Фигура прямо-таки атлетическая, словно мужчина этот каждый день бегаёт с пятидесятилитровыми бочками на плечах. Одет в деловой костюм, который, правда, излишне облегает – явно взят на размер меньше. Чтобы красоваться? Или из спешки?..

– Владимир Иосифович! – Мужчина поднялся и Агаян оценил его немалый рост. – Здравствуйте! Меня прислали из коллегии адвокатов к вам на помощь. Прошу, присаживайтесь, нам нужно с вами поговорить.

Агаян промолчал, лишь кинул взгляд на руки «адвоката» – руки человека, привыкшего сжимать оружие или кулак, но не ручку.

– Меня зовут Алекс, – представился незнакомец с бравой улыбкой. – Ваше имя, как вы уже поняли, я знаю. Прошу, присаживайтесь, у нас есть несколько не терпящих отлагательства вопросов.

Дежурный вышел и закрыл дверь, а Агаян уселся напро-

тив посетителя. Как только щёлкнул замок, взгляд у «адвоката» сразу поменялся, стал более раскрепощённый и властный. Подумав мгновение, Агаян произнёс:

– Можешь больше не прикидываться. Тут прослушки нет. Алекс заинтересованно спросил:

– Откуда знаешь?..

– Это же комната встречи с юристом, – ответил Агаян наставительно, даже лоб по-менторски наклонил. – Любая прослушка тут незаконна. Ты, как «адвокат» должен это знать...

Алекс хмыкнул, улыбнулся.

– Что, впрочем, не отменяет видеонаблюдения, – заметил Агаян вдогонку. – Так что хотя бы ноги на стол не закидывай, «адвокат»...

Алекс выпрямил спину, уселся поудобнее и взглянул на арестанта с интересом. Вовсе не таким он воображал человека, к которому шёл.

– Я всё учёл, – сказал он деловито. – И про прослушку, и про видеонаблюдение... Но наверное, пришло время представиться, так сказать, официально...

Агаян смотрел с ленивым интересом. Алекс продолжил:

– Имя моё настоящее, но конечно, никакой я не адвокат. Просто выправил корочки, чтобы к вам сюда пробраться.

– Это у тебя на лбу написано, – произнёс Агаян без улыбки, но и не злобно. – По твоим рукам я бы сказал, что ты привык быкам рога ломать, а не бумагу марать.

– Поздравляю, ты попал в десятку! – Алекс нехорошо

оскалился. – По обламыванию рогов я первый мастер, тут ты угадал!

Агаян приподнял бровь.

– А чего сюда пришёл?..

Оба они не сводили друг с друга глаз. Немного помолчав, Алекс наклонил голову и ответил:

– Интерес у меня есть. И, думаю, что у тебя есть тоже. И наши интересы, я считаю, сильно совпадают...

– Ну давай, поясни... – С тихим стуком Агаян положил руки на стол: наручники не дают расслабиться, постоянно напоминают о себе. – Какой такой интерес? Где?..

– Твой интерес – это всё, что против Кутуза! – ответил Алекс придуманной по дороге фразой, как он считал, весьма ловкой. – Я знаю, что вы с ним на ножах. Почему – я без понятия, но главное – вы точно не друзья.

Агаян решил не перебивать, слушать дальше. Даже сделал лицо внимательным, чем сильно гостя поощрил.

– У меня тоже есть, что с Кутуза спросить. – Лицо Алекса стало жестоким. – Но мой вопрос не конкретно к нему, а к человеку, который под его защитой. Есть там один... Никитой зовут... Знаю я, что он трётся возле Кутуза, и надо мне его как-то скovyрнуть...

Агаян уже хотел сказать, что ни о чём он не в курсе и вообще – иди гуляй, Вася... Но при этом имени насторожился, прищурился и громко втянул носом, натужно вспоминая, что что-то про какого-то там Никиту, возможно, слышал...

Арсен вроде бы нечто такое рассказывал, вот бы конкретнее вспомнить...

– Ну и... – Агаян в самом деле заинтересовался. – Дальше...

– Никита этот – мразь последняя! Я просто сгораю, как хочу с ним поквитаться! – Глаза Алекса вскипели ненавистью. – Сам я из Новосиба, кликуха моя – только не надо улыбаться – Топор. Алекс Топор. Ты можешь наладить мосты, спрашивать. Все важные в городе люди меня знают. – Он чуть отстранился, вздохнул. Агаян глядел на него вовсе не улыбаясь, определённо нет. – Этот Никита, сволочь, недавно убил нескольких наших, в том числе и Каштана, моего патрона. На его руках кровь моих друзей, а за друзей я не прощаю. Отомстить – мой первый долг и самое горячее желание...

Агаян слушал внимательно, теперь следил за «адвокатом» как коршун, старался уловить мельчайшую его мимику или жест, говорящий о лжи... Но Алекс этот не врёт, точно не врёт. Агаян во врунах разбирается.

– Ну а ко мне-то ты чего пришёл?.. – спросил он вроде бы без понятия, хотя про ответ давно уже догадался.

– Как чего?! – Алекс неподдельно изумился, даже отпрянул. – Никита под Кутузом! Ты против Кутуза! Я против Никиты... Вместе веселее, Агаян! Вместе – он сделал движение, словно держит обеими руками чьё-то горло – мы им шею и ломаем! Ты вот на нарах очутился – отсюда тебе с

Кутузом воевать-то неудобно...

Агаян презрительно поморщился. С невозмутимостью он возразил:

– Ну и что, что я здесь?.. У меня есть люди. Умелые, сильные. Как-нибудь без посторонних справлюсь...

– Агаян... – Алекс помотал головой. – Враг моего врага – мой друг. А я очень хороший друг. Я человек, которого лучше видеть другом, чем врагом...

Агаян насмешливо показал зубы.

– Угрожаешь?..

– Ну что ты! – Алекс свои тоже показал, вид его при этом стал ещё более разбойничий. – Наоборот! Ценность свою показываю!

– Ценность?! – Агаян еле сдержал смешок. – Впервые вижу, чтобы так ценность показывали! Да и зачем мне с тобой связываться? Чтобы я тебе сам же своими людьми и помог?..

– Твои люди сидят в СИЗО, – заметил Алекс с внезапным холодком. От улыбки на его губах не осталось и намёка. – А те, что на свободе, очень возможно под колпаком. А у тебя – тут он совсем не вежливо ткнул в Агаяна пальцем – у тебя руки связаны...

Алекс сделал паузу. Словно бы он наслаждался тем, как люто Агаян стал смотреть на него. Погодя деловито продолжил:

– Но я уверен, у тебя есть и интерес, который всё ещё остаётся, и от которого, думаю, ты просто так не откажешься.

Ведь не откажешься? Или ты уже сдался?..

– Не бери на слабо... – Агаян не заговорил – ядом закапал. – Умный такой?! Хочешь что-то предложить – предлагай! Чего припёрся?! Я даже и здесь дело поважнее найду, чем впустую воздух сотрясать!..

Алекс уважительно кивнул – разговор ему определённо нравился.

– Тогда вот моё предложение! – Он звонко хлопнул в ладоши. – Слушай и запоминай: я свяжусь с твоими людьми, своих пацанов приведу и мы вместе придумаем, как Кутуза сломать. Ты, да я, да мы с тобой – у одноглазого не будет ни одного шанса! Отвечаю!

Агаян смотрит мрачно, взгляд его тяжёлый. Он отпустил:

– И за это ты хочешь...

– Немного. – Алекс пожал плечами. – Всего лишь жизнь его нынешней шестёрки, то есть Никиты.

Они смотрели друг на друга, словно в гляделки играли. Алекс улыбается, Агаян нет. В глазах армянина горит огонёк раздумий, руки в наручниках не знают, чем себя занять. Вздохнув и что-то для себя решив, Агаян поднял подбородок и от того взглянул на собеседника как бы сверху вниз. Заговорил он с неохотой, будто в любо момент готов замолчать и от всего отказаться:

– Хорошо... Но первое, – он поднял ладонь и загнул палец, – то, что ты просишь, будет единственным, что ты получишь. Второе, – загнул второй, – если окажется, что ты

мне хоть в чём-то соврал, то ты позавидуешь любому мёртвому...

Алекс улыбался, не выказывал и намёка на смущение.

– Третье: решаю всё я, а через меня и мои люди. Ты только на подхвате. Это всё.

Алекс немного подождал, но Агаян умолк и теперь лишь наблюдает за посетителем, как сова за мышью. Ухмыльнувшись, беловолосый спросил:

– А четыре и пять? Или только три условия?

– Трёх достаточно. – Агаян медленно моргнул. – Могу лишь добавить, что если окажешься нормальным бойцом и от тебя будет толк, то наши отношения могут потеплеть. В финансовом смысле.

Алекс искренне хохотнул, словно услышал смешную шутку.

– Ладно! – Он улыбнулся во все тридцать два и протянул широкую ладонь. – Меня всё устраивает. Договорились!

Агаян взглянул на поданную ладонь, задумался. Уже давным-давно он вот так не пожимал рук незнакомцам, всех сперва дотошно проверял: кто такие, чем известны. Доверие и глупость в жизни обходится слишком дорого. Но что поделать?.. Чрезвычайные обстоятельства – чрезвычайные меры...

– Договорились... – Он неспешно, но крепко сжал протянутую пятерню.

Рукопожатие длилось миг, но показалось дольше. Оба

смотрели друг другу в глаза, не отворачивались, каждый испытывал другого.

– Хорошо. – Алекс отпустил первый. – Ты, конечно, уже знаешь, что Кутуз тоже сидит в СИЗО?

– Да. – Агаян мрачно наклонил голову. – Но сведений у меня мало, и, кстати, непонятно, откуда они у тебя...

– У одного из моих людей стукачок в нужное место. – Алекс довольно оскалился. – Ты вот подумай: если Кутуз – ха-ха! – сидит в кутузке, то сейчас самое время этим воспользоваться!

– Как и Я сижу... – заметил Агаян хмуро. – Не знаю, насколько хорошо ты его знаешь, но ты учти, что он вовсе не дурак. Даю гарантию: у него против всего предосторожность найдётся...

– Ну, против ареста что-то не нашлось... – Алекс глянул на армянина с хитринкой. – А когда люди за решёткой, то сильнее всегда тот, у кого больше друзей на воле...

Агаян похмурил ещё темнее, насупился. Друзья на воле друзьями, а вот у Кутуза и в ментовке, и даже в тюрьме среди администрации свои могут найтись. Он же всегда через ментов и чинуш всяких действует, гадина...

– Я свяжусь с твоими парнями. – Алекс не обратил внимания на то, что собеседник уже почти превратился в грозовую тучу. – С кем мне контактировать? Кто у тебя рулит?..

– Рулю всегда я... Но моими ребятами сейчас верховодит Левон. На вот, – Агаян снял украшенную рубином печатку, –

предъяви для верности. А телефон я тебе на листочке напишу. Ты папку сюда, надеюсь, не пустую притащил?

Алекс оглянулся на папку, в которую для вида набил всякой макулатуры. Кажется, в кармане должна найтись ручка.

– Ну, печатка, конечно, это хорошо, – он положил перед Агаяном лист, – но для дела у меня кое-что и посерьёзней найдётся...

– И что же?.. – Без особого интереса Агаян склонился над бумагой. – Справка о том, что ты в ментуре не работаешь?..

– Лучше! – Алекс подмигнул и вытащил из кармана маленький чёрный футляр, похожий на плеер. – Весь наш разговор записан!

Глаза Агаяна стали такими, что поставь перед ним бешеную собаку – испугается и убежит. Алекс же ухмыльнулся и спрятал футляр обратно.

– Это записывающее устройство, – пояснил он самодовольно. – С хорошим микрофоном! Твои ребята послушают, чего мы тут с тобой наговорили, и сразу всё поймут.

– Ты чего творишь?! – Агаян брызнул слюной. – Совсем охренел?!

– А что?.. – Алекс удивлённо поднял брови. – Такая вещь изъятию и досмотру не подлежит. Я ж адвокат! Мало ли что это? Я вот, может, музыку слушаю... Да зато твоим пацанам спокойней! Знать будут, что я не какой-то болтун.

Агаян медленно закрыл глаза, сделал несколько глубоких вдохов. Его затрясло. Пальцы его вцепились в стол, на шее

набухли безобразные вены.

– Ладно, пусть будет так... – произнёс он с выражением, с которым гвозди вбивают в крышку гроба. – Может и вправду оно к лучшему... Но в следующий раз...

– Ага-я-я-я-н... – Алекс растянул слово, будто резиновое. – Ну разве мог бы я тебе сказать?.. О, привет, мы сейчас вопросы важные обсудим, ты только не удивляйся, я буду наш разговор записывать... Как ты это себе представляешь?..

Агаян громко бацнул ручкой об исчерченный листок.

– Вот номер! После семёрки цифры кодовые: четвёрка это единица, тройка это пятёрка. От остальных вычитай двойку. Понял?

Алекс пробежался по бумажке внимательным взглядом и сунул её в карман. Поправив костюм, он торжествующе взглянул на армянина – весь его вид выразил уверенность и силу.

– Ну, можешь считать деньки! – разрешил он лихо. – С этого часа Кутуз обречён!

– Будем надеется... – сказал Агаян так, будто ледяной воды в огонь плеснул. – Ты лучше запомни: когда будешь с Леоном разговаривать, про свой форс забудь. Он в последнее время нервный, а с нынешней обстановкой ты, если поведёшь себя не правильно, рискуешь лишиться головы.

– Все мы рискуем, – ответил Алекс не задумываясь. – Главное – каковы ставки!

Обливаясь холодным потом, Никита перехватил рюкзак поудобнее, вышел из подъезда и направился к машине. Взгляд его бегал туда-сюда, в любую секунду ждал засады. Сразу после того, как нашёлся Паша, Никита снял новую квартиру и теперь уносит вещи из старой. Весь день вчера и всю ночь он караулил в подъезде соседнего дома, откуда хорошо видно окна его прошлого жилища: никто подозрительный не входил и не выходил, люди за окном в квартиры не мелькали... Трусая, словно заяц, крадущийся мимо волка, Никита прошёл и забрал рюкзак, побросав в него всё ценное. Затирать отпечатки не стал. Вызвал такси и, когда оно подъехало, мигом спустился по лестнице, минуя лифт.

– Куда едем? – Водитель повернул к пассажиру круглое, покрытое прыщами лицо.

– Вы на главную выезжайте, а там я скажу...

Никита опасался, что машина может оказаться подставной. Кто-бы поклялся, что это не так?.. Доехав до требуемого места, Никита расплатился и дальше пошёл пешком. Постоянно оглядываясь, он вилял дворами, заходил в одни подъезды и выходил из других, терялся на перекрёстках. Решив, что слезка, если она и была, наверняка потерялась, Никита тихонько шмыгнул к нужной многоэтажке.

На звонок долго никто не отвечал – так они условились. Выждав, Никита позвонил ещё раз и два раза стукнул в дверь. Послышалось шарканье, с характерным звуком под-

нялась бляшечка, закрывающая глазок... Дверь отворилась и показала стоящего на пороге парня, одетого в дешёвенькую домашнюю майку и шорты, в тапочках поверх дырявых носков. Мгновение он глядел на Никиту, потом молча отошёл, и, подождав, закрыл за пришедшим дверь.

– Как сходил? – спросил он вроде как для вежливости. – Нормально?..

– Думаю да. – Никита демонстративно поставил рюкзак у порога. – В ином случае я бы с тобой сейчас не разговаривал.

Паша пожал плечами, сунул руки в карманы и побрёл на кухню.

– Есть будешь?

– Буду. – Никита сразу почувствовал, как болезненно скрючился желудок после дня голодовки. – Там пельмени ещё остались?..

Готовили кушать в молчании. Нарезали хлеб, колбасу. Настругали салат. Паша включил газ под кастрюлей, а когда закипело, засыпал целую пачку пельменей. Перебивая голод, Никита принялся за один из приготовленных бутербродов и, пока не съел, не проронил ни слова.

– Фу-у-у-х... – Он вздохнул, с наслаждением чувствуя, как брюхо наконец-то наполнилось и больше не грызёт само себя. – Ну, как ты тут? Чем занимался?..

Вопрос был вроде-бы пустой, но Паша ответил серьёзно, вдумчиво:

– Чайл, как дольше жить буду. – Он помешал воду, поса-

лил. – Над нашей вот с тобой встречей думал. Какое-то дикое совпадение... Не бывает таких. Может, всё-таки расскажешь, что ты в том доме делал?..

Никита уже потянулся к следующему бутерброду, но остановился, побарабанил пальцами по столу.

– А что там делал ты? – Он кинул на Пашу усталый, бессонный взгляд. – Вот, тоже говорить не хочешь...

Паша молчал, помешивал воду.

– Знаешь что?! – Он вдруг словно бы очнулся, его глаза сверкнули идеей. – Я придумал! Сейчас приду!

Никита скептически цыкнул. С одной стороны любопытство кошку сгубило, с другой они вчера почти не общались, некогда было. Нашли квартиру, после чего Никита сразу ушёл за вещами. Правильно ли играть в молчанку?..

Было слышно, как Паша копается в карманах куртки. Через минуту он появился и показал на ладони новенький блестящий пятак. И потребовал решительно:

– Кинем монетку! Кому выпадет – тот первый и рассказывает!

Никита с усталостью взглянул на него, потом на монетку. Тяжко вздохнув, он кивнул.

– Ну давай... Чур мой орёл.

Паша щёлкнул большим пальцем! Монетка подскочила, завертелась, была ловко подхвачена и накрыта ладонью.

– И что там?.. – Никита уже вяло разжёвывал новый бутер.

Несколько мгновений Паша глядел на то, что выпало, по-

том вздохнул и сунул пятак в карман. Словно под тяжёлым грузом спина его согнулась, он не уселся – упал на стул рядом с Никитой и закрыл лицо ладонями.

– Решка, да?.. – заключил Никита бесстрастно.

– Да... – Паша уронил ладони и поглядел на Никиту остро, с претензией. – Ладно! Но то, что я расскажу, не для посторонних ушей! Сам догадываешься, какую жизнь я веду...

– Очень жаль, – по взгляду Никиты невозможно стало понять, что он думает на самом деле, – как раз хотел пересказать твои секреты широкому кругу моих друзей... Ну-ка подвинься! Пельмени убегают!

Зашипело! Белая пена залила конфорку, заплясало встревоженное пламя. Никита с руганью поднял крышку, сбавил огонь. Половник в его руке принялся размешивать слипшиеся тестовые шарики.

Паша замешкался, но когда Никита оказался к нему спиной, почувствовал себя увереннее. Слушая, как половник шкрябает по дну кастрюли, Паша слышал и тишину, словно бы предоставленную специально для него. Собравшись с духом, он заговорил:

– Есть, Никит, в Самаре, желающие моей смерти. Я, видишь ли, кое-кому мешаю... Ну, я думаю, что мешаю. В любом случае с этими людьми мне лучше не встречаться. Вот...

Убедившись, что теперь пельмени точно никуда не денутся, Никита обернулся.

– Чего?.. Кто-то хочет тебя убить?.. Давай-ка с самого на-

чала.

– С начала?.. – Паша опустил глаза, его губы сжались в тонкую розовую полосу. – Что ж, можно и с начала... – Он почесал затылок, наморщил лоб. – Барыга я, Никит. Наркостой торгую. Точнее торговал... Корешился я с одними ребятами. Нормальными пацанами. Не уголовниками, не отморозками. Вместе мы толкали дурь, деньги потихоньку поднимали...

Паша запнулся, будто потерял голос, и Никита опять обернулся к плите, помешал воду, попробовал на соль.

– Зашибали свою копеечку... – Паша продолжал с трудом, голос свой он словно бы нашёл на дне глубокой сырой ямы. – Но вдруг подвернулась нам тема поинтереснее...

Никита молчал, слушал.

– Появилась у нас возможность торговать исключительным, так скажем, товаром. Такого ни у кого, кроме нас, ещё не было. Мы его Кофеином назвали. Это потому, что он бодрость даёт необыкновенную, ощущение себя... сверхчеловеком, что ли... И ещё его надо в воде тёплой растворять и с сахаром смешивать, это да...

Никита отложил половник и уселся за стол, взял надкушенный бутерброд. Утолив первый голод, он жевал уже медленно, не спешил, оставлял место для настоящего завтрака.

– Барыжили мы потихоньку, продавали дурь всем желающим. Не долго, полгода всего. – Голос Паши стал подрагивать. – А потом... Потом пришли эти скоты и всех моих дру-

зей перебили. Понимаешь, Никит?.. – В глазах Паши отразились страх и ужас пережитого. – Забили их прутами арматурными! Вот так вот, по живому, на моих глазах! Пришли ночью и всех нас, как баранов... Одному мне удалось сбежать. Ну, может, не одному, тут у меня сомнения имеются... Но я убежал один. Драпал так, что не оглядывался.

Никита жевал и вслушивался. Глаза его видели не что-то перед собой, а словно бы читали между строк, челюсти двигались медленно. Иногда он кидал взгляд на собеседника, но тут же отводил.

– Когда мы с тобой по-глупому столкнулись, помнишь, мы пошли ко мне ночевать, а потом я с утра по делам отправился?.. – Паша сглотнул, облизал пересохшие губы. – Была у меня думка сходить в одно место, забрать кое-что ценное... Да только встретил я одного из тех, кто в ту ночь в квартиру нашу вломился!

Никита словно ожил, взглянул на Пашу цепко. Въедливый взгляд его будто потребовал деталей. Паша смутился, замолк. Глубоко вздохнув, он постарался успокоиться, точно стыдясь своих чувств. Продолжил уже тише:

– Встретил я его на улице – и такой меня, Никит, страх взял... Паника на меня напала! Я как вспомнил этих бандитов, эти звуки, когда человека убивают!.. Если честно, сейчас я уже не совсем уверен, что это был один из них. Всё так неожиданно произошло... Случайно совершенно, в толпе. Я не успел разобраться. Но я решил бежать. Я подумал, что,

может быть, они за мной следят и хотят, чтобы я их к тайнику привёл?.. Не знаю. Я просто драпанул, а когда выдохся, на ближайшей остановке сел на первый же автобус и уехал, куда бог послал. – Взгляд Паши стал туманный, вспоминающий. – Как всё это время продержался?.. Не знаю. Была у меня мелочёвка, а когда кончилась – ты догадываешься – пошёл воровать.

Никита погрузился в угрюмую задумчивость. Пальцы его уже давно отпустили не доеденный бутерброд. Глаза стрельнули в собеседника и опустились на усталый хлебными крошками стол. Он упёр локти, положил подбородок на кулаки.

– Эй, я про себя рассказал! – Паша с недовольством скрестил руки на груди. – Давай теперь ты про себя рассказывай!

– погоди, дай переварить. – Никита с ожесточением растёр виски. – Ты тут такие вещи рассказываешь... Это, знаешь ли, не дважды два сложить! Я думал у тебя всё проще...

– Спасибо. – Паша иронично поклонился. – Но куда уж проще? Жизнь бьёт ниже пояса... Эй, Никит! Давай рассказывай! А то я себя каким-то обманутым чувствую!

– погоди говорю! Дай обмусолить! – Никита хлопнул ладонями по столу. – Тут ещё понять надо, с чего начать...

– Что ты имеешь ввиду?.. – Паша насторожился.

Никита помолчал, посопел в две дырочки. Цыкнул, откинулся на спинку.

– Пока тебя не было, многое произошло. Долго переска-

зывать все подробности, но если вкратце, то нанялся я бойцом к одному человеку, который, я так понял, тоже, как и ты, наркотой торгует... – При этих словах Никита отвёл взгляд, точно чего-то стыдясь. – А тот мужик, к которому ты меня послал – так с ним неприятность случилась. Чёрт, в самом деле долго рассказывать! Но ладно, слушай: прихожу я к твоему Александровичу домой, а там...

Сначала Никита излагал скупое, но потом увлёкся, стал вдаваться в подробности. Паша слушал с отвисшей челюстью, чуть слюнями ни капал, а когда Никита добрался до первой встречи с Кутузом, чуть не свалился со стула.

– Кто-кто?! – Глаза Паши округлились, как блюдца. – Кутуз?! Ты не шутишь?!

– Нет... – Никита напрягся. – А что, тебе он чем-то известен?..

Паша воскликнул со злостью:

– Конечно! Да ведь он же с Агаяном работает!

Никита почесал затылок, бросил на всякий случай взгляд на пытящую паром кастрюлю.

– Ну, уже не совсем, чтобы работает... А что у тебя не так с Агаяном?..

– Да Агаян и есть тот, кто тех упырей к нам послал! – Паша сорвался на крик, его пальцы схватили и чуть не разодрали воротник собственной майки. – Это были его люди! Я знаю! Арсен и его шестёрки! Я сам его видел, вот как тебя сейчас!

Никита обалдело смотрел, как Паша ярится, как он схватился за волосы и будто бы поднял себя за них со стула, закружился по кухне. Лицо его покраснелось, он часто и шумно дышал, то и дело сжимал зубы.

– Тише, успокойся! – Никита испугался, что от такого шума соседи струхнут и позвонят в полицию. – Весь дом переполошишь! Паша!

Паша опомнился, сел, зажал голову запястьями. Лицо его превратилось двулличную маску: с одной стороны он чуть ли ни плачет, с другой злобно скалился...

– Воюют они, Куруз с Агаяном! – заверил Никита с нажимом. – Стреляют, убивают друг друга! В ссоре они!

– Чего?.. – Паша будто ослышался. – Воюют?.. Так они же вместе работают... Они одно дело между собой делят!

– Может, и было так раньше, – Никита помотал головой, – но не сейчас. Сейчас всё по-другому. Ты лучше дослушай до конца, потом уже представления устраивай.

Встав и выключив огонь под кастрюлей, Никита наложил пельмени в тарелку и, усевшись обратно, продолжил рассказ. Паша слушал старательно, часто перебивал и выспрашивал подробности, а после «Арарата» вовсе уставился на Никиту с подозрением.

– А ты точно до... эм... до приезда суда ментом был?.. Или где ты там работал?.. А то ты рассказываешь, и по всему выходит, что ты какой-то беспредельщик...

– Я служил в спецназе. – Никита не забывал работать вил-

кой. – Большого не скажу, извини. А про дела с Кутузом – я ж пояснил вроде, что всё это вынужденно. Из-за корочек, из-за денег. По жизни мне с такими людьми не по пути, если ты про это...

Паша моргал и смотрел на Никиту ошарашенно, словно грязной палкой по голове шандарахнутый.

– Ну а дальше-то что было?.. – Его глаза продолжали гореть любопытством.

Неспешно прожёвывая, Никита рассказал и про Алекса, и про некоторые острые разговоры, впрочем, не содержащие ничего важного. Потихоньку подобрался к моменту, где сидел на чердаке и следил за Агаяном через прицел.

– Ну нифига себе! – Паша в сердцах стукнул кулаком по коленке. – Ну нихринатушки! Вот это у тебя житуха кульбиты выписывает!

Никита доел и бережно вытер хлебом гущу на донышке. Отнеся посуду в раковину, он включил горячую воду и стал мыть.

– Да, выписывает... – Намыливая тарелку, он смущённо кивнул. – Иной раз не знаешь, где найдёшь, где потеряешь...

– И что?.. Ты вот так вот видел Агаяна?.. – Паша не унился. – Видел, да?.. А Арсена видел?..

– Агаяна видел. А Арсена... Кажется, в том ресторане он был, если я правильно понял, как ты его описал. В «Арарате». Но это не точно.

Паша вскочил и снова закружил по кухне, будто ужален-

ный.

– Жалко ты его не шлёпнул! – Он зло оскалился. – Жалко, что не сделал в его голове одну лишнюю дырку! И тому верзиле тоже надо было как-то жизнь укоротить! Всем им, скотам, чтобы им!..

Никиту слушал его и продолжал мыть, про себя думая, что наверняка Кутуз не просто так устроил заварушку в «Арарате». Почему он закусился с Агаяном, с которым, оказывается, до этого работал?.. Что здесь причина а что следствие?..

– В любом случае теперь я на них не работаю, – подытожил он, вытирая руки кухонным полотенцем. – После этой облавы уже ни в чём нельзя быть уверенным. С такого корабля надо бежать. Эх... – Никита вздохнул, с тоской подумал, сколько времени и сил потратил впустую. – Жалко, оружие хорошее на чердаке оставил. Впрочем, зачем оно мне сейчас?..

– Чего?.. – Паша в бессильной злобе плюхнулся на стул. – На каком чердаке?.. Какое оружие?..

– В том доме, – Никита сел напротив него, – где ты в чужих шмотках копался, заначки искал...

Оба покраснели: Паша от стыда, Никита от сдерживаемого смеха.

– Автоматы я люблю, – пояснил Никита, – винтовки разные. У меня склонность, знаешь, вот так, например, в тире пострелять. Я между прочим однажды на спор с восьмисот

метров при штормовом ветре в монетку попал. Правда, у меня тогда оптика была отменная... да и повезло немножко...

На мгновение его взгляд стал мечтательный, вспоминающий. Паша сперва не решился прервать, но потом всё же спросил:

– Так ты на том чердаке автомат оставил?

– Ну да. – Никита кивнул, но без особых сожалений. – Вытер пальчики и спрятал. Вот будет умора, когда хозяева вернуться... – В этот момент оба понимающе улыбнулись. – Сперва – ха-ха! – увидят, что в квартире всё вверх дном, а потом – ха-ха-ха! – может, даже когда уже в полицию позвонят, и та приедет... у них ещё и автомат найдут! Да их же задёргают! Вот головоломка на них свалиться! Ну а если на автомате ещё и висит чего...

Паша засмеялся уже чуть ли ни истерично, а вот Никита от своих же слов враз посмурнел: ведь в самом деле гадко может получиться... Впрочем – кто что докажет? Просто немного головной боли для людей, не больше...

Поставили чайник. Паша достал из холодильника остатки вафельного торта, варенье и булочки с повидлом. Разлили, закусили. Задумчивый и серьёзный, Никита молчал. Паша тоже помалкивал, дул время от времени на кипяток и всё больше налегал на булочки. Незаметно взгляд его стал пристальным, но спросил он как бы невзначай:

– Так это что получается?.. У тебя сейчас ни копейки денег?..

– На последние кушаем. – Никита отломил кусочек вафли. – Завтра в моих карманах уже гуляет ветер. Наводящие какие-то вопросы у тебя... Я не знаю, что буду дальше, но подышать и садиться на нары я не собираюсь. Буду выкручиваться. Буду...эм... искать выход из положения.

Оба примолкли, но каждый подумал об одном и том же: воровство и, возможно, грабёж.

– Слушай... – Паша помялся, подыскивая слова. – Есть у меня одна тема, но она, боюсь, тебе не понравится...

– Нужно кого-то убить? – Никита скептически сдвинул брови. – Кого-то опорочить? Что-то отнять?

– Нет, вовсе нет! – Паша замотал головой, как вентилятор. – Но, возможно, придётся защищаться, а тогда сам знаешь, бывает всякое...

Никита хлебнул чаю, откусил сладкого.

– Да выкладывай уже! – Он скорчил недовольную мину. – Не мнись! Тебе не идёт. В моём... в нашем положении, знаешь, не до хорошего...

Паша посветлел, будто на него пал солнечный луч. Уже бодрее он затараторил:

– Тема барыжная, касается той дури, о которой я тебе рассказывал. Один я не решусь, больно рискованно. А вот вместе попробовать стоит!..

– Эх... – Никита устало растёр лоб, прикрыл глаза ладонью и буркнул: – Ну и?..

– Мы когда кофеин толкали, делали на всякий случай за-

начку! – Паша энергично жестикулировал, его глаза светились. – Но не деньги откладывали, а товар! Тут в городе есть достаточно безлюдное местечко. Там и прятали.

Никита слушал вяло, но не без интереса. Почесав подбородок, он спросил:

– И что нам это даст?..

– Ну, думаю, тысяч четыреста даст... – Паша пожал плечами. – Но нам толкать придётся дёшево, нам скорость нужна...

– Тысяч четыреста... – Никита скривил губы, хмыкнул. – А почему ты не хочешь этим заняться без меня?..

Взгляд его стал подозрительный. Паша сконфузился, даже отвёл глаза.

– Я же сказал, что это рискованно... может быть рискованно. Там может караулить засада. Меня могут ждать. Понимаешь, есть у меня такое подозрение, что могут... Большого пока не скажу. Не сейчас. Может быть, позже, если ты согласишься...

Никита тяжело вздохнул и опустил голову, взглянул на своё отражение в чайной чашке: исхудавший, утомлённый, с синяками под глазами, он сейчас походит больше на какого-то ханыгу, чем на себя самого.

– Ну а что? – спросил он у отражения. – Где наша не пропадала?.. А долго ли до туда добираться?

Глава 10

Две тысячи баксов за...

Стрелку назначили на одиннадцать вечера, на улице Стара Загора возле деревянной церквушки. Алекс сначала удивился, что агаяновские выбрали такое людное место, но потом успокоился – кому из прохожих какое дело, о чём там говорят незнакомые люди? Особенно, если они при этом не дерутся и не стреляют друг в друга.

– Что-то они припаздывают... – Стас поглядел на часы. – Уже десять минут двенадцатого, а их всё нет.

– Может наблюдают со стороны? – Женя вместе со Стасом то и дело поглядывал в окна. – А что, вполне могут. Я бы точно сначала понаблюдал, ещё бы и пришёл для этого пораньше.

Алекс молчал, он чувствовал себя абсолютно спокойно. Агаяновские придут сто процентов, всё-таки они обязаны быть серьёзными. По крайней мере те, кто всем верховодит. Да и банальное любопытство ещё никто не отменял... И как в воду глядел: не прошло и пяти минут, как к разукрашенной «двенашке» подкатили два здоровенных внедорожника. Тонированные, с широченными блестящими колёсами. Стас завистливо присвистнул, а Женя напрягся, словно на него направили оружие.

– Сидите здесь, не выходите. – Алекс открыл дверь и опу-

стиль стопы на асфальт. – Если что – будьте готовы валить.

Женя со Стасом переглянулись и возражать не стали: в машине всяко безопасней, особенно если держать ногу на газу.

Алекс хлопнул дверью, потянулся, с наслаждением размял затёкшие суставы и похрустел косточками. На блестящие внедорожники посмотрел как на «Жигули». Сам на таких постоянно ездит, тут только простак рот разинет.

Задний внедорожник остановился и затих, у переднего же распахнулись двери и на улицу вылезли спортивного вида ребята. Все не русские. Последним с перевязанной рукой и опираясь на трость выбрался мужчина с орлиным носом и косичкой черных волос. Алекс сразу заметил, как смотрят на него остальные – как на жоака. Забавно, но он хромот на левую ногу, а рука у него перевязана правая. Алекс обязательно пошутил бы на счёт этого, если бы не серьёзный взгляд карих звериных глаз.

– Ну привет, братва! – Алекс широко распахнул руки, словно желая обнять их всех. – Рад вас видеть! Рад свести знакомство!

«Братва» посмотрела неприязненно, а более всех неприязненно посмотрел хромой. Выйдя вперёд, он сдержанно произнёс:

– И тебе привет, незнакомец... Это ты звонил?..

– Я! – Алекс хлопнул себя по груди. – Нам надо поговорить об очень важном и не требующим отлагательств деле! –

Тут он обвёл всех взглядом, краем глаза сиюсь уличить, кто же сидит в закрытой машине. – Недавно я был у Агаяна. Мы с ним серьёзно поговорили... И кое до чего договорились! Я свой, пацаны! У нас есть общий интерес.

– Чего ты мелишь?.. – Хромой смерил Алекса взглядом прямо таки презрительным, словно глядит на ведро с помоями. – Кстати: а дозволите взглянуть на ваше удостоверение?..

– Ну и дурак же ты... – Алекс помотал головой, губы его недовольно скривились. – А я то думал у Агаяна на воле человек толковый. Или есть какой-то другой Левон?.. Он где-то скрывается?.. Пусть идёт сюда!

Хромой от смеха прыснул, согнулся и некоторое время стоял так, хохоча. Потом оглянулся на своих и кивнул – ребята тут же двинулись на Алекса, на ходу сжимая кулаки.

– Опа! – Алекс шагнул вперёд, да так лихо, что в секунду очутился с хромым нос к носу. Его вскинутая правая рука сжала гранату, большой палец оттянул кольцо. – Вот это уже весело! Ну?! Кто хочет увидеться с прадедушкой?! Вперёд! Билеты бесплатные!

В глазах «братвы» возник животный, прямо таки панический страх. Лица их побледнели, губы испуганно изогнулись. Правда, хромой и бровью не повёл, смотрит с прежним презрением.

– И кого ты хочешь напугать этой липой? – Он бесстрашно усмехнулся. – Дурак! Видно же, что она не настоящая...

Алекс пожал плечами и выдернул кольцо – граната оста-

лась зажата в пальцах, а «братва» прямо на глазах отступила и пожухла, как осенняя трава.

– Есть только один способ выяснить. – Алекс поводит гранатой над головой, выдернутое колечко зажал большим пальцем. – Если хочешь, то вперёд. В одиночку я подыхать не собираюсь.

В повисшей тишине стало слышно, как люди нервно вздыхают, вытирают мгновенно вспотевшие лбы, сглатывают. Алекс с удовольствием представил, какого там в «двенашке» своим, самарским. Давно пора было им просратья...

– Ну, допустим, мы тебя слушаем. – Хромой посмотрел Алексу прямо в глаза, в его зрачках прочиталось обещание раздавить, как червя. – Что дальше?..

– А дальше мы и потолкуем! – Алекс говорил тепло, словно стоит среди старых друзей. – Присядем, поболтаем. Выпьем! Про дела наши совместные покалякаем.

– Совместные?.. – Хромой с шумом вздохнул. – Это какие-же у нас с тобой совместные дела?..

– Большие! – Алекс комично выпучил глаза. – Сейчас я покажу, только не дёргайся...

Медленно, с подчёркнутой улыбкой он потянул из кармана нечто маленькое, блестящее. Хромой ахнул, узнав перстень. Он не смог скрыть потрясения.

– Где ты это взял?!

– Так ваш патрон мне и дал! – Алекс состряпал мину, будто объясняет дураку уже в десятый раз. – Я ж говорю! Мы с

ним недавно встречались, разговаривали... Кое до чего договорились.

Братки за спиной хромого вылупились ошарашенно, видно, перстень тоже узнали. Чувствуя перелом, Алекс позволили себе улыбнуться уже искренне, одними уголками губ. Сам хромой на несколько мгновений будто бы впал в транс. Взгляд его надолго задержался на перстне, потом скользнул по лицу беловолосого – Алекс почувствовал, словно по его лбу и щекам провели наждачкой.

– Левон – это я... – представился хромой. Руку он не подал.

– Алекс! Можно просто Алекс.

– Хорошо, Алекс. – Левон кивнул и, повернувшись, заковылял к машине. – Сейчас ты поедешь с нами и всё расскажешь. Если, конечно, не боишься...

– Все когда-нибудь умрём. – С потаённым облегчением гигант опустил поднятую руку, пальцы на скобе уже начали уставать. – Я поеду со своими, а вы ведите впереди!

Ему никто не ответил. Агаяновские уже рассаживались, тихо переговаривались друг с другом. Открыв дверь, Алекс запрыгнул в «двенашку». Его встретили белые, как мел, лица.

– Чё, напугались?.. – Он коварно усмехнулся. – Не стоит. Смотрите!

Граната, совершенно отпущенная, просто легла под устранимыми взглядами Жени и Стаса.

– Эт... – Стас запнулся, язык его слушался плохо. – Это что?.. Муляж?..

– Не совсем. – Алекс вставил колечко обратно и спрятал гранату в карман. – Там просто взрыватель испорчен. Да это так, сувенир со старого дела...

Женя сглотнул и промолчал, медленно взгляд отвёл.

– Так, пацаны! Едем сейчас за этими зайчатами! – Алекс уселся поудобнее и даже ремень пристигнул, чего раньше никогда не делал. – А ты, Стас, будь начеку! Мало ли чего им в голову придёт.

Стас кивнул и крепче сжал руль. Его взор приклеился к чёрным машинам, медленно разворачивающимся туда, откуда они приехали.

...Путь оказался близким, даже на часы ни разу не пришлось взглянуть. Внедорожники припарковались возле какого-то ресторана. Алекс недовольно заметил, что из первого снова высыпали все, а из второго никто. Что за игры?..

– Ерошевского и Гая. – Женя выглянул из окна. – Кажется, я знаю, куда мы приехали...

– Да догадаться несложно! – Алекс поглядел сразу на обоих и бодро подмигнул. – Вы это, ребят... сидите здесь. Если вдруг что... уезжайте.

Не дожидаясь ответа он вышел.

Да, это оказался он – ресторан «Арарат». Агаяновские уже стоят у входа, кидают на Алекса подозрительны взгляды.

– Неплохо у вас здесь! – произнёс великан, разглядывая

на ходу всякое. – Скромно, но со вкусом.

– Спасибо, – Левон неопределённо кивнул, – люди старалась...

«Братва» помалкивает. Алекс заметил, с каким кричащим напряжением агаяновские продолжают смотреть на него: ловят каждое движение, руки держат в карманах на оружии, в любую секунду готовы хватать и бить. Что-то тут большее, нежели простая подозрительность...

– Что, на пороге разговаривать будем? – Алекс картинно удивился. – А посетителям не помешаем?

Будто не замечая его, Левон бросил через плечо что-то на армянском – остальные сразу же разошлись, точно только этого и ждали. Кто пошёл в ресторан, кто обратно к машине. Краем глаза Алекс проследил за вторым внедорожником, но сквозь тонированные стёкла так ничего и не заметил.

– Пойдём со мной. – Левон захромал к входной двери, уже услужливо открытой для него одним из парней. – Сядем, покумекаем.

Алекс пошёл следом демонстративно расслабленно и неторопливо – на деле просто, чтобы не перегонять хромого, укоротил шаг.

Обстановка внутри оказалась симпатичная, явно старался дизайнер. Вплоть до мельчайшей детали всё выглядит к месту, ласкает глаз. Никаких следов недавней драки не видеть...

Левон то и дело опирается на трость, но идёт уверенно,

без остановок. Алекс видел только его спину, но дал бы руку на отсечение, что тот просто выделяется, на самом деле сейчас, поди, с удовольствием сел бы на коляску.

Из общего зала они вышли в коридор. Он привёл в комнату со старинным лакированным столом. На полу блестит паркет, на потолке иллюминирует хрустальная люстра. По стенам размещаются полочки с книгами и широкий плазменный телевизор. Ждут своего в уголке зеркало и тумбочка с чашками и рюмками. Агаян, как зашёл, сразу уселся на угловой диван, Алексу предложил место в кресле сбоку.

– Ну а что, мягонько... – Беловолосый с удовольствием ощутил под задницей дорогую обивку. – Может чего перекусим?

– Нет. – Левон поглядел строго. – Сейчас мы поговорим, о чём ты там хотел, а дальше видно будет.

Алекс пожал плечами и потянулся в карман за перстнем.

– На, – он кинул его Левону, тот ловко поймал здоровой рукой, – погляди внимательнее, вдруг обознался?.. Заодно себе забери.

Мгновение Левон смотрел на гостя ядовито, затем перевёл взгляд на перстень. Приблизил его, повертел, ещё раз кинул на Алекса неприязненный взгляд и спрятал ценность в карман.

– Ну выкладывай. – Он натужно вздохнул. – Зачем звонил?.. Зачем пришёл?..

– Дело у меня к вам. – Алекс непринуждённо закинул ногу

на ногу. – Вы, я слышал, закусилась с Кутузом. Видишь ли, у меня тоже есть с него спрос. А враг моего врага – мой друг.

Левон молчит, глаза его жгут прямо-таки осязаемым неприятием. Алекса это не тронуло, он уверенно добавил:

– Я тут узнал про ваше общее, так сказать, приключение с задержанием. У меня тут же возникла идея вмешаться. И вот, теперь я здесь!

– Кто мешает – того бьют... – Левон недобро прищурился. – Ладно, допустим. А с Агаяном ты как пересёкся?..

– Адвокатом представился! – Алекс хитро подмигнул. – Выправил корочки – это было не трудно – и через знакомого моего знакомого устроил приём в СИЗО. На. – Он достал из кармана чёрную коробочку. – Тут запись нашего с Агаяном разговора. Воспользоваться сумеешь?

Левон принял гаджет, на удивление легко разобрался в управлении и включил единственную запись. Пошёл звук...

...Сидели и слушали они молча. Алекс посматривал на напрягшегося, как рыбак над поплавком, Левона, ловил на себе его ответный хмурый взгляд. При этом лениво оглядывался, искал глазами пятый угол. Как только запись кончилась, он произнёс:

– Если найдётся у вас ниточка, то спросите самого Агаяна, как дело было. Он всё подтвердит.

Левон вздохнул, выражение его лица стало серым. Перебирая пальцами по подлокотнику, он произнёс:

– Можно сказать я тебе верю...

– Но?..

– Но откуда нам знать, что ты не связан с ментами? И какая от тебя польза? – Левон приподнял бровь. – Ты стреляешь из глаз лазерами? Может быть главный прокурор и главный судья Самары являются твоими лучшими друзьями? Или твоими должниками? Что в тебе такого есть? Зачем ты нам нужен?..

– Лихость есть. – Алекс говорил по-деловому, с полной серьёзностью. – Лихость и находчивость. Я, Левон, такие финты выкручивал – люди меня волшебником называли! Лучше быть со мной другом, чем врагом...

Посидели, посверлили друг друга острыми взглядами.

– Ладно! – Левон махнул здоровой рукой. – Если Агаян и вправду так решил – а мы проверим, не сомневайся! – будешь вместе с нами на дела ходить. Надеюсь, путное-то хоть что-то умеешь?..

– О! – Алекс хлопнул в ладоши, захохотал. – Поверь, дружище! Скоро твои пацаны будут на меня равняться!

Виктор старался ехать спокойно, но у него не выходило: нога сама давит на газ лишнего, пальцы стискивают руль, дыхание сбоят. Вчера вечером пропал Славик – Буйнов Святослав Игоревич, «чёрный» бухгалтер Кутуза. Просто не пришёл к назначенному сроку в назначенное место. Телефон его вне зоны.

– Сволочи... – пробормотал Виктор сквозь сжатые зубы. –

Мрази!

Славик много знает, связан со многими людьми. Что теперь будет?.. Ведь наверняка это агаяновские! Да сто процентов! Схватив Славу, они обязательно заставят его говорить, а Славик расколется сразу: он по-книжному умный, но бесхребетный абсолютно. И в живых они его вряд ли оставят. Как ни крути, по всем раскладам можно считать, что слава Мёртв и разболтал всё, что знает.

От тревожных раздумий Виктор не заметил, как проехал на красный – в уши болезненно ворвался гудок чуть не врезавшейся в него машины!

– Ездить научись, придурок! – гаркнул Виктор рефлексивно, хотя сразу понял, что сам виноват.

Нужно срочно что-то предпринять, но что?! И нужно ли докладывать Кутузу до того, как он, Виктор, разрулит ситуацию? Нет, лучше сообщить, когда всё уже порешается и проблема будет устранена.

Краем глаза Виктор заметил, как в зеркале заднего вида мелькнула и пропала «десятка», уже примеченная им минут пять назад, возле поворота на Энтузиастов. Слежка? Возможно... Прибавив газу, Виктор вырвался вперёд и под новые ругательства проскочил через следующий светофор, на этот раз на жёлтый.

Может слежка а может и мерещится уже, нервишки шалют... Сбавив скорость, чтобы не дай бог не прицепились патрульные, Виктор сделал лишний круг и проехал через

ненужный поворот, потом скользнул в хорошо знакомые дворы. Появившись на выездной, он ещё раз повернул и через гаражи оказался на другой, кривенькой, словно коровами протопанной, однако выведшей в следующий двор дороге, откуда ушёл на главную.

Проехав дальше, Виктор свернул и понёсся к «Муравейнику» на Запорожской. Ага, вот и он – людный, суетный и чем только ни пропахший. Напротив него стоянка, а на стоянке, вон видно, уже ждёт нужная машина...

Припарковавшись среди тесно натканных авто, Виктор вышел и двинулся к машине, которую поймал взглядом. Даже по сторонам не оглядывался. Его крупная шарообразная фигура отбросила тень, где могут укрыться трое, а солнечные очки блестят, как вулканическое стекло. Через мгновение в них отразился водитель той самой машины: коротко стриженный, с массивной челюстью и лицом, с которым можно спокойно гулять по тёмным улицам. Высунув руку из окна, он сидит и слушает радио. Подошедшего заметил но не отреагировал, лениво продолжил наблюдать голубей, дерущихся за краюху хлеба.

Боковая дверь распахнулась, повеяло потным, взмокшим от жары телом. От тяжести машина просела, чуть не поцеловав дном асфальт. Только тут мужчина взглянул на гостя и улыбнулся:

– Витя!

– Антоха!

Они обменялись крепким рукопожатием, обнялись. Антон улыбался не долго, почти сразу посерьёзней. Виктор не улыбался вообще.

– Ну что там у тебя? Давай, делись! – Антон побарабанил ладонями по рулю, обернулся к брату. – Я слышал, дела пошли конкретно плохо?..

– Конкретнее некуда, – прорычал Виктор мрачно. – Агаян со своими псами совсем оборзел! Сам сидит в кутузке, но шестёрки его не отдыхают, вовсе нет...

– Что-то случилось?.. – Антон насторожился. – Рассказывай.

– Да ну, знаешь, Антох, ты ж в наших делах пока ещё не совсем в курсе... – Виктор неопределённо покрутил ладонью.

– Ну так ты разъясни, буду в курсе. – Антон взглянул на брата критически. – Кто меня к вам подтянул?.. Ты. Я косячил когда-нибудь?.. Нет. Давай, Вить, всё рассказывай, и без этих твоих недомолвок.

– Антох! Ну какие, к лешему, недомолвки?! – Виктор всплеснул руками. – Ох, беда на мой лысый череп!.. Если в общем, то неприятности у нас. Крупные неприятности.

– Я думал, ты меня позвал, потому что хочешь, чтобы я помог... – Антон пожал плечами. – А любая информация, сам знаешь, не лишняя...

– Знаю. – Виктор кивнул. – Знаю конечно... Ладно! Короче. Пропал Слава, наш бухгалтер.

– Бухгалтер пропал?.. Ну и что?..

– А то, что Слава этот много знает! – Виктор посмотрел на брата с лёгкой укоризной. – Как ты думаешь мы отчётность ведём?.. Слава в курсе многих ключевых вопросов. Через него некоторые нужные связи идут. Он важные места, важные цифры знает. Понимаешь?.. Вот он и пропал! Если это дело агаяновских – а я уверен, что так и есть – то в ближайшее же время мы должны ждать удара по любым нашим активам! Понимаешь?..

Антон наморщил лоб: кожа над его бровями взбороздилось буграми, словно пахотная целена.

– Ну, в принципе, главное улавливаю... – Он подумал, почесал подбородок. – Ну а я то с бойцами чем тебе помочь могу?..

Виктор многозначительно положил брату пятерню на плечо.

– Твои ребята – мои ребята... И ни ты мне, а мы с тобой. Мы! Кто нам платит, Антох?.. Вот, улавливаешь. И платит ведь не плохо, согласись. Ты вон только сравни свою зарплату с тем, что тебе Алексеич даёт – смех один! А наркота – она всё равно будет, хоть с нами, хоть без нас. Так пусть уж лучше с нами: хоть малость поимеем с этого...

– Да я не против, не против! – Антон примирительно поднял ладони. – Мне моя добавка нравится, я не хочу её терять... Но сейчас-то я как могу помочь?..

Виктор помедлил с ответом. Взгляд его стал хищным, ре-

шительным.

– Бойцы хорошие нужны, да такие, чтобы не забоялись пойти на большую мокруху. Нужны чрезвычайные меры! Одного Агаяна убить мало – всех его упырей следует на тот свет отправить! И делать это надо срочно. Прихлопнуть сначала тех, кто на свободе пока ползает, а потом и главного этого таракана... Лишить надо, Антох, этих чертей их главарей! У них же толковых голов и нет почти, в основном шантрапа только. А с одной шантрапой каши не сварить. Вот как всё это повернуть – нам с тобой, братишка, и надо придумать. У меня, кстати, есть кое-какая мыслишка....

Антон хотел что-то ответить, но краем глаза заметил в зеркале заднего вида человека, подходящего к машине с чёрным пакетом... Глаза Антона в страхе округлились – пакет был отброшен, в руках незнакомца заблестел металлом укороченный АК!

– Ложись! – заорал он истошно, протянул руку и схватил Виктора за шиворот. – На пол!

Затрещали выстрелы! Вмиг полопались стёкла, на голову посыпались осколки. Виктор почувствовал гадкий, панический страх, но тут же привычно раздавил его в кулаке разума. Осерчав, он потянулся за пистолетом, но вспомнил, что оставил его дома. Чёрт!

– Ах!.. – Антон выплюнул кровь, та чёрно-красной линией потекла по его подбородку. – Витя... Витя-я-я...

Глаза его стали мутнеть, взгляд потерял осмысленность.

– Не-е-ет! – Виктор услышал, что сам орёт до боли в глотке. – Анто-о-о-он!

Стрельба прекратилась. Хоть всё ещё и опасался словить пулю, но Виктор выглянул: мужчина лет тридцати, с пухлыми губами и носом картошкой выбросил автомат. Сжигая исходящую дымом резину к нему подъехала «десятка» – та самая, которая плелась в хвосте! Стрелок прыгнул и в ту же секунду машина, заставляя визжать шины, скрылась. В воздухе повис крепкий аромат пороха и жжёной резины.

Слыша рёв уносящейся «десятки», Виктор оцепенело глядел в лицо брата, в его стеклянные и уже ничего не видящие глаза. Струйка крови изо рта мёртвого перестала течь. Губы Виктора задрожали, в глазах застыли слезы, а в глотке – стон.

...Каким-то чудом Виктор скрылся, не привлекая внимания. При мысли, что нужно оставить тело Антона лежать и дожидаться внимания посторонних сердце его мучительно сжалось, но он всё-таки ушёл, посев за час жизни, как за десять лет. Вообще, если бы кто увидел его голову нестриженной, то охнул бы – так ярко она расцвечена чёрным вперемишку с белым... Потому и стрижётся налысо.

Домой возвращаться не стал – может ждать засада, да и наверняка ждёт. Обе симки, которыми пользовался, вынул и засунул в карман, в самый глубокий угол. Взамен установил новую, заранее для таких случаев купленную и ни разу ещё не использованную.

Виктор долго думал, где остановится, пока не снял на ночь

дешёвенькую квартирку в районе железнодорожного вокзала, где половину вечера просидел, роняя слёзы и не имея никакого желания сдерживаться: плевать, всё равно никто не увидит... А вот вторая половина, захватившая и часть ночи, стала радикально противоположной: Виктор наполнился такой жгучей, раскалённой, ядовитой ненавистью, что чуть не сошёл с ума, представляя, как разносит Агаяна и всех его шавок, как лично рвёт их на куски и скармливает мясо собакам!.. Большого труда ему стоило успокоиться и сказать себе, что именно сейчас от него требуется наибольшая холодность и прагматичность, что утро вечера мудрее... С горем пополам он заснул только в пятом часу.

Поутру, так толком и не выспавшись, Виктор запоздало позвонил своим ключевым, разъяснил ситуацию и велел хоть и не отвечать – неизвестно, для кого ещё может готовиться ментовская засада – но держать ухо востро, руки на оружии, а передвигаться только группами. На жизнь каждого в любой момент могут покусятся.

Чертовски, сатанински Виктор возненавидел ситуацию, в которой оказался: главный на нарах, бизнес в ментовском стопе, агаяновские могут ударить из-за любого угла... С родителями связаться нельзя, даже обнадёжить их нельзя. Ни в морг, ни на похороны брата тоже нельзя – и там покусятся могут, скоты...

Нет, оплакивать и скрежетать зубами можно будет только потом, когда опасность смерти и неволи минует. Сейчас

нужно действовать, решительно действовать!..

Стараясь не сбиться с боевого настроя на горестные переживания, Виктор связался с Карпухиным и попросил узнать у Кутуза один телефонный номер, который, по-хорошему, сам уже давно должен был знать, да вот не удосужился... А передать велел, что всё в порядке, что всё хорошо...

Ближе к вечеру пришёл ответ с нужными цифрами. Виктор долго готовился, но сразу позвонить не сумел: рука внезапно дрогнула и выронила телефон, чего за собой раньше никогда не замечал. Наступив, наконец, всем слабостям на горло, Виктор сделал глубокий вздох и позвонил...

Эх, Паша-Паша! – Никита со вздохами перешагнул через засохший серый кустарник, обильно разросшийся по всему двору. Двору некогда наверняка красивого, а теперь заброшенного грязного здания. – Ну кто же из вас додумался в таком месте тайник мастерить?! А бомжи?.. А дети?.. Да тут всякий найти может!

Паша шёл впереди, и хотя Никиту слышал хорошо, но не ответил, только отмахивался от постоянно лезших в лицо веток.

– Уже почти на месте, – произнёс он, не оборачиваясь. – Ты, Никит, лучше по сторонам смотри, а то у меня чувство, что за нами кто-то наблюдает...

– Конечно наблюдает... – буркнул Никита тихо, но всё равно слышно. – Сделать заначку в таком приметном ме-

сте... В заброшенном здании посреди города!..

Кое-как они всё же пробрались и взошли на крыльцо двухэтажки, лет пятьдесят или семьдесят назад бывшей толи школой, толи консерваторией. Паша боязливо огляделся, на Никиту посмотрел с ожиданием.

– Да нет здесь никого, нет, – произнёс тот успокаивающе. – Если бы были, мы бы их за эти полтора суток заметили бы, будь уверен.

– А вдруг затихорились? – Паша ещё раз пугливо огляделся. – Всё-таки они люди серьёзные...

– Здесь могут быть только бомжи, дети и дикие животные. – Никита старался проявлять терпение. – Поверь – за то время, что мы наблюдали, кто-нибудь да показался бы. Мы же всё-таки не со шпионами имеем дело, не с настоящими разведчиками...

Взгляд Паши ответил возражением, но он смолчал и первым пошёл внутрь. Никита двинулся следом.

Снаружи здание, оказывается, было ещё ничего: внутри это уже оказался склеп, руины. Парни прошли чуть вперёд и остановились возле большой кучи мусора, накопившегося, наверное, за десяток лет.

– Вон сюда. – Паша зашагал по коридору мягко, стараясь не взбаламутить пыль. – Никит, прикрой спину.

Никита нахмурился: тут и прикрывать нечего – сразу ж видно, что пыль давнишняя, уже неделю минимум лежит никем не тревоженная... но промолчал. Нашим легче.

Паша шёл, и Никита видел, как напряжены его движения, как по затылку течёт пот и темнеет от него же на спине майка. Пройдя по захламлённому коридору и свернув в комнату с единственной целой дверью, Паша встал, как вкопанный, будто увидел приведение.

– Всё пропало... – выдохнул он жалко, уставившись на разломанное бюро, точно дровосеком изрубленное на куски. – Тайника больше нет...

Никита вошёл следом, остановил взгляд на обломках

– Ты точно не перепутал? – Он огляделся. – Может это какое-то другое место?..

– Перепутал?! – Паша возмутился до глубины души. – По-твоему я что – без памяти хожу?! Без глаз?!

– Ну-ну, не кипятись... – Никита положил ладонь ему на плечо. – Пойдём, посмотрим, что там в обломках.

Сказал и, не обращая внимание на безучастность друга, подошёл к развалине.

Пыль покрывает дерево густо, её толстый слой искажает цвет, но кое-где видны изменения и даже белеет свежий срез...

– Да, разбомбили его конкретно! – Никита с наигранной бодростью ковырнул деревяшку. – Но видно, что это было не сегодня. И даже не вчера. Судя по всему – недельки две назад, а то больше.

– Это всё Гарик! – крикнул Паша неожиданно, да так громко, что заставил, наверное, всполошиться птиц на чер-

даке. – Это всё он! Я знаю!

Никита краем глаза заметил, как сжались у приятеля кулаки – аж до хруста, до красноты. Одновременно по щекам его потекли слёзы.

– Ненавижу его! Это всё он!

– Дружище, если ты так будешь горланить, то сюда менты со всего города съедутся, – предостерег Никита, отбросив ещё одну деревяшку. – Ты чего кричишь? Ты спокойнее будь...

Паша замолк. Глаза его закрылись, а кулаки поднялись аж до висков, чего он в волнении не заметил. Чуть поостыв, он взглянул на Никиту влажными, измученными глазами и шептал:

– Да, наверное ты прав... Пойдём отсюда. Делать здесь нам больше нечего.

И вышел из комнаты не медля. Никита хмыкнул и направился следом. Он решил ничему не удивляться, просто плыть по течению и как бы наблюдать за всем со стороны, словно посторонний.

Вместе они выбрались и вместе продрались через кустарник обратно к месту, где перелезли через забор.

– Мне кажется я сдохну. – Паша упёрся ладонью в арматурный столб, держащий перекрытия. – Всё как будто против меня. Я устал. Я жутко устал...

Никита встал рядом. Ему стало неловко, но он и не подумал как-то утешить, лишь безжалостно произнёс:

– Паша, не скули. Сдохнуть всегда успеешь. Лучше думай, как выжить.

Паша воззрился на Никиту резко и такая острая смесь чувств вспыхнула в его взгляде, как если бы кто-то смешал жгучий чилийский перец с ядрёным ямайским табаком.

– Что, хочешь сказать, что мне легко говорить?.. – Никита спокойно выдержал этот взгляд. – Перед тобой стоит человек, смерти которого хочет новосибирская братва, которого ищет полиция по делу о массовом убийстве и который без копейки в кармане. Что, по твоему, такому человеку делать? Повеситься?..

Паша не ответил, отвернулся.

– А по моему на такие вопросы есть только один ответ... – Никита говорил уже скорее не Паше, а самому себе. – Делай всё от тебя зависящее, борись до конца! А там будь, что будет...

– Этому тебя в ментовке научили? Или в армии? – Паша взглянул на Никиту уже без прежней язвы.

– Пфф... – Никита усмехнулся. – Так это каждый знает! С пелёнок! Только люди иногда забывают об этом, проигрывают бой со своими мрачными мыслями. Ну, знаешь, без царя в голове...

– Ладно, не нужно лекций. – Паша отдернул руку от столба и с хрустом потянулся. На его лице начал потихоньку проступать румянец. – И в самом деле что-то я перебрал... Ты это забудь, Никит. Глупость я сказал, не подумал...

– А что за Гарик? Он был в твоей банде?

– Банде?.. – Паша невесело улыбнулся. – Слишком грозное название для нашей шайки. Но да, был...

– И что же случилось? – Никита качнул головой, поощряя разговор. – Почему ты так о нём говоришь?..

Паша нахмурился, скрестил руки на груди и даже потемнел лицом. Спросил:

– Тебе правда хочется знать? Хочется ковыряться в этом?..

– Ну, понимаешь, я в этом городе ещё не один день могу провести... – Никита пожал плечами, скептически скривил губы. – Хотелось бы знать, с кем может судьба свети...

Паша громко прочистил горло, сплюнул. Никита подождал.

– Ну, если вкратце, – голос Паши стал еле заметно похрипывать, – мы с Гариком работали вместе, у каждого была своя роль. Я занимался развозом, он был что-то типа помощника у Сени, нашего старшака. В ту ночь, когда к нам нагрянули эти... уроды... я не видел, чтобы Гарика били. Я вообще его не видел. Но думаю, это он открыл им дверь.

Никита слушал, не перебивал. Только кивал в нужных моментах.

– И про тайник он знал. – Паша похлопал себя по карманам, его брови недовольно подпрыгнули. – Блин, куда я задевал телефон?.. Знал он и про тайник. Тут дважды два сложить – арифметика не хитрая. Сам понимаешь...

Никита понимал, но слушал уже вполуха, часть его мыслей как-то сама устремлялась туда, где может быть хот какая-то возможность достать денег... или хотя бы переждать в безопасности, чтобы не оглядываться в страхе каждую секунду и спать спокойно. А уж найти пару копеек зиму пережить отыщутся способы...

Зазвонил телефон. Паша всё искал свой, но напрасно, плюнул и обратился к Никите, который замер, погружённый в раздумья.

– Никита! Алё! Это не мой...

Никита опомнился, словно в него плеснули ледяной водой. Быстро нащупал трубку, посмотрел – неизвестный номер. Потянув время, он всё-таки ответил:

– Ало?..

– Никита?.. – Из трубки зарычало, словно говорит не человек, а медведь. – Это ты?..

– Может быть... А с кем я разговариваю?

– Это Виктор! Никита, алё! Ты можешь сейчас говорить?

Никита отдёргнул трубку, которую сразу же захотелось вышвырнуть, словно ядовитую змею. Это не ускользнуло от взора Паши – он напрягся в ожидании дурного.

– Я с вами больше никаких дел не имею! – произнёс Никита, чтобы сказать хоть что-то. – Вы что, не в курсе, что произошло с вашими ребятами? Увольте! Я с...

– Да я совсем по другому вопросу! – Голос рычал, но не злобно, скорее дружелюбно. – С теми ментами ошибка вы-

шла, понимаешь? Всё хорошо кончилось, никто даже не поцарапался. Дело провалили, но Кутуз велел тебе доплатить за беспокойство. Приезжай, забери бабки! Сам он не может, они с Валеёй в другой город уехали, по какому-то срочняку.

Никита переглянулся с Пашей, взгляд у того стал насто-роженным, как у унюхавшей запах дыма лисы.

– Кто это?.. – спросил он шёпотом.

– Витя, один из Кутузовских. – Никита зажал ладонью трубку. – Предлагает приехать за бабками. Говорит, что с ребятами, которых наши... э-э... менты забрали, что с ними всё в порядке, ошибка какая-то вышла...

Паша умолк, но когда Никита уже хотел что-то по телефону ответить, внезапно выпалил:

– Звучит как бред! Но зачем ему врать?..

Никита задумался: в самом деле – зачем? Нет, причин может быть множество, так что правильнее так: зачем именно?..

– Ало, Никит, ты меня слышишь?! Ало-о-о!

– Да слышу, слышу. – Никита прочистил горло, отхаркнул. – Ты, Вить, меня не уговаривай, я не приду. Нечего мне лапшу на уши вешать.

– Ну и дуралей же ты, Никит! – прорычал Виктор укоризненно. – Ты чего там? В штаны наложил?.. Тут деньги твои лежат, десять штук зелёных. Десять кочанов, понимаешь?! Не знаю, чем ты так Кутузу приглянулся, но я бы столько за беспокойство не дал. – Теперь тон Виктора стал совсем

нетерпеливым. – Приезжай и забирай! Нечего по всяким дырам прятаться. Ты мужчина или нет?.. Всё, жду тебя на Карла Маркса тридцать девять, там кафе есть. Найдёшь, не ошибёшься. Через час уеду и себе все заберу, а Кутузу скажу, что тебе отдал. Пока!

И отключился.

– Ну наха-а-ал... – протянул Никита ошарашенно, телефон застыл в его руке, словно прилипший. – Ну и на-а-аглый...

– Чё, хамил?.. – спросил Паша с какой-то комичной серьёзностью.

– Хамил. – Никита наконец таки спрятал телефон в карман. – Но только хитро хамил, жучара...

– И что будешь делать?.. – Паша поглядел на приятеля остро, с прищуром.

Никита был уверен, что ответит сразу, но промолчал, задумался. Десять тысяч зелёных, пустой желудок и угроза потери свободы и жизни слились в одну кашу, где поочерёдно чувствуется важнее то одно, то другое. Как в сказке про дочку и горшочек.

– Не знаю... – ответил он со вздохом. – Не знаю, Паш. Не хотелось бы совать голову в петлю... С другой стороны оборванцем жить тоже не комильфо...

– Ладно, я понял. – Паша кивнул и сделал шаг к забору, уже готовый лезть. – Деньги говорят прыгать, люди лишь спрашивают, как высоко.

– А ты-то куда намылился?! – Никита скрестил руки на груди и взглянул на приятеля с подчёркнутым интересом. – Погоди уходить! Дай я тебе, если у меня всё выгорит, хоть должок отдам. За заданное направление, так сказать. В первый день, помнишь?..

За забором залаяли собаки. Стало слышно, как целая свора кинулась за одиночкой, а та, огрызаясь жалобно и дико, бросилась наутёк.

– Да из твоего рассказа выходит, если судить, что ты ничего мне и не должен! – Паша остановился, хотя уже потянул руки вверх. – Но я тебя понял. Не думай, Никит, я к тебе никаких претензий не имею. Но... вот что я скажу: уж больно близко ты ходишь по краю. Сейчас вот особенно, как мне кажется. Что, если там ловушка?.. Что, если тебя схватят?..

Никита промолчал. Про такое он и сам подумал – очевидно же...

– Нет, слишком опасно. – Паша помотал головой, трагически улыбнулся. – Нечего мне ждать. Боюсь, что ничего хорошего не дождусь. А с тайником – да и хрен с ним! Найду какой-нибудь другой способ выкарабкаться. Так что... так что прощай, Никит!

Он снова поднял руки, намереваясь уцепиться за верх забора.

– Погоди! – Никита достал телефон. – Скажи хоть номер свой! Свяжемся! Если у меня всё путём пойдёт, я тебе помогу, чем смогу. Паша!

Паша с неудовольствием снова отдернул руки, но при этом чуть улыбнулся, упёр кулаки в бока.

– Что ж ты неугомонный-то такой?.. – Он растянул уголки губы ещё чуть шире. Постоял, помолчал... Но под настырным взглядом Никиты всё-таки сдался. – Хорошо, будь по-твоему. Хлопец ты вроде не плохой... Авось ещё свидимся! Пиши!

Иногда в кино, когда хотят показать убогость какого-то места, то снимают старые, с облупившейся краской здания. Там слоняются бомжи и пьяницы, бегают тощие лишайные собаки, а по немощёным улицам проехать можно только на танке. Именно такое место предстало перед Никитой, когда он приехал по адресу.

– Ну точно развод... – произнёс он вслух. Его глаза метнулись по округе, с неудовольствием тут и там наткнулись на серость, грязь и бедноту. – Что за мусорка?..

Дорога – выбоина в земле. Старые металлические гаражи расставлены кое-как. Дома вокруг блеклые, будто тысячу лет проведшие под дождём. На первом этаже одного такого сереет вывеска: «Пирожковая». Как глупая шутка, возле всей этой невзрачности припаркована дорогушая красная «Мицубиши».

Почесав затылок, Никита направился туда, с каждый шагом прямо кожей чувствуя, как на него кто-то смотрит. Под самый конец пути настроение окончательно испортил му-

жик, вывалившийся из «Пирожковой» и грубо попросивший закурить.

– Не курю. – Никита попытался пройти мимо, но шатающийся болван перегородил дорогу и с напором спросил:

– Спортсмен что ли?!

Никита глубоко вздохнул и со всей дури шибанул болвана в челюсть, от чего тот свалился с лестницы и замер в кустах.

– Тьфу на тебя, дурак!..

Даже на секунду не задумавшись, что у пьянчуги могут быть друзья, Никита вошёл в закусочную и огляделся, в напряжении готовый бежать, если вдруг... В оказавшемся просторным помещении на удивление чисто и даже без сильных запахов. Справа высокие сиденья и бар с ценниками на разливное пиво. Слева ряд столов уходит вглубь и поворачивает кругом, теряясь за перегородкой. Продавщица – рыжая женщина лет тридцати – лениво посмотрела на вошедшего, после чего опустила взгляд и продолжила что-то высчитывать на калькуляторе. Не поднимая головы он спросила:

– Чего будете?..

– Пока не знаю. – Никита вежливо улыбнулся, осмотрелся. – Я товарища ищу. Если он здесь, то что-нибудь закажу.

Женщина продолжила равнодушно стучать по клавишам.

Стараясь не выказывать напряжённость, Никита пошёл дальше и обогнул перегородку. В зале, слишком просторном для такого безлюдья, сидят несколько человек: два парня и две девушки, ещё компания из трёх девушек. И ещё четы-

ре парня – все молодые, но уже с отпечатком постоянного распития на лице. В углу у окна щёлкает орешки грузный, шарообразный мужчина, не снявший солнечные очки даже здесь, в помещении.

Мужчина заметил Никиту и помахал толстой ладонью. Чуть помедлив, Никита подошёл к его столику и, выдвинув стул подальше, чтоб с комфортом закинуть ногу на ногу, сел.

– Здорова, Никит! – Виктор протянул руку. – Я уж думал, что ты не придёшь!..

Никита поглядел на его лысину, на усы, провёл взглядом по покрытому испариной загорелому лбу.

– Ну и местечко ты выбрал, – ответил он вместо приветствия, когда присаживался. – Ещё бы на городской... на городской свалке встретиться предложил.

Последнее было сказано шёпотом, чтобы не привлечь внимания соседей. Виктор понял, скривил губы.

– Обстоятельства, Никит. Обстоятельства...

Никита взглянул на Виктора с подозрением, прищурился. Тот глаз не отвёл и смотрит из-за затемнённых стёкол прямо, не моргая.

– Какие же обстоятельства?..

Виктор помрачнел, словно на него упала тень. Он глубоко и как-то ломано вздохнул, а его глаза – за очками точно не разглядеть – будто бы стали влажными. Через силу он выдавил:

– У меня... у меня брата убили, Никит... Ты нужен мне,

чтобы отомстить...

Никита закрыл глаза: ему стало так плохо, будто он проглотил здоровенную склизкую жабу. На плечи словно гору взвалили! Спина согнулась и он опёрся на стол, чтобы не качаться.

– Прости, я тебя обманул. – Голос Виктора захрипел, полу-спокойный тон давался ему с явным трудом. – Ты бы сюда иначе не сунулся, а без твоей помощи мне никак.

Никита угрюмо уставился в одну точку. Никто не бежит его хватать и это уже хорошо, однако в груди родилось чувство глубочайшей обиды.

– На счёт Кутуза, на счёт Вали и других наших ребят – всё, что я сказал – фуфло. – Виктор торопливо облизал пересохшие губы. – Они сидят в СИЗО, связываюсь я с ними только при большой удаче. Я убеждён, что все наши и сейчас всё ещё под колпаком.

– Какое мне до этого дело?.. – спросил Никита так, словно готов был заорать. – Какое может быть мне до этого дело?!

– Про тебя не знают, я уверен! – Виктор наклонился, упёрся в стол обеими ладонями. – Ты человек со стороны. Незвестный фактор! Прошу тебя, Никит, выслушай меня!..

– Не хочу. – Никита сделал движение встать. – И так уже достаточно услышал...

– Хорошо. Тогда как на счёт этого?.. – Из кармана куртки Виктор вытащил и кинул на стол бумажный свёрток. – Тут два зелёных куска! Это с меня за обман. Они твои. Можешь

взять их и уйти.

Никита взглянул на свёрток так, словно тот утыкан ядовитыми иголками. Заговорил он недобро, но всё же тихо, чтобы не привлекать внимания:

– Что это за подачки?.. Я что, по-твоему, собака?..

– Не лепи дурака. – Виктор толкнул свёрток от себя подальше. – Ты не барышня и я не прошу тебя задрать юбку. Я знаю, что положение у тебя сейчас, как у рака в кастрюле. Пожалуйста, Никит, выслушай меня, а если после захочешь уйти – валяй! Деньги твои в любом случае.

Повисла тишина, прерываемая лишь громким хохотом и беседой соседских компашек. Никита приглядывался к Виктору, а тот сидел, как высеченный из камня. Взгляд Никиты вдруг сам собой прыгнул на свёрток, снова на Виктора, снова на свёрток... Напомнил о себе пустой желудок, а в голову пришла мысль о том, как всё-таки плохо без денег шляться по улицам, спать на лавочках и в подъездах... присматриваться к одиноким прохожим...

– Ладно, говори. – Никита откинулся на спинку и вздохнул так, словно на груди его лежит здоровенная каменюка. – Но я ничего не обещаю.

Виктор почесал нос и хмыкнул, положил широкие круглые локти на стол, сцепил пухлые пальцы.

– Что ж, давай попробуем... Как ты уже знаешь, Валу и двоих наших парней повязали. Агаяна тоже. При тебе дело должно было быть, но ты вот тут, а они там...

– Ты на что-то намекаешь?.. – Никита приподнял бровь.

– Да я могу и прямым текстом сказать. – Взгляд Виктора остался прям и спокоен. – Это значит, что ты либо крыса, либо тебя во всём этом просто не учитывали. Я считаю, что второе. На крысёнка ты не похож.

– Спасибо за доверие... – Никита кивнул с такой холодностью, что если бы рядом стоял стакан воды, она бы покрылась коркой льда.

– Не за что. – Виктор кивнул в ответ. – А теперь знай, что Алексеича задержали тоже. Да-да! И схватили его вместе с агаяновскими шестёрками, которые пришли его валить. Ты об этом знал?

– Алексеича тоже?! Нет, не знал... – От растерянности Никита утратил всю показную суровость. – Я когда увидел, что Валу хватают, подумал, что всё – конец вашему клубу по интересам. Тут у меня только одна мысль была – бежать куда подальше, чтобы за одно не загребли...

– Понятно... – Виктор уронил взгляд, его пальцы в задумчивости пощипали кончики усов. – Ну да... И в самом деле – что ещё можно было сделать?.. Эх... Короче, Никит, дело тут вот в чём...

Виктор рассказал всю историю, насколько знает сам и осведомлён от Карпухина и других. Никита слушал, и чем дальше, тем больше становились у него глаза. Иногда он перебивал и спрашивал, а когда речь зашла о встрече Виктора у «Муравейника» с братом – затих, боясь даже пошевелить-

ся, потому что на Виктора смотреть было больно.

– Я знаю! Это агаяновские! – Виктор сжал кулаки, покраснел. – Больше никому! Агаян сам в СИЗО, но его люди действуют и без него. Я предупредил всех наших, раздал указания. Ударить могут в любой момент! А вот кого на рисковое дело позвать?.. Антоха мог подтянуть своих из ОМОНа, но теперь эта тропка закрыта, а сам я, как и мои люди, боюсь, под колпаком. После случившегося разве можно быть уверенным, что за всеми нами не следят?..

Никита воскликнул недовольно:

– Но ведь это же значит, что и сейчас за тобой могут следить! А значит, и за мной...

– Не переживай. – Виктор небрежно отмахнулся. – У меня из пацанов есть один, со стороны на меня похожий шибко. Если и есть хвост, то сейчас он не здесь. Ну, ты в этих делах, наверное, сечёшь...

Никита глядел на Виктора обалдело, не знал, что сказать. Ему хотелось уйти, хотелось окончить уже разговор и свалить. Ноги будто сами по себе уже приготовились на выход... а вот взгляд опять, как на зло, бегло шаркнул по свёртку с деньгами. Взять его в самом деле и уйти, что ли?.. Настроившись так и сделать, Никита всё же спросил:

– Так и... зачем ты меня позвал?..

– У меня есть план! – выпалил Виктор так, будто только и ждал этого вопроса. – Хороший план, толковый! И простой, что не маловажно. Выигрышный! Для его осуществле-

ния мне понадобится такой человек, как ты. Человек, способный прыгнуть в прорубь с головой!

Никита побледнел, сглотнул и сдавленно, словно воротник вдруг стал ему мал, произнёс:

– Да... Хорошенькая же у меня репутация...

– Правильная! – Виктор в сердцах хлопнул по столу, чем заставил соседей недовольно оглянуться. – Считай, что ты не на Кутуза сейчас работаешь, а на меня! Помогаешь за брата отомстить! Я сам лично тебе заплачу.

Виктор достал из кармана ключи с брелоком и бросил их на стол.

– Это от красной «Мицубиши» на улице, ты не мог её не заметить. Она будет твоя. Хочешь – катайся, хочешь – продай. Если надо, то я сам продам и деньги тебе кину. Ну, что скажешь?!

Взгляд Виктора стал ультимативным. Весь вид его напомнил сейчас взведённый курок. Никита хмыкнул, прикинул в уме, сколько можно выручить за машину... до чего ещё нужно дожить. Решив, что лучше всё-таки уйти, он почему-то, внутренне уже ругая себя за малодушие, спросил:

– Ну... а что делать-то нужно?..

Глава 11

Третья встреча

Утро. На механических часах одиннадцать. Блестящие, дорогие, раритетные – они почему-то сразу не понравились Левону, но не по его идее они были поставлены в кабинет – распоряжался Агаян. Левон вздохнул, болезненно поморщился, когда неловко повернулся: тело постоянно ноет о ранах, особенно в ноге. Нож словно бы всё ещё торчит там, напоминает об обиде...

Постучались. Левон велел зайти.

– Левон Амаякович! – Расул распахнул дверь резко, будто ногой вышиб. – Там какой-то кутузовский! Говорит, что у него есть что-то важное для вас!

Левон замер. Мысли, как ошпаренные, забежали в его голове, сшибая одна другую.

– Что делать? – Расул поглядел на Левона так, как раньше глядел только на Агаяна. – Привести его к вам?..

– Да, давай... – Левон нахмурился, голос нарочно сделал строже. – Только общите его сперва, этого героя. И глаз с него не спускать!

Расул кивнул и унёсся. Левон скрестил пальцы на животе и стал соображать, что же сие означает... Кто Славу Бухгалтера увёл кутузовские, конечно же, должны были сразу сообразить, однако они не могут знать, что Слава – вот же

трус! – обмочился от страха раньше, чем его начали пытаться, а до главных вопросов вообще не дотерпел – кончился! Сердце не выдержало. Но об этом известно мало кому, а кутузовские всё равно должны думать, что теперь какие-то их секреты раскрыты. Эх, если бы в самом деле так...

В дверь постучали снова. Левон не успел разрешить, как она открылась и на середину кабинета вышел приземистый, самого обыкновенного вида мужик с седыми волосами и серыми глазами. Такого запросто можно принять за обыкновенного заводчанина. Расул пришёл у него за спиной, ещё один браток встал в коридоре возле двери, которую сразу же и закрыл, чтобы никто ничего не увидел и не подслушал.

– Левон... – Мужичок склонил голову, но только из деланной вежливости, всего на чуть-чуть.

– Ну я это. – Левон поглядел на пришедшего свысока, как орёл на червя. – А ты кто такой?

Мужчина поклонился снова, на этот раз немного ниже. Ответил:

– Ты меня не знаешь, но я на Кутуза работал. Выполнял всякие пустяшные поручения. К тебе пришёл по делу.

– Работал? – Брови Левона сошлись над переносицей. – А сейчас что же?..

– Уже не работаю. – Мужчина глаз не отвёл, его явно ничего не смутило. – Сейчас я сам по себе. Начиная с этого дня.

Левон глядел на вошедшего и незаметно для себя чесал раззудевшийся вдруг нос. Ему подумалось, что было бы

неплохо незванца выслушать. Крысы бегут с тонущего корабля, но и у крыс может быть что-то ценное.

– Ладно, что-то я сегодня добрый. – Он сдержанно кивнул гостю на диван. – Присаживайся. Рассказывай, зачем пришёл. Может быть уйдёшь на своих двоих.

Мужик и глазом не моргнул. Оглядевшись, он подошёл к угловому дивану, на который с комфортом и плюхнулся. Расул внимательно следил за ним, время от времени посматривал на вожака.

– Вы его обыскали? – Левон заметил на себе взгляд мощника. – Ничего не нашли?

– Обижаете, Левон Амаякович! – Расул будто огорчился. – Даже иголки нет!

– Хорошо... – Левон закусил губу в раздумии. – Садись ка ты с ним рядом да поглядывай. И чтобы без неожиданностей...

Расул как-то догадался, что именно ему прикажут, и когда Левон закончил речь, уже сидел возле чужака.

– Можете не переживать, Левон Амаякович! Если что, я его быстро скручу!

Мужик, что старше своего «охранника» раза в три, уже седой, с видом человека, имеющего внуков, не сдержался и прыснул от смеха.

– Ну и цирк тут у вас! Ха-ха! Сынок! Может, тебе ещё и пистолет на всякий случай взять?.. Да и ты, Левон, ещё одного позови, а то мало ли. Парнишка хлипковат. Сам не

сдюжит!

Расул покраснел, а Левон вскипел, словно бык, ударенный плетью. Глаза его налились кровью, щёки побагровели, губы обнажили оскал... Но он сдержался и перевёл дыхание – шутку понял, да и самому вдруг стало неловко от того, что он, обычно сам напористый и рискованный, слишком уж переживает за безопасность. Всё то проклятое происшествие с тем ненормальным...

– Я твой искромётный юмор понял, старик. – Левон сделал Расулу знак успокоиться. – Объясни мне только – ты пришёл сюда шутки шутить? Или...

– Или. – Мужик кивнул. Его скукоженные, но всё ещё сильные пальцы потёрли переносицу. – У меня есть сведения, очень для вас ценные. И я их расскажу, но не за просто так, конечно...

Повисла тишина. Гость, наверное, ждал, что его попросят продолжить, но Левон ждал сам, что же тот скажет. Робко, косясь на жоака, первым подал голос Расул:

– Слышь, ты это... говори давай. Чего ждёшь-то?..

Гость взглянул на него, перевёл взгляд на Левона. Его губы изогнулись в хитрой ухмылке.

– Дело касается японца. Ага, именно того, которого наши ребята у вас выкрали. Вроде бы из этого же самого местечка... Ну что? Любопытно?

Теперь он глядел на Левона неотрывно, а того и спрашивать не нужно, всё на лбу написано: кулаки его при упоминании

нании азиата сжались, словно схватили нечто, пытающееся вырваться.

– Вижу, что любопытно... – Гость усмехнулся, по-хозяйски закинул ногу на ногу. – По глазам вижу. Ну? Чего молчите?..

Левон опомнился, напустил на себя безразличия. С наигранной холодностью спросил:

– Хочешь рассказать о том, где прячут япошку? Я угадал? А что гарантирует твою честность? Звёзды на небе?.. Или, быть может, ты пришёл заманить нас в ловушку?..

Расул шумно вздохнул и вытаращился на гостя недобро, с претензией.

– Что гарантирует? – Мужчина задумался. – Ну не знаю, могут ли в таких делах вообще быть гарантии. Если есть среди твоих ребят такие, которые меня знают, то они скажут, что с недавнего я Кутузу ничем не обязан. Имя моё Толя, но все зовут меня Луковица. Поспрашивай, люди скажут.

Левон взглянул на гостя совершенно по-новому, зловеще ухмыльнулся.

– Луковица?.. – переспросил он с откровенно изумлённым взглядом. – Тот самый Толя Луковица?! Да ну... В самом деле?..

– В самом. – Лицо мужчины стало прямо таки каменным изваянием серьёзности. – Спроси своих, кто постарше – они подтвердят.

Расул перевёл непонимающий взгляд с гостя на вожака,

от волнения его глаза стали совсем круглые. На лице парня проступила такая палитра чувств, что в любом театре с руками оторвут!

– Да я-то спрошу... – Левон многозначительно покачал головой. – Ты мне только ответь, с чего ты взял, что после нашей встречи цел останешься?..

– Если ты не дурак, то поймёшь. – Толя кольнул Левона взглядом острее, чем пика. – Ты помощником Агаяна вообще за что стал? За глаза красивые? Или у тебя и мозги имеются?

– Левон Амаякович! – Расул побагровел от гнева. – Разрешите, я этому хаму по голове дам, чтобы он себя вёл прилично!

Левон с усмешкой кивнул Толе на юношу, спросил:

– Ну что? Нужна терапия или сам посмирнеешь?..

Гость вдруг засмеялся. С удовольствием, искренне, даже ладонь к животу прижал.

– Ну вот, я ж говорил! – выдавил он в хохоте. – Левон! Ты лучше позови ещё одного, а то вам со мной, со стариком, всего лишь вдвоём-то не справиться! Ха-ха! Бандиты дешёвые! Ха-ха!

Левон от злости чуть язык не прикусил, резко кивнул Расулу. Тот протянул руки, ухватил нахала за грудки... И был повален на пол с прижатым к горлу клинком!

– Ты как, дорогой, ножей не боишься? – Одной рукой Толя сжал челюсть парня, второй прижал к его шее лезвие. Тут

же он кинул резкий взгляд на Левона и гаркнул: – Только попробуй что-нибудь выкинуть! Твой щенок сразу труп! Понял?!

Дверь распахнулась и в комнату влетел второй браток. Толя с нестариковской силой подхватил Расула и выставил перед собой. От резких движений лезвие чуть вспорол у парня кожу на горле – там потекла тонкая струйка крови.

Вбежавший ошалело уставился на гостя, которого, наверное, сам и обыскивал – и который сумел пронести оружие! – перевёл встревоженный взгляд на Левона, потом на шею застывшего, как муха в паутине, Расула.

– Наверное, мы не с того начали... – прозвучал вдруг неожиданно мирный голос Левона. – Ты, Толя, не кипятись. Хочешь поговорить – давай поговорим. Только без ножей. Юсуп, выйди. И ты, Расул. Толя сейчас тебя отпустит, а ты не делай резких движений, просто выйдите и всё. А мы с гостем побеседуем.

«Луковица» смотрит дико, но нет в его взгляде безумия, только решимость идти до конца. Набычившись, он оттолкнул парня и выпрямился, с хрустом распрямил спину.

– Ну давай! – Он уже не глядел на всё ещё стоящих в кабинете молодых. – Я с самого начала так и хотел, это вы тут цирк устраиваете...

Левон кивнул ребятам на выход и те заспешили поскорее выполнить приказ. Когда дверь захлопнулась, он помедлил, предложил:

– Ты лучше начинай... Только, я надеюсь, у тебя действительно что-то стоящее, иначе никакие фокусы тебя не спасут.

– Стоящее. – Толя кивнул. – Но, как я уже толсто намекнул – не дешёвое.

– Разберёмся...

– Вот сейчас и разберёмся! Во сколько ты оцениваешь информацию о том, где Кутуз прячет японца?

Левон долго сверлил гостя колючим, въедливым взглядом.

– Не уверен... А сколько ты хочешь?

– Три миллиона! – произнёс Толя решительно и сразу стало ясно, что эту сумму он не выдумал на ходу, а заранее обдумал. – Три миллиона и не рублём меньше. Заплатите, и уже сегодня косоглазый будет у вас. Даю слово.

Левон внимательно следил за Толиным лицом: ни бровью тот не поведёт, ни нос не почешет. Сосредоточен, не волнуется...

– А где гарантии, ещё раз спрашиваю, что это не брехня?..

– А где гарантии, что как только скажу, вы меня не прирежете?.. – Толя сдвинул кустистые седые брови. – Ну?.. То-то. Нет гарантий.

Левон задумался, натужно сконцентрировался на деле. Он глядел на гостя, кусал губы, жонглировал у себя в голове вопросами и прикидывал, что и как ловчее спросить.

– А с чего ты вообще решил против Кутуза идти? И откуда знаешь про япошку?..

– А что, три миллиона недостаточный стимул? – Толя удивился. – Но если это важно, то не в деньгах дело. Надоела мне ихняя команда. И Кутуз, и Виктор тоже. Куча придурков! Ну и деньги, конечно, нужны...

Левон слушал со всей внимательностью.

– А про япошку я узнал случайно. Сегодня утром возможность представилась, когда Витя дельце одно поручил... – Толя вдруг подался вперёд и с нажимом спросил: – Ну?! Будут ещё вопросы?!

Левон на такое никак не отреагировал а только ещё крепче задумался. Всякие варианты закружились в его уме, как пчёлы вокруг улья. Что же делать? Поверить? Отказаться и вышвырнуть этого горлопана? Может, прямо здесь прибить? Или взять его и выведать всё пыткой? Сердце у такого вроде не должно быть слабым... А ведь может быть у него и кроме ножа фокусы найдутся... Сам Левон обязательно бы подстраховался, обязательно бы на его месте что-нибудь придумал, прежде чем вот так во вражеское логово соваться. Так что же делать?..

– Я вот что решаю... – Левон заговорил несколько отрёшенно. – Мы можем вот как поступить: дадим тебе миллион, а если всё окажется правдой, то после налёта получишь остальное. Но ты будешь сидеть где-нибудь с нашими людьми. Если это ловушка – ты не жилец.

– Не пойдёт. – Толя помотал головой. – Где гарантии, что не прирежете? И что заплатите?

– А где гарантия, что это не ловушка? – Левон взглянул с острым прищуром. – Нет, Толя, если хочешь сторговаться, надо нам с тобой где-нибудь на серёдке встретиться. А если ты против, то меня и такой вариант устраивает...

Теперь настала очередь думать гостя. Он нахмурился и стал размышлять над предложением, как профессор над задачей. Складки на его лбу задвигались, как волны в море, он закусил губу, в глазах его разгорелись алчность и недоверчивость.

– Ладно, давай твой вариант! – согласился он сердито. Весь вид его враз стал недовольным и злым. – Но на моей территории! Я сейчас уеду а потом позвоню и скажу, где буду находиться. Ты пришлешь туда людей и деньги. Половину хотя бы. Полтора лимона! Так у каждого из нас будет хоть что-то.

Левон подумал, сдержанно кивнул.

– Хорошо... Только давай быстрее, чтобы до часу мы уже всё знали и могли прикинуть, что к чему. Успеешь?

– Спрашиваешь! Ты лучше орликов своих подгони, чтобы мне ждать не пришлось...

Вечер. Акхан посмотрел на часы, показавшие уже начало девятого. Они опаздывают! Приходится то и дело вдавливать педаль, провоцируя тучу ругани от остальных водителей. «Десятка» вырулила, обогнала неповоротливых, пересекла двойную сплошную и кого-то грубо подрезала.

– Ак, куда ты так гонишь?! – возмутился Явар громко. – На тот свет торопишься?! Сбавь малость!

– Да опаздываем мы, Варик!

– И что? Думаешь, без нас начнут? Ну опоздаем немного, ничего плохого не случится... Да не гони ты так!

Акхан недовольно сжал губы, но всё же сбавил. Разве можно игнорировать брата? Конечно нельзя.

Через минут десять всё-таки благополучно доехали. Акхан припарковался напротив выездных ворот, где уже стоят два чёрных внедорожника и разукрашенная «двенашка», безалаберно оставленная прямо на проезде.

Старое здание магазина на Полевой, недалеко от перекрёстка с Самарской, полностью перекрыто тентом от дождя и ветра. Всюду следы рабочих ботинок, то и дело где-нибудь увидишь сколотый кирпич или ведро с засохшей краской. Ремонт идёт полным ходом и строители трудятся в две смены. Но сегодня, видимо, они закончили пораньше. Здание принадлежит Агаяну, это Акхан знает, а вот специально или нет трудяг выгнали ради их маленького собрания... Впрочем – плевать.

– Варик, давай скорее! Чего ты копаешься?

– Да иду я, иду...

Двустворчатая входная дверь распахнута, снаружи стоят трое. Двое братков из простых балбесов, что постоянно прыгают с дела на дело, а вот третьему Акхан сразу улыбнулся. Его знает хорошо и уже успел подружиться.

– Расул, дружище! – Акхан с улыбкой распахнул объятия.

– Здорова, Ак!

Расул обнялся со знакомцем, горячо пожал руку Явару, обоим искренне улыбнулся.

– Вы как раз вовремя, пацаны! – Он ткнул большим пальцем за спину. – Все уже в сборе. Можно сказать только вас и ждём! Идите, там вас Левон встретит. И ребят – осторожнее со стенами, можно крупно испачкаться!

Мурзаевы вошли и сразу почувствовали бьющий в нос запах краски. Широкий зал блестит белизной, новенькие пластиковые окна спрятаны за целлофан, а у двери, ведущей в какой-то кабинет, стоит с сигаретой в пальцах рослый загорелый парень с тонкой чёрной бородкой и внимательными карими глазами.

– Акхан, Явар! – Он заметил их. – Привет, ребята!

– Привет, Гарик... – Явар поздоровался холодно, Акхан вообще только слегка кивнул и не подал руки. – Что, все там?..

– Ну да! Кстати, там стол со стульями, на которых работы переодеваются, так что будьте осторожны, не испачкайтесь. – Гарик словно бы и не заметил их отчуждённости и даже, если быть впечатлительным, враждебности. – Пацан, что с Алексом пришёл – Стасом его зовут – вляпался в какую-то жижу и бегал сейчас скипидар искал, чтобы отмыться.

Выражение лица у Гарика подчёркнуто дружелюбное, но Мурзаевы на то чихают. Никто из них Гарика не любит и

знать с ним не хочет. Другое дело что на... эм... работе приходится якшаться со всякими. Просто так дать по морде неприятному типу не всегда получится...

Пройдя в раскрытую дверь, Мурзаевы очутились в помещении, напоминающим дрянной кабак: стены потемнели от грязи, в воздухе запах гадких дешёвых сигарет, на полу сигаретные пачки, всякий мусор, склянки от настойки боярышника. В одном углу пустые настенные вешалки, в другом старый, поломанный с краю стол, напоминающий странно вытянутую школьную парту.

Акхан огляделся, поймал на себе многие взгляды. Левон сидит во главе стола, слева от него на кряхтящем от натуги табурете устроился тот самый белобрысый бугай, как-то сумевший втереться к Агаяну в доверие. По левое плечо от него двое новеньких, которых Акхан раньше не видел – худощавый мужчина лет тридцати с бледным лицом и глазами, прости Аллах, самого настоящего урки... Дальше парнишка лет двадцати пяти, лопоухий, высокий. На его одежке сбоку мокрое пятно с бледными следами белой краски. Выглядит это смешно и одновременно противно.

– Ак! Варик! – Левон пригласительно махнул ладонью. – Заходите! Только вас и ждём. Что, на дорогах пробки?..

– Прости, Левон, нас задержали. Извиняемся за опоздание...

Акхан прошёл и сел справа от жожака, прямо напротив Алекса, а Явар справа от брата, напротив худого.

– Приветствую, пацаны! Всем здравия!.. – Акхан поднял ладонь, здороваясь сразу со всеми. Ему закивали, как и его брату, копирующему старшего.

– У нас сегодня важное дело. Очень важное! – Левон хотел хлопнуть по столу, но побрезговал: тот темнеет грязью. – Нам стало известно, где Кутуз держит нужного нам человека. Мы этого человека должны во что бы то ни стало забрать! А детали сейчас обсудим.

– Я так понимаю, это тот самый варщик, о котором я слышал? – пробасил Алекс звучно. От его громкого голоса некоторым стало неуютно.

– Ну да, тот япошка. – Левон выпятил челюсть и почесал подбородок. – А что?

– Да так, просто. – Алекс с улыбкой пожал плечами. – Люблю всё знать.

– Будешь много знать – скоро состаришься... – заметил Левон вроде бы в шутку, но Алекс тут же возразил:

– Э-нет, дружище! В нашей жизни быстрее погибает тот, кто знает меньше! А всё прочее – это пудра для лохов...

Левон перестал обращать на него внимание и зорко, как сокол, оглядел собравшихся.

– Как я уже сказал нам стало известно место, где держат нашего варщика. Это вне Самары, в каком-то глухом посёлке. Информация... – Он вдруг прокашлялся, прочистил горло, сглотнул. – Человек, рассказавший нам об этом, не заслуживает доверия, так что вам, пацаны, придётся быть пре-

дельно внимательными. Нельзя исключать, что это ловушка.

Алекс хмыкнул, его спутники промолчали. Мурзаевы слушали, стараясь не обращать на них внимания.

– И всё же сведения есть и их надо проверить! – Глаза Левона воинственно сверкнули. – Мы умыкнули у Кутуза его бухгалтера Славу, убили Антона, его шестёрку из ОМОНа и брата Виктора. И самого Виктора, возможно, ранили... – При этих словах Левон покосился на Мурзаевых. Явар под его взглядом поёжился, точно в чём-то виновный. – Если мы ещё и японца отобьём, то это будет уже почти победа! Останется только придушить одноглазого, но за этим дело не станет...

Тут он от души заулыбался и засмеялся, а за ним искренне засмеялись и остальные, даже Алекс, даже вечно серьёзный Акхан. Во время общего смеха в комнату вернулся Гарик и сел напротив Левона за другой конец стола.

– Слушай, Левон, а нафига нам столько народу? – Алекс задумчиво глянул на вошедшего. – Чё-т больно много! Трёх толковых парней вполне хватит. Зуб даю!

Впервые Акхан поглядел на Алекса без недовольства, с пониманием, но Левон возразил:

– А потому что мы не знаем, сколько там людей. Может, двое сидят, в носу ковыряют, а может, целая свора прячется. – Он помотал головой. – Этот Толик, который Луковица, сказал, что видел всё мельком, сосчитать народ времени у него не было. Ну и опять же – не забывай, что это может

быть ловушка.

Явар что-то шепнул на ухо брату, Акхан кивнул и спросил:

– Левон! Скажи, каков план?

– Да навалиться кучей и всех делов! Постараться ещё надо во время налёта япошку на тот свет не отправить... А что?

– А Расул с нами пойдёт? – Акхан прищурился, на его широком лбу собрались складки.

– Ну конечно! Не просто же так он сюда приехал... Ак, к чему ты клонишь?

Все обратили внимание на братьев, особенно на младшего, старавшегося казаться совсем простым и бесхитростным.

– Явар тут мысль предложил. – Старший Мурзаев кивнул на младшего. – Разделимся на три группы и возьмём их в треугольник. И уйти сможем, если что, и не пропустим никого.

– Хорошая мысль! – поддержал Алекс громко. – Отличная! Так и надо сделать!

Левон застыл, точно зажатый в тиски: на одной стороне оказались его люди с грамотной идеей, с другой Алекс, с которым вообще не хочется соглашаться ни в чём и никогда...

– Разумно, разумно... – Он медленно покивал. – Если что, возьмёте кутузовских под перекрёстный огонь... Вот что мы сделаем! Гарик! Позови Расула!

Гарик шустро поднялся и исчез, а уже через две минуты сидел на прежнем месте бок о бок с Расулом.

– Расул... – Левон всё-таки упёрся в стол здоровой рукой, став при этом похож на школьного учителя. – У нас немного поменялись планы, так что слушай вместе с остальными... Слушайте все! Есть у кого смартфоны? – Смартфоны достали все, кроме Акхана и тощего из команды Алекса. – Найдите на карте ПГТ Петра Дубрава. Улица Зелёная. Там церковь ещё должна быть. Видите? Тот дом находится прямо напротив неё!

Некоторые ещё ищут, другие уже всматриваются, оценивают. Алекс неопределённо хмыкнул, Расул с Гариком о чём-то пересказались. Акхан кинул быстрый взгляд в телефон брата и сразу же отвёл, больше предпочитая следить за людьми. Потом у Явара всё расспросит, когда свободная минутка выдастся, а с ЭТИХ лучше линий раз глаз не спускать...

– Ну, все нашли? – Левон придиричиво огляделся. – Значит, вот как мы поступим...

– Я с пацанами пойду в лоб, с переднего входа! – заявил Алекс громко. – Вот отсюда мы пойдём, со стороны самой церкви.

– С переднего?.. А чё бы не с заднего?.. – спросил Левон даже прежде, чем успел разозлиться.

– Нормальные пацаны задними ходами не интересуются! Ха-ха! – Алекс заржал, его спутники тоже улыгнулись. – Ну а вообще ты Левон не думай, что я от балды такое предлагаю. У меня опыт есть как раз с переднего... эм... с главного хода

заходить. Чуйка особая имеется, так что можете, братва, на нас положиться! Отвечаю – всё будет ровно!

Губы Левона сжались в тонкую линию, он стал похож на чайник, который закипел, но, раздуваясь от кипятка, вынужденно сдерживает свист. Он посмотрел на Расула и сухо произнёс:

– Тогда вы, ребят, пойдёте с северо-запада, слева от Садовой. Ну а вы, Ак...

– Мы поняли. – Акхан кивнул, чувствуя глубокое облегчение: заходить противнику со спины всяко лучше, чем в лоб. – Пойдём с северо-востока. Скажи лучше – к чему готовиться?..

Этот вопрос заставил собравшихся притихнуть.

– Хороший вопрос. – Левон почесал макушку, взгляд его стал несколько отрешённым. – Лукавица брякнул, что видел там двоих. Из оружия – пистолеты, но может быть и что-то потяжелее... Готовьтесь к чему угодно и вооружитесь всем, чем сможете. Только не гранатами, их не надо! Взорвёте ещё ускоглазого, тогда вся возня коту под хвост...

Люди молчали, обдумывали. Алекс первым произнёс:

– Ладно! Всё обсудили! Предлагаю в двенадцать встретиться у «Горилки», что недалеко от той церквушки. Вот, поглядите на карте... Я глянул прогноз погоды – ночь должны быть безоблачная, а значит, будет светло. Всё нам в подмогу!

– Сомневаюсь... – возразил Левон туманно. – Ну да лад-

но, пускай так и будет... Все слышали? В двенадцать у «Горилки». Там вы встретитесь и на месте договоритесь, кто, как и когда будет действовать. Ну а сейчас... Идите, отдыхайте перед делом. Всё, сходка закончена!

Будто в школе звонок прозвенел: как по команде мужчины поднялись и отправились на выход. Алекс пошёл впереди всех, за ним его парни, потом Расул с друзьями. Гарик хотел задержаться и, наверно, о чём-то спросить, но нетерпеливый взгляд Левона заставил его убраться восвояси. Этот же взгляд оставил другого человека дожидаться, когда остальные уйдут.

– Ну? Что скажешь? – спросил Левон с прохладцей, когда закрылась дверь за последним.

– Скажу, что мне не нравится любая инициатива, не исходящая от нас. – Акхан взглянул на Левона умудрёнными, не упускающими ошибок глазами. – Если не от нас, то как можно быть уверенным, что не липа? Не ловушка?.. В слиш-ком крутые игры мы играем, чтобы быть доверчивыми.

– Ну, не скажи... – возразил Левон ворчливо. – Толя этот, стукачок, сейчас сам в наших лапах. Если он соврал, он знает, что поплатится жизнью.

Акхан хмыкнул, пожевал губу, от чего усы его смешно заходили вверх-вниз. Левон молчал, словно ждал, чтобы люди по ту сторону двери убрались как можно дальше. Когда тишина стала абсолютной, он тихонько спросил:

– Что думаешь на счёт нашего новосибирского друга?..

– Он мне не нравится.

– Тогда сегодня ночью у тебя с братом будет помимо основного ещё и отдельное, своё собственное задание. Ты меня понял?..

Акхан не ответил, лишь слегка наклонил голову и медленно моргнул.

Не смотря на отдалённость от большого города (а может и благодаря ей) посёлок выглядит чистеньким и опрятным. Не везде, но рядом с «Горилкой» точно. Алекс тихонько проклял идею встретится именно здесь. Оказалось, что это самая проходная часть! Рядом главная площадь, стадион, основной выезд из посёлка... Уже нашлось бы не менее десяти человек видевших их авто и, возможно, запомнивших номера. И это не считая вездесущих камер! А всё глупое желание уесть Левона, этого вечно пыжащегося, как павлин, дурака...

Вслух Алекс такого конечно же не сказал, даже стал подбадривать Стаса, который, похоже, в таких наскоках ещё ни разу не участвовал.

– Да ладно, воин! Не ссы! – Алекс звучно хлопнул парня по спине, широко улыбнулся. – Всё когда-то бывает в первый раз! Ха-ха! Тем более с тобой два таких орла. С нами быстро заматереешь!

Женя на заднем помалкивает, только вертит в руках пистолет и время от времени проверяет патроны, словно они могут куда-то деться.

– Да мы этих лохов возьмём – они и пикнуть не успеют! Вот увидишь! Будешь потом вспоминать, как зря трясся. Самому смешно станет!

– Да не ссу я, не ссу! – Стас натужно улыбнулся. – Всё со мной в порядке! Лучше давай подумаем, где остальных носит...

– Остальные? – Алекс взглянул на часы: минуло без десяти двенадцать. – Да вот же они! И даже почти вовремя...

На дорогу к «Горилке» выползла «десятка». За ней потащилась тёмно-зелёная, с тонированными окнами «Нива». Машины доехали до самого входа в магазин и припарковались одновременно, словно парные фигуристы. Дверь «Нивы» открылась, наружу вышел Расул, Гарик и другие братки. Из «десятки» выбрались Мурзаевы.

Оглянувшись на своих, Алекс подбадривающе улыбнулся и кинул пальцы на ручку двери. Потянув её, он произнёс:

– Ну что, пацаны?.. Идёмте! Крайний раз сейчас всё обсудим – и за дело. Может, чего важного ещё услышим...

Так получилось, что машины встали треугольником, а приехавшие собрались в его центре. Поглядывая по сторонам, они негромко заговорили.

– Ну что? Все ли в сборе? – Алекс осмотрелся, сияясь припомнить, кого видел на сходке.

– Да все, все... – Гарик встал за спиной Расула. – Все приехали.

– Ночь и вправду светлая: нам легче видеть будет, – подал

голос Явар. – Алекс, вы от самой церкви пойдёте?

– Не совсем. Мы проезжали там и я заметил кусты возле забора. Думаю, начнём оттуда.

Акхан подошёл к Расулу. Попросив его включить карту на смартфоне, он пояснил:

– Смотри. Ты с ребятами спрячешься за забором вот у этого дома. Получается как бы слева от нас, потому, что мы будем находиться вот здесь. Твоя задача, когда всё закрутится, просто ждать, а если кто-то побежит в твою сторону – ловить.

– Понял... А если это будет не японец?..

– Тогда валить! – Алекс захохотал. – Ну а как же ты думаешь, дружище?!

– Да, тогда стреляй, никого не жалея... – произнёс Акхан, и только тогда Расул кивнул.

– Ну чё?! Погнали?! – Громким голосом Алекс приковал общее внимание. – Мы с пацанами начинаем! Мурзаевы... Мурзаевы, да?.. Братья, короче, подпевают. Как услышите пальбу, то знайте – концерт начался. С богом!

Женя от неожиданности перекрестился.

Если бы это был дом, окружённый рощей или лучше пышным кустарником, тогда дело бы сильно облегчилось... Но заветный дом оказался окружён другими домами, в которых горят окна, из которых могут глядеть люди. Что они увидят?.. Вооружившись укрупненными АК, Мурзаевы про-

шмыгнули на узкую дорожку, разделяющую нужный дом и два соседних. Оружие они спрятали в чёрных целлофановых пакетах и со стороны походили сейчас на двух воров-домушников, не иначе. Ну и ладно. Главное – дело.

– Так что там с Алексом? – Явар прислонился к забору. Говорил он шёпотом. – Что, Левон приказал его убрать?..

– Да. – Голос Акхана прозвучал абсолютно бесстрастным. – Когда найдём удобный момент... А тебе что, его жалко?

– Скажешь тоже. – Явар презрительно сплюнул. – Кого из них вообще можно жалеть?.. А как мы это сделаем?

Акхан помолчал, задумался.

– Одного Алекса убить мало, двух его пуделей тоже надо прихлопнуть. И сделать это надо разом, без лишних промедлений.

– С этим, думаю, проблем не будет. – Явар посмотрел туда, где должна сейчас прятаться Алексовская кодла. – Скучковались на видном месте, идиоты... Вообще-то хорошо бы к ним со спины подойти. Ты как на счёт?..

Акхан думал долго. Явар даже решил, что брат его не слышал.

– Можно... – Тот наконец кивнул. – Но момент опять же надо выбрать правильно. Лучше всего во время общей суматохи это провернуть.

– Я этим займусь, – произнёс Явар решительно. Его руки сжали оружие крепче. – Я всё сде...

Загрохотали выстрелы.

Алексу много раз приходилось устраивать наезды по ночам. Темнота сама по себе располагает к тому, чтобы что-нибудь такое выкинуть – убить, ограбить, украсть и раствориться в тенях. Люди все сонные, дурного не ждут... Бери их тёпленькими. Имея богатый опыт, Алекс сразу насторожился, когда увидел, что свет в доме погашен.

– Странно... – вышептал он и двое за его спиной тут же насторожились. – Что-то тут не так...

С правого плеча подобрался Стас – глаза выпучены, как у совы, и с такими же широкими зрачками.

– Что такое?.. – Он даже не попытался скрыть дрожь. – Что-то случилось?..

– Да нет, фигня! – Алекс соврал ловко, привычно улыбнулся. – Ты ключи от тачки куда положил? В карман?

– Ну да... – Стас пошлёпал себя по штанам, рука остановилась на правой ляжке. – А что?..

– Не забудь, где они лежат, когда улепётывать придётся! – выдал Алекс насмешливо и сделал зверскую рожу. – Идём! Пора щипать этих кур!

С силой, с которой можно гнуть штанговый гриф, Алекс толкнул парня вперёд и принялся подгонять:

– Давай, Стас! Шевелись! Или ты хочешь оставаться тут навечно?!

Понукаемый, Стас переставлял непослушные ноги, хотя

каждый шаг давался ему с огромным трудом. Всё его естество закричало об опасности, ему захотелось развернуться и убежать... Но тот, кто идёт сзади, ещё страшнее! Страшнее настолько, что Стас побежал бы скорее по минному полю, только бы не грудь в грудь на Алекса.

Дом уже приблизился на расстояние в двадцать шагов. Сердце стучит так, что уши закладывает... Неожиданно громко взорвалась петарда и в грудь ударило жгучей болью! Петарды захлопали одна за другой! В грудь ударило ещё и ещё и Стас с ужасом понял, что это вовсе не петарды, а стрельба, и что он уже ранен. Смертельно ранен!

В спину толкнуло, ноги оторвало от земли. Стас почувствовал, что его несут. Грубые руки подняли его выше, развернули к окну с мелькающими вспышками. Болью ужалило в живот! Внутри разожглась такая резь, что Стас заплакал, а его крик разлетелся на всю улицу.

Добежав до стены, Алекс бросил умирающее тело и выхватил из-за пояса пистолет. К его удивлению, уже через миг к нему подскочил Женя с оружием наготове. В чёрных провалах его глаз прочёлся укор.

– Он уже всё равно был не жилец! – огрызнулся Алекс, оправдываясь. – А нам с тобой зачем погибать?!

К ещё большему удивлению Алекса Женя нагнулся к обречённому, пощупал его – руки в свете звёзд быстро окрасились тёмно-красным.

– Прости, браток... – Он ухватил голову парня и прижал

к груди. – Не серчай...

Окровавленные худые руки с хрустом свернули молодую шею. Тело несчастного дёрнулось, его глаза выпучись. Еле заметные конвульсии, правда, заставили конечности трястись, словно живые.

– К стене прижмись! – Алекс смотрел на Женю ошалело, неожиданная хладнокровность соратника его глубоко поразила. – И ключи от машины у него забери! Вон в том кармане!

Акхан весь превратился в слух.

– Пять раз стреляли... – вышептал он, прижимаясь к стене. – Это не пистолет, не автомат... По-моему это ПП.

Явар слушал вместе с братом, но выстрелы как начались, так и стихли. Некоторое время доносились крик и стоны, но и они скоро оборвались.

– Кажется это «Кипарис». – Акхан повёл ухом по ветру, как лиса. – Слушай, Варик! Что-то тут не чисто! Думаю, это всё-таки ловушка.

Явар застыл, не двигается и будто бы вообще не дышит. Повернув к брату хмурое лицо, он спросил:

– Что, наше маленькое дельце отменяется?..

Акхан промолчал, не зная, что ответить. Лезть в западню – верная смерть, но при таких раскладах и Алекса укокошить будет полегче...

– Если сейчас чего-нибудь не предпримем, он может за-

подозритель неладное... – Акхан проговаривал мысли вслух, – может захотеть свалить... Ну-ка, Варик, дай-ка пару раз в воздух! У тебя трассирующие последними, надеюсь?..

В детстве, когда Расул проявлял хоть малейший страх, отец лупил его нещадно, до кровавых соплей. Мальчишки во дворе постоянно лезли драться. Среди них было полно таких, которые обзывали чуркой, плевались... Расул всегда знал, что отец может наблюдать со стороны, из окна, что придерживает мать, дабы та не вмешалась... и что если он хоть чуть-чуть обидчикам уступит, отец потом побьёт его куда сильнее, чем даже самый грубый хулиган, а потому дрался до конца, до потери сознания... Может быть он и ненавидел отца за такое безжалостное отношение – не воспитание, а дрессировку – но когда сравнивал себя с остальными мужчинами, особенно некоторыми изнеженными, то был ему горячо благодарен.

– Гарик, заткнись! – Расул безжалостно оборвал рассусоливания новичка о том, что они попали в ловушку, и что тут явно что-то не так.

– Рас, послушай! – Гарик не унимался, его лицо стало бледнее снега. – Ты слышал?! Стреляли из дома! А должно быть наоборот! Это ловушка!

– Заткнись! Кому сказал?! – Расул взбесился, его глаза налились кровью. – Если хочешь уйти – вали! Тебя никто не остановит! Но учти: что Левон, что Агаян – у них с предате-

лями разговор короткий!

Гарик вздрогнул при словах о предательстве, ему мучительно захотелось обернуться и взглянуть на лица двух братьев, сидящих сейчас за их спинами и всё слышащих.

– Не говори глупостей! – вспылил он напоказ. – Я твоё внимание к тому приковываю, что нас здесь ждали! И темень в доме, и стреляли там первыми! Нельзя нам просто так сидеть!..

Расул заколебался. Этот трус, чтоб ему на небо дороги не нашлось, говорит вообще-то правильно. Нельзя просто так ждать! Акхан, конечно, умный мужик, опытный... Но ведь они рассчитывали, что сами будут засадой, а не попадут в неё! Да и лучше хоть что-то делать, чем сидеть просто так.

Расул с сомнением посмотрел на Гарика, перевёл взгляд на дом. С неохотой он согласился:

– Ладно, ты прав... Тогда вот что – пойдём сейчас туда и посмотрим, и если что – поможем своим. – С этими словами он обернулся, вздохнул поглубже и гаркнул: – Пацаны! За мной!

Бахнуло! Ещё раз! И снова! В метре от головы свистнуло! Один из братьев вскочил, точно слепнем ужаленный, да так с вытянутыми руками замертво и свалился.

– Эй! – От испуга Расул вскинул ствол и стал палить в темноту. – Откуда?!

Гарик струхнул, упал на землю и закрыл голову руками, а второй браток принялся вместе с Расулом стрелять по дому.

Палец с крючка он не убирал и уже через пару мгновений разрядил всю обойму. Только он начал перезаряжаться, как голова его дёрнулась, он выронил оружие и свалился с аккуратной дыркой в виске.

– Гарик, что с тобой?! – Расул кинулся к соратнику, но по неловкости споткнулся, задев его руку. Гарик охнул, встряхнул ушибленную кисть и грязно выругался.

– Ах ты трус!

Сжав зубы, Расул пнул новенького по рёбрам, уже намеревался дать и по голове, но новые выстрелы заставили его отступить и согнуться, зажать вспыхнувший болью живот.

– Подлая ты тварь... – простонал он, чувствуя во рту вкус крови.

– Зато живая! – Гарик с ненавистью ещё раз выстрелил в обидчика, уже в голову. – Живая!

Весь день и весь вечер Никита терпеливо сидел во дворе в тени. Он заранее позаботился, чтобы кишки пустовали и в туалет не тянуло. В карманах его «лифчика» спрятались две обоймы АК, два магазина ПМ и три гранаты, одна из них ослепляющая. В тайнике с оружием побывать не дали (как и в прошлый раз), однако Виктор, когда спрашивал, что для дела понадобится, нечаянно брякнул, что гранаты найдутся всякие, какие только есть – Никита тут же его за язык и поймал. Теперь руки держат автомат и то и дело ощупывают вспухшие карманы, проверяют снаряжение, а глаз выще-

ливаает по мушке листики на деревце.

Для засады Виктор отобрал трёх, как он сказал, ещё не засвеченных в крупных делах ребят. Все они сейчас в доме затихорились, наружу носа не кажут. Никита обмолвился с ними парой слов, они быстро согласовали план и с самого утра почти не виделись. Почти потому, что иногда выходили во двор покурить.

Интересно как всё получается, Никита раньше о таком не думал: когда всплывает новая банда и её ловят, то думаешь, что людей вовлечена целая куча, что ты прямо-таки со спрутом воюешь!.. На проверку же оказывается, что большая часть – просто массовка, стоящая за плечами, бегающая по мелким поручениям и иногда служащая «громоотводом». Толковых умельцев мало. На ответственное дело послать почти и некого. Стоп... Это что-же получается?.. Он и стал таким вот спецом, штатным бандитским киллером?.. Нет! Нет и ещё раз нет!

Никита замотал головой, его губы в злости обнажили звериный оскал. Кто увидит – испугается! Нет, он не из них! Всё вынужденно! На время! Временно!.. А потом можно будет исчезнуть, испариться, начать где-то новую жизнь...

Такие мысли привели до очередного откровенного вопроса самому себе: а не жалеет ли, что всё так получилось? Может, стоило схорониться, за отца не мстить и голову свою под гильотину не совать?.. Никита сжал оружие до скрипа цевья, до хруста суставов. И ответил как и всегда: «Стоило!» Как

бы он жил с мыслью, что стерпел?! Нет, такая жизнь была бы хуже этой в сто, в тысячу раз! Отомстить было нужно во что бы то ни стало. Неужели проглотить такое?..

Эх, ладно! Как-нибудь выпутается! Авось да небось... Выдюжит! Что ещё остаётся, кроме как идти вперёд?.. Если сдастся – лучше не станет.

За раздумьями Никита не заметил, как солнце поменялось с луной и двор окрасился в черные тона. Запели сверчки, подул прохладный ветер.

– Тише ты, тише! – донеслось еле слышно, на самой грани слуха. – Не балаболъ, Гарик! Что у тебя за словесный понос начался?..

Никита встрепенулся. Пальцы рефлекторно сдвинули предохранитель, автомат направился на стену, из-за которой прозвучали голоса.

Вот он, расчёт! Вот она, догадочка! Ну какой дурак пойдёт в лоб?.. Нет, конечно. Обойдут, полезут с заднего хода, через забор, благо он тут не высокий. И про возможных собак, естественно, они не подумали, но то и правильно – не разведчики же они, чтобы ещё и о таком беспокоится. Хотя, если у них есть глушители...

Вспышка бдительности сменилась ожиданием и минут пять ничего не происходило. Чего они зависли?.. Надо бы как-то подать сигнал ребятам в доме, да так, чтобы не вспугнуть тех, кто за забором...

Затараторили выстрелы! Никита встрепенулся, прицелил-

ся. Глаза выпучил, как барракуда... Потом сообразил, что стреляют со стороны фасада. Всё-таки пошли в лоб! Или со всех сторон?..

Помешкав, Никита всё же решил выглянуть за забор. Тихо подкравшись, он ухватился за край и подтянулся на уровень глаз – среди обильно поросшей, но хорошо освещённой луной травы никого... Однако виднеется мятая дорожка, она уходит дальше, а там уже смутно различаются несколько фигур, доносятся тихие переругивания...

Недолго думая Никита ухватил зубами автоматный ремень и махнул через край. Перекатился и сразу вскинул оружие, да так удачно, что не произвёл и шороха.

– Помнят ручки, – прошептал он, выцеливая ближайшего, – помнят ножки. Пальчики играют...

Автомат дёрнулся. От стрелкового баха в ушах стало больно, но Никита заранее раскрыл рот, чтобы не глохнуть. Одна фигура дёрнулась. Жертва всплеснул руками, сделала неуклюжее движение, однако тело её уже знало, что умирает – через мгновение оно упало и затихло.

Никиту на секунду поглотило созерцание этой театральной смерти... Но он очнулся. Рядом, с левой стороны от дома раздалась канонада выстрелов, словно кто-то при помощи автомата косит траву.

Среди фигур впереди раздался крик, пошла беспорядочная стрельба куда попало. Никита выстрелил ещё, уже от бедра, но плюнул, прижался к земле и стал ждать. На мгно-

вание, когда одна из фигур сгорбилась и застыла, он навёл на неё мушку и выстрелил – куда попал, не увидел, но поразил уверенно.

Одновременно с этим стих и «травокос» – явно патроны кончились. Видимо, это атаквали с третьей стороны. А ведь они зажимают... Молодцы, грамотно работают... Парням в доме отдыхать не придётся.

От пальбы слух притупился, привыкшая за весь день к тишине голова заныла. Никита поморщился, стиснул зубы. Надо срочно идти вперёд и добивать оставшихся, иначе перестрелка станет позиционной, а тогда всё это дело может затянуть до ментов. Нехорошо.

Впереди закричали, разругались. Раздалось несколько pistolетных выстрелов. Никита снова припал к земле, но чуйка подсказывала, что что-то не так, стреляют не в него... Пoслышались шаги, неожиданно на тропку выбежал высокий небритый парень, несущийся с pistolетом наголо. Размахивая руками, с испуганными злыми глазами он почти пробежал мимо Никиты... Но был грубо сбит прикладом по ногам.

– Ай!

Быстро, не давай противнику опомниться, Никита навалился сверху и вывернул ему кисть, отобрал pistolет. Оружие улетело в темноту, а жертва оказалась придавлена коленом к земле.

– Тише! – выдавил Никита сквозь зубы, закрыв противнику рот ладонью. – Не рыпайся!

Теперь глаза прибежавшего можно увидеть отчётливо: в них горит столько страха, сколько Никита ещё ни разу в жизни не видел.

– Сколько вас здесь?.. Отвечай! – Никита убрал от губ пленника ладонь, вместо неё подsunул дуло автомата, чем заставил парня побледнеть пуще поганки.

– Я... я-я... – Он попытался что-то выговорить, но язык его стал заплетаться хуже, чем у пьяного. – Мы... мы-мы...

Быстро оглядевшись, не целится ли уже кто в спину, Никита схватил парня за грудки и затряс, как медведь берёзу.

– Говори! Не скажешь – убью!

– Ч... четверо! Нас четверо! – выплюнул перепуганный. – Четверо нас!

– Врёшь... – Никита со всей силы врезал по бледному лицу, метя в скулу. – Врёшь! Кого это нас?!

– Я, Расул!.. Ещё пара людей... Клянусь!

– А ты кто?!

– Гарик! – Парень почти захныкал. – Меня зовут Гарик! Не убивай!..

Что-то царапнуло слух, проснулась память, вспомнилось что-то важное... Но задумываться некогда. Никита схватил автомат поудобнее и шарахнул «Гарика» прикладом прямо в лоб, от чего тот откинулся и затих.

Надо идти дальше. Пока сам всё не увидишь – ничего не узнаешь.

Кухня выглядит уже, как после татаро-монгольского нашествия. И это только в темноте, а уж если включить свет и приглядеться... Всё перевернуто, поломано. Один стул разбит, его части валяются на мёртвом теле у окна. Сквозь выбитые стёкла дует ветер, на них алеет кровь. Прислонившись спиной к ржавому советскому холодильнику в углу скрючился Женя. Грудь его вздрагивает совсем слабо, руки зажимают кровавую дыру в животе.

Отбросив пустой пистолет, Алекс сжал зубы, выхватил нож и пошёл на человека в дверном проёме.

– Убью! – Он ударил наискось и противник ахнул, не успев защититься. – Сдохни, гнида!

Оружие ему не помогло. Слишком поздно этот «защитник» примчался, слишком неожиданно для него всё закрутилось. Алекс смял несчастного и воткнул ему нож в горло, быстро провернул и выдернул, потом ещё два раза засадил в живот. Соскочив с умирающего, он стремительно огляделся. Первый боец, подстреленный ещё у окна, уже не встанет. Теперь кончен и второй. Но первый успел ранить Женю...

Подойдя к несчастному, Алекс осмотрел его. Взгляд прошёлся по алой ране ниже груди, коснулся ослабших рук, внимательно изучил бледное обречённое лицо.

Женя уже мало что понимал, и от того, наверное, не почувствовал, что его трясут за плечи.

– Что ж... – Алекс со вздохом полез в карман подельника, в который тот сунул ключи от «двенашки». – Не обессудь,

братан. Как-нибудь там встретимся...

И с резкостью ударил его ножом в сердце.

Проводив взглядом завалившееся тело, Алекс вернулся и подобрал «Кедр», обронённый вторым прибежавшим. Вынув обойму, он с удовольствием обнаружил, что она полна. Передёрнув на всякий случай затвор и собравшись с духом, Алекс пошёл вперёд.

Явар всё заглядывал за угол, но ничего полезного углядеть так и не удалось. Руки его вспотели, лоб покрыла испарина, а указательный палец то и дело прыгает на спусковой крючок...

Нет, в дом они с братом не полезут, не дураки ведь. Акхан посторожит сзади, а он, Явар – спереди. Если Алекса убьют, то они просто скроются и всех делов. Если Алекс выйдет из дома – они его пристрелят. Нужно просто выждать, пока кто-нибудь выйдет, покажется перед прицелом. Тогда всё и станет ясно...

Ночь, и так уже разбуженную порохом грохотом, с погашенными в страхе и любопытстве окнами соседей растревожил ещё один звук. Самый нежеланный звук – рычание мотора полицейского «УАЗика»!

Явар испуганно присел и вылупился на машину, паркующуюся всего метрах в двадцати от него. В свете фар двери распахнулись и с поднятыми пистолетами и серьёзными лицами из машины выскочили трое в форме.

Грязно выругавшись на русском, Явар быстро оглянулся – есть ли возможность скрыться?..

– Стоять! Стоять на месте!..

Кричал кто-то молодой, годами не больше двадцати пяти. Явар кувыркнулся через голову, но выстрела не услышал. Сгруппировавшись и прицелившись, он дал очередь по направляющей на него пистолет фигуре – тело полицейского словно током дёрнуло! Несколько секунд он стоял, как по голове ударенный, всё соображал, что же случилось...

Глядя на бездыханно павшего товарища, двое оставшихся спрятались за машиной и стали палить, почти не целясь, только выставляя плюющие огнём дула. Сердце Явара забило бешено, горло сжал страх быть подстреленным... Уже не единожды бывший в крупных перестрелках, где погибала уйма народу, он навсегда усвоил урок: главное быть спокойным, будто в шахматы играешь; ровно и чётко выполняй, что требуется, и будет тебе счастье...

Вот и сейчас, одной лишь силой воли удерживая на земле жаждающее вскочить и поскорее удрать тело, Явар выцелил место, откуда чаще всего появляется рука с пистолетом и выжал спуск.

Очередь! Раздался болезненный вскрик, рука с пистолетом исчезла. Явар успел подумать, что хорошо, что нашлось оружие с пламегасителем – иначе уже ослеп бы от собственных выстрелов.

Второй патрульный стрельбу тоже прекратил. Явар рас-

слышал шум рации, переговоры. Выругавшись уже на татарском он взял машину на мушку и на локтях пополз вперёд.

Спустя минуту после того, как брат пошёл в обход, Акхан подпрыгнул и уцепился за край забора, подтянулся – в хорошо освещённом звёздами дворе разгляделось множество хлама и разросшихся кустов. Ловко усевшись на заборе, словно на коне, Акхан вскинул дуло и поводил им, выискивая подозрительное шевеление.

– Была не была! – гакнул он по-русски и спрыгнул с перекатом. Тут же вскочил на колени и ещё раз взглянул на всё через прицел.

В тёмном доме, выглядящем, как изба старой ведьмы, во всё горло кричат, взрываются выстрелы, с хрустом ломается мебель. Стреляют так же и за домом, где-то дальше, с внешней стороны – оттуда, где должен прятаться Расул с парнями...

Акхан грязно выругался – не хватало только смекалистого пацана потерять в этой глупой, просто преступно глупой аванюре! Ну да ладно, ничего. Если выживет – станет намного опытнее. К ним, к Акхану с Яваром может быть прибьётся...

Акхан замер, прислушался. Где-то за стеной словно бы шагают. Распластавшись на земле, он поймал входную дверь на прицел и стал ждать. Через мгновение громыхнул удар – дверь хрустнула, выгнулась, но устояла. Забахало ещё и ещё.

Наконец дверь сдалась и во двор, злобно скаля перекошенной в ярости мордой выбежал Алекс – в одной руке пистолет-пулемёт, в другой окровавленный нож. Акхан чуть было не нажал на спуск, но еле удержался...

Алекс огляделся, прошёл вперёд и беспечно опустил руки. За его спиной мелькнуло движение. В дверном проёме возник чужак с пистолетом! Быстро вскинув оружие, он прицелился, его палец скакнул на спусковой крючок...

Акхан прицелился быстрее – молодца хлестнуло свинцовой плетью, он испуганно вскрикнул и уже безжизненно свалился и затих.

– Что?! – Алекс в недоумении посмотрел назад, потом перевёл взгляд на тень, лежащую у его ног.

– Не стреляй! Это я! – Акхан взял автомат за цевьё и резво вскочил. – Алекс! Это я, Акхан!

Алекс пригляделся, но оружие убирать не стал. Снова оглянувшись, он рассмотрел скрюченную на полу фигуру, заметил около неё выроненный пистолет, снова посмотрел на соратника.

– Кажется, браток, ты мне жизнь спас... – произнёс он несколько ошарашено. – За мной должок...

Акхан встрепенулся – со стороны, куда пошёл Явар, раздался выстрел... другой... И вот их уже взорвался целый каскад!

– Как в доме?! Там чисто?! – Акхан схватил гиганта свободным кулаком за грудки. Его глаза стали большими и круг-

лыми, как две Луны.

– Все мертвы... – Алекс растерялся от такой перемены. – Да что такое?.. Куда ты бежишь?!

Акхан уже нёсся на звук стрельбы.

– Явар!

В доме стреляли, ругались, кричали. Чей-то голос показался знакомым... Оставив Гарика валяться там, где уронил, Никита прокрался к углу и осторожно выглянул – к дому подъехал полицейский патруль!

Чертыхнувшись, Никита спрятался. От волнения у него забарабанило сердце и он часто задышал. Что-то больно быстро приехали! Может быть проезжали поблизости?.. Ведь ещё и пяти минут с первого выстрела не прошло! Чёрт!

Закусив губу, Никита выглянул снова – машина остановилась, оттуда выскочили трое с пистолетами и стали в кого-то целиться... Загремела стрельба! Палили по полицейским, дырявили их машину. По звуку Никита узнал укороченный АК.

Скрепя сердце, Никита смотрел, как ребята отстреливаются, но одного положили, второго ранили, а третий уже не смеет и высунуться, только переговаривается по рации. Кроме самого Никиты АК никому из тройки не дали, а значит по патрулю стреляет чужак...

Прильнув к земле, Никита ящерицей пополз вдоль стены. Двигаться он старался тише мыши. Патрульные проиграли

наглухо – не понять, живы ли вообще. Толи затихорились, толи уже не дышат. «УАЗик» превратился в решето.

Никита остановился, подождал... Ни патрульные, ни их убийца больше не выстрелили. Где-то во дворе дома пророкотала короткая очередь, тоже из АК... Наступила тишина.

Страшная мысль кольнула Никиту так, что от отчаяния он закусил большой палец на правой. Что, если в доме все кончены?! Вон и окно разбито, рядом труп какого-то смутно знакомого парнишки... А ведь он явно не один штурмовал. Спинной мозг завопил об опасности!

Не успел Никита опомниться, как снова послышалось та-рахтение и уже через полминуты подкатили два новых полицейских «УАЗика». Раскрашенные в служебные цвета, они резко дали по тормозам рядом с расстрелянным «товарищем». Двери распахнулись, наружу выбежали пятеро. Прячась за машинами, они стали осматривать своих. Послышались стоны, приглушённая ругань.

Немо матерясь на чём свет стоит, Никита сделал движение назад, но замер: из окна прямо над ним прозвучали голоса на каком-то смутно знакомом языке... Татарский!

Двое мужчин о чём-то горячо пререкаются, спорят.

– Эй, Алё! – гаркнул третий голос. Он уже где-то звучал...
– Говорите по-русски, чтобы я вас понимал!

Никита замер, прислушался.

– Алекс, надо уходить! Нет здесь никакого япошки!

– Спасибо, что разъяснил, а то ведь это ещё не ясно!..

А как уходить? Живыми нас не выпустят. Разве что через двор...

– Эй, вы там, в доме! – От шума выкрученного на максимум мегафона заныли уши. Никита поморщился, перевёл взгляд на патруль. – А ну выходи по одному, ни то кабздец вам всем, сволочи! Слышали?! Выходи, мразота! Считаю до трёх!

Один из патрульных, грамотно спрятавшись за машиной, выглядывает из-за колеса и держит громкоговоритель. Во второй его руке в свете луны угрожающе отсвечивает укороченный АК.

– Они сейчас по дому стрелять начнут! – Этот голос был моложе. – Акхан, Уходим!

– Уходим! – согласился кто-то. – Алекс! Идём с нами!

– Да идём, идём! Ну что за гадство...

Никита пополз задом наперёд. Упираясь руками и ногами, он стал грести, как жук-навозник. Получалось мучительно медленно, но если патрульные заметят...

– Два! – прогремел мегафон. – Три! Всё! Конец вам, су-чье!

Разом высунулся весь прибывший отряд! Кто с пистолетом, кто с АК, кто с ПП. Загрохотала страшная какофония! Дом захлестнул ливень пуль. На Никиту посыпалась труха, стёкла, облупившаяся краска.

От порохового грохота уши заныли невыносимо мучительно. Еле сдерживаясь от того, чтобы накрыть голову ру-

ками и прижаться к земле, Никита стиснул зубы и пополз дальше, к спасительной тьме и уходу. Пора сматываться из этого котла!

Стоило канонаде стихнуть, как из окон раздался ответный огонь из трёх стволов. Стреляли экономно и прицельно. Двое из прибывших, как только ни прятались, а всё равно попались и со стенаниями рухнули.

Патрульные ответили новой стрельбой! На Никиту опять посыпалась труха и древесная пыль. Стена дома превратилась в соты.

– Явар! – закричал кто-то с таким надрывом, что, наверное, разодрал до крови глотку. – Варик! Не-е-ет!

Патрульные продолжали палить, но уже по очереди, рассеянно. Приказывая конечностям не дрожать Никита полз всё дальше, пятился, как краб, и в конце концов до угла добрался.

– Да пошли вы все! – горячо прошептал он, припав хребтом к спасительно закрывшей его стене. – Погнал я отсюда!

Акхан навис над братом словно бы защищая его от выстрелов, хотя в этом уже нет никакого смысла. Пули стучат тут и там, грозятся ужалить в голову и сердце. Алекс спрятался за стеной под окном, а когда замечал мелькание на фоне горящих фар, быстро выглядывал и стрелял.

– Варик!.. Варик, не-ет... – Акхан заплакал, его руки прижали окровавленную голову брата к груди.

«Кедр» предательски щёлкнул. Алекс чертыхнулся и с раздражением выкинул бесполезное теперь оружие.

– Эй, татарин! – Алекс бросил в сторону Акхана взволнованный взгляд. – Идём скорее! Идём через двор! Там, где ты перелез!

Акхан не ответил, только что-то прошептал брату, чьё пока ещё розовое лицо застыло с кровью на губах.

– Идём, говорю! Эй! Ты меня слышишь?!

Акхан бросил на Алекса взгляд, в котором застыла жажда убийства. Алекс с тихим шоком смотрел, как он, не обращая внимания на стрельбу, поднимается во весь рост.

– Ты иди, – прохрипел Акхан, словно тоже уже был мёртв. – Я остаюсь...

И Алекс пошёл. Пошёл быстро, даже не кивнув на прощание. И не просто пошёл – метнулся от стенки к стенке мимо застывшего татарина, боясь схлопотать пулю. Акхан уже не смотрел на бывшего подельника, его взгляд приковался к строчащей тройце за окном.

Беловолосый выбежал из простреливаемой комнаты, как мусор, выметаемый веником – такое сравнение пришло Акхану на ум. Когда скрип половиц за спиной стих, Акхан всё-таки спрятался за стеной. Тут же щёку ему ожгло, точно ножом полоснуло. Пальцы нащупали мокрое – на них блеснула кровь.

– Ну ничего, суки... – произнёс Акхан по-русски. Отчая-

ние в его сердце уступило место кипучему гневу. – Ничего... Сейчас вы мне за это ответите...

Тело налилось той силой и нечувствительностью к боли, которую можно получить лишь в ненависти. Зверем Акхан метнулся к входной двери, за всю перестрелку так никем и не тронутую. Старенький замок тихо щёлкнул, но даже если бы это был гаражный засов – в какофонии выстрелов никто-бы и не расслышал.

Сделав несколько глубоких вдохов, как перед нырянием в прорубь, Акхан пнул дверь и вылетел стрелой наружу. Дико озираясь, он поймал на прицел прячущихся за «УАЗиками» и пошёл не пригибаясь, с каждым вторым шагом делая прицельный выстрел.

Такого враги совсем не ждали! Первый упал, сражённый в голову, двое оставшихся спрятались и прекратили стрельбу, всё ещё боясь, что из дома тоже прилетит.

Акхан стрелял по одной, потом по две-три за спуск, в конце подошёл вплотную и приготовился всадить в машины уже всю обойму, когда прозвучал хлопок и резкая боль пронзила живот.

Выстрелил один из раненых, отползший от машины совсем ещё молодой паренёк. Злобно скалясь, Акхан упал на колено, направил дуло на противника и в три точных выстрела заставил того отдать богу душу.

Патрульные подхватились, опомнились. Поняв, что со стороны дома стрельбы уже не будет, двое служивых вы-

прыгнули навстречу бандиту и стали ожесточённо палить от бедра.

От выстрелов все уже почти оглохли.

Акхана пронзила страшная боль! Его мясо драло на части, его органы рвало и мешало в кашу. Жутко взвывая, как волк, попавший в капкан, он хлестнул наугад очередью туда, откуда боль пришла – и на миг пальба стихла. Вместо неё раздалась ругань и стоны.

– Я умру! – прокричал Акхан громко, надрываясь. – Меня не станет! Но и вам, тварям, не жить!

Служивые тоже просто так погибать отказались. Даже смертельно раненные, они снова подняли оружие и стреляли, хотя от ран уже слабо что соображали. Стрелял и Акхан, тоже уже бездумно – из последнего упрямства, из не дающей телу замертво упасть злости.

Дикие и окровавленные, страшные, словно кошка, разорванная на части сворой собак, Акхан и его последние противники пали под неподъёмным уже грузом. Глаза их стали невидящими, а из лёгких вместе с красной пеной вышел последний хрип.

Несясь в темноте на ощупь, Алекс споткнулся, врезался в косяк и зашиб лоб. За спиной уже гроыхает новая перестрелка, но до неё теперь никакого дела – свою бы шкуру спасти!

Знакомая дорожка вывела во двор. Алекс выбежал – глаза

навыкате. Оглядевшись, он кинулся к забору и сходу запрыгнул на него. Перемахнул, ловко оперевшись животом, сноровисто приземлился с другой стороны... и обомлел. Среди травы в пяти метрах от него стоит Никита! Он оглядывается, будто высматривает внизу чьи-то следы, а под его ногами зелень примята, словно кто-то совсем недавно лежал на ней, но вот вдруг взял и исчез...

Никита резко обернулся – в его глазах вспыхнул толи страх, толи гнев. Словно дикое животное, он поднял верхнюю губу и обнажил зубы.

– Ты...

Алекс забыл обо всём на свете! Он понёсся на столь ненавистного ему врага, что готов стал пожертвовать жизнью, свободой – да чем угодно, лишь бы прикончить эту гадину!

– Убью!

Где-то со стороны подъехавшего патруля гремит стрельба, а в это же время сбоку от дома завязалась свирепая драка!

Никита не успел вскинуть оружие. Алекс очень быстро оказался рядом, схватил автомат за дуло и рванул вверх. Его сильные пальцы заблокировали спусковой крючок, но Никита не растерялся – ударил лбом, целясь врагу в переносицу. Алекс отвернул лицо и больночий удар пришёлся в щёку. Тут же он ударил точно так же и сам, но с тем же успехом. Обменявшись, как бараны, парочкой таких болезненных выкидов, они повалились на землю.

Алекс давил что есть силы, старался сломать противнику

пальцы, вырвать преимущество. Только бы выкинуть автомат в сторону, а ещё лучше завладеть самому! Никита ухватил противника обеими ногами за торс, отодвинул от себя без боязни, что тот будет бить в пах – жизнь ценнее. Оскалившись, как безумный, свободной рукой он принялся лупить Алексу в живот, где должна заживать та самая ножевая рана...

Алекс напряг пресс и сначала не почувствовал, но после третьего-четвёртого удара охнул, а потом от боли у него перехватило дыхание, захотелось кричать. С остервенением Никита стал бить всё сильнее и сильнее.

– Да сдохни же ты! Перестань уже дышать!

Руку, которой держал дуло, Алекс высвободил и полез к лицу противника, метя в глаза. Почти достал, уже почти вонзил, но Никита извернулся, как змея, и с силой укусил его за мизинец и безымянный! Алекс взвыл, но сжал губы и приказал себе слабости не показывать.

Его глаза налились кипящей кровью. Притянув к себе сжавшего челюсти, словно бульдог, Никиту, он с силой шарахнул его лбом – и на это раз удачно! Шарахнул ещё! Снова! Никите резко поплохело, перед его глазами закружил хоровод звёздочек... Но двигаться он не перестал, напротив – от гнева или страха стал лупить Алекса по животу с утроенной силой!

Они барахтались, выбивали друг из друга жизнь, старались ударить как можно больнее. Алекс улучил момент, ко-

гда Никита ослабил ноги. Хорошенько уперевшись, он поднялся вместе с противником, умело вывернулся, поднял его на руки и со всей силой шархнул спиной о землю!

Никита чуть не выплюнул желудок. К горлу подступила тошнота, а голова заболела так, словно по ней врезали молотом. Почти в беспамятстве, но с упрямой злобой автомат он всё же не выпустил и уже приготовился стрелять... Новый удар заставил защищаться – Алекс принялся пинать лежачего, катать на ботинках, не давая опомниться! Никита стонал, рычал, мычал, но оружия не выпускал с несгибаемым упрямством. Вот сейчас он поймает момент, вот сейчас ему всё-таки удастся прицелиться...

Алекс с разбега пнул Никиту по рёбрам – того отбросило, как мячик. От боли у Никиты пропало дыхание, в глазах потемнело. Он до скрежета сжал зубы, боясь при этом откусить язык.

Алекс упёрся ладонями в колени, тяжело дышал и смотрел, как противник дёргается с искажённым в муке лицом, как скалиться... Но вот наперекор всему он открывает глаза и с ненавистью, не моргая, смотрит прямо и сосредоточенно...

Автомат Никита так и не выпустил, да только руки теперь плохо слушаются. Ну ничего – сейчас всё пройдёт и он прицелится, ему надо сделать всего лишь один выстрел...

Взвыв от досады, Алекс поднял лицо к небу, вытянулся, скрипнул зубами и сжал до боли кулаки.

– Живи пока, скотина! – выплюнул он, обжигая Никиту взглядом, полным яда. – Но помни, что ты уже мёртв!

Отвернувшись, Алекс сделал шаг к побегу, но тут краем глаза заметил в траве что-то знакомое. Граната! Быстро хлопав внутренний карман и ничего не найдя, Алекс на бегу подобрал сувенир и понёсся, как тур, перемахивая через кусты.

Не успел Никита справиться с дрожащими пальцами, как враг уже скрылся. Где-то в темноте шуршали кусты и бухали шаги, но вскоре стихли и они.

Перестрелка у дома угасла и на округу опустилась нехорошая, мёртвая тишина... очень быстро сменившаяся истошным, заходящимся лаем множества местных собак.

Никита лежал и смотрел в звёздное небо, безразличный ко всему, наконец-то выпустивший оружие... Но воля вернулась. Заставила браниться, корчиться от боли, но подниматься, идти. Уносить ноги.

И Никита пошёл, поплёлся по заранее подготовленному лично для себя отходному пути, о котором не рассказал ни Виктору, ни ребятам из засады. Кое-кому придётся ответить за то, что случилось сегодня. Ох как придётся...

Ночь выдалась бессонная, потная. Анна ворочалась с бока на бок, поглядывала на часы и думала о том, как тяжело ей будет днём не выспавшейся. Ближе к двум с беспокойным выражением на лице она всё же уснула, но в половине тре-

тьего прозвенел телефонный звонок.

– Ало?! – Анна схватила трубку мгновенно, словно и не спала. Сердце её взволнованно заколотилось.

– Это я...

– Я уже поняла! Ну! Говори! Что там?! Как?! – голос Анны дрожал, она даже не старалась сдерживаться, так её затрясло.

– Плохие новости... – голос звонящего прозвучал, как у побитой собаки. – Это была засада. Некоторые агаяновские убиты, но за всех не скажу. За кутузовских тоже не знаю, кто там был... А японца не было точно. Это оказалась ловушка и мы в неё попались...

– Стерва! – Анна взмахнула ладонью, словно хотела кого-то ударить, от чего чуть не выронила трубку. Сделав несколько глубоких вдохов, она перехватила телефон удобнее. Тонкие её пальцы ощутили слабость и слушались вяло. – Ладно, отдыхай. Если будут какие движения – сразу обо всём мне! И не спались, смотри! Отбой!

Отключившись, Анна уронила голову на ладони, закрыла глаза и с минуту сидела так в тупом безмыслии.

ОН не обрадуется таким вестям... Так-так-так... Ладно! Когда она пойдёт в отделение, то там все и выяснит. Может быть даже удастся порасспросить людей из патруля. Вдруг кто чего заметил, увидел. Авось кого арестовали, а тогда совсем хорошо – в закутке с людьми работать намного проще, чем на воле. Ещё не вечер!

Настроившись на положительный лад, Анна направилась

в душ. Заснуть сегодня она уже не сможет.

Глава 12

Головокружение от успехов

Шёл уже третий час ночи, но никаких вестей пока не пришло. Никому из отправившихся на захват японца Левон звонить не желал – слишком рискованно, всё-таки схватить могут любого, даже самого проворного. Лишние звонки – лишние ниточки.

У «правой руки» Агаяна начинали звенеть нервы.

Допив кофе, Левон растёр слипающиеся глаза и один звонок всё-таки решил пробить.

– Ну как там наш клиент? Как ведёт себя? Никуда не намывается?..

– Нет, Левон Амаякович. Сидит спокойно, пьёт. Мне что-то сделать?

Левон наморщил лоб, подумал.

– Нет, Саргис, нет. Просто следи за ним и держи людей в тонусе, чтобы если что... Ну ты понял. За Толей этим глаз да глаз!

– Конечно, Левон Амаякович...

Левон отбросил телефон и в бессилии откинулся на кресло. По ночам раненные нога и рука болят особенно остро, не дают забыться. Откупоренная с вечера бутылка коньяка опустела уже на четверть. Время от времени Левон опрокидывал рюмку, стремясь приглушить болезненный зуд, и вот

сейчас потянулся налить ещё...

Дверь распахнулась и в кабинет ввалился настоящий бомж! В каких-то кустах валявшийся, поцарапанный, грязный, с прилипшими к штанине листьями и большой лиловой шишкой на лбу, словно беднягу лягнул конь.

– Левон!.. – прохрипел он сипло. – Левон! Дай выпить!

Левон молчал, старался понять, кто перед ним вообще... и ахнул!

– Гарик?! Что с тобой?!

Гарик позабыл о всякой скромности, подошёл к жожаку, вырвал у него из рук бутылку и запрокинул, присосался к горлу, с пусканием пузырьков выдул пять-семь глубоких глотков.

– Кошмар какой-то! – выдал он, оторвавшись. В лицо Левону ударил сильный запах коньяка. – Мы в засаду попали! Все мои убиты!

– Чего?! Что ты такое лепишь?! – Левон схватил Гарика за шиворот и затряс, как ветер камыш. – Что ты несёшь?!

Гарика трясло, но бутылку он не выпустил и в глаза главному смотрел без страха.

– Говорю в засаду мы попали. – Лицо парня стало жёстким и тёмным, как уголь. – В засаду. Понимаешь, Левон?.. Те, кто пошёл со мной – все мертвы. Убиты. За остальных не знаю, я сам только чудом спасся...

– Как это не знаешь?! – Левон тряс Гарика, рвал здоровой рукой его воротник. – Как это не знаешь?! Рассказывай!

Гарик грубо высвободился и воззрился на вожака со смесью усталости и злости. Бутылка снова припала к его губам. Жадно отхлебнув, он отошёл и ляпнулся на диван, не беспокоясь, что запачкает.

– Сначала всё шло хорошо... – Гарик помолчал. Пальцы его не знали, куда деться и тёрли горлышко бутылки. – Мы приехали, рассредоточились. К дому подошли... А потом началась стрельба. Нас ждали! Это стало ясно сразу. Мы с Расулом и ещё двумя пацанами сидели в засаде, и там по нам открыли огонь.

Голос его хрипел, в конце совсем сорвался, словно у простуженного. Гарик отпил ещё, шумно вздохнул.

– Всех, кто был со мной, положили. Только я и выжил.

Левон застыл, как громом поражённый. Чуть дышал, не шевелился, следил за рассказчиком, как за идиолом, боясь пропустить хоть слово.

– А ты почему выжил?.. – В его голосе сыграла нотка подозрительности. – Тебя почему не тронули?..

– Тронули! – Гарик резко дотронулся до шишки на лбу, но тут же болезненно охнул и отдёргнул пальцы, как от огня. – Ещё как тронули, Левон! Схватился я с одним из них. Светленький такой, чуть постарше меня, думаю. Или около того... Но ловкий, зараза! И в темноте я был, как слепой, не заметил его...

– Что там было?.. – Левон будто опомнился, попятился к креслу. – Говори...

– Да нечего рассказывать. Поборол он меня и с приклада по башке зарядил. Шишка, наверное, большая, да?.. Я очнулся когда, вокруг уже никого не было, и тишина стояла, как в морге. – Гарик выпил, вздохнул. – Решил я валить, так как неизвестно было, чего так тихо. Попёр пешком, а когда добрался до места, где мы оставили машины, то увидел, что все они стоят нетронутые...

Гарик прикончил остатки коньяка, отставил бутылку и принялся с ожесточением растирать виски. Левон следил за ним из-под чёрных бровей, хмурился, соображал, что спросить дальше.

– Это что же получается?.. – вымолвил он, с неудовольствием замечая, каким растерянным стал его собственный голос. – Получается, что никто кроме тебя...

Из коридора донеслась ругань, звуки борьбы. Дверь распахнулась и в кабинет с повисшим на руке охранником ввалился Алекс.

– Левон! Скажи этому балбесу, чтоб отцепился от меня, а не то я ему бошку сверну! Честное слово!

У Левона чуть челюсть не отвисла, но он собрался, сделал лицо суровым.

– Виген, успокойся. Этому сюда можно...

Мужчина лет тридцати, с чёрными короткими волосами, худым лицом и хищными глазами Алекса отпустил, с деланным достоинством выпрямил спину и поклонится.

– Извините, Левон Амаякович, я не знал. Прошу проше-

ния...

– Ничего, Виген, ничего. Ты молодец. Иди.

Охранник закрыл дверь и удалился, а Алекс подошёл и плюхнулся рядом с Гариком. Видок у него не лучше, только заметно, что скорее били не его, а он.

– Обалдеть можно! – огрызнулся белобрысый после паузы. – Я просто шоке! Левон! Все мои люди убиты! И братьям твоим, Мурзаевым, тоже кирдык пришёл!.. А этот что здесь?..

Будто бы только теперь он заметил возле себя Гарика, устало уронившего затылок на спинку дивана.

– А что такое? – удивился Гарик немного отупело. Видимо, коньяк уже начинал действовать. – Не ожидал меня здесь увидеть?

Алекс хмыкнул, воззрился на Левона:

– Левон! Чего ты молчишь?! Говорю – в засаду мы попали! Все убиты... кроме нас двоих, похоже. Скажи хоть слово!

Левон выглядел, как манекен – не живой не мёртвый. Бледный, сгорбившийся, с опущенными плечами. О том, чтобы всё-таки сесть, он и думать забыл. Жалко на него смотреть. Никакое кино, никакой актёр так не покажет. Только человек, которого поразили в самое сердце.

– Значит, вот как обернулось... Все мертвы... – Он говорил туманно, будто обращался к кому-то четвёртому, невидимому. – Все мертвы... Ага, понятно...

Рука его потянулась к телефону. Набрал номер, Левон

приставил трубку к уху и после паузы произнёс:

– Ало, Саргис... Да, да, ага... Саргис, слушай меня внимательно... – Пальцы Левона дрогнули, а голос прервался и затих... чтобы потом выстрелить, как из ружья! – Саргис! А ну-ка хватай этого Толю и вези в наше любимое место для разговоров! Да, именно туда! Да, я буду там вас ждать. Торопись!

Отключившись, Левон взглянул на Гарика и Алекса. В его лице не стало ничего человеческого.

– Собирайтесь... – произнёс он сквозь сжатые зубы. Глаза его запылали, как угольки. – Поедем, потолкуем с нашим главным информатором...

Всё катится под откос – именно так это выглядит со стороны. Другой человек мог бы даже впасть в уныние, но не Алекс. Алекс к таким ситуациям привычен. Как кашлянуть или высморкаться. Каждый день его жизни, как он любил размышлять – это хождение по краю. От этого даже получаешь удовольствие, если его понимаешь, конечно...

Машина резко повернула, чем заставила Алекса выпасть из раздумий. Чёрный внедорожник, за рулём которого сидит тот самый Виген, на переднем пассажирском Левон, а на заднем Гарик с Алексом несётся по ночной Самаре. Пользуясь безлюдьем он проезжает на красный, пересекает двойную, прёт против односторонки и всё это для того, чтобы поскорее успеть на место линчевания.

– Левон Амаякович... – обратился Виген осторожно после очередного проезда на красный. – Тут же ведь камеры везде понатыканы. Штраф большой будет...

– Плевать! Гони!

Левон не знает спокойствия. Он кусает губы, хмурится, стискивает кулаки. Полный лютой злобы и волнения, взгляд его летит над городом, как птица.

Гарик, кажется, вообще спит. От него несёт коньяком и он не двигается. Глаза закрыл, голову уронил на плечо и лежит, как кукла, ко всему безразличный.

Внедорожник вырулил на Московское шоссе и помчался за город, мимо высоких домов, дальше мимо мелких магазинчиков и закусовых, всё ещё работающих в это позднее время. Спустя полчаса езды под колёса прыгнула узкая боковая дорожка, ведущая будто бы в никуда. Прячась под деревьями, она убежала в лесок и запетляла, словно пьяная.

– Почти приехали. – Левон обернулся к Алексу. – Сейчас, если наши этого гада уже привезли, я буду с ним разговаривать. Ты не встревай, просто смотри.

– Да я не против. – Алекс пожал плечами. – Не люблю мучить животных.

Дорога вильнула вправо, влево, выбежала на поляну, красиво открытую под утренним небом, а потому сейчас, в начале пятого, уже хорошо освещённую. У края поляны уже стоит припаркованным знакомый чёрный внедорожник, рядом с ним переговариваются трое. Они что-то горячо обсуж-

дали, но кода подъехал Левон, туту же умолкли.

Машина остановилась. Виген заглушил двигатель, но наружу почему-то не полез, остался внутри.

– Гарик, проснись! – гаркнул Левон, открывая дверь. – Давай выходи!

Гарика точно ледяной водой окатили. Открыв глаза, он встрепенулся, с натужной бодростью раскрыл дверь и выпрыгнул, не забыв при этом споткнуться и чуть не упасть. Алекс выбрался спокойно, без спешки. Так же не торопясь осмотрел ждущую тройцу: молодые, ка и он, парни, не старше тридцати – тридцати пяти. Армяне. Одеты так, будто только что из ночного клуба.

– Привезли? – Левон без промедлений направился к другой машине, на ребят не посмотрел. – Он здесь?

– Да, здесь. – Один из тройцы мигом подбежал к авто и отворил заднюю дверь. – Привезли, как вы и приказали.

В салоне видно плохо и Левон скомандовал:

– Вынимайте!

К первому подошли оставшиеся двое и все они полезли в машину. Гарик следил за этим вяло, он вообще еле на ногах стоит, опирается на капот, а вот Алекс с интересом наблюдал, как связанное трепыхающееся тело вынули и бросили у ног жоака, после чего почтительно отступили.

– Ну что?! – Левон наклонился к покрасневшему от натуги, с заткнутым тряпкой ртом пленнику. – Есть у тебя какие-нибудь оправдания?!

Он кивнул троице – один тут же подошёл и кляп вынул.

– Тьфу на вас! – прорычал Толя, отплёвываясь. – Вы чего творите, шакалы?! Вы чего себе позволяете?!

– Значит, такой у Кутуза был план, да?.. – Левон стал говорить вроде бы спокойней, но даже глухой услышал бы в его голосе свою гибель. – Значит, такой был план?.. А как же ты?..

– Какой ещё план?! – Толя Луковица вылупился на Левона, как баран на новые ворота. – Чего ты мелешь?! Какой такой план?! И я что?! Я тебя не понимаю!

– Не понимаешь... – Левон мрачно закивал. – План, говорю, такой у вас был, да?.. Заманить моих людей в засаду, перебить их... Хороший план. Хитрый до определённого момента... До этого момента.

Левон сунул руку в карман – в его ладони щёлкнул раскладной нож. Лезвие блеснуло в свете зари, от чего показалось зеркальным. Опустившись на колени, Левон приставил острие под глаз пленного, чуть надавил – сразу же выступила капелька крови.

– Эй! Ты чего?! – Толя забрыкался с новой силой, но верёвки свободы не дают. Связанный и извивающийся со стороны он стал похож на червяка. – До какого ещё момента?! Ты чего, Левон?! Обалдел?! Ты чего?!

– До этого момента. – Левон повёл лезвие ниже – кожа рассеклась, выступили красные края. – Не продумали вы, собаки, как же ты выбираться будешь, а?.. Не продумали...

Толя орал, пытался увернуться, но Левон резал неостановимо, терпеливо. Алекс вдруг подумал, что этот человек мог бы быть палачом, если бы родился лет на триста раньше.

– Как уходить будешь?! Не продумали вы это, подлая ты свинья! – Левон описал лезвием полукруг от одного глаза Луковицы до другого. – Как убить наших людей – продумали! А как тебе спастись – нет! Мразь!

Толя орал истошно, мерзко, душераздирающе. Отвернись – и не подумаешь, что это кричит взрослый мужчина. Гарик побледнел, прикрыл ладонью рот и отошёл в сторону, согнулся. Привёзшая Луковицу троица, как один, смотрят спокойно, по-деловому. Алекс не испытал ни капли жалости.

– Говори! Такой был план?! – Левон ухватился за свежий красный край и потянул кожу вверх – мучимый взвыл ещё громче, забился, как под разрядами тока. – Такой, да?! Но что-же тебя свои-то не спасли?! Чего же они тебя не забрали-то?!

Толя, прозванный Луковицей за то, что заставлял людей плакать, теперь зарыдал сам. Несколько часов он страдал страшно, а отмучился только к восьми, когда его палачам стало мерзко и холодно. Уставшие и душевно вымотанные, они закопали тело и, в состоянии ещё более подавленном, чем до приезда, отправились по домам.

В полуторалитровый чайник постоянно приходится доливать – так быстро кончается вода. Виктор хлестал кофе круж-

ка за кружкой. Вместе с кипятком прикусывал пирожные и торт, неделю назад оставшиеся с каких-то посиделок. Телефон помалкивает и по началу это было хорошо... Но во втором часу ночи стало напряжно. Кто знает, когда агаяновские пойдут на дело? И пойдут ли вообще?

«Да пойдут! Пойдут! К гадалке не ходи!» – подумал Виктор, прожёвывая. – «Уж больно этот япончик им нужен! Конечно пойдут! Но вот вопрос – когда? Я бы пошёл либо под самое утро, либо с двенадцати до двух – самое лучшее время. Лишь бы ребята сдюжили...»

Прозвенел звонок – Виктор от неожиданности чуть не поперхнулся. Выключив звук на бессмысленно трендящим телевизор, он посмотрел на телефон: звонит Никита.

– Ало? – Виктор старался говорить как можно более спокойно. – Да?

– Вить, это я. Всё кончено. – Голос парня оказался неожиданно лёгок, словно тот отчитывается, что сдал какие-то школьные экзамены. – Слушай, Вить, тут такое дело... Мне нужно срочно встретиться с тобой, обсудить один важный момент.

Виктор замер – таких слов он уж точно не ждал. Что-то в тоне Никиты ему не понравилось, но, может быть, это просто от нервов?.. Кстати, если всё кончено, то где же тогда звонок от старшего группы?..

– Как ребята?.. – спросил Виктор осторожно, стараясь не выдать волнения.

– Ребята справились хорошо, они молодцы. – Никита прервался. Стало слышно, как он прочищает горло и звучно сплёвывает. – Витя, давай встретимся. У меня к тебе не телефонный разговор. До утра откладывать нельзя, надо сейчас тебе об этом узнать. Понимаешь?.. Приезжай-ка ты в то место, где мы недавно встречались. Там сейчас закрыто, но мы на улице поговорим, возле гаражей. Я буду тебя там ждать. Давай, до встречи!

Не дожидаясь ответа Никита отключился, а Виктор задумался, так и застыл, держа телефон у уха и уставившись в одну точку.

Чего он хочет? Что-то тут явно не так... Опомнившись, Виктор набрал номер Пети, старшего из троих – долгие гудки и никакого ответа... Позвонил второму, третьему – то же самое...

Ладно, перед ментами можно оправдаться, если вдруг спросят про звонки – скажет, всех троих хотел в баню с девками позвать, как раз самое время... Но что случилось на самом деле? Пахнет недобрым.

Крякнув, Виктор отставил блюдце с пирожным и пошёл одеваться. В две минуты он уже был собран, не забыл захватить и кобуру с пистолетом.

...Забегаловка и вправду закрыта. Стараясь не шуметь, Виктор вырулил к гаражам, где показалась фигура человека. Чёрный силуэт повернулся к авто и медленно пошёл на-

встречу.

– Давай, Никит... – прошептал Виктор, барабаня пальцами по рулю. – Давай... Принеси мне хорошие вести...

Фигура подошла вплотную, в свете фар мелькнуло знакомое лицо. Замок на двери щёлкнул, она открылась и рядом с Виктором приземлился человек потрёпанный так, как если бы его в тёмной подворотне ограбили хулиганы.

– Доброй ночи, Вить... – Никита показал лицо, густо усеянное синяками. – Как доехал?..

Глубоко ошарашенный, Виктор вылупился на него во все глаза. Ну прямо беженец какой-то! Лишонец-погорелец! Весь испачкан, потрёпан. Под глазами фингалы, кожа в порезах, в разводах травы и земли. Никита словно Брест от фашистов защищал!

– Добрая... – протянул Виктор рассеянно. – Какие-то ты, Никит, странные встречи назначаешь. Что случилось?..

– Волнуешься?.. – спросил Никита будто бы бесстрастно.

– Волнуюсь, – признался Виктор честно. – Повод имею, знаешь ли... Никит, не тени кота за яйца. Что стряслось? Где остальные? Выкладывай...

– Хорошо. – Никита загадочно кивнул. – Сейчас выложу...

Виктор не понял, как это так быстро дуло пистолета возникло перед его лицом. Нос учуял запах оружейной смазки, кожа ощутила холод металла.

– Не догнал... – Виктор застыл, боясь и вздохнуть. – Что

за дела?..

Никита прижал пистолет прямо к его щеке, под скулу. Резко, как кобра, он поднёс губы к уху Виктора и прокричал, хрипя от ярости:

– Не догнал, Витя?! Не догнал?! Ты чего натворил?! От всех нас разом избавиться вздумал?! Ну ладно я, чужак!.. Может быть лично я тебе не нравлюсь... Но пацанов-то своих за что?.. За что, а?! – Никита выждал паузу, глубоко вздохнул. – За что, спрашиваю?.. Лучше, Вить, отвечай мне, не молчи, не то придётся тебя бить, а я бы хотел обойтись без этого.

Во рту у Виктора пересохло, его парализовало. Он перестал моргать. В глазах его прочлось неподдельное изумление.

– Будешь ты отвечать?! – выкрикнул Никита, страшно тараща глаза. – Или нет?!

– Что случилось?.. – прошептал Виктор тихо, словно его собеседник вовсе и не кричит. – Что произошло?..

Несколько мгновений Никита сверлил его взглядом острее бритвы, потом издевательски спросил:

– А ты не знаешь?!

– Говори! – Виктор будто забыл о пистолете у лица. – Рассказывай всё!

У Никиты затрепыхались крылья носа, а желваки сжались так, что послышался зубовный скрежет. Пистолет он не опустил, но на самую малость хватка его ослабла. Тяжко выдох-

нув, Никита помотал головой, его взгляд остыл всего лишь на один градус.

– Засада наша провалилась. Их было больше, чем четверо. Не решусь судить, но на прикидку – около десятка... Я убил нескольких, одного оглушил, но он потом сумел как-то скрыться. Ребята твои попали под разгром и, скорее всего, все полегли.

Он рассказывал неторопливо, прерывался на паузы, но Виктор слушал, не моргая, с раскрытым ртом. Под конец он не выдержал:

– Что?! Неужели все?!

Его глаза вспыхнули, как бенгальские огни.

– Думаю, что все. – Никита пожал плечами. Пистолет он продолжал держать наготове. – Там такая заваруха была, что... Но вот вопрос мой к тебе, Вить, никуда от этого не девается... Кто к нам патруль ментовской отправил?! А?!

Виктор побледнел и будто даже покрылся пятнами.

– Какой ещё патруль?! – Глаза его стали круглыми, как яблоки. – Там такое захоlustьё! Любой патруль по звонку приедет через полчаса, не раньше!

– А такой! – Никита не сдавался. – Подъехали к нам уже через минуту после начала заварушки! Агаяновские где-то в половине первого нагрянули, и сразу за ними менты прискакали! Три машины, Витя! Это не совпадение, и я не такой дурак, чтобы в это верить!

Виктор выглядел, как ребёнок, которого ругают: губы его

дрожали, он задыхался, глотал воздух, старался успокоиться.

– Это не я... – выдавил он через силу. – Клянусь! Это не я!

– Тогда кто?! – Никита картинно изумился. – О засаде знал только ты!

– Не правда, не только я. – Виктора затрясло, он вспотел, его пальцы стиснули руль. – Как мог знать только я?.. А ваша четвёрка? А люди Агаяна? Ты пойми! – Виктор бесстрашно наклонился к Никите, чем вынудил того пистолет отодвинуть. – Если бы я и решил повернуть такое, то, тут ты прав, не стал бы я подставлять своих людей, которых у меня и так уже с гулькин хрен! А теперь и того меньше...

Никита смолчал. Он заколебался, стал что-то напряжённо обдумывать. Его взгляд пронзил собеседника насквозь.

– Если тебе такого рассуждения мало, – добавил Виктор после паузы, – то я клянусь памятью брата, что патруль послал не я. А больше сказать мне пока нечего...

Никита глядел коршуном. Брови его то взволнованно взлетали, как птицы, то грозно опускались, как тучи.

– Ладно. – Он отставил пистолет, под его пальцем щёлкнул предохранитель. – Ладно, я тебе верю...

Но оружие он всё-таки убирал медленно, всё ещё насто-роженный и колючий, как ёж.

Посидели, помолчали.

– Так что же... – Виктор говорил вяло, подавленно. – Все ребята и вправду мертвы?..

– Девять к одному. – Никита подумал, пожал плечами. –

Хотя быть может завтра утром кого-нибудь и откачают. Кома, все дела. Как в фильмах бывает... Но я бы на это не считывал.

Виктор зажмурился, сжал кулаки. Лицо его покраснело, губы обнажили звериный оскал.

– Вот же суки агаяновские! – Он с силой бахнул по баранке – раздался громкий гудок. – Твари! Надеюсь, они-то хоть своё получили?!

– Говорю же – нескольких завалил. – Никита устало почесал макушку. – Ребята твои тоже кого-нибудь, да положили. Да и менты там такую дискотеку устроили... Им, кстати, тоже крепко досталось. Уверен, без двухсотых не уехали. Завтра утром, точнее уже сегодня узнаешь у своих в ментуре, чего да как. Мне расскажешь...

Виктор поглядел на Никиту как-то странно, но промолчал.

Есть у меня ещё одна новость... – Никита нервно закусил губу. – Не знаю, как такое объяснить, но... Кстати, как я выгляжу?..

Виктор от удивления чуть не кашлянул, но сдержался, закрылся кулаком.

– Как выглядишь? Ну... Как будто по тебе стадо быков пробежалось. Чай ты, наверное, и сам догадываешься.

Никита потрогал челюсть – тут же болезненно поморщился, с шумом втянул воздух. Его пальцы прошлись по опухшим щекам, коснулись синяков под глазами. Остановились

они у запачканных высохшей кровью губ.

– Угадай, кто меня этим всем наградил... – Никита взглянул на Виктора многозначительно, с намёком.

– Никит... – Виктор недовольно скривил губы и наклонил голову вбок. – Мне кажется, сейчас не время для юмора...

– Алекс. – Никита следил за Виктором пристально, с прищуром. – Алекс мне всё это оставил. Он был среди агаяновских. Да-да, Вить... Столкнулись мы с ним не на шутку – еле-еле я живым остался. Смекаешь?..

– Чего?! – У Виктора отвисла челюсть. – Чего-чего?! Среди агаяновских был ЭТОТ?! Ты не шутишь?!

– Как ты только что сказал – нам не до шуток. – Никита ещё раз потрогал челюсть, снова поморщился и руку убрал. – Я сам растерялся, если честно... Не знаю, как так получилось. Разве что ваш гордый горный товарищ поручался с новосибирскими.

– Никит! А ты ничего не путаешь?! – Виктор неожиданно схватил парня за плечо. – Ты точно уверен?!

– Да точно, точно! – Никита недовольно сбросил чужую ладонь. – Я видел его, как тебя сейчас!

Виктор шокировано отстранился, откинулся на сиденье, закинул руки на руль и уронил голову.

– Твою мать... Этого только нам не хватало... – Он шептал, глядя в темноту, туда, где находятся педали. – Только этого ещё не хватало, чтоб их всех... Ммм...

Никита отвернулся, сам тяжело вздохнул. Тело болезненно

ноет, каждое движение даётся с болью, особенно дыхание. Бока превратились в колючий корсет и каждый вдох колит, как нож.

– Вот ещё... – Никита потянулся и достал из кармана ключи. – Возьми их, это от твоей тачки. Поедем, я покажу, где оставил её. Как мне её продать-то?.. Даш мне взамен тысячу пять, на том и сочтёмся.

Виктор словно бы не расслышал, сидел ссутулившийся и разбитый, как сгоревшая спичка. Никита подождал немного, уже хотел повторить, но начальник кутузовской СБ резко, как перед нырянием в ледяной прорубь, вдохнул-выдохнул. Движения его стали энергичными, щёки налились румянцем.

– Ладно! Разрулим как-нибудь! – отрезал он решительно. Ключи он принял и спрятал в бардачок. – А с тачкой, Никит... Постараюсь её одному знакомому загнать, но не знаю, получится ли. А налички у меня сейчас нет.

– Значит опять придётся мне тебе довериться. – Никита простецки пожал плечами. – Поехали, заберём твою красоту. Подкинешь меня потом. Я ужасно устал и хочу спать.

– Ну поехали...

Мотор старенькой «Нивы Шевроле» зарычал, как разбуженный лев. Стартуя, машина выкинула из-под колёс кубометр земли и уже через минуту бежала по широкой асфальтовой полосе.

Улицы ночной Самары пустеют. Горят одинокие светофо-

ры и фонари, редко проезжает мимо попутка. Однажды совсем рядом один за другим промчались два скоростных мотобайка.

Никита указывал дорогу, Виктор рулил. Спокойно, словно ничего и не произошло, они разговаривали.

– Пригодились что ли гранаты-то?.. – управляя, Виктор на мгновение оглянулся на пассажира. – Или, надеюсь, нет?..

С выдохом сожаления Никита ответил:

– Нет, негодились. Даже больше скажу: где-то поселял одну противопехотную. Ума не приложу – куда она могла деться?.. Эх, ладно. Лишь бы её первыми менты нашли. Как подумаю, что её могут дети отыскать – мне аж плохо становится...

Эти слова навели хмурую мрачность. Оба пождали губы, помолчали.

– А как же ты агаяновских выманил? Да ещё так много? – Никиту давно съедало любопытство, так как в детали его не посветили. – Что им такое надо, чтобы вот такие силы кидать?..

– Ну а что всем нам надо? – ответил Виктор вопросом на вопрос. – Деньги, конечно. А если конкретно, то нужен им человек, которого мы у них отжали. Японец один. Варщик.

– Варщик? – Никита нахмурился. – Повар что ли? То есть, я имею ввиду – наркоту готовит который?

– Ну да, наркоту. – Виктор говорил с бесстрастной, подчеркнуто деловой интонацией. – Варщики готовят товар,

следят за его качеством, а мы с Алексеичем продаём. Бизнес у нас такой – лекарствами торгуем...

– Ну, про это я уже догадался, – Никита почесал затылок, – да то не моё дело... Но что такого особенного в этом, как ты сказал, варщике?

– Сам не знаю, если честно. – Виктор скривил губы. Его лысая голова склонилась набок. – Известно это только Алексеичу, но он со мной подробностями не поделился.

– С тобой и не поделился?! – В голосе Никиты прозвенело искреннее удивление. – Со своим главным помощником?!

– А что тебя удивляет? – Виктор хмыкнул, невесело улыбнулся. – Какой-то полководец однажды сказал, что если бы подушка узнала о его планах, он бы её сжёг. Даже своим людям доверять можно только в определённых пределах. Ты вроде парень не глупый, должен такое понимать...

Ещё одну часть дороги одолели в молчании, слышно было только рычание мотора да шорох асфальта под колёсами.

– Ну а как же ты всё-таки этих-то подманил? – Никита не унимался, любопытство жгло его. – Письмо им послал по почте?..

Виктор сжал губы, нахмурился, покосился на Никиту неодобрительно... Но вздохнул и помотал головой.

– Ладно, расскажу! Но всё на самом деле просто. Знаешь, Никит, в людях надёжнее рассчитывать на плохое, нежели на хорошее – ошибаться будешь реже...

– Это ты о чём?..

– Да всё о том же. – Виктор невесело вздохнул. – Есть у нас один товарищ – тебе его имя ничего не скажет да и знать его тебе не надо. Работает он у нас долгое время... И крыса ну просто редкостная! С делом своим, правда, хорошо справляется, Алексеич его потому и держит, хотя я бы давно уже избавился от гада...

Никита слушал внимательно, смотрел на Виктора неотрывно.

– Человек этот – падаль, гнида. Предать, я всегда считал, может в любой момент. А потому... Потому я недавно устроил для него небольшое представленье. Из наших всем известно, что за японца, если к Агаяну пойти, можно хороших бабок отхватить... Ну я и закинул удочку, так сказать. Дал ему поручение отвести ребятам на той самой хате продуктов, а ребята должны были изобразить, что кого-то важного стерегут, и вроде как этот кто-то некий ускоглазый... Я не был до конца уверен, что сработает, но, как ты уже убедился...

Виктор затих, дальше так и вёл молча. Никите хотелось задать ещё несколько одолевающих его вопросов, но он не решился. Как-нибудь в другой раз, за рюмкой. Если к тому времени сам не передумает эти вопросы задавать.

Анна нервничала, кусала губы. Выруливая на главную, она даже забыла пропустить машину и чуть не попала в аварию, настолько путались её мысли.

ОН ужасно недоволен! Анна почувствовала это по его то-

ну, когда он позвонил и велел приезжать в автосервис на Молодогвардейской. Говорил он вроде бы мягко, сдержанно, просил приехать вежливо... но Анна прямо-таки почувствовала его руки на своей шее, ощутила, как жизнь покидает её! Остаётся только надеется, что она ему нужнее живой, нежели мёртвой...

Спустя минуту её машина припарковалась рядом с нужным местом. В окно неожиданно постучали. Анна вздрогнула, взгляд её устремился на молодого человека в синей спецовке. Его щека и нос оказались испачканы мелкими тёмными разводами.

– Здравствуйте! – Когда Анна опустила стекло, он дружелюбно улыбнулся. – Вам чем-то помочь? Может, загнать вашу красавицу на мойку?

– Нет, спасибо. – Анна постаралась незаметно перевести дух. – Я была на мойке совсем недавно.

– Но, может быть, у вас есть какие-то проблемы в моторе?.. Может быть какие-то шумы?..

Анна хотела отказать уже грубо, но только взглянула парню в глаза – и сразу прочла в них смысл, которого от волнения сразу не углядела.

– Да, вы правы... – Она неуверенно кивнула. – Какие-то шумы в моторе... Надо посмотреть.

– Отлично! – Он благодушно кивнул. – Садитесь, пожалуйста, на пассажирское сиденье. Я сам отгоню машину в бокс.

Анна послушно пересела, а парень устроился на водительском и уверенно взялся за руль. Машина рыкнула и покати-лась к широко распахнутым воротам автосервиса, где её уже ждали другие мужчины в такой же спецовке и такие же испачканные, словно клоны первого, только постарше.

Машина заехала внутрь, парень зарулил на яму и остано-вился. Открыв дверь и оглянувшись, он оживлённо произ-нёс:

– Всё, ждите. Сейчас всё проверим!

Не успела Анна ничего сказать, как он выпрыгнул и был таков. Дверь осталась незапертой, но Анна не решилась пересесть, ждала того, чего сама не знала. Так прошло минут пять. Снизу слышались какие-то звуки, голоса. Похоже, машину и вправду осматривают. Анна даже подумала, что как-то она глупо поступила. Подъехать к автосервису – это не значит заехать в него. Придётся оставить машину и выхо-дить обратно. А ребята пусть работают, ладно уж...

В салон, не особо торопясь, сел ОН. Как всегда серьёзный. Как всегда деловой.

– Привет, Анют, – произнёс он с подчёркнутым спокой-ствием, взгляд его скользнул по девушке с холодком. – Как дела?..

Анна промолчала. Она почувствовала, что вся похолоде-ла. Скоро кофта на спине намокнет, а зубы предательски за-стучат.

– Ну? Чего молчишь? – Он глянул на неё пристальной, и,

как почудилось девушке, чуть-чуть теплее. – Молчанием делу не поможешь. Рассказывай всё. Я хочу знать твою версию.

Анна сглотнула, постаралась успокоиться. В самом деле – не хорошо ей млеть и бледнеть. Не к лицу. Тем более перед НИМ.

– Ты хочешь поговорить про то, что случилось этой ночью? – голос её – и Анны возблагодарила бога! – не дрогнул, прозвучал даже почти уверенно. – Правильно?

– Ну разумеется. – Мужчина важно кивнул. – Сегодня в Самаре нет новости важнее, чем эта. Мне уже кое-что рассказали, так что я в основном в курсе. Но... хотел бы послушать и тебя.

Он продолжил глядеть на Анну пристально, но во взгляде его уже не было того холода, как в начале. Лицо его разгладилось, губы тронула легчайшая улыбка, а в голосе перестала звенеть сталь... Всё это взаправду или от избытка чувств Анне только мерещится, но духом она чуточку воспряла.

– Наш общий с вами знакомый вчера сообщил, что агаяновские поедут отбирать японца у кутузовских. До мельчайших подробностей историю не знаю, но мне стало ясно, что они направят бойцов в какой-то загородный дом, где якобы должен будет находиться этот варщик. В плане было перебить охрану, а его забрать.

– Логично... – Он кивнул. – Дальше...

– Я подумала, что этот японец нам всё равно нужен, так что будет глупо его упускать! – Анна уже не говорила – тарата...

торила, словно оправдывалась, и, хотя сама заметила это, не могла остановиться. – Ты как-то говорил, что он может быть очень полезен! Да и лишний раз по бандам ударить неплохо. Чем меньше у них бойцов, тем они слабее...

– И это тоже логично... – Мужчина снова кивнул, но от него опять повеяло холодом. Анна передёрнула плечами, словно на неё подуло январским ветром. – Ты узнала всё это и решила действовать. Напрягла человека из другого управления, тот отрядил людей патрулировать нужное место...

– Ну да... – Анна нетвёрдо кивнула. Нервы её натянулись, как струна. – У патруля была простая задача – держаться в тени, а когда услышат выстрелы, то мчаться и хватать всех, кто под руку попадёт. Разве тут есть что-то ошибочное?..

Мужчина промолчал. Брови его сошлись на переносице, лоб взбороздили морщины. Тяжело вздохнув, он громко прочистил горло и с хрипотцой произнёс:

– Вроде бы нет... Вот только все они теперь мертвы. Восемнадцать трупов, Аня... Восемнадцать! – Лицо его резко стало багровым. – Ты представляешь, какая это бомба?! Ты воображаешь, какое это привлечёт внимание?! Восемнадцать трупов! Это бахнет так, что всем нам головы поотрывает! Через своих людей я, конечно, постараюсь добиться, чтобы это не попало в телевизор, но будет чудом, если сюда не приедет какая-нибудь шишка из Москвы, чтобы всех поставить раком! Ты понимаешь это?! Если бы просто босота какая в удобрение пошла – всем было бы плевать! Но те-

перь погибли менты... При том варщика у нас так и не оказалось...

Анна застыла, неподвижная и бледная, как статуя из гипса. Мужчина скосился на неё и отвернулся. Желваки его взъюргали и вздулись, а пальцы словно бы ищут, что сломать. сунь гвоздь – в узел завяжут!

– Пока всё тихо, но так продлится недолго, – продолжил он уже спокойней. – Не сегодня, так завтра кто-нибудь любопытный пронюхает лишнего и история взорвётся, как я уже сказал, как бомба. Заденет всех связанных и нас в том числе. Нас даже в первую очередь.

У Анны невольно вырвалось:

– Что же нам делать?!

– Спокойно! – Мужчина посмотрел на неё с укором. – Спокойно, Аня. Что это за вскрики?.. Ситуация, конечно, не простая, но ведь и мы не простаки... – Он задумался. – Я считаю, что ещё день, ну максимум два продлится затишье – настолько удастся придержать эту историю. Но не дольше. Потом эту плотину прорвёт, и тогда... Но до тех пор у нас есть ещё время проверить то, что мы задумали. Нужно только успеть...

Анна слушала, как ОН объясняет, следила за его жестами, мимикой. На сердце у неё потихоньку легчало. Она страшилась, что станет единолично виноватой во всём, но, похоже, об этом речи не идёт...

– Что агаяновские, что кутузовские – со всеми ними на-

до кончать. А после сегодняшней ночи – тем более... Вряд ли у них хватит мозгов затихориться, наоборот, думаю, в ближайшее время от них стоит ждать новых подвигов. – Мужчина говорил медленно, вдумчиво. – Кто-нибудь захочет мстить... И всё такое. Потому, Аня, вот что: сейчас ты едешь к себе в управление и делаешь в точности то, что я сказал. Задача твоя простая. Попутно к тебе подключаться мои люди. Нам надо будет действовать синхронно, потому всё должно быть исполнено в абсолютнейшей точности! Думаю, за день-два мы управимся. И мы не должны допускать больше никаких промахов, Аня... – Взгляд мужчины стал жёсток и остёр, как лезвие гильотины. – Мы не должны...

День перевалил далеко за середину. Солнце стало красным, воспалённым. Не смотря на уход лета, оно до сих пор греет нещадно, будто отыгрываясь за дни холода и заморозок, изредка падавших на Самару. Люди спешат с работы, едут домой. Скоро отдых, ужин и любимая передача или канал в YouTube. Но это для одних. Для других активный день только начинается. Нужно сделать закладки, пообщаться с клиентами, привезти-увезти товар, решить вопросы с какими-то неприятными типами... Но это приносит деньги. Хорошие деньги! И люди работают, вертятся, варятся в этом супе.

Итак время идёт, дела бегут. С наступлением глубокой ночи большинство людей, прямо или косвенно работающих

распространителями, отправлялись домой или в места, где ночуют. Ох и разнообразный же это люд! Например Петя Журавлёв, прожжённый хулиган и воспитанник детского дома в Кировском районе, время от времени сбегаящий, чтобы потратиться на удовольствия. Студенты вузов, безработные отцы и матери одиночки, бывшие и нынешние сидельцы и даже люди в возрасте, такие как сторож Шамиль Батруддинович, уже глубокий пенсионер, однако человек, никогда в жизни не упускающий возможности дёрнуть за длинный рубль. Все они, конечно же, шестёрки, предпоследняя цепью в звене, где последнее звено – клиент. Закладчики. Курьеры. Многочисленные и легкозаменяемые. А вот люди над ними – эту уже группа посекретнее. Среднее звено. На всю Самару не более тысячи человек в самый доходный год. В остальное время намного меньше. Профессиональные барыги, многие нигде и никогда не работавшие. Минимум половина сидевших: хулиганство, воровство, мошенничество. Своеобразные люди, особенные. Костяк торговли, когда за деньги и товар человек либо отвечает головой, либо сам покупает, со скидкой конечно, чтобы потом продать дороже. Выше только опт.

В этот вечер многие такие дилеры не на шутку встревожились. Прокатился слух, что кто-то выцепляет торговцев поодиночке, избивает, отбирает товар и деньги. Люди хватались за оружие, постоянно держали друг с другом связь, но тревожный процесс продолжался.

В самом деле какие-то бандиты, подозрительно осведомлённые о именах и местах проживания барыг, зажимали тех в тёмных углах. Нападали внезапно, по двое-трое на одного. Били, грабили и уходили. Все случилось молниеносно. Жертвы не успевали даже испугаться. Телефоны тоже отбирали.

Кто-то всё-таки умудрялся найти позвонить, вспоминал номера и предупреждал, кого знает. Помогло это правда мало, так как никто не увидел в нападениях системы, не угадал нечто большее, нежели простой разбойничий налёт. Человек же подозрительный, осведомлённый о местах нападений, сразу бы обо всём смекнул, стоило бы ему только взглянуть на карту. Налёты шли с юга Самары на север, методично от квартала к кварталу, словно на шахматной доске. Начались в десять вечера и ровно в три ночи остановились. Система. Расчёт.

В тот день была ограблена большая часть дилеров, связанных с Кутузом и Агаяном. Уцелели редкие везунчики.

Агаяновским и кутузовским был повод всполошиться – их дилеров щемили беспощадно. В любой другой день по первому же сигналу на дерзких началась бы охота, и она бы не кончалась, пока виновные, обливаясь горячими слезами, не отправились бы к предкам... Но не сегодня.

Вечером в половине одиннадцатого в «Арарат», а через пятнадцать минут уже в «Леруа Мерлен» нагрянула полиция. Здания оцепили: никто не входит, не выходит. По по-

становлению на обыск принялись переверчивать всё вверх дном, зверски портить мебель, разбивать хрупкие предметы. Когда же в каждом здании нашли по килограмму героина, спрятанному в одном и том же месте – в туалете в сливном бочке – началась настоящая кутерьма! Людей задерживали пачками! Около тридцати человек растолкали по машинам и отправили в изолятор. Помимо понятых нахватали ещё кучу свидетелей.

Левон узнал о происходящем, когда каким-то провидением решил сам прогуляться в аптеку за обезболивающим. Со сжатыми кулаками он наблюдал, как к заведению – через минуту после того, как он вышел! – подъезжают и врываются в него люди в форме. Виктору доложили об облаве, когда он заправлялся, и хотя в это время он был далеко, но тут же затихорился и на съёмную квартиру не поехал.

Рестораном и строительным магазином дело не кончилось. Спустя совсем немного времени Левон узнал, что взят их склад на Владимирской, что закрыт ещё один маленький, но очень важный продуктовый на Мичурина. Виктору так же сообщали, что полиция прикрыла ещё три ключевые точки, которые Кутуз использует для Дела.

Магазины, склады, забегаловки – всюду, что представляет для Кутуза и Агаяна деловую ценность, сунулась волосатая полицейская рука. Везде находили одно и то же – героин в сливном бочке. Кутузовские и агаяновские понимали всю подлость ситуации, скрипели зубами но поделать ничего не

могли.

В этот вечер на свободе остались лишь Виктор с несколькими людьми да Левон с группой братков, чудом избежавших посадки. И вот одновременно с этим и приходили звонки о том, что кто-то бомбит барыг. Левон ярился, Виктор матерился. Каждый чувствовал, что кто-то очень могущественный наступает им на горло, бьёт пот дых и ниже пояса, вонзает нож в спину. Кто-то пинками тиснит их к пропасти, а им и противопоставить нечего! Каждый в этот вечер ощутил бессильный гнев и отчаяние. Каждый в эту ночь не спал, глотал кофе и думал, что же будет дальше...

Глава 13

Задел на будущее

Карпухин заинтересованно глядит на кроссворд. Ложка в его правой руке помешивает чай, левая кисть лежит на бумаге и упирает палец в строчку, губы что-то шепчут. Костюм всё также висит на нём мешком, но за все дни Карпухин ни разу не подал вида, что это его напрягает. Может быть вообще этого не замечает, а может быть, как в армии – лучше носить размером больше, чем меньше?.. Но тут не срочка, тут форму можно и новую взять, к портному опять же обратиться. Денег это стоит немного...

Кутуз уже давно перестал ломать над этим голову и просто был благодарен за наведённый мост. Мало ли у кого какие причуды? Некоторые вообще по новой моде разрисовывают татуировками лица. Молодые парни и девушки ложатся под иглу не думая, что через годик-другой пожалеют об этом обязательно, а вот сводить эту красоту намного сложнее и больнее, чем колоть. Не на заднице набил, на лице...

Глубоко вздохнув, Кутуз спросил в трубку:

– Это всё?..

Виктор уже полчаса поясняет нынешнюю ситуацию и за всё время ни разу не повторился: так много есть чего сказать.

– Ну, в общем, да. – Голос его как всегда рычит, будто медвежий. – Можно ещё добавить про моё общее ощущение

этого кавардака, но не думаю, что оно необходимо.

– Нет, – Кутуз мрачно цыкнул, – не необходимо... Я отключусь на пять минут, мне надо подумать.

– Хорошо...

По привычке Кутуз сунул трубку в ящик, потом скрестил руки на груди, тяжело вздохнул и затих, погружённый в раздумья, как субмарина в море. Карпухин молча продолжил вписывать буквы в столбики.

Ситуация вырисовывается ужасная, прямо таки катастрофическая. Некоторые люди убиты, некоторые пропали, больше половины за решёткой, пускай и временно. Вся торговля заглохла. Дилеров ограбили, точки логистики прикрыли. Везде «нашли» герыч в сливном бачке... Организовавший подобное человек либо имеет чёрное чувство юмора и откровенно насмехается, либо не имеет его вовсе и этой неприкрытой системой как бы говорит: «Я всемогущ! Я могу всё, что захочу!»

Кутуз не заметил, как закусил губу, и лишь когда стало больно опомнился.

Да, ключевые точки потеряны, люди заневолены... Ещё эта дебильная история с засадой! Если бы у Вити не убили брата, тоже, кстати, путёвого человека, Кутуз не раздумывая избавился бы от такого «работника»! Но Витю всё-таки понять можно... Эх! Теперь уже точно ясно, что борьба идёт не только с Агаяном, но и с кем-то намного более опасным! Да и не борьба это – пока только избиение. Избиение его,

Юрия Алексеевича Кожемякина, человека, ни разу в жизни никому не позволившего себя безнаказанно задеть... Что же делать? Как же быть?

– Иван Тихонович... – произнёс Кутуз в пропахшей кофе тишине. – Как вы думаете – бывают ли выходы из безвыходных ситуаций?

Карпухин поднял на заключённого глаза, на его худом лице проступило скептическое выражение.

– К чему вы это, Юрий Алексеевич?

– Да так... – Кутуз уставился в одну точку. – Мысли вслух...

– Это не мысли вслух. – Карпухин снова опустил взгляд на кроссворд. – Это, скорее, риторический вопрос... Хотя и произнесённый, как мысль, вслух.

Кутуз пожалел, что обратился к следователю, тот любит иногда поумничать. А молчание – золото.

– Вы уже всё? – Карпухин поднял взгляд снова. – Так-то время у нас ещё есть, в этот час тут почти никого не бывает.

– Нет, ещё минут пять. – Кутуз поёжился, поёрзал на неудобном табурете. – Подумать мне надо, посидеть спокойно минуту-другую...

– Ну хорошо, я не против. – Карпухин пожал плечами. – Я тоже вместе с вами подумаю, кроссворд поразгадываю...

На несколько минут снова наступила тишина. Кутуз мучительно перебирал варианты, крутил так и эдак... Всюду выходит, что, вполне возможно, пора паковать чемоданы и

валить. Да, надо ещё на свободу как-то выйти... Но мысль трусливо бежать, разрушив тем самым своё имя и свою репутацию настолько противна, что от досады хоть волком вой!

– Есть ли выход из безвыходной ситуации?.. – снова незаметно для себя Кутуз сказал вслух. – Есть ли где-нибудь этот чёртов выход?..

Карпухин посмотрел на заключённого внимательней. Оценил его хмурое, в мучительных размышлениях лицо, его шепчущие невесть что губы и уставившиеся в никуда глаза. Покряхтев, он как бы между прочим произнёс:

– Выход есть всегда. Смотря с какой точки глядеть...

– Что?! – Кутуз опомнился, как от пощёчины. – Вы что-то сказали?..

– Сказал. – Карпухин важно кивнул. – Просто ты тут, Юрий Алексеевич, опять в слух размышлял. Спросил, есть ли выход из безвыходной ситуации, а я ответил, что выход есть всегда.

– Что ты имеешь в виду? – Вид Кутуза стал уставшим, сдавшимся. – Растолкуй, а то я что-то не понимаю...

– Ну... – Карпухин закинул ладони за затылок и откинулся в кресле. – Выход есть всегда, я ж говорю, всё зависит от точки зрения. Просто этот выход может не нравиться. Может быть неприятен или даже противен. Но выход есть всегда. Даже из задницы.

Кутуз не улыбнулся, только крепко задумался и снова замолчал, опять погрузившись в мысли. Карпухин последил за

ним ещё немного, потом заново принялся за кроссворд.

Тяжело, словно поднимает здоровенную гирю, Кутуз кивнул собственным выводам. Губы его вытянулись в прямую линию, взгляд из задумчивого стал решительным. Сглотнув, он открыл ящик и достал телефон. Набрал Виктора, Кутуз прислонил трубку к уху и даже не успел услышать гудков, как на той стороне ответили:

– Да?

– Всё, Витя... – Кутуз говорил не своим голосом. – Точка кипения достигнута... Достигнута точка невозврата. Сейчас мы с тобой будем разруливать эту ситуацию, и для этого нам придётся связаться с одним хорошо тебе известным и очень неприятным человеком. Запоминай, что нужно сделать и что кому нужно сказать... И да, ты не в курсе – агаяновским сильнее наших досталось, или так же?..

Скрестив ноги, Агаян сидит на кровати, локтями упирается в колени, а ладонями поддерживает голову. Лицо его, как у статуи Марса, бога войны древних римлян: суровое и жёсткое, что камень. В камере с ним ещё два человека, оба приклатнённые, и оба помалкивают, стараются быть вообще незаметными, как стены и пол.

То, что передал Левон – это дикий ужас. Это удар в спину! Это песок, брошенный в глаза! Очень болезненно, очень неприятно. Неприятно?.. Смертельно! Как пуля, летящая в лоб!

Сокамерники всё же осмелились заварить чай. Агаяну тоже поставили кружку крепкого – тот благодарно кивнул и снова погрузился в раздумья.

Левону за его дурость хорошо бы голову снять, но людей осталось уже так чертовски мало, а нового удара ожидать можно в любой момент... А кто остался с Леоном? Без него эти бараны разбегутся, как отара без пастуха. Ничего важного им доверить нельзя...

От злости у Агаяна застучало в висках. Он закрыл глаза и постарался успокоиться, несколько раз медленно, с шумом вдохнул и также медленно выдохнул. Не хватает для комичности ещё помереть от кровавого удара – враги будут в полном восторге!

Из коридора долетели громкие шаги, через мгновение замок на двери загрохотал, она раскрылась и на пороге возник дежурный с висящей на руке резиновой дубинкой.

– На прогулку, – скомандовал он тоном, не терпящим промедлений.

Сокамерники оглянулись на Агаяна, потом оба с явной неохотой поднялись, потянулись к выходу. Агаян пошёл следом. Брёл за их спинами и всё думал над вопросами, свалившимися на голову, как кирпичи.

Прогулка выдалась унылая, как и любой день в заключении. Все молчали, даже шёпотом не переговаривались, словно траур держат. Впрочем, Агаян этому только обрадовался. Меньше болтовни – меньше отвлечений.

В камеру возвращались с опозданием. Дежурный отвлёкся на какие-то дела и поручил следить за заключёнными подвернувшегося вертухаю, а сам ушёл и вернулся только минут через двадцать.

– Вперёд! – По его команде колонна арестантов двинулась к «хате». – Разговорчики не разговаривать!

Никто и не разговаривает, но кто будет спорить?.. Неожиданно Агаян заметил, что дверь в их камеру открыта, откуда выходят служивые и о чём-то увлечённо разговаривают. Шутки шутят! Один из приклатнённых тихо чертыхнулся, второй никак не выказал удивления, только кулаки его сжались аж до хруста.

– У вас был обыск, – пояснил дежурный очевидное и встал сбоку от прохода в камеру. – Порядок сами наведёте. Внутрь!

Заключённые вошли и ахнули: всё выпотрошено так по варварски, что на то, чтобы такой бедлам разгрести, уйдёт полчаса, не меньше! Каждый прошёл к свой шконке, благо «живут» в камере нового типа, трёхместной. За спиной раздался грохот захлопываемой двери, скрежет засова, поворот ключа и быстро удаляющиеся шаги.

– Суки! – гаркнул один с покрасневшим от негодования лицом. – Шакалы погонные!

Агаян посмотрел на свой перевёрнутый матрац, на вынутую из наволочки и брошенную всю в перьях подушку. Решив никак не выказывать недовольства, он просто быстро, как смог, перестелил шконарь и улёгся, закинул руки за го-

лову.

Арестанты наводили порядок, а он продолжал размышлять, и размышления уводили его всё глубже в сторону простого, но неприятного вывода: нужно мириться с Кутузом. Нашлась какая-то тварь похуже старого чёрта. Если грызня между ними продолжится – не сносить головы ни первому, ни второму.

Нет сомнения, что ныне произошедшее вовсе не дело рук Кутуза: это проделки кого-то намного более опасного, и, похоже, уже и раньше вмешивавшегося в их дела... Но что скажет на это сам Кутуз? Согласится на перемирие после всей крови, что они пролили? Или заупрямится, как осёл, встанет в позу?..

Агаян повернул голову: на подушке лежать стало как-то неудобно, в затылок что-то упирается. Несколько раз поправив её и не удовлетворившись результатом, он со злостью сел и принялся мять пух, стараясь нащупать твёрдое место. Пальцы ощутили нечто, ухватили. Агаян замер, по его горлу прокатился комок. Пальцы нащупали шов – аккуратно распушен, оттуда и лезут перья... Продавив твёрдое до разреза, Агаян вынул коробочку от зубочисток. Внутри белеет скрученный листок.

Сокамерники заметили и тоже замерли, даже дыхание задержали: малява, подсунутая мусорами!.. Агаян огляделся, посмотрел в глаза соседям, потом с подозрением на дверь, за которой может кто-то таиться. В курсе ли сам дежурный

или это трюк мимо него?..

Пальцы достали бумажку, развернули, глаза пробежались по буквам... В этот же миг Агаян почувствовал такую радость, которой у него не было уже очень давно! Враз прибавилось сил, спина выпрямилась, на ней словно бы выросли крылья! В записке оказалось лишь две строчки: «Надо поговорить. Я сам свяжусь. К.»

...Новенький с поклоном перешагнул порог.

– Вечер в хату...

– Чифир в сладость, – ответил один из сокамерников машинально.

Агаян с соседями с интересом поглядели на вошедшего «бродягу», явно не первохода, приведённого дежурным под самый вечер. Лицом прост, на пальцах партаки. Так-то ничего особенного...

– Агаян, вас переселяют! – велел дежурный строго. Лицо этого служаки, как всегда, словно бы вырезано из дуба. – Собирайтесь и идите за мной... А ты, Кузьмин, падай на его шконку. Ну! За дело!

Новенький не спешил двигаться, застыл в ожидании. Лишь когда Агаян всё-таки со вздохом поднялся и направился к выходу, он отошёл в сторону, давая проход, но и потом на кровать не сел, а примостился за столом. Когда дверь с грохотом закрылась и затопали удаляющиеся шаги, новенький поглядел на оставшихся в камере, развёл руками и произнёс:

– Меня ни о чём не спрашивайте, я сам не в курсе. Меня выдернули из другой хаты и сказали идти сюда, а больше я ничего не знаю.

Арестанты переглянулись.

Агаян шёл, куда велели, и уже через пять минут перед ним открыли дверь камеры, единственной в маленьком и узком коридорчике со старой, свисающей с потолка лампочкой. Темнота не позволила что-либо разглядеть и это навело на две мысли: либо это пресс-хата и ребята в ней решили даже без прелюдий обойтись, нападут сразу из темноты... либо камера просто не обитаема. Может быть даже одиночка.

– Уважаемый! Чего встал?! – пробасил дежурный нетерпеливо. – Приглашения ждёшь?..

Агаян стиснул зубы и шагнул внутрь, в любой момент ожидая подвоха. Произойти может что угодно, надо быть готовым. А ведь за время, пока он тухнет в изоляторе, его толком и не допрашивали ни разу, даже пугать не пытались. Может начнут сейчас?..

Дверь за спиной с грохотом закрылась. Агаян застыл, как статуя, в полный рост и на изготовке. Дыхание частое, сердце колотится, как при беге. Когда глаза немного привыкли и различили какие-то контуры, в голову пришла мысль, что зря он нагнетает – глупо. Пошарив на стене возле двери, Агаян нащупал выключатель, нажал кнопку – хорошо, что стоял грудью к двери, иначе от загоревшейся, свисающей на проводе, как и в коридоре, лампочки обязательно бы ослеп. Кто-

то умудрился вкрутить стоваттную или даже больше! Будто эту самую лампочку не купили, а украли на заводе или какой-то фабрике. А то и с фонаря сняли.

Щурясь и прикрываясь ладонью, Агаян осмотрелся и разглядел в старой, крохотной, с облезлыми стенами камере единственную кровать в углу, прямо возле крохотного оконца. Не заправленная, с серой квадратной подушкой. Впрочем сама камера вряд ли вместит ещё одну.

– Всё-таки одиночка?.. – спросил он сам себя вслух.

Не торопясь он дошёл до кровати и уселся. Под задницей простилались старые, ещё советские пружины. Да, любопытно...

Послышались шаги, но не как у дежурного, а тише, мягче. Агаян выжидательно уставился на дверь, снова в напряжении сжал кулаки. У него заострились скулы. Громыкнул замок, дверь распахнулась и на пороге возник служивый, несущий подмышкой сложенное постельное бельё. Бывают у мужчин лица, словно они вечные маменькины сынки или задроты, никогда не покидающие дом. Такой может работать, может служить, может даже быть тёртым и бывалым, но лицо у него – ну чисто студент-девственник. Именно такое оказалось у вошедшего.

Служивый без всяких пояснений прошёл вглубь, остановился и положил бельё возле заключённого. Даже не взглянув в его сторону, он направился обратно... но на пороге застыл и кинул через плечо:

– У вас минут двадцать, не больше.

И выше, хлопнув дверью.

Агаян несколько мучительных секунд силился понять, что-же такое происходит...

Хлопнув себя по лбу, он выбросил руки в сторону белья и разворошил его! Среди тонких, стёртых временем тряпок мелькнул чёрный корпус мобильного. Пальцы сами разблокировали, полезли в контактную книгу, однако ничего там не нашли. Пусто. Агаян покрутил телефон, встревожено оглянулся на дверь, потом ещё раз посмотрел на аппарат, нажал кнопку вызова, но и этот список оказался пуст.

– Ну же, давай... – прошипел он, чувствуя, как злость подкатывает к горлу. – Давай звони тогда ты, если так опасаясь. Давай!..

Прошло минут пять полной тишины: мышь не пискнет, комар не взвизгнет. Агаян с раздражением сунул телефон за резинку трусов, тщательно прикрыл накидкой и только собрался застилать кровать, как почувствовал вибрацию.

– Ало... – раздался такой до зубовного скрежета знакомый голос. – Ало... Меня слышно?..

– Слышно, слышно. – Агаян прикрыл рот ладонью. – Максим Игоревич?.. Это вы?..

Разводка простая, но иногда и умный на такое клюнет.

– Конечно, только не Максим Игоревич, а Игорь Максимович... Агаян, бросай свои проверки! Это я, Юра!

Агаян подбежал на цыпочках к двери, свободным ухом прислушался, нет ли за ней кого. Правда и говорить возле двери рискованно – так услышат скорее. Эх, нет никого на шухере...

– Мне стоило целого состояния устроить этот разговор, так что давай уже поговорим о деле! – тон Кутуза обжёг нетерпением.

– Ну давай поговорим... – Агаян кивнул, хотя никто его не видит. – Начинай первый, а я подтянусь...

Несколько мгновения Кутуз молчал, словно готовился, собирался, затем наконец начал. В каждом слове его чувствовался вес, как в полностью обдуманном и решённом. Ни нотки импровизации.

– В последнее время у нас с тобой пошли крупные разногласия... Ты отнял перспективного варщика у каких-то левых ребят, а я отнял его у тебя. Мы оба работали вместе, но мы оба всегда думали, что прекрасно справимся и сами, что вдвоём тесно...

– Допустим... – Агаян снова кивнул, но на этот раз поймал себя на этом. – Но я варщика у кого отнял? У лохов, которые были сами по себе, не были ни с кем, а значит, я никому, кроме них, не навредил. А ты?.. Ты отнял варщика у меня, тем самым нарушив мир уже между нами. Как будем это решать?..

Кутуз ответил так неожиданно резко, словно готовился именно к этому вопросу:

– А как мы будем решать с тем, что ты скрыл свои манёвры с этим варщиком от меня?! Что промолчал, когда я поднял эту тему? Помнишь, в ресторане у Цыгана?.. Ведь я специально спрашивал тебя об этом, но ты сделал вид, что не в курсе!..

Агаян закусил губу – об этом он совершенно забыл! Можно конечно сказать, что нечего совать нос в чужой вопрос. Отнял у каких-то валенков варщика – так то моё дело, не твоё... Можно было БЫ так сказать, если БЫ они не вели тогда дела вместе...

– Ты решил усилиться, а меня пустить побоку. – Голос Кутуза будто бы успокоился, но в нём всё равно чувствуется сталь. – Сам бы как на моём месте поступил?.. Уж не думаю, что сидел бы сиднем...

– Ладно, отложим этот вопрос на другое время. – Агаян недовольно скривил губы. Раздражения он не скрывал. – Потом разберёмся... Чего ты сейчас-то звонишь?..

– А то и звоню, – настоял Кутуз, – чтобы разобраться со всеми вопросами. Разом! Прямо сейчас.

Он замолчал, словно чего-то ожидая, но Агаян не торопился говорить. Покончить со всеми вопросами, да ещё разом, прямо сейчас... Крутая задачка, требующая крутых решений.

– Поясни... – потребовал Агаян, стараясь скрыть заинтересованность.

– Поясняю... – Кутуз прочистил горло, покряхтел. – Ты не

мог не заметить, что нас, так активно душащих друг друга, уже не двое, а как минимум трое...

– С чего ты взял?.. – Агаян лукаво, незаметно даже для самого себя самую чуточку улыбнулся. Ему стало любопытно, что известно другому, чего не знает он.

– С того, что мы оба сидим за решёткой, хотя могли бы пить дома шампанское... Ты же не слепой, наверняка тоже заметил, что кто-то пытается сунуть руку в наш маленький наркомирок и схватить нас обоих за горло...

– Пытается – это, знаешь ли, слабо сказано! – рявкнул Агаян, забыв об осторожности. – По-моему уже хватает за яйца! Я слышал, у тебя нашли несколько лишних кило серого по разным точкам...

– Как и у тебя... – ответил Кутуз мрачно. В трубке послышался его тяжкий вздох. – Да. У кого-то слишком длинные руки... Вова! Я считаю, что если мы не хотим кончить плохо, то нам нужно срочно, очень срочно мириться! Хотя бы на время.

Агаян хотел что-то сказать, но вдруг услышал за дверью шаги. Насторожившись, он уже был готов отключаться и бежать к кровати... Шаги просто удалились.

– Ладно, ты прав... – согласился он с неохотой. – Прав по крайней мере в том, что нам надо замирился хотя бы сейчас, хотя бы против этой неведомой скотины.

– Так и я о том же! – Тон Кутуза стал наставительным. – Если всё продолжится так, как сейчас, то можно уверенно

гарантировать, что от нас останутся рожки да ножки! Слушай... Есть у меня предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

Агаяна потянуло хохотнуть, но он сдержался, даже рот прикрыл, чтобы не выказать смеха. Нет уж, Кутузу он подыгрывать не будет. Нарочито сухо он спросил:

– Какое же?..

– А такое... – Кутуз снова вздохнул, словно и не разговор ведёт, а на пробежке находится. – Я отдам тебе японца. Насовсем.

Пальцы чуть не выронили трубку, на миг Агаян забыл даже, как дышать. Справившись с удушьем, он прочистил горло и закашлял, в мыслях на чём свет стоит костеря себя, что реагирует так бурно.

– Отдашь мне японца, ага... – повторил он насмешливо. – А взамен?..

– А взамен ты отдашь мне весь герыч и весь кокс. – Голос Кутуза стал крайне серьёзен. – Разграничим эти наши интересы. Всё остальное остаётся, как и раньше, но я не торгую кофеином, а ты не торгуешь коксом и герычем. По-моему это честно.

Агаян уже хотел возразить, но призадумался: с белого и серого идёт огромный поток денег, и это реально золотое дно, если ты МОНОПОЛИСТ. Но кофеин... Судя по цифрам, которые дал Гарик, он может с лихвой перекрыть любой герыч и кокс вместе взятые, да ещё и сверху много будет...

– Что ж, предложение интересное... – обронил он, чтобы как-то нарушить паузу. – Над этим надо подумать...

– Вова! Времени думать у нас нет! – выпалил Кутуз, как из пушки. – Если хочешь, давай расклад поменяем! Герыч и кокс будут только твои, а кофеин заберу я. Хочешь?! По-моему, что так, что эдак – всё едино! Давай, Вов, решай прямо сейчас, потому что я не знаю, смогу ли организовать такой разговор ещё раз!

Агаян до боли сжал зубы, закрыл глаза. Мысли заметались в его голове, как перепуганные голуби. Он открывал рот ответить, но тут же закрывал и закусывал большой палец, с остервенением сверлил взглядом грязную стену напротив. Кутуз молча ждал. Прошло не меньше пяти минут тяжелейших раздумий с одной и терпеливейших ожиданий с другой стороны прежде, чем Агаян произнёс:

– Хорошо, я согласен. Кофеин мой, серый и белый твой... Отныне будем считать именно так.

Кутуз глубоко вздохнул, ещё громче, чем обычно. Если бы у Агаяна была возможность взглянуть на него, он бы мог поспорить на что угодно, что прошлый враг, а теперь восстановленный партнёр сидит и обливается потом, как в бане.

– Хорошо... – произнёс Кутуз облегчённо. – Хорошо. Осталось нам только детали обмозговать. Тут я уже всё продумал и вот что я предлагаю...

Разговор потёк дальше, уже свободнее и даже в определённой степени веселее. Иногда Агаян забывался и произ-

носил что-то так громко, что отдельные фразы можно было услышать и в коридоре. В такие моменты тот самый служивый, что принёс бельё, а сейчас стоит на шухере, в бешенстве грязно чертыхался: «Ну что за дурак?! Всю контору спалит!»

Прозвенел звонок. Алекс оглянулся на дверь, потом перевёл взгляд на Левона, который в пяти шагах от входа сидит за кухонным столом. Домик, который они сняли, очень мал. Зал, кухня и прихожая – всё это одно помещение.

– Чё, сходить открыть?.. – спросил он с намёком.

Левон поглядел на беловолосого с раздражением. С одной стороны он уже давно привык, что всякие мелочи делают за него, с другой Алекс то и дело намекает, что, мол, подранок, а значит – сиди отдыхай, слабенький, убогонький...

– Спасибо, сам справлюсь! – ответил Левон с наигранно громкой благодарностью. – Я пока ещё могу ходить, но спасибо за предложение!

Алекс широко улыбнулся, пожал плечами и продолжил смотреть передачу про автомобили.

Стараясь, насколько даётся, не хромать, Левон подошёл к двери и глянул в глазок... Дверной замок щёлкнул и Левон отошёл, впуская мужчину лет тридцати, худого, с короткими чёрными волосами и острым, как у орла, носом.

– На улице всё спокойно, – произнёс Виген, занося пакет с продуктами. – Впрочем, если меня пасут, то не станут из говнов головы высовывать...

Алекс хохотнул и кинул на вошедшего весёлый взгляд.

– Да нас-то и брать не на чем. – Левон закрыл дверь, повернулся. – Если, конечно, кто-нибудь не покраснел... Ты чай купил? У нас совсем кончился...

Пакет разобрали: чай, минералка, коньяк, фрукты. Для пельменей сразу поставили кипяток. Алекс разрезал пиццу и разом сунул все треугольники в микроволновку. На несколько минут вся троица оказалась на кухне под светом маленькой стеклянной люстры.

– Пацаны встревожены. – Виген сел справа от Левона. – Есть мнение, что каждого сейчас могут пасти.

– Конечно могут! – вставил Алекс задорно, с видом полной беззаботности. – Но только про каждого – это ты загнул. Стерегут всегда ключевых и приближённых к ним. Вот нас, например. Или тебя...

Виген поглядел на Алекса неопределённо, перевёл взгляд на вожака.

– Пускай беспокоятся, – произнёс Левон, расчёсывая подбородок. – Слабые уходят, сильные остаются. Нынче нам тяжело, но потом всё наладиться, в этом я не сомневаюсь... А кто выйдет сейчас, покинет нас в такое беспокойное время – тому назад дороги нет.

В молчании приготовили еды, накрыли на стол. Левон даже сам порезал колбасу, да так ловко, что и не скажешь, что у него рука в перевязи. Алекс жевал, уставившись в одну точку. Виген поклевал чуть-чуть пельменей и бросил. Левон

съел бутерброд и налил чаю, отломил пару квадратиков от плитки шоколада.

– Есть новости, – произнёс он, разжёвывая. – Сегодня наш адвокат должен встретиться с Агаяном и получить от него послание.

– Для нас?! – Виген взволновался.

– Ну что за вопросы?.. – Левон неодобрительно нахмурился. – А для кого ж ещё?.. Давай-ка, Виген, успокаивайся, а то ты весь, как на ножах...

– Как на иголках, – поправил Алекс с умным видом и взглянул по очереди на обоих. – На ножах, это, кхм... другое совсем.

Левон скривился, но ничего не ответил. Вздохнув, он откусил от шоколада ещё.

– Вообще-то пора это болото уже разруливать! – добавил Алекс, продолжая жевать пиццу. – То, что у вас тут происходит... Это вам, ребята, хребет ломают! При таких раскладах как сами думаете – насколько вас хватит?..

– Так что же ты тогда с нами тут сидишь?! – вспылил Левон резко. Глаза его выкатились, а бутерброд шлёпнулся из рук на стол. – Тебе чего здесь надо?! Выгоду искал?! Так ты прогадал! Чего задерживаешься?!

Алекс и бровью не повёл. Виген ошарашенно перевёл взгляд между ними, нервно сглотнул.

– Сижу с вами – значит надо мне так... – ответил Алекс в острой, как бритва, тишине. – Значит интерес мой такой...

И не ты так решал, а мы с Агаяном договорились. В конечном итоге с моей-то стороны всё ровно. Собою я нормально рулю, а вот тебе, Левон, лучше бы успокоиться...

– А не то что?.. – спросил Левон, враз обратившись в лёд. – А не то что, белобрысый?..

Алекс улыбнулся, затем уже не сдержанно отложил пиццу и захохотал. Засмеялся во всё горло, чисто и весело. Даже, как показалось Вигену, пустил слезу.

– Белобрысый?! – Алекс скривил рожу. – Серьёзно?! Последний раз, помню, это было чьим-то аргументом в школе... Нет уж, Левон, тебе нечем крыть. Белобрысый, ха! – Тут он сдержал хохот, взгляд его воткнулся в Левона, как штык. – А теперь знай, мой хромой друг, что пока мой интерес един с интересом Агаяна, я буду работать с вами, потому что мы так с ним договорились. Мы с ним договорились, ясно?.. Но как только мы своего добьёмся...

– В любое время! – выпалил Левон с вызовом. – В любое время и в любом месте! Раз на раз!

– Замётано! – Алекс улыбнулся и, как ни в чём не бывало, с прежним благодушием принялся за еду. – И запомни – ты слово дал!.. Так что там с адвокатом?

Виген держался за вилку, словно за подлокотник, будто без неё может грохнуться. Пальцы его от напряжения побелели, губы превратились в сухую тонкую линию. Он не сводил взгляда с Левона, ждал. Несколько долгих мгновений тот жёг Алекса ненавидящим взглядом, затем, что-то решив, от-

кинулся на спинку и чуть посветлел лицом.

– Так на чём я остановился? – Он взглянул на покусанный, минуту назад отброшенный бутерброд. – Ах да... Адвокат наш должен у Агаяна послание записать и нам его принести. Не лично, конечно, скорее всего пошлёт кого-нибудь.

Виген тихо выдохнул, пальцы его разжались, отпустили малость погнутый прибор.

– А что сам-то не придёт? – спросил Алекс беспечно. – Ботиночки свои бережёт?

– Ну да... – Левон поднял бутерброд, придирчиво осмотрел. – Да и следят за ним наверняка, тут к участковому не ходи...

– А как же он тогда человека с инфой посылать собирается? – Алекс всё не унимался, его пальцы уже мяли последний кусок пиццы.

– Так на то методы есть... – к удивлению Вигена, Левон отвечал и без тени злобы или недовольства. – Автоматы уличные раньше были, теперь вот телефоны чужие, симки одноразовые...

Алекс многозначительно покивал и продолжил жевать.

...После застолья прошло несколько часов прежде, чем снова прозвенел звонок. Виген подскочил, сунул ладонь за полу куртки и так и подошёл к двери, глянул в глазок. Через мгновение щёлкнул замок, дверь приоткрылась. Краем глаза Алекс заметил в щели совсем ещё молодого парнишку, протягивающего отворившему что-то мелкое. Виген принял,

произнёс нечто на армянском и дверь закрыл.

– Ну вот и весточка прилетела! – подал голос Левон, сидя в кресле спиной к двери. – Сейчас всё и выяснится...

На журнальном столике перед ним светит монитор ноутбука. Свернув страничку с сайтом знакомств, Левон протянул в сторону здоровую руку – на ладонь ему упала флешка. Виген отошёл и скрестил руки на груди, напряжённо вздохнул.

– Та-а-ак... – Левон сунул флешку в разъем, поколдовал с мышкой. – Ага, тут только аудио. Похоже, записано на телефон.

– Так ты что, в таком понимаешь?.. – От удивления Алекс наморщил лоб.

– А что тут особенного?.. – Левон даже не оглянулся. – Думал, я только баранов могу по горам гонять? Так ты считаешь?..

Виген сглотнул, снова напрягся. Взгляд его скакнул на Алекса, обратно на жожака. Сердце тревожно стукнуло.

– Нет, ну что ты... – Алекс примирительно поднял ладони. – Думаю, овец ты тоже можешь пасти. Да, несомненно, у тебя отлично бы вышло!

– Как только... – выдавил Левон сквозь зубы.

– Так сразу! – поддакнул Алекс, сохраняя весёлый тон. – Ну давай, не тяни! Чего там интересного?!

С сосредоточенным, как у охотника, лицом Левон включил запись и сразу выкрутил громкость на максимум. Виген

чуть расслабился, опёрся спиной о стену. Алекс подпёр челюсть кулаком и опустил глаза в пол.

Несколько мгновений слушали тишину, потом незнакомый голос произнёс что-то на армянском, рядом кто-то отдал приказ стоять. Послышались шарканья.

– Видимо, не на телефон всё же записывали. – Левон почесал нос. – Скорее всего на диктофон.

По звукам можно ярко представить, как идёт человек, рядом с ним ещё один, или даже двое. Гремят засовы, люди в форме отпускают замечания по правилам общения с заключённым, всё очень строго... Спустя ещё минуты четыре бесполезной вообще-то чепухи прозвучал знакомый, властный голос Агаяна: он приветствовал вошедшего.

Разговор пошёл сразу по делу. Агаян и адвокат заговорили приглушённо, почти шёпотом. Алекс даже вспомнил, как сам пришёл на такую же встречу. Может быть часть разговора протекает вовсе на бумаге или на пальцах...

Агаян спросил:

– Та записываешь?

– Да, Владимир Иосифович. Можете говорить.

– Ага... – Агаян покряхтел, прочистил горло. – Значит так... Это для моих. Если Левон слушает, то и лично для его ушей. Слушайте и запоминайте, люди, так как тема очень серьёзная. Что ж... Хм... Мы миримся с Кутузом.

Алекса часто заморгал. Не смотря на подпирающий кулак челюсть его отвисла. Виген помотал головой, будто ослы-

шался, а Левон даже не пошевелился: толи угадал, о чём пойдёт речь, толи от потрясения просто онемел.

– Вот так. В самом деле миримся. Больше никакой войны. Запомните это хорошенько... А теперь о том, почему... Братва! Нас берут за горло! Какая-то сука хочет уничтожить нас! Уж не знаю, какой мотив – деньги, или что другое, но под ударом мы ВСЕ! И вы, мои люди, и Кутуз со своими балбесами... Вся эта нынешняя гнилая возня, эти аресты, грабёж наших барыг на улицах – всё это не случайно, а потому мы решили замирились. Может быть это временно, но пока это так... Сейчас прекращайте любые выпады в сторону кутузовских. С их стороны тоже отныне должна быть тишина. Пока живите из этих соображений. И вот ещё что... Возьмите, соберите весь кокс и весь герыч, что остался, нагрузите им две машины. Приготовьте ещё одну тачку и пару-тройку надёжных ребят. Потом скажу, для чего всё это. Действуйте. Через несколько дней я вам пришлю новое сообщение. Всё.

...Остаток дня прошёл в тягостных раздумьях. Левон и Алекс молчали. Каждый сидел, кусал ногти и хмурился. Виген выходил за сигаретами, его не было с полчаса, а когда пришёл, застал обоих в тех же позах, как и оставил.

Под самый вечер Левон немного оттаял, но в полный голос всё равно не говорил, будто боялся кого-то разбудить.

– Ты вот что, Виген, – произнёс он с хрипотцой, – ты вот что... Ты давай-ка подтяни Марата с его сорванцами. Пусть организуют два фургона, как Агаян велел. Со всем коксом и

герычем. Давай, надо действовать, а то мы как-то глупо уже почти весь день пропустили...

Виген кивнул и удалился, похоже, довольный тем, что наконец чем-то займётся. Левон проводил его усталым взглядом и, отпуская, закрыл за ним дверь. Посмотрев на Алекса косо, он вернулся к ноутбуку и включил спортивный канал – сегодня интереснейший бой между казанской и питерской надеждами бокса. Усевшись поудобнее, он принялся смотреть поединок, следя за ним, правда, лишь в половину сознания. Вторая половина где-то глубоко, старается предугадать будущее...

Алекс до конца дня не проронил ни слова.

...Не минуло и двух дней, как пришло второе послание. Все напряжённо слушали, как Агаян разъясняет детали: раздел продаж, передача азиата, обмен оставшейся белой и серой дури на валюту. Левон кусал губы и вслушивался между строк, старался уловить какой-то тайный намёк. Алекс слушал с опущенной головой. Принёсший новую флешку Гарик помалкивал в углу.

– Это всё, что касается бизнеса, – подытожил Агаян значительно. – Теперь, Алекс, о тебе...

Левон метнул в гиганта ненавистный взгляд, но тот почему-то на слова из колонок никак не отреагировал, продолжает сидеть с опущенным взором.

– Мы с Кутузом обсудили этот вопрос и вот до чего договорились: в самом начале тебе было предложено разобрать-

ся с этим Никитой раз на раз. Хорошее было предложение, я считаю. Зря ты отказался... Сейчас его готовы повторить. – Голос Агаяна звучал вроде бы спокойно, но при этом был жёсток и резок, как удар кулаком. – Я знаю, что мы с тобой договаривались, что ты получишь Никиту... Но ведь с Кутузом мы мириться просто вынуждены, а потому ты, как сейчас мой человек, можешь посадить Никиту на нож только одним способом – завалить его на круге. Если ты согласен, то предай через пацанов. Если нет – можешь уходить, никто тебя не тронет. Даю слово.

Даже теперь Алекс не шелохнулся. Левон ещё несколько секунд глядел на него, потом отвёл взгляд, сам опустил глаза и задумался.

– Всё, я всё сказал. Встреча и обмен произойдут в ближайшие два-три дня, так что приготовьтесь хорошенько, у вас есть время. Чуть позже с вами свяжется человек Кутуза, согласуете с ним по мелочам. Всё, братва. Жду хороших новостей!

Повисла тишина. В молчании Гарик вздохнул, встал и пошёл на кухню, поставил чайник.

– Эх!.. – Алекс тяжело и шумно вздохнул. – Не было печали!..

Левон глянул на него снова, брови его полезли вверх.

– Что такое?.. – спросил он будто бы удивлённо. – Что-то случилось?..

Алекс ответил ему резким, бритвенно острым взглядом.

Желваки его вздулись, а кожа на лице очертилась, словно прорисованная чёрными карандашами.

– Случилось! – Голос его прозвенел, как струна. – Случилось, дорогой!.. Кажется, ваш патрон решил меня кинуть!

Левон прищурился, рука его сама потянулась к ножу в кармане. Сделав глубокий вздох, он спросил, уже представляя, как отбивается, как сам нападает, как целиться и куда наносит удар:

– Не мог бы ты пояснить, а то я что-то не понимаю...

– Легко! – Алекс взмахнул рукой, словно швырнул горсть песка. – Запросто, дружище! – При этих движениях Левону стоило больших усилий не дёрнуться и не вытащить оружие. – Мне, может быть, лапшу на уши навесили, но я слышал, что тебя вот так некий парниша отделал. Порезал тебя немножко, кое-чего повредил... Припоминаешь такого?..

– Допустим... – Левон почувствовал, что закипает, на шее его вздулись вены. – Что дальше?..

– А то! – Алекс выпучил глаза. – А то, дорогой, что это и есть тот самый Никита! Если, конечно, мне не соврали... Ну, чего это у тебя так лицо покраснело?! Да-да, именно тот, кто сделал тебе так много подарков! А ведь он работает на этого вашего одноглазого Кутуза, и уж поскольку вы теперь миритесь – всё! Безнаказанным уйдёт!.. Мне он тоже кое-что оставил. Вот, взгляни! – Алекс задрал рубашку и продемонстрировал шрам на животе. – Ещё в Новосибирске дело было! Я только из-за него в Самару и прилетел! Хотел поквитаться...

Он людей хороших убил. Моих людей. Каштана, патрона моего в том числе...

Левон глядел на шрам всего секунду, потом снова перевёл взгляд на лицо беловолосого.

– Это то, зачем ты к нам присоединился? – спросил он, с натугой стараясь быть спокойным. – Только из-за этого?..

– А мало?! – Алекс мучительно улыбнулся. – Мало этого, что ли?! Тебе вон раны твои не жгут?! Поквитаться не хочешь?! А захочешь – теперь не сможешь! Скажи спасибо своему шефу! Мир с Кутузом! Тьфу!.. И Кутуз тоже передо мной ещё ответ Ещё как ответит! – Алекс оскалился, сжал кулаки. – Плевать мне, кто за кого! Любому голову сворочу, если на пути встанет!

Левон медленно опустил и поднял веки, пальцы его так и тянутся к ножу. Их с Алексом с взгляды перекрестились. Губы обоих скривились, а ноздри раздулись, как у драчливых горилл.

С кухни донёсся надрывный свист. Гарик выключил под чайником газ, поспешно разлил заварку по чашкам, добавил кипятка.

– Идёмте чай пить! – крикнул он простецки, словно и не витает в воздухе никакого напряжения. – Я свеженький заварил! Ух, хороший!

– А идёмте! – Алекс тряхнул головой и прошёл мимо застывшего, как статуя, Левона. – Мне покрепче сделай, а то котелок что-то плохо варит. Устал я, наверное...

Медленно, словно антарктический ледник, Левон оттаял, развернулся. Алекс с Гариком уселись, оставили свободное место во главе стола. Неторопливо подойдя, Левон сел тоже, взял кружку чая, отхлебнул.

– Осторожно, горячий! – предупредил Гарик поспешно. – Я уже ошпарился!

Пили чай. Гарик болтал. Алекс и Левон помалкивали, но странным образом тараторение их не раздражало, даже успокаивало. Есть такие люди, что умеют поболтать ни о чём, разрядить своей лёгкой глупостью обстановку.

– Так что делать будешь?.. – спросил Левон чуть погодя, не глядя на беловолосого. – Уйдёшь?..

Гигант помалкивает, но в глазах его пылает огонь. Он закусил губу, дышит часто, к тому же постукивает пальцами по столу, да так сильно, что чуть не проламывает доску от усердия.

– Чёрт дери всё это безобразие! – Алекс оскалился, его пальцы сжались в кулаки и синхронно ударили по столу – аж чашки подпрыгнули! – Похоже, нет у меня другого выбора! Передайте Агаяну, что согласный я. На кругу это гада Никиту удавлю! По-другому, вижу, не получается...

Левон ничего не ответил, лишь кивнул и встал из-за стола.

– Устал я уже сидеть, – произнёс он, направляясь к вешалке. – Пойду, прогуляюсь до магазина. Может, чуть дальше схожу.

– Мне пойти с тобой? – Гарик с готовностью отставил

кружку и устался на жоака преданно, как собака.

– Нет. – Левон помотал головой. – Не нужны мне помощники, я сам ходить умею. А от ментов и втроём не отобьёмся, если вдруг нагрянут. Не дрейфь, Гарик! У нас же теперь перемирие, помнишь?..

– Ну да... – Гарик натянуто улыбнулся, почесал щетинистый подбородок. – В последнее время только говна ждать и привык... Точно не надо?

– Сиди, чай пей...

Левон захватил трость и хлопнул дверью.

Гарик пожал плечами и взглянул на Алекса с лёгкой улыбкой.

– В последнее время все какие-то нервные. Прямо убивать друг друга готовы...

– Жизнь такая! – ответил Алекс наставительно, в нём ещё чувствовалась ярость. – Убей ты или убьют тебя! Ещё не привык?..

Губы Гарика выгнулись, её взгляд ушёл в сторону.

– Насилие бывает и лишним... Ну, я имею ввиду, что люди делают всё ради выгоды, не ради крови. Деньги правят миром. На первом месте всегда они...

– Вот уж нет! – Алекс снова бацнул по столу. – Миром правят люди! И чем сильнее и хитрее эти люди, тем больше у них власти! Понял, дружище?! Сила и ум правят! Не деньги.

– Сомневаюсь. – Гарик помотал головой, отставил кружку. – Объясни-ка мне кое-что, потому что сам я немного не

улавливаю...

– И чего же ты не улавливаешь?.. – голос Алекса стал угрожающим. – Что же тебе объяснить?..

– Ну-у-у... Ты вот говоришь, что сила правит, – Гарик пожал плечами, – а этот самый Никита, которому ты отомстить хочешь – его сейчас прикрывают люди, которые враждуют или дружат между собой только из-за денег. Агаян и Кутуз, то есть. И так получается, что они по исключительно корыстным соображениям решают за тебя, как тебе поступать или не поступать. Я ничего не упустил?..

Алекс покраснел. Руки его метнулись через стол и ухватили собеседника за воротник.

– За меня решают?! – гаркнул он, глядя Гарику в глаза. – За меня?! Тебе чего, нерусский, новых синяков на харе захотелось?!

Гарик почувствовал себя в руках гиганта, как бабочка в пальцах ребёнка. Кружка его опрокинулась, чай полился на пол. И всё же лицо его осталось спокойным а дыхание ровным... На столько, на сколько он смог изобразить спокойствие.

– Ставить синяки и дурак умеет, – произнёс он, сдерживая дрожь в голосе. – Даже медведь цирковой. Для того ума не надо... А вот чтобы цели своей добиться – надо. Ты хочешь добиться своей цели?!

Последние слова он выкрикнул, чем Алекса глубоко удивил. Гигант ошеломлённо заморгал... И тут же лицо его при-

близилось к лицу Гарика на расстояние, когда кожа ощущает чужое дыхание.

– Что-то ты, дружок, хитришь, а я хитрецов не люблю. Сам хитрец! – Он угрожающе прищурился. – У тебя полминуты, чтобы всё мне объяснить. Полминуты. Время пошло...

Виктор не помнил, когда в последний раз жарил шашлыки сам. Кажется, это было несколько лет назад, но всё же навыки сохранились: руки умело заготовили мясо и насадили на шампуры. Жар сам доделает оставшуюся работу.

– Олег, дай-ка мне вон ту бутылку. – Виктор указал на поллитровку с лимонным соком.

Широколицый, атлетического сложения мужчина лет тридцати, курящий рядом с мангалом, зажал сигарету зубами, потянулся и схватил бутылку, передал старшему.

– Благодарю. – Большим пальцем Виктор умело свинтил крышку и полил на мясо. – На, поставь обратно. Хотя нет, возьми-ка нож, наделай в крыше дырок. Ага, потом поставь вон туда.

Помимо вечного молчуна Олега на даче присутствуют свои, удачей или ловкостью избежавшие облавы люди. Воляки, менты, вохровцы. Одиннадцать мужиков, повязанных единым делом – обеспечением нормальной работы кутузовской машины по зашибанию денег. Одиночки и со связями, в возрасте и помоложе. У половины друзья-товарищи сейчас в темнице сырой...

– Витя! Ты так всё мясо испортишь! – К мангалу подошёл Саня Ширхан, когда-то служивший с Виктором вместе, им же и привлечённый на стороннюю зарплату. – Отойди, не рви мне сердце!

Саня, такой же круглобок, как и Виктор, разве что шевелюры на голове чуть больше, да в размерах пуза чуть меньше, оттеснил хозяина дачи, с прищуром поглядел на шашлык и придирчиво покачал головой.

– Иди лучше за водкой сходи! – кинул он через плечо.

– Жену поучи щи варить... – огрызнулся Виктор беззлобно, но за водкой не пошёл – сел на стульчик и придвинулся поближе к общему столу.

Кусок помидорки исчез у него во рту и тут же за ним вдогонку отправились огурчик и лучок. Пить ещё пока не пили, но закуску проверить всяко требуется, особенно когда в животе урчит. Вот, кстати, селёдочку с перцем ребята купили, надо попробовать...

Мужики расселись по тусовкам, кто с кем чаще общается. Виктор со вздохом оглядел их лица, облизнул после закуски масляные пальцы. Все они здесь лишь потому, что в тот злополучный день не были при деле или находились где-то далеко от основных событий. Некоторые вообще не бойцы, так, чисто из-за связей взяты. Другие не проверены в грязных и мокрых делах, что значит – нет общей тайны, нет болевой точки... Лишь на троих можно с относительной уверенностью положиться: Олег молчун, Саня, хоть и лихой и

хитрый, но, как и Виктор, уже староватый, да Кирилл, который, впрочем, двоих хороших следаков вместе с овчарками стоит. Но и он не боец, скорее плут...

Взгляд Виктора скользнул на другой, сдвинутый к первому стол, прошёлся по фигуре парня, скрестившего руки на груди, по его украшенному шишкой лбу и здоровенному фингалу под глазом. Никита заметил, что на него смотрят, поднял глаза.

Спустя двадцать минут все уже уселись с шашлыком в тарелке и рюмкой в руке. Чокнувшись за здоровье люди выпили и закусили. Пошло скромное застолье. Виктор следил, как кто выглядит, что ест, что говорит соседу. Старая привычка вечного наблюдателя... Взгляд его снова остановился на Никите, который и не понятно, пьёт ли вообще: его рюмка стоит наполненная, но, видно, стоит уже минут пять, не двигается...

– Ну что ребят?! – Виктор громко обратил на себя внимание. – Пришло время и о деле поговорить! Горло вы промочили, теперь и меня послушайте!

Все разом смолкли, только этого момента и ждали. Взгляды их прикипели к Виктору, руки замерли у вилок.

– Все вы знаете о недавних событиях! – Голос его, как всегда, походит на рык. – Война с агаяновскими, этот чёртов передел, который поставил всех нас с ног на голову... А тут ещё на прошлой неделе и эти аресты, пихающие нам здоровенную такую палку в колёса...

– Кто-то суёт нос в наши дела! – подал голос мужчина лет сорока, с лысой макушкой, широким лбом и очками с тонкой интеллигентной дужкой. – И суёт – это ещё слабо сказано! Конкретно так лезет! В карманы наши тянется!..

– Кирилл верно подметил. – Виктор многозначительно кивнул на высказавшегося. – Лезет в карманы – это в самую точку... Но при этом, как мы все уже убедились, у этого кого-то наверху большие связи. Больше, чем, полагаю, у всех нас вместе взятых. А это для нас опасно... Конечно, некоторые уже давно работают только на себя, но всё-таки...

Мужики переглядываются, мрачно молчат. Каждый не глуп, сам прекрасно всё понимает и в лишних разьяснениях не нуждается.

– Витя, ты к чему-то подводишь? – спросил Ширхан, усевшийся почему-то не как обычно – поближе к старому другу – а дальше, в середину стола. – У тебя есть сказать что-то, чего мы не знаем?..

– Есть. – Виктор налил себе ещё, опрокинул. – Со вчерашнего дня мы в мире с Агаяном. Ну как?.. Нормальные новости?..

Никита, всё это время помалкивающий в углу, уже и так всё знает – ему сообщили первому – поёрзал на стуле, сел поудобней, размял затёкшие ноги.

– Давно пора! – подал голос старый, сидящий рядом с Виктором службист. – Устроили карусель на всю Самару! Кино ещё осталось по нашим приключениям снять, ей богу!

Каждая собака про нас в курсе! Ужас какой-то!..

– Согласен. – Виктор мрачно кивнул. – История наша с каждым днём всё громче и громче. Мы все вроде как рискуем в новости попасть... Ну а что делать? Задницу агаяновским подставлять? Или смотреть, как они все бабки загребают?

– Кстати! Луковица куда-то пропал! – подал голос ещё один, старый друг Толи. – Он же, считай, на покое уже был, делами серьёзными не занимался! Витя, что с Толей? Где он?..

Виктор взглянул на спрашивающего, потом покосился на Никиту – тот выглядит напоказ холодно, без эмоций.

– Не знаю, пацаны. Пропал и всё. Не позвонил, записки не оставил. Может, денег поднакопил да и уехал куда...

– Это куда?..

– В Ялту например. – Продолжая коситься на бесчувственное, отстранённое лицо Никиты Виктор пожал плечами. – Мало ли на земле тёплых мест? Да ну свалил и свалил! Бог с ним, со старым...

Поднялся беспорядочный шумок. Люди продолжили пить, закусывать, но всё вполонину, вполгорла. Хозяина дачи слушают всё ещё внимательно. Некоторые бросают на Никиту заинтересованные взгляды – впервые видят, да и друзья про этого незнакомца не в курсе. Виктор тоже помалкивает... Но если среди своих, значит, пусть пока будет, потом можно у старшего при приватном разговоре выяснить...

– В общем, мы миримся с агаяновскими! – объявил Виктор громко, обводя взором по кругу. – Слишком много наших людей уже пострадало в этой заварухе, и это не считая тех, кого загребли по этой гнусной истории с герычем в толчках... Знаю, мужики, мне самому этот чёрт нерусский не нравится, но что поделать?.. Если продолжим между собой грызться, то третий, эта сука неизвестная, нас точно поимеет! – Виктор замолчал, словно проверяя, все ли его слушают. После паузы продолжил уже чуть тише: – Кутуз с Агаяном уже обо всём договорились и у нас есть чёткая инструкция к действиям. Всё просто: агаяновских не трогать, как это раньше и был. Они вас тоже задевать не должны. Если какая острая ситуация – просто сообщайте мне, а я донесу до Алексеича... А в остальном – живите спокойно, ни в какой кипишь не суйтесь! За нами всеми сейчас наверняка следят. Ждут, когда кто-то оступиться, так что не оступитесь... Всё, мужики, пейте водку, кушайте мясо. Расслабляйтесь, мы сегодня отдыхаем!

Под возрастающий гомон Виктор отодвинулся, чтобы не зацепить пюзом край стола, поднялся. Поправив штаны, он поймал взгляд Никиты и с намёком мотнул головой, после чего побрёл к небольшому рукотворному прудику с надувной резиновой уткой, плавающей там в одиночестве.

Есть совершенно не хочется, пить тоже. В желудке булькаются два гранёных стакана водки, но Виктор не почувствовал никакой расслабленности, настолько сосредоточен и

напряжён.

– Забавно, – донёсся сзади знакомый голос. – Никогда не думал, что поприсутствую на совещании братвы.

– Шутишь? – Виктор не обернулся. – Ты это совещанием братвы назвал?..

– Ну а почему бы и не назвать? – спросил Никита потешно. – Ладно, шутка в самом деле так себе. Ты чего-то хотел?..

Подул свежий ветерок. Оба с наслаждением вдохнули прохладу, ощутили мягкий холодок. Никита, чьи плохо лечимые даже бодягой ссадины всё ещё ноют, поднял лицо и даже глаза от удовольствия прикрыл. Виктор оглянулся через плечо, потом перевёл взгляд на утку, вечно держащую голову над водой. Руки он спрятал в карманы.

– Да вот пошептаться кое о чём надо... Ты, кстати, с нашими ребятами шибко не болтай. Сразу тебя не вспомнят, но если что – не могу ни за кого поручиться: больно уж ты известен, сам понимаешь... Сейчас эти люди с нами, но это просто привычка. Будем тонуть – разбегутся, как крысы. Тебя обязательно зацепит.

Никита промолчал, он глядел на пруд. На битом лице абсолютное спокойствие, словно речь не о жизни его, а о рыбалке.

– Вот какое дело... – После секундной паузы Виктор вынул руки из карманов и скрестил их на груди. – За твою помощь с засадой бабки я приготовил. Глупо получилось, конечно, но сделанного не воротишь. Пять кусков плюс мело-

чёвка.

Щёк Никиты коснулся румянец. Виктор с интересом наблюдал за его реакцией... Но парень лишь кивнул, как само собой разумеющееся.

– Документы твои тоже готовы. Паспорт, водительские права... Они у меня в сейфе вместе с деньгами, так что можешь забрать их в любой момент. Если захочешь...

Никита наострил уши, покосился на Виктора с недоверчивостью.

– Что это значит?..

Голос его предательски дрогнул.

– Как что?.. Ты же с Алексеичем договаривался, что сможешь с агаяновскими вопрос решить, разве нет?.. – Взгляд Виктора стал многозначительным. – Юра мне рассказал, про какие цифры речь шла. Вообще я считаю, что такая цифра – это многовато, особенно всего лишь за такое. Если кто из наших узнает – возникнут неудобные вопросы... Но командует у нас он, так что если ты готов идти до конца, то получишь всё, о чём договаривались.

Резиновая уточка покачивается на волнах. Где-то позади слышатся разговоры, сдержанный смех, треск углей. Иногда долетает запах жаренного мяса, водки и лука. Выдержав паузу, Никита спросил:

– Ну так и что там с ним, с вашим концом?.. Как до него доводить?..

– Если хочешь смыться, то тебя никто не осудит. – Пони-

мая юмор, Виктор улыбнулся, но всё же сказал то, что считал нужным сказать. – Никто не станет за тобой гнаться. Из наших, по крайней мере, точно. Ты нас не видел, мы тебя не знаем. Можешь брать деньги с документами и уходить. Разве ты не этого добивался?..

Никита молчал, чего-то ждал.

– А если ты всё же хочешь унести с собой побольше, что-ж... – Виктор с усилием почесал картошкообразный нос. – Между нами и агаяновскими теперь перемирие. Не хочется, конечно, этим собакам руку жать, но ничего не поделаешь – нужда, так надо. Мы должны будем передать им определённого товарища, они нам кое-какой груз. Есть у нас также сильное подозрение, что кто-то третий всем нам шибко гадит. Кто-то, сидящий очень высоко... Но тебя это не касается. Ты помогаешь с агаяновскими и всё – идёшь на все четыре стороны. Правда, есть один момент...

Виктор нагнулся, его пухлые пальцы ухватили камешек. Запястье быстро хлестнуло по воздуху и снаряд улетел на середину пруда. Плюхнуло! Пошли круги, закачалась резиновая уточка. От усталости, или вредности, но Никита продолжил молчать, спокойно ждал. Виктор сжал губы, опустил взгляд. Кашлянув, он натянуто произнёс:

– Есть один момент... Это касается Алекса, с которым у нас стрелка из-за тебя была.

Воспоминания вспыхнули яркие, как салют на Девятое Мая. Мысленно Никита переместился на несколько дней на-

зад, когда снова схлестнулся с этим гигантом. Синяки заныли, ушибы напомнили о себе с новой силой. Даже зубы заболели!

– Ты оказался прав. – Виктор со значением кивнул. – Стало известно наверняка, что Алекс встал за Агаяна. Уж и не знаю, где и как они спутались, но теперь этот небоскрёб среди них. Придётся с ним считаться...

– Ну, тут особого ума-то не надо... – Лицо Никиты стало очерченным и мрачным, как морской утёс. – Как бы иначе эта горилла оказалась среди тех, кого мы ждали в том доме?.. Ну так что там с ним?

– А то, что Агаян пообещал ему твою голову. – Виктор взглянул Никите прямо в глаза. – Они общались на эту тему с Кутузом и тот передал мне всё, как понял. Может, как-то по-другому они там выражались, но смысл был именно такой. Эта та часть, которую мы должны принять, если хотим замириться.

Никита почувствовал, как по спине прокатился холодок, кожа покрылась пупырышками. В горле мгновенно пересохло, по нервам хлестнул электрический разряд а зубы сжались с такой силой, что заболели желваки. Сожми ещё чуть – кость треснет! С угрюмостью он спросил:

– И как же вы планируете это решать?..

– Убьём тебя да и всех делов. – Виктор развёл руками. – Разве не ясно?.. По глазам вижу, что не ясно. Чего ты уставился на меня, как на картину?! Или ты ещё не понял, с кем

дело имеешь?..

Никита застыл, как громом поражённый: сердце его будто остановилось, дыхание замерло. Он ощутил себя, как птица, пойманная безжалостной рукой.

– Расслабься, а то обгадишься! – Виктор безбоязненно хлопнул парня по плечу, хотя вид у того был, точно сейчас кинется и укусит. – Кутуз предложил им решить вопрос, как было тогда на стрелке, с самого начала. Вот, ждём ответа...

Голоса позади стали громче: кто-то рассказывает острую похабную историю. К нему обращаются, дополняют рассказ, звучно хлопают от смеха по столу. Запах костра и жаренного мяса стал сильнее, видно, зарядили новые шампуры.

– С самого начала?.. – Никита удивился, быстро заморгал. – В смысле раз на раз сойтись, что ли?..

– В точку. – Виктор с удовольствием кивнул. – В неё, родимую. Ты как? Потянешь?..

Глаза Виктора стали цепкие, взгляд острый, прощупывающий. Никита помолчал, подумал. Телом у пруда, мыслями он устремился куда-то очень далеко. Виктор старался размышлений парня не нарушить, даже приготовленный для второго броска камешек незаметно отбросил в сторону.

– Потяну ли я?.. – спросил Никита, глядя в пустоту. – Хм... Есть только один способ это выяснить.

Глава 14

Встреча с оркестром

Денёк выдался солнечный, ясный. На небе ни облачка. Тепло и в тоже время не жарко, свежо. Выйдя из дома в куртке, Левон уже через минуту снял её и перекинул через плечо, а когда сел в машину, вовсе забросил на заднее сиденье.

– Выезжаем? – Виген повернулся к главному. Лицо его выглядит худым и загорелым.

Левон скользнул взглядом по водителю, после закинул к куртке ещё и трость, без которой уже вполне может обойтись.

– Поехали.

Чёрный внедорожник взревел, разметал щебёнку. Быстро набрав сотку и вырулив на городскую дорогу, он скрылся в общем потоке.

Спустя минут двадцать машина подъехала к зданию заброшенной фабрики, территорию которой охраняет свой ЧОП. Охранник, проверенный человек, увидел кто едет и поспешил распахнуть ворота, пропустить. Внутри, чуть дальше за хозяйственными постройками уже стоят два микроавтобуса, а вокруг них человек восемь братков. Левон быстро приметил Алекса и Гарика, о чём-то болтающих в сторонке ото всех.

Люди заметили машину, повернули лица. Разговоры стих-

ли, под выжидающее молчание Левон выбрался из авто, вздёрнул подбородок и оглядел разом всех.

– Ну что, братва? Готовы? – Он напряг голос. – Всё собрали? Всё сделали?..

– Всё готово, Левон! – Саргис сделал шаг вперёд. – Когда выезжаем?

Левон прошёл дальше, ещё раз оглядел людей, пробежался взглядом по машинам – двум «Соболям». Хмыкнул.

– Покурите ещё минут десять... – Он глянул на часы. – Перепроверьте детали. И чтобы всё точно было, как в аптеке! Нам в ближайшее время не нужны никакие предьявы от кутузовских. Плевать на них, конечно, но Агаян так сказал, а потому... Через десять минут выдвигаемся.

Люди расслабились. Кто остался стоять, болтать с друзьями, кто полез в микроавтобус смотреть товар, что-то пересчитывать. Саргис и Виген обменялись приветствиями, закурили. Левон подошёл к парочке, которую всё время держал на виду.

– Левон... – Гарик наклонил голову, подал руку.

– Здоров, дружище! – Алекс сжал ладонь подошедшего не сдерживая силы, так что у того чуть глаза не лопнули. – Мы уж думали ты не приедешь!

Левон стиснул челюсти, чтобы не выругаться и не приказать остальным наглеца немедленно расстрелять. Стараясь быть спокойным он спросил:

– Вы готовы? Алекс, что с твоим маленьким делом?..

– Всё в порядке! – Гигант прижал широкую ладонь к ещё более широкой груди, ухмыльнулся. – Всё отлично, Лёва, не волнуйся! Когда придёт время разобраться с этим гадом, я разберусь! Ты сам-то не жалеешь?..

Левон пропустил «Лёву» мимо ушей, но удивлённо наморщил лоб.

– Я?.. О чём ещё я должен жалеть?..

– Вот об этом. – Алекс ткнул пальцем в висящую на перевязи руку собеседника, потом в раненную ногу. – И об этом. Самому-то поквитаться с ним разве не хочется?..

Как ни противен ему Алекс, Левон не мог с ним не согласиться. Чуть возвращается воспоминаниями в ту ночь и сразу кровь стучит в висках, сердце бухает и хочется разорвать обидчика, забить его кулаками, задушить собственными руками!..

– По глазам вижу, что ещё как хочется... – Алекс понимающе улыбнулся, кивнул. – Но извини, Лёва, про тебя уговора не было. Никите я сам голову сверну... Но ты можешь посмотреть, я не буду против.

Робко молчавший Гарик спросил:

– Левон, мы во всеоружии... Точно ли на стрелке не будет никаких сюрпризов?..

За такой вопрос Левону захотелось на Гарика прикрикнуть, так в нём вскипела злость... Но вдруг он вспомнил, как сам недавно посылал его на дело, а как оказалось, в засаду, почти на верную смерть.

– Нет, всё должно быть спокойно, – произнёс он словно бы оправдываясь. – Можешь не беспокоиться, никаких смертоубийств не предвидится... – Тут он на миг умолк и вдруг спросил как бы между прочим: – Ты, кстати, Алекс, на чём поедешь? Что-то я не вижу здесь твоей машины...

Алекс помолчал, его улыбка стала чуть натянутой.

– А у меня и нет машины. Если ты про ту, на которой мы с ребятами катались, так то не моя, а ихняя была. Я её в особом месте оставил, рядом с домом Стаса.

– Тогда поедешь с нами, – решил Левон и уже сделал движение уйти, когда услышал в ответ:

– Нет, Лёва. Я своим ходом доберусь.

Левон замер, прищурился.

– С чего это так?..

– Да ты не переживай, дорогой! – Алекс весело улыбнулся, его щёки порозовели. – Я ж не сам по себе в Самаре шатаюсь! Я ж из Новосибя приехал, интересы тамошних пацанов представляю! Моих пацанов... Мне надо кое с кем увидеться из местных наших, перетереть кое о чём, не терпящим телефонного разговора. Не волнуйся, к стрелке я не опоздаю!

Левон поглядел ещё более подозрительно, но смолчал. Алекс с Гариком переглянулись а он уже шёл обратно к внедорожнику. Открыв дверь, Левон развернулся, снова обвёл взглядом замерших, уставившихся на него, как по команде, людей. Сухо произнёс:

– Выдвигаемся.

И скрылся за тонированным стеклом.

– Ты точно с ним справишься? Сумеешь? – Никита волновался. Идея, посетившая его три часа назад, уже не кажется такой хорошей. – Там всё просто, конечно, но если ни разу в руках не держал, то...

– Не приживай! – донёсся из трубки громкий, но не слишком уверенный голос. – Опыт у меня кое-какой имеется. Да и метров там всего ничего – сто, сто пятьдесят. Даже мне известно, что это не слишком много. Управлюсь, Никит! Будь спокоен!

– Ладно... – Никита помотал головой. – На связи...

– Окей...

Отключившись, Никита вышел из-за угла и направился к машинам: одному микроавтобусу «Фиат» и двум «Нивам», возле которых стоят собравшиеся на стрелку люди. Всего семь человек, не считая ещё двух бойцов, уже сидящих в «Фиате» с заложником. Виктор что-то объяснял Олегу, с которым Никита как-то пытался поговорить, но ничего путного из этого не вышло. Скользнув взглядом по Никите, толстяк похлопал приятеля по плечу и тот отошёл в сторонку, закурил.

– Ну как? Поджилки не трясутся? – Виктор засунул большие пальцы за удерживающий камуфлированные штаны широкий кожаный пояс. – Не передумал ещё?..

– А ты точно знаешь то место?.. – спросил Никита со сдер-

живаемым беспокойством. – Ничего не перепутал?..

– Точно. – Виктор подмигнул. – Я там как-то раз с ульяновскими встречался, засаду полдня расставлял. А что такое?..

Никита в задумчивости помолчал, но взгляд Виктора стал требовательным и он ответил:

– Если всё так, как ты говоришь, то там легко будет устроить засаду и на нас.

– Ну... – Виктор скользнул ладонью по блестящей на солнце лысине. – Что верно то верно... Однако у нас условие, что никто людей наперёд не высылает. Предосторожность, понимаешь?.. – Голос его стал почти виноватым. – Этот риск мы должны взять на себя. Да ты, Никит, не переживай! Ага-яновские ведь тоже не знают, пошлём мы кого или нет. Договор – это хорошо, но опаска у них всё же какая-то, а будет, так что понадеемся, что фокусов они не выкинут. Лады?..

Люди курят, тихонько беседуют. Олег полез в «Ниву» и врубил двигатель на прогрев. Сев за руль, он зачем-то стал вытирать салфеткой приборную панель.

Виктор дружески стукнул Никиту кулаком в бок, повернулся к остальным и скомандовал собираться. Полетели на землю и были затоптаны бычки, в спешке открылись двери машин, проверилось в последний раз оружие.

– Не дрейфь! – Виктор кивнул Никите на свою «Ниву». – Всё должно пройти удачно. Залазь, поедешь со мной. Ты, главное, с этой шваброй-переростком разберись, а больше

ни о чём не думай. Поехали!

...Дорога показалась бесконечной. Колонна, разъехавшись друг от друга на расстоянии метров в сто, вышла из города и потянулась куда-то к северу. Мимо побежали деревья с виднеющимся за ними просторными полями, густые рощи и никогда не знавшие асфальта ответвления дорог. Шоссе сменилось просекой и машины помчались мимо кладбища. Олег, нарушив молчание, назвал его Зубчаниновским, но потом снова затих. Просека опять вывела на шоссе. Когда Никита, чтобы не терять времени зря, уже решил вздремнуть, «Нива» заехала на неприметную дорогу, выбежавшую к заросшему сорняками полю. Посреди него высится серокирпичное здание. Никита сразу узнал бывшее СТО. Большой просторный бокс, рядом с ним длинный пристрой с четырьмя воротами: туда могли бы заезжать «ЗИЛы» или «КАМАЗы». Никаких надписей, никаких плакатов, просто мёртвая коробка... Коробка, около которой уже стоят три машины. Два «Соболя» и внедорожник, больше всех заметный в своём ярко-чёрном полирольном сверкании.

– Вот и подкатили!.. – пробормотал Виктор с наигранной весёлостью. – Всё! Подъезжаем и выпрыгиваем! За оружие не хвататься, но и не куковать! Пойдёмте...

«Нива» остановилась от агаяновских на расстоянии метров в тридцать. Олег глушить мотор не стал, только проверил пистолет в нагрудной кобуре и метнул ожидающий взгляд на главного. Виктор распахнул дверь, поставил ногу на старый,

погрызенный временем асфальт – и все остальные вышли одновременно с ним, не сговариваясь, но чётко чувствую друга друга... как и чужие взгляды, обращённые на них.

Агаяновские переминаются с ноги на ногу, тихонько перешёптываются. Никита насчитал семерых, когда взгляд его остановился на знакомой фигуре. Горбатый нос, косичка чёрных волос... Рука в перевязи. Левон тоже заметил Никиту и они с минуту, словно играя в гляделки, сверлили друг друга пронзительными взглядами. Левон отвёл глаза первым, его отвлекло прибытие остального кутузовского поезда, но и дальше Никита каждый миг чувствовал на себе его особое внимание.

Виктор не выходил вперёд, Левон тоже ничего не делал, пока не приехала замыкающая «Нива». Все, кроме, как заметил Никита, охраняющих пленника, вышли и встали за спиной Виктора, по правую и левую от него руку. Никиту загродили, но он выбрался вперёд и встал так, чтобы его было хорошо видно.

– Что-то я не пойму... – прошептал он, еле шевеля губами. – А где Алекс?..

Виктор это расслышал, огляделся, но ничего не сказал. Почесав нос, он сделал шаг вперёд, другой. Левон пошёл навстречу. Прихрамывая, но тщательно стараясь это скрыть, он шагал, глядя Виктору прямо в глаза, и лишь когда они сблизилась на расстоянии двух вытянутых рук, снова взглянул на Никиту. Губы его скривились угрюмой дугой, желва-

ки жестоко напряглись.

– Здравствуй, Левон... – Произнёс Виктор, ткнув большие пальцы за пояс. – Вот мы и встретились. Как в старые добрые. По делу.

– По делу... – Левон кинул быстрый взгляд на своих через плечо. – Да, Виктор, по делу. Потому, что так решил наш патрон. Но больше ни почему.

– Так решили оба наших патрона, – возразил Виктор уверенно. – Кутуз и Агаян договариваются между собой, наше же дело – только сделать, как сказано. Или ты против?..

Повисла тишина, прерываемая только шумом ветра и трелью птиц в кустах. Лицо Левона напомнило карнавальную маску злодея. Ноздри орлиного носа широко раздулись, глаза покрылись красной сеточкой.

– Я против вас! – выдал он громко, но не настолько, чтобы это могли посчитать криком. – Вы напали на наших людей! На меня! Отняли у нас наше! Мы не друзья, это уж точно!.. – Он помолчал, обдумывая, как продолжить. – Но, не смотря на это, видимо, Агаяну виднее, как поступать, и сейчас не время для наших разборок. А с Агаяном спорить я не буду, так что мир... Да, мир, потому, что так сказал наш патрон.

И среди агаяновских и среди кутузовских слышались сдержанные, на грани слышимости облегчённые выдохи. Никита с интересом разглядывал агаяновских, запоминал каждого, не забывая поглядывать и на самого Левона. С удивлением он узнал парня, которого оглушил прикладом в лоб

той ночью – тот прячется за чужими спинами. А вот Алекса нигде не видно. Неужели не приехал?..

– Много есть и у меня, что тебе сказать... – ответил Виктор мрачно. – Но то личное, не для дела. А у нас сейчас дело, так что будем вести себя, как деловые люди... Всё-таки не просто так Кутуз с Агаяном мирятся. Появилась какая-то угроза для нас всех! Если мы продолжим убивать руг друга – нас просто-напросто сожрут и высрут! Лично я против этого.

Левон помедлил, согласился:

– Я тоже... Ладно, хватит лирики. Вы привезли японца?

Виктор оглянулся на «Фиат», кивнул на него Левону.

– Привезли. Там же и деньги за товар, который, надеюсь, привезли вы.

– Привезли. – Левон кивнул на «Соболей». – Всё с точностью до грамма, как и оговорено. Так что?.. Перегружаем?..

– Да не стоит. – Виктор пожал круглыми, как футбольные мячи, плечами. – Не, машины менять не вариант. Давай развезём всё так как и привезли. Потом при случае тачками обратно обменяемся.

Левон подумал, кивнул:

– Сойдёт... Эй, Гарик!

Из толпы агаяновских вышел тот самый парень, с шишкой на лбу, как заметил Никита, тщетно пытавшийся замазать её тональным кремом. По выражению его небритого смуглого лица даже ребёнок бы понял, насколько сильно он волнуется.

– Иди-ка проверь кто там сидит! – Левон мотнул головой в сторону «Фиата». – Если наш клиент, то садись за руль и гони сюда!

– Олег! Кирилл! – Виктор оглянулся через плечо, отыскал взглядом нужных людей. – Идите, проверьте товар. Если всё в порядке, то рулите к нам.

Левон и Виктор остались стоять на месте а их люди пошли на проверку, сопровождаемые взглядами своих и чужих. Никита старался следить сразу за обоими. Олег и Кирилл прошли мимо агаяновских к «Соболям». Перед ними распахнули двери, отошли, давая проход. Гарик, светясь заметной даже на его загорелой коже бледностью, подобрался к «Фиату». Дверь микроавтобуса открылась, оттуда выпрыгнули двое оставшихся ребят и в молчании отошли подальше.

– Договор был не только о японце и дури, – произнёс Виктор, когда Олег с Кириллом уже уселись в «Соболей». – Я что-то не вижу среди вас Алекса... Где же он?..

Левон покраснел, словно ему дали пощёчину.

– Должен подъехать... – ответил он хрипло, после чего громко прочистил горло. – Место и время он знает. А я ему не хозяин!

Виктор оглянулся на Никиту. Глаза его хитро сверкнули, на губах можно угадать ухмылку. В это же время Гарик запрыгнул в «Фиат», дёрнул переключатель и медленно покатил к агаяновским.

– Если он не приедет сейчас, то уже не должен предъяв-

лять претензий никогда, – произнёс Виктор солидно, с чувством спокойного достоинства. – Наш парень согласился на стрелку. Вон он стоит. Когда в будущем мы будем решать какие-нибудь вопросы...

– Если мы и будем решать в будущем какие вопросы, – прервал Левон с раздражением, – то за это вам никто предъявлять не будет! Ты это хотел услышать?! У Алекса своя голова на плечах, он её хозяин! Сказал приедет. А не приедет – плевать мне!

Виктор даже примирительно выставил ладони, мирно улыбнулся.

– Не кипятись, Левон! Я тебя понял, незачем так пылить...

Левон шумно вздохнул, хотел сказать что-то ещё, но взгляд его скакнул за плечо толстяка. Никита услышал рёв мощного мотора и хруст камушков, сминаемых колёсами. Все услышали. Люди оборачиваются, их взгляды упираются в чёрный внедорожник, несущийся через поле. Никита прищурился, взгляд его вцепился в машину, в её номер. Где-то он его уже видел... Но не получается сразу вспомнить, где...

Внедорожник сделал полукруг, объехал кутузовских и понёсся прямо к серёдке между двумя сборищами. Колёса его с визгом протёрли асфальт, машину качнуло и она встала, глядя капотом на агаяновских. Гарик не успел доехать, ему преградили дорогу. Чёрная блестящая дверь открылась, под перекрёстными взглядами наружу выскочила могучая фигу-

ра с белыми длинными волосами.

– Вот и я! – гаркнул Алекс с широкой улыбкой. Его мускулистая рука с шумом захлопнула дверь. – Что, думали, уже не приеду?!

Агаяновские и кутузовские смотрят с непониманием, а Левон и Виктор с явным неодобрением. Никита заметил, с каким отвращением смотрит именно Левон, как скривился, сжал губы. Даже Виктор глядит легче, всего лишь с пренебрежением, брезгливостью – но не с ненавистью...

– Некоторые уже в самом деле начали так думать! – крикнул Левон, не отрывая взгляда от пришельца. – Почему опаздываешь?!

– Я никогда не опаздываю! – ответил Алекс с вызовом. – Вот и сейчас я приехал вовремя! Где этот мусор?!

– Мусор у себя в голове найдёшь! – Никита вышел из толпы и в мгновение все взгляды прикипели к нему. – И сегодня я этот мусор из твоей головы выбую!..

Виктор хотел что-то сказать, но промолчал, решил просто наблюдать. Левон перевёл взгляд с Алекса на Никиту, презрительно скривился, буркнул:

– У вас есть место... Никто не будет вам мешать. Можете начинать убивать друг друга. Мне всё равно, кто выживет. Вперёд!

– Командуй собаками своими! – Алекс гордо выпятил грудь и скрестил руки выше живота. – А мной не командуй! Я сам себе командир!

Левон аж пошатнулся, в глазах его потемнело. Кровь так ударила в голову, что он чуть не потерял сознание. Покраснев, как помидор, он ткнул в сторону Алекса пальцем и прошипел:

– Если останешься жив после махача, я сам тебя убью... Зарежу гниду!

– Не останется. – Никита подходил к гиганту всё ближе и ближе. – Я его кончу...

Ноги ватные, руки водяные. Сердце выпрыгивает из груди, как у труса. Перемогая нервоз, Никита всё же заставил тело слушаться. Теперь-то наконец-то всё будет доведено до конца...

– Пока не пролилась кровь я должен кое-что сказать! – Алекс поднял и широко развёл ладони, взгляд его пробежался по обращённым к нему лицам. – Что-то очень важное для вас! Для всех!

– Захлопни пасть! – Левон уже повернулся к гиганту всем корпусом. – Захлопни свой поганый рот!

– Братва! – Алекс легко его перекричал, глотка его ревёт, как мегафон. – Вы все под прицелами! Вы все на мушке, братва!

Люди зароптали, заоглядывались. На Алекса смотрят уже с неприязнью, многие с откровенным раздражением. Виктор вздрогнул а Левон, ослеплённый ненавистью, вроде бы даже не понял, о чём говорит беловолосый, просто стоит и таращится.

– У Самары появился новый хозяин! – голос Алекса легко донёлся до слуха каждого. – Получше прошлых! Кутуз и Агаян, на которых вы работаете – просто грязь по сравнению с ним! Два барана! Вам незачем водиться с такими неудачниками!

– Главный неудачник здесь ты! – Левон сделал шаг вперёд. – Какой ещё новый хозяин?! Чего ты мелешь?!

Никита остановился на полпути. Его спинной мозг завopil вдруг об ужасной опасности!

– Все эти недавние аресты, – Алекс гремел, как парад победы, – все это дело рук одного человека! Но он вам не враг! Он такой же, как и вы, только более удачливый! Переходите на нашу сторону и вы останетесь живы!

Никита опасливо оглянулся на Виктора – тот двигает усами, его вспотевший лоб блестит. Левон кажется полностью сосредоточенным на Алексе, никого другого не замечает. Остальные переглядываются в недоумении.

– Так ты, оказывается, ещё большая мразь, чем я думал! – Левон с отвращением плюнул под ноги. – Нечего с тобой разговаривать! Нечего тебя вообще слушать! Гарик!

Под этот крик у «Фиата» открылась дверь и оттуда выпрыгнула худая фигура с шишкой на загорелом лбу. Глаза у Гарика круглые и большие, как апельсины, грудь ходит ходуном, а лицо бледное, как у мертвеца.

– Гарик! – Левон кивнул ему на Алекса. – Убей эту тварь! Застрели!

Надрывая горло Алекс закричал снова.

– Пацаны! Мне, если честно, плевать на вас на всех! Убьют – да и чёрт с вами, с дураками! Но вам-то не должно быть на себя плевать! Агаян и Кутуз уже трупы, будьте уверены! Вы их больше никогда не увидите! Все их ближайшие шестёрки тоже в расход пойдут! Незачем вам дохнуть! Опустите оружие и идите с миром!

– Гарик, тебе что, надо повторять?! – в бешенстве Левон брызнул слюнями. – Я сказал: убей эту тварь!

Гарика колотит, он дрожит, как лист на ветру. Взгляд его встретился со взглядом Алекса. Гигант улыбнулся, поднял подбородок.

– Давай, Гарик... – произнёс он с какой-то хитрой ухмылкой. – Ты же всё правильно слышал?.. Убей эту тварь...

Гарик, как неживой, достал пистолет, замедленно снял с предохранителя, опустил в руках... и вдруг навёл на Левона! Бахнуло! Никита ошалело смотрел, как жертва выстрела непонимающе уставилась на оружие в руках своего убийцы, как нащупала место прострела.

– Ах ты сук...

Бахнуло снова! Гарик присел на колени, вторую ногу подмял под жопу и выпустил в Левона ещё три пули, от чего тот вскрикнул и свалился замертво! Пыльный асфальт под ним тут же залило кровью.

Народ выпучил глаза, всполошился. В руках каждого поднялось оружие.

– Ну ладно, ущербные! – Алекс ловко выхватил большой пистолет и навёл на застывшего Виктора. – Вы сами этого захотели!

Никита вздрогнул – так громко загрохотало оружие гиганта! Виктор закачался, на его одежде расцвели тёмно-красные пятна. Мёртвой тушей, как на скотобойне, он свалился в уже натёкшую под Леоном кровь.

– Больно, чёрт! – Алекс потряс кистью и перекинул пистолет в другую ладонь. – Ну у этой пушки и силища!

В следующий миг раздалась трескотня, которую опытный военный не спутает ни с чем – выстрелы из автоматического оружия, приглушённые ПБС. Люди закричали, заметались в разные стороны. Некоторые попытались спрятаться за соседями. Оружие в их руках направляется то на Алекса, то прыгает прицелом в трясущиеся от града пуль кусты. Никита с ужасом глядел, как и стой, и с другой стороны на площадь из сухостоя поднимаются мужчины в масках и бронежилетах с автоматами. Держась плечом к плечу они стреляют прямо на ходу!

Сердце ёкнуло, ноги чуть не подогнулись. Никита присел, огляделся, попытался хоть что-то сообразить. Взгляд его остановился на «Фиате»...

– Ну что?! Попался?! – Алекс захохотал, пистолет в его левой направился на Никиту. – Хочешь на прощанье помолиться?!

За его спиной Гарик прижался к автобусу, как рыба-при-

липала. Оружие в его руке смотрит в землю, глаза его вертятся юлою, а ноги и руки дрожат.

Двери внедорожника быстро распахнулись. Сжимая чёрные пистолеты-пулемёты наружу оттуда выпрыгнули два здоровяка и толстяк. Никита узнал «кипарисы», как узнал и лица той самой троицы, что с ходу направила оружие на гибнущих бандитов!

Агаяновские и кутузовские, не смотря на явный проигрыш, сдаваться не пожелали. Или просто не успели об этом подумать... Падая один за другим, они испуганно отстреливаются, иногда и хорошо попадают, заставляя то одного, то другого нападающего пасть на землю... Но любой не дал бы больше двадцати секунд на их окончательную гибель.

– Что скажешь?! – Алекс с удовольствием посмотрел на бледное, обескровленное лицо старого врага. – Будешь просить пощады?!

Если выживет, то замучают. Обязательно замучают, тут не может быть других вариантов... Решив лучше погибнуть в бою, Никита потянулся к спрятанному за ремнём пистолету. Глаза гиганта округлились, губы зло изогнулись, обнажили хищный оскал. Его рука сделала поправку, палец прыгнул на крючок...

В следующий миг Алекса развернуло, как фигуриста, по кругу! Страшно скривив рожу, гигант заорал и схватился за плечо. Пистолет выпал из его пятерни, бряцнул об асфальт и замер, грозно уставившись дулом на Никиты. Мгновение,

достаточное лишь для вздоха, Никита соображал, что произошло... и всё понял.

Вася и Вова стреляют одиночными. Опасаются зацепить своих. На Алекса с Никитой и не смотрят. Когда беловолосый рухнул с подстреленным плечом, Гарик, всё это время прятаясь за его широкой спиной, оробел. Стуча зубами, словно на лютom морозе, он направил оружие на Никиту, но поздно: Никита выхватил своё раньше. Бахнуло! Гарик взвизгнул, выронил пистолет и схватился за запястье, из раны на котором тут же закапала кровь. Упав на колени, он кинул на противника испуганный и одновременно ненавидящий взгляд. Часто дыша, Никита пошёл вперёд, стараясь держать оружие ровно. Уже раз промазал, целился-то в сердце...

Путь ему перегородил толстый, раскрасневшийся, одетый в бронежилет Петя.

– Обана! – От него ударило запахом застарелого пота и жаренных котлет. Вместо лица у толстяка будто гнусная маска, да и весь вид его, как у не полностью превратившейся в человека свиньи. – Смотрите-ка, кто тут!

– Смерть твоя! – бросил Никита едко и спешно ляпнулся на асфальт. От неловкого падения в локоть больно ударило.

Толстяк непонимающе нахмурился, но не растерялся, направил «кипарис» на врага... В следующее мгновение на внедорожнике рядом с ним с треском возникли две новые дырки. Толстяк уже хотел стрелять, но его отвлекли пули,

просвистевшие в метре от головы. С испугом он дёрнулся, пригнул голову и уставился на свежие следы от выстрелов.

– Косишь... – превозмогая боль в локте, Никита неспешно прицелился и выстрелил неприятелю точно в лоснящийся жиром висок. – Косишь, дружище... Успокойся...

Гарика на прежнем месте уже нет. Его фигура мелькнула за стеклом «Фиата».

– Стой! – Алекс, от злости похожий больше на демона, чем на человека, попытался ухватить Никиту за ботинок. – Стой, грязная ты собака!

С яростью пнув гиганта в лицо Никита вскочил, перепрыгнул через распростёртое холодцеобразное тело и подбежал к автобусу. Гарик уже включил зажигание, передвинул рычаг и ухватился за руль. Только дверь не успел закрыть. Никита прыгнул на входную ступеньку и его стремительно понесло вместе с машиной! Алекс с проклятиями увернулся из-под колёс, но Гарик всё равно услышал откуда-то снизу мокрый хруст. Никто не обернулся и не посмотрел, что случилось с Петей.

«Фиат» набирает скорость. Гарик протянул руку, чтобы дверь заблокировать, но Никита, рискуя свалиться прямо на ходу, распахнул её настежь. Грозь скинуть лишнего пассажира автобус начал опасный разворот... По стеклу поползла корка трещин, в середине стекла вдруг образовалась свежая пробоина. Гарик вскрикнул и свалился на пассажирское сиденье. Его рука зацепила руль и машину резко закрутило. На

несколько страшных секунд Никита почувствовал, как ноги его отрываются от ступеньки, а пальцы уже отцепляются, не в силах выдержать кручение.

«Кипарис» тихонько вздрагивает при каждом спуске, но держит направление послушно, не пытается увести дуло, как АК. Вася выцелил последнего сопротивленца, но его убили раньше, чем он спустил курок. Из-за спины донёсся громкий голос Вовы:

– Чисто! С этой стороны всё!

– Идиоты! – завопил валяющийся на асфальте человек. Только сейчас Вася заметил, что что-то идёт не так. – Повара вашего упустите!

Орёт Алекс. Кривясь от боли он зажимает кровоточащее плечо. А неподалёку скрюченное, покалеченное тело Пети... На одежде следы шин, кишки от страшного давления вылезли из живота и даже протиснулись мимо бронежилета. Лица не угадать – сплющенное месиво. От подступившей тошноты Вася задержал дыхание, прикрыл запястьем рот. В следующую секунду его взволнованный взгляд прыгнул на автобус, остановившийся всего в десяти метрах дальше.

– Скорее! – Алекс кричит, как ненормальный, с губ его срывается пена. – Он же уйдёт! Он уйдёт! Быстрее, идиоты!

На секунду Васе захотелось беловолосого пристрелить, но он сдержался: потом перед главным замучаешься оправдываться. Крикнул брату:

– Вова! Автобус!

Прямо на их глазах парень, кажется, тот самый Никита, с перекошенным от боли лицом и стиснутыми зубами кое-как поднялся с асфальта. Хромая, он запрыгнул в салон. Наспех усевшись за баранку, Никита захлопнул дверь и дал по газам! Завизжали колёса, потёк дым и запах жжёной резины!

– Стреляйте! – Алекс всё не унимался и тыкал в «Фиат», как помешанный. – Да ну стреляйте же! Стреляйте!

Вова в самом деле прицелился, но Вася ухватил дуло его «кипариса» и поднял вверх, помотал головой.

– В варщика попадёшь...

Кинув быстрый взгляд на улепётывающий автобус, он поглядел на подходящих бойцов и, страшно сверкая глазами, приказал:

– По машинам! Догнать немедленно! Кто первый приведёт мне японца – тому ящик коньяка! Ноги!!!

Пальцы не выдержали, Никита сорвался. Мир закрутился вокруг него, а потом со злостью ударил об асфальт. Голову тряхнуло, в глазах вспыхнули искры. Стараясь не стонать, Никита попытался встать, но охнул и завалился, схватившись за колено.

Выстрелы огрызаются всё реже. Никита бросил беглый взгляд на оставшихся ребят и понял, что никаких ребят уже нет, перестрелка кончилась. Убийцы добились последнего и уже обратили внимание на него! Тыча в его сторону, Алекс

истерично призывает стрелять!

Страх прибавил сил. Пулей метнувшись к автобусу, прямо таки кожей ощущая дула целящихся в него автоматов, Никита прыгнул на ступеньку. Прижимая пальцами рану Гарик попытался вернуться за руль, но Никита врезал ему по голове и пихнул обратно на пассажирское сиденье. Всё на одном дыхании. На втором он уже выжал педаль газа до упора и молился, чтобы у нападающих хватило жадности не стрелять по автобусу, чтобы не поранить варщика.

Мотор взревел, колёса завизжали. Машина кинулась вперёд, как сорвавшаяся с цепи собака! Долгие секунды Никита ждал, что кто-нибудь всё же выстрелит. Спина его покрылась холодным потом, ладони стали липкими и заскользили по рулю. Сердце успело бухнуть всего несколько раз, когда справа и слева уже понёсся кустарник. Веточки то и дело царапают обшивку, задевают стёкла.

Старательно подавляя страх, от которого сердце уже через горло выскакивает, Никита на ходу опустил стекло, высунул голову и громко заорал:

– Ты где?! Где ты?!

Из кустарника слабо послышалось:

– Я здесь!

Удерживая взглядом точку Никита поехал на звук. Воспалённым зрением он ловил мельчайшее движение, чтобы ни дай бог человека не задавить...

Из кустов выпрыгнула фигура в выцветшем, некогда зе-

лёмом спортивном костюме. Паша закинул автоматный ремень через плечо и замахал руками. «Фиат» остановился на мгновение, за которое парень успел обежать капот, распахнуть пассажирскую дверь, прыгнуть внутрь и распластаться на обморочном Гарике.

– Закрывай! Закрывай! Закрывай! – Никита снова выжал газ. – Закрывай дверь скорее!

Земля под колёсами уже не даёт хорошего сцепления, разгон взять не получилось. Никита с трепетом заметил в боковом зеркале приближающиеся «Нивы». Свои же, кутузовские, вот только уже с чужаками на борту! «Фиат» пошёл быстрее но «Нивы» догнали, взяли с боков, стали зажимать в клещи. Только Паша успел сесть и захлопнуть дверь, как в ту же секунду в неё ударила вражеская машина! Автобус повело по дуге.

– Сукины дети! – крикнул Никита первое, что пришло в голову. – А вот хрен вам!

Выкрутив руль влево, он со злостью врезался во вторую «Ниву». Машину толкнуло и повело в сторону. Неудачно наскочив колесом на яму, она размашисто клюнула и с сотрясением остановилась. Люди в ней если и уцелели, то сейчас у них должна кружиться голова, а возможно у кого-то её и отбило.

– Стреляй! – Никита страшно выпучил глаза. – Стреляй, Паша!

Паша изготовил автомат, выглянул в окно... и тут же от-

прянул! Стекло разлетелось, осколки брызнули фонтаном! Послышалось завывание ветра и грохот пистолетных выстрелов. В бок ударило, «Фиат» качнуло. Никита еле удержал равновесие. Через мгновение ударило опять. Их снова заставляют идти по дуге!

Упав на спину, так что головой коснулся коленей Никиты, Паша упёр приклад в плечо, навёл дуло на дверь и нажал крючок – страшно загрохотало, от автоматного стрёкота стало неслышно себя! Изю всех сил сдерживаясь, чтобы не оторвать руки от руля и не заткнуть уши, Никита возблагодарил бога, что в тот день установил на дуло пламегаситель. Иначе это было бы ещё и фаершоу!

Многострадальную дверь расчертила полоса точек, она в секунду превратилась в рвань. Стиснув зубы, Паша поднялся на локте и выглянул в то, что осталось от окна. Продырявленная со стороны водителя «Нива» врезалась в пышный кустарник и безнадёжно там завязла.

– Молодец, Паша! Молодец! – Никита кричал до боли в горле, но из-за того, что он наполовину оглох, ему казалось, что его почти не слышно. – Хорошо стреляешь! Поддержи-ка руль!

Паша еле успел схватить баранку! Никита высунулся в окно и стал прицельно лупить по второй, снова догоняющей «Ниве». В него стреляли в ответ, загрохотали как минимум два разных вражеских ствола. Никита не дёргался, спокойно целился и спускал курок... Вражеская машина на полном

ходу внезапно развернулась. Со страшным треском ломающихся стёкол она перекадилась через себя. Из бокового окна выкинуло какого-то несчастного.

– Едем, едем! – Никита торопливо прыгнул обратно. – Скоро остальные нагонят!

Поле кустарника сменилось просёлочной дорогой, а та завиляла уже меж жилых деревянных домов.

– Паша, ты местный! Куда нам ехать?!

Голос Никиты зазвенел отчаянием, но вместе с тем и ноткой надежды. Паша, у которого до сих пор трясутся поджилки, бросил беглый взгляд по округе. На его лице отразилось серьёзное беспокойство.

– Местный-то местный, да здесь-то я ни разу не был! Давай вон туда! Кажись, отсюда до Новосемейкино не далеко!

– Докуда?!

– Посёлок такой! Да ты гони! Других вариантов у нас всё равно нет!

Глава 15

Послание

В полной тишине, когда не слышно даже собственного дыхания, в тёмном, занавешенном кабинете сидит длинноволосая белокурая девушка. Её лицо очень нежное, губы соблазняют прелестной розовостью. Брови подчёркнуты и заботливо выровнены. С белой бархатной кожей контрастирует скрывающая фигуру, но зато выпячивающая знаки отличия строгая тёмная форма.

Анна упёрла локти в стол, скрестила пальцы и положила на них подбородок, прищурилась. Уже больше трёх часов прошло с момента «встречи», когда люди Димы добились остатки кутузовских и агаяновских. Всё. Уже, казалось бы, можно праздновать победу... Ан нет. Промашка! Какая злая, неуклюжая промашка! А ведь всё было спланировано так точно! Поневоле задумаешься, уж не вздумал ли Гарик сыграть в какую-то свою игру... Новосибирский ещё этот пуштоголовый недавно приплёлся... Пускай не сам, пускай по её с Димой инициативе, но всё равно: совпадения подозрительные...

Анна улыбнулась, побарабанила длинными крашеными ноготками по столу. Нет, на ТАКОЕ Гарик не способен. Слишком боится Димы и её. Слишком труслив для подобной аферы. Да и Алекс этот болван, явно не комбинатор. Нет, на

них можно не думать. Тем более последнего, кажется, подстрелили по-настоящему.

Анна вздохнула и откинулась в кресле. Ноги под юбкой занесла крест-накрест, пальцы скрестила на колене. В остальном, к счастью, главная цель взята: Агаян и Кутуз больше не помеха, с ними вопрос почти решён... А вскоре Дима захватит уже весь самарский рынок дури и тога у неё, у Анны, появятся новые перспективы, новые виды. Это деньги... И это ВЛАСТЬ! Это покровительство. Это её будущее... Анна поглядела на плечи, где красуются полковничьи погоны, представила там генеральские звёзды... Ух!

Пускай всякие дураки мрут, не жалко! Студенты, школьники, арестанты... Какая разница? Плевать! Разве можно удержать людей от того, что они сами хотят? Нет! Нельзя! А вот использовать это можно. И нужно! На этом очень реально подняться. Гораздо выше, чем на оружии, которым она занималась раньше, пока не встретила с Димой. Точнее, пока ни взяла одного из его курьеров... Кстати на счёт наркоты – варщика всё же упускать нельзя. С ним, как считает Дима, связаны большие выгоды, а поскольку слово Димы – это слово решающее, поэтому...

Во второй раз за час Анна набрала Ческова, начальника автоинспекции города. Старше её чуть ли не в два раза, с огромным послужным списком и целым мешком «правильных» знакомых, Александр Владимирович имеет неосторожность иногда связываться с девочками лет пятнадцати а

то и четырнадцать, на чём Димой на крючок умело и пойман.

– Ало! Александр Владимирович! Что там с нашими баранами?! – Анна говорила громко, ничего не стесняясь и не боясь прослушки.

– Ищу! – Голос Ческова прозвучал с открытым недовольством. – Все наряды в работе. Чего вы ещё хотите?! Если эти ваши «бараны» передвигаются на колёсах, то будут пойманы, не сомневайтесь! И не заставляйте меня поднимать ещё больший переполох! Кто-нибудь может что-нибудь заподозрить...

– Я жду результата! – Анна говорила грозно, даже без намёка на уважение хотя-бы к возрасту собеседника. – И желаю его получить! Как найдёте – сразу звоните! Всё!

Посидев ещё немного, она набрала другой номер, позвонила. Одна рука её в этот момент держала трубку, другая крепко стиснула подлокотник.

– Алло?... Да, Ань, слушаю тебя...

Анна прочистила горло, спросила:

– Дим... Вопрос с варщиком решается, машину ищут... Что теперь будем делать с нашими вождями?

Он хмыкнул, цокнул языком.

– Хороший вопрос... В общем-то всё, что нам было от них нужно, мы уже сделали. Людей под рукой у них не осталось, денег тоже быть не должно... А теперь, думаю, они и как заложники нам уже не сгодятся. Теперь они нам мёртвыми нужнее, чем живыми. Избавься от них, Аниют. За сутки

управишься?

Анна ответила раньше, чем успела подумать:

– Постараюсь! Что-нибудь придумаю!

– Умничка... – голос Димы слышался девушке глубоким, сильным. – А знаешь что?.. Ты займись Кожемякиным, а я возьму на себя Агаяна. Сообщи, как закончишь. Целую тебя...

Прошёл целый день а известия о стрелке всё не доходили. День для человека, пытающегося связаться с волей, а тем более с другим сидельцем в другой тюрьме – это ничто, не стоит такую мелочь и в расчёт брать. Месяц иные дожидаются, а тут только день. Тьфу... И всё же Агаян ощущал тревогу. Он чувствовал, что если бы всё прошло как надо, то весточку прислали бы незамедлительно. Должны были!

Дурные мысли Агаян гнал, не хотел даже думать, что обманут Кутузом или кем-то иным. Нет! Всё должно пойти хорошо! Всё должно наладиться! Ведь этого так надо...

Когда дверь одиночки открылась и вошёл вертухай с предложением переселяться, Агаян не медлил. Быстренько собрав манатки, он с энтузиазмом последовал за ним, про себя решив: что угодно лучше, чем неведение. Серый от давно немых стен коридорчик привёл к ряду дверей. Вертухай распахнул одну и приказал заселяться.

– Мир вашему дому...

Агаян вошёл и зорко пригляделся к четырём здоровым

парням, разлѣгшимся на нарах. Двое в татуировках по самую маковку, ещё двое только по рукава. С трепетом Агаян узнал среди рисунков нацистскую свастику и орла третьего рейха!

– И ты будь здоров... – бесцветно ответил один из них, кстати наименее разрисованный. – Заходи. Падай на лавку...

Дверь обрекающе захлопнулась, замок щёлкнул, отрезал выход. Агаян огляделся в поисках свободной шконки, но таковой не нашлось.

– Благодарствую... – Он провёл взглядом по каждому. – Не пойму только, куда вещи кидать. Что-то не вижу свободной койки.

– Не стой. – Главный, а это несомненно главный, помотал головой. – В ногах правды нет. Присаживайся. Расскажи, как в гости попал. Может, – тут он улыбнулся братве, – нас кого выселять сейчас придут. А, пацаны? Никто не хочет переехать?..

Парни нехорошо заулыбались, поглядели на новенького недобро. Агаян сжал зубы, но волнения не выказал. Прошёл и сел на лавку, свободный в жестах и походке. Связанную простынку с нехитрыми пожитками водрузил рядом.

На столе блестят алюминием четыре кружки. Четыре ложки лежат в стопке из четырёх алюминиевых тарелок.

– Ну? Чего молчишь? – Главный, явно спортсмен, – мускулы, как жирные удавы! – сел на край кровати и скользко улыбнулся. – Рассказывать начинай за жизнь свою. Пусть народ послушает.

Агаян гордо поднял подбородок.

– А кто интересуется?..

Под взглядами остальных парень привстал и сделал показательно расслабленный шажок к столу.

– Ну я...

Агаян положил руки на стол, растопырил пальцы.

– Может быть у тебя всё-таки имя есть?

– Может быть! – Парень подпрыгнул и ловко сел напротив новенького. От него резко пахнуло крепким потом и неприятным теплом. – А зачем тебе знать?!

– Неловко, когда имени собеседника не знаешь, – ответил Агаян, ни чуть не испуганный таким манёвром. – На «слыши ты, как ты там» тоже обращаться неудобно...

Глаза молодого вспыхнули, верхняя губа приподнялась, обнажила зубы. Grimаса злобы сменилась гримасой отвращения. Парень наклонился, дистанция между его глазами и глазами Агаяна сократилась до ладони.

– Тебя-то самого как зовут?! – спросил он, скривившись. – Архыз? Сурен? Джугашвили?..

– Владимир, – ответил Агаян холодно. Сердце его заколотилось, как в бесовском припадке, пригрозило стуком заглушить все остальные звуки в камере. – Имя такое есть. Не слышал?..

– Владимир?! – Парень скривился ещё больше, словно откусил горького лимона. – Ты, чурбес, и Владимир?..

Громко прочистив горло и набрав слюны, он харкнул, до

кучи ещё и качнув головой. Агаян закрыл глаза. По лицу полилась мерзостная жижа, скатилась на нос, потекла по губам. Парень разинул рот в неудержимом хохоте, схватился за живот и оглянулся за поддержкой к лыбящемуся дружкам.

– Какой же ты Владимир?! Чурбес ты не рус...

Агаян схватил ложку за черпак, одной рукой ухватил за тылок хама, второй с остервенением вогнал ручку ему в правый глаз. Парень вздрогнул, словно ударенный током. Рот его открылся для крика, но вырвался из него лишь слюнявый хрип. Утопив ложку до отказа, Агаян со злостью оттолкнул консультирующее тело. Ударив себя в грудь он по-звериному оскалился.

– Ну что, мрази?! – прорычал он, как дикий кот. – Хотите взять меня?! Ну попробуйте!

Наци вылупили глаза ошарашенно, челюсти их отвисли. Агаян схватил новую ложку и прижался спиной к стене.

– Давай! Кто следующий?!

Шок сменился лютой злобой! На Агаяна набросились своей, смяли, запинали. Удары посыпались, как из мешка. Спустя полминуты Агаян уже не чувствовал боли, в голове его стало глухо. От мощного пинка в висок он вырубился и обмяк, выронил всё ещё сжимаемое «оружие».

Шумно дыша, один из парней с орлом на шее метнул на дружков вопрошающий взгляд. Те лишь хлопают глазами, тоже запыхались, глядят в ответ с не меньшим вопросом.

– Ладно, – произнёс он сквозь отдышку, – я сам всё сде-

лаю. Встаньте на шухер!

Наци переглянулись. Один подошёл к двери и прислушался, второй сглотнул, глаза его от волнения часто моргают, предвкушают увидеть сцену смерти.

Новый главарь навис над Агаяном. Его сильные татуированные руки ухватили голову армянина, крепко сжали. Сделав глубокий вдох, парень с силой крутанул. Хрустнуло! Шея жертвы неестественно выгнулась, глаза его на миг открылись, пронзили убийцу обжигающим взором... и тут же угасли. Из рта его с пузырями вылетел последний хрип.

«Газ» идёт медленно, уныло. Кутуз не видел за зарешеченным окошком потока машин, видел только, как капли дождя стекают по стеклу, рисуют на нём узоры из полос. Внутри «этапки», как ни странно, удивительно уютно: один просторный диван в решётчатой коробке и ещё два кресла для сопровождения. Как раз там сейчас сидят полицейские. Они угрюмо посматривают друг на друга и на подследственного, частенько проверяют время.

– Может мне всё-таки расскажут, куда меня везут? – спросил Кутуз, просто чтобы нарушить скуку.

– Вам уже объясняли, гражданин, – снизошёл до ответа один из охранников. – Вас везут на следственный эксперимент.

– Какой ещё эксперимент? – Кутуз безнадежно вздохнул. – Эксперименты следственные проводятся, когда чело-

век в вине сознаётся. А я невиновен!

– Суд решит... – буркнул охранник и отвернулся. – Сидите тихо, не разговаривайте!

Кутуз пожал плечами, снова тяжело вздохнул, помотал головой.

Полицейский «Газ» всё же обошёл без сирен и прошёл пробку насквозь. Выехав на Центральную, он припарковался возле тридцатого дома. Дождь, что льёт уже часа полтора, выгнал с улицы всех прохожих. На сине-белую машину уставились сейчас только собаки и кошки, прячущиеся под балконами первых этажей.

– Выходите, – произнёс сержант, открывший дверь снаружи.

Кутуз вздыхал и делал, что велят. Стараясь не спускать с сержанта глаз, он выпрыгнул из машины и сразу попал под ливень. Одежда тут же намокла, вода полилась по спине, по ногам. Кожа покрылась пупырышками а зубы пустились в пляс.

– Идёмте. – Сержант, впервые, кстати, увиденный Кутузом за всё время заключения, махнул за собой. – Не отставать!

– А где же Карпухин? – спросил Кутуз громко, стараясь перекрыть дождь. – Мне казалось, что моим делом занимается именно он!

– У Ивана Тихоновича выходной, – ответил сержант неохотно. – Идёмте за мной. Сейчас вы покажете, что и как

происходило, когда вас задержали на выходе из подъезда. Ну, чего встали?..

За стеной дождя видимость пропадает уже метров с двадцати. словно под большим мутным куполом полицейский и подследственный прошли до подъезда и по команде сержанта остановились возле большой двустворчатой двери.

– Хорошо хоть под козырёк встали, – прошептал Кутуз, чувствуя на губах вкус дождевой воды. – Между прочим тут живут приличные люди. Они могут увидеть меня в наручниках. Нехорошо...

– Что хорошо а что нет – не вам решать, – произнёс сержант сухо, рука его в этот момент полезла в нагрудный карман. – Пойдите пока, отдохните.

К немалому удивлению Кутуза сержант достал сигарету и закурил, даже повернулся к нему спиной и широко расставил ноги.

– А где же сопровождение? – спросил Кутуз, только сейчас заметив, что охранники за ними не последовали. – Их что, не будет?..

– Позже подтянутся, – буркнул полицейский, не поворачиваясь. – Ждите пока.

Дождь и ветер морозят так, что приходится сжимать челюсти, чтобы зубы не стучали. Уши быстро продуло, в груди воспалилось. Кутуз поглядел на спину спокойно курящего сержанта, на сине-белый, еле угадывающийся за стеной воды «Газ»... И тут его посетила мысль, по сравнению с которой

близкая простуда перестала казаться важной...

Кутуз ждал, сцепив пальцы в кулаки. Полицейский всего один раз обернулся – в глазах его холод смешался с ожиданием – и закурил вторую, подпалив её от бычка первой.

– Чего вы ждёте?.. – спросил Кутуз немного погодя, для чего ему пришлось собрать всю волю в кулак. – Чего вы ожидаете?..

– Ничего. – Сержант пожал плечами. – Просто курю, жду коллег...

– Я не облегчу вам задачу. – При этих словах Кутуз перестал дрожать, в тоне его лязгнуло железо. – Придётся вам стрелять мне в грудь ...

Сержант на миг замер, но тут же перевёл взгляд наверх, где могут прятаться камеры. Он огляделся по сторонам, кинул взор на углы и любые места, в которых таковые вообще могут быть.

– Ладно... – Он бросил бычок на землю и растёр его носком казённого ботинка. – Как скажете, Юрий Алексеевич. Как скажете. Я вас за это даже уважаю...

Бахнуло! От неожиданности Кутуз дёрнулся, попытался ухватиться за грудь, но скованные наручниками руки не послушались. Страшная боль заставила сжаться, сесть, а потом и упасть на колени, бухнуться на грязный, по которому ходят люди и животные, на который плюют и бросают окурки пол. Взор помутился. Кутуз попытался вздохнуть, но боль не дала. Спустя мгновение он бессильно закрыл глаза, изо рта

его потекла струйка крови.

– Точно в сердце... – Сержант без единой эмоции дунул на выходящий из ствола пороховой дымок, даже понюхал остатки горелого запаха и только тогда его губы изогнулись в довольной улыбке. – Нет боли – нет греха.

В прошлом машина, а теперь дуршлаг на колёсах вилял через обходные пути, тащился через заросшие поля и даже плёлся вдоль железной дороги, где чуть не застрял на рельсах. Наконец впереди замаячили крыши кирпичных многоэтажек.

– Вот оно! – Паша ухватил Никиту за плечо, сжал. – Новосемейкино! Тормози. Давай вон туда, в лес. А то нас на таком корыте быстро рассекретят!

Никита послушно свернул в лесок, проехал вглубь метров триста и остановился в окружении особенно пышнолистных деревьев. Когда мотор заглох, машина, точно живая, с облегчением вздохнула и умолкла.

– Фух! – Паша откинулся в кресле, его грудь высоко и часто вздымается, словно всё это время он не ехал, а бежал. – Ну и дела! – Тут он громко и грязно выругался. – Ну и дела, Никитос! Звиздец какой-то!

Никита устало положил локти на руль, опустил голову и тем стал похож на студента, уснувшего за партой.

– Ну, благодаря тебе ещё не совсем... – выдохнул он и утомлённо, и с ноткой веселья. – Если б не ты... Спасибо,

Паш, что выручил. Я тебе этого в жизни не забуду...

– Должен будешь! – воскликнул Паша не задумываясь. – Но знаешь что, Никит?.. Ты везунчик! Настоящий чёртов везунчик! Говорю тебе это, как профессионально понимающий.

– Везунчик... – Никита бледно улыбнулся. – Ну да... Такое везение редко встретишь...

– Редко! – Паша закачал головой. – Редко, Никитушка! Ведь за всё это время в тот дом могли хозяева вернуться, могли обнаружить брошенный тобою автомат. Но не пришли, а я спокойно пробрался и забрал его! На стрелку вашу опять же незамеченным прошмыгнул. А удрали мы как, а?! Оба целёхоньки! Это фарт, приятель! Настоящий фарт! Кстати о фарте...

Паша с силой ударил в бок уронившего голову на грудь Гарика, которого до того сам еле усадил, чтобы не падал от тряски. Гарик оскалился, скривил губы, но глаз не открыл и не шелохнулся.

– За всё, паскуда такая, ответишь! – Взгляд Паши ожесточился, лицо посуровело. – За каждую пролитую из-за тебя каплю крови! Где наша заначка кофеиновая?! Мразь гадкая...

Он пихнул его ещё раз, сильнее. Гарик поморщился, но слишком слабо, а человек в полном сознании обязательно бы от боли вскрикнул.

Сам уже вытирая рукавами руль, Никита предупредил:

– Протри все пальчики. Мы уходим и машину оставляем. Не пропусти ничего. Автомат тоже брось, только протри сперва.

– Чай не глупее некоторых! – Паша кивнул, но резко и злобно оскалился, вновь метнул на Гарику ненавидящий взгляд. – А у нас найдётся верёвка?..

Салон и всё, чего вообще могли коснуться пальцы, был тщательно вытерт до самых глубоких уголков. Автомат разрядили и бросили на сиденье, из рожка вытрясли оставшиеся патроны и протёрли каждый. Глядя, как Паша старательно зачищает следы, Никита помалкивал о том, что заряжал оружие в перчатках. Пускай чистит, на всякий случай...

Спортивной курткой связали Гарику руки за спиной и посадили у заднего колеса. Тот всё ещё без сознания или умело претворяется. Когда дело дошло до открывания грузового отсека, Паша вдруг стал застенчивым и вообще как-то пыл подрастерял.

– Никит, открой лучше ты... – Он отвёл взгляд. – Не хочу я на него смотреть. Он наверное там в язвах весь, в синяках... Это ж, можно сказать, я частично виноват...

– Глупый ты что ли? – Никита усмехнулся и покачал головой, однако руки его уже потянулись к створкам. – В чём вина-то твоя? В том, что тебя не убили в ту ночь?..

Щёлкнул замок, двери распахнулись. Дневной свет открыл взору короб с тремя деревянными ящиками, на одном из которых в свитере, в старых джинсовых штанах и в очках

сидит тощая фигура. Чернеют короткие тёмные волосы, выделяется бледностью кругловатое азиатское лицо. В носшибанул сильный запах немытого тела. Японец поднял голову, взглянул на Никиту, но не сделал даже попытки двинуться. Глаза его смотрят печально, спина горбится.

– Иди. – Никита отступил, дал Паше проход. – Приведи его в чувство. Он по-русски, кстати, кумекает?

Паша сглотнул, сделал шаг и встал у входа. Японец сначала не отреагировал, но потом резко поднял лицо! Глаза его округлились а челюсть отвисла, показались давно немытые зубы.

Голос Паши задрожал, словно он разговаривает со щенком, угодившим в беду:

– Япончик, дорогой... Идём! Идём... Ты свободен...

Не говоря ни слова азиат сделал движение подняться... но вдруг резко сел обратно, словно побитая собака, ждущая новых тычков. Паша махал к себе уверенно и терпеливо и через сколько-то мгновений японец всё-таки решился выползти. Ноги держат его плохо, а руки смотрятся тонкими, словно у человека, голодающего не первую неделю.

– Поговори с ним. – От лёгкой растерянности Никита почесал нос и отвернулся. – Объясни, если сможешь, что нас ему бояться нечего... Эй, а ну стой!

Паша с японцем резко оглянулись на Никиту, а тот сорвался, как с низкого страта, уже догоняет улепётывающего пленника! Гарик несётся, как олень, за один шаг делает

два. Даже связанные руки ему не мешают: он запросто перепрыгнул через поваленное дерево, хотя то дотянуло бы ему до пояса.

– Хватай! – Напрочь позабыв об азиатке Паша кинулся вдогонку. – Лови его!

Уже пробежали метров двести, а Гарик всё несётся и несётся и не думает уступать! Никита не сдавался, гнал до рези в бок, до удушающей горло отдышки. Когда до дороги, с которой свернули, осталось уже совсем немного, Гарик вдруг запнулся и неловко кувыркнулся через себя. Как-то даже смешно он пропахал носом землю. Вскочил, правда, тут же – от страха он не чувствовал ни боли ни усталости. Никита всё-таки успел его настигнуть, навалился, как медведь на барсука, стоптал. Паша подбежал чуть позднее и с силой пнул поваленного в бок, так что тот задохнулся от боли.

– Ах ты мразь! – Паша схватил Гарика за грудки и врезал в челюсть. – Куда собрался, гадина?!

Никита встал, отряхнулся, мысленно перепоручил пленника приятелю.

– Пойдём... – просипел он между вздохами. Его ладонь смахнула пот со лба. – Давай обратно в лес, тут нас могут заметить.

– А ну иди! – Паша стал нещадно лупить Гарика по всему, до чего только может дотянуться. – Вперёд рули, скотина!

С руганью и понуканиями вернулись к машине, где Никита с облегчением нашёл ожидающего их японца. Всю до-

рогу он оглядывался, боясь увидеть на хвосте погоню, а вперёд смотрел, боясь обнаружить, что азиат сбежал и теперь его где-нибудь поймают, после чего сразу-же выйдут на их стоянку...

– Хватит, не бей его так, – обрадованный наличием японца, Никита повеселел, – а то он и двух слов связать не сможет. Я ещё хочу его кое о чём расспросить...

– Лады! – Паша с оттягом зарядил Гарику в живот, от чего тот аж рот открыл и язык высунул. – Он твой. Только оставь его напоследок мне, хочу спросить с него за всё. Может от тайничка ещё чего-нибудь, да осталось...

Он отпустил пленника – тот сразу же свалился на землю и скрючился в позе эмбриона. Никита заметил, что японец смотрит на Пашу и Гарику с непониманием, но помалкивает, что-то для себя запоминает.

– Я пока диалог с братишкой налажу. – Всё ещё часто дыша и вытирая с шеи пот, Паша достал смартфон. – Он по-нашему не понимает, придётся переводчик юзать.

– Давай-давай... – Никита кивнул, он не отрывал взгляда от скорченной фигуры. – Расскажи ему про всякое... Я тебя позову.

Случайно ли, или же понимая, что Никита хочет остаться с пленником наедине, Паша ухватил японца за плечи и отвёл в сторону, за машину. Потом спешно вернулся, залез в кузов, достал два оказавшихся пустыми ящика и унёс с собой.

Лицо Гарики заплывает. Кожа вздувается шишками, крас-

неет, где-то наоборот синее. Из носа течёт струйка крови. Иногда он кидает на Никиту взгляд наполовину скрытого за опухшей бровью глаза, поспешно отводит, морщится, потом снова кидает, очевидно, подыскивая слова для разговора.

– Ну... – Никита присел на корточки, его голова склонилась набок. – Давай рассказывай, Гарик... Рассказывай мне всё, что знаешь. Можешь начинать.

Глаз спрятался, снова открылся и посмотрел на Никиту с такой злобой и в то же время безумной надеждой, что тому стало неловко. Впрочем, лицом Никита остался холоден. Нахмурившись, он ткнул в связанного пальцем, с силой надавил на опухшую бровь.

– Говори давай! Я слушаю! Чего молчишь?!

– А... – Гарик громко и мокро закашлял. – А чего говорить? Что ты хочешь, чтобы я сказал?..

– Ну... – Никита почесал затылок. – Расскажи мне о Диме, о его людях. О связях его с полицией расскажи. Обо всём, что знаешь, рассказывай. Я тебе даже помогу. Вот как надо: такое-то время назад случилось тот-то и жизнь свела меня с такими-то людьми. Дальше случилось это-то. Понимаешь?..

Взгляд Гарика сообщил о том, что он высматривает, как бы улизнуть, и в тоже время со страхом ищет Пашу, который придёт и снова будет его бить.

– Дружище... – Никита положил ладонь на испачканное в крови и земле плечо пленника, сжал его. – Я не люблю решать дела насилием, но поверь – Пашу тебе стоит опасаться

гораздо меньше меня...

– А Диму? – Гарик иронически ухмыльнулся, взгляд его стал острым и насмешливым. – Диму мне тоже надо бояться меньше, чем тебя?..

– Страшно, да? – Никита с наигранным сожалением покачал головой. – Да, наверное Диму ты боишься всё-таки больше. Что ж...

В руке Никиты появился нож. По-деловому, без мерзких ухмылок и кривляний он встал над Гариком, резко ухватил его руки и выцепил указательный палец на левой кисти. Гарик попытался вывернуться, дико выгнул шею, чтобы увидеть, что с ним хотят сделать.

– Наверное, так даже будет лучше, – произнёс Никита философски. – Если у тебя не будет этого пальца, то ты не сможешь стрелять. Не сможешь стрелять – не полезешь больше во всякие тёмные делишки.

– Чего?!

Гарик почувствовал страшную, рвущую нервы боль! Острие вонзилось под ноготь и ушло глубже. Он рванулся истошно заорать, но Никита цинично вдавил его лицо в землю, с силой прижал затылок ботинком.

– Во-о-от та-а-ак... – Никита мастерски срезал ноготь и аккуратно взял с краешка двумя пальцами. – Хорошая работа!

Гарик вопил прямо в грязь, не мог остановиться. Но глухо. Зубы зажевали землю и опавшие листья. В нос со вдохом

попала грязь. Когда Никита оттянул его голову и прислонил вплотную к глазам отрезанный розовый кусочек, Гарик не смог сдержаться и разинул рот для нового крика... Сильная рука сдавила губы, не дала даже нормально вздохнуть. На руку эту полились горячие слёзы.

– Надеюсь, этого тебе хватит. – Никита прислонил ухо Гарика почти вплотную к своим губам. Голос его залязгал, как металл. – А теперь молчи! Молчи и не хнычь! Я открою тебе рот...

Гарик послушно умолк, его жалкая физиономия покраснела теперь ещё и от слёз, из носа вместе с кровью потекли сопли. Никита встал, огляделся. В следующий миг он уселся прямо на землю напротив связанного, где с удовольствием упёр спину в широкое дерево.

– Что за жизнь-то так-а-а-ая!.. – Глядя мимо мучителя Гарик всхлипнул. – Не жизнь у меня, а каторга!

– Ну, не стоит так убиваться. – Никита с удовольствием вытянул ноги и устроился поудобнее. – Жизнь у тебя ещё ничего. Она ведь может стать намного хуже...

Гарик кинул на Никиту взгляд, в котором тот с удивлением не обнаружил никакой ненависти, лишь тяжёлую усталость и безнадёгу.

– Я выдохся... – прошептал Гарик убито. – Я спёкся... Никита, да?.. Мой тебе совет, Никит: бери ноги в руки и вали из этого города на все четыре стороны. Да не оглядывайся! Тут только пропадёшь...

– Ты рассуждения свои для других прибереги, – оборвал Никита с раздражением, – а мне не советуй! Рассказывай всё давай! Всё, что знаешь! Тогда уйдёшь живым...

Гарик резко приподнялся, ахнул, задев за что-то раскрытым пальцем. Глаза его стали большими и красными, а голос сорвался, словно не человек заговорил, а пёс залаял:

– Живым уйду?! Я?! Да я труп уже сто раз, разве ты не понимаешь?! Меня уже нет! Мне конец! Конец!

Никита опустил голову, с тяжёлым вздохом показательно сжал нож. Взгляд Гарика из бешеного стал испуганным. Он быстро упал и сжался, боясь проронить ещё хоть звук.

– Ты мне показался более сообразительным... – Никита сделал движение встать.

– Ладно! Я всё расскажу! Не надо меня больше резать! – Гарик замотал головой и скривил губы так, словно горький перец раскусил. – Что ты хочешь знать?! Спрашивай всё!

Никита задержался, вовсе не торопясь садиться обратно. Брови его прыгнули вверх-вниз, лоб взбороздила морщина. Медленно, словно погружаясь в кисель, он опустился, всё ещё удерживая оружие.

– Паша говорил, что ты был в его банде. Про всякое мне рассказывал... Сам я тебя среди агаяновских видел. Вместе с Алексом, кстати... – Никита в задумчивости почесал челюсть. – Теперь ты среди людей Димы, про которого я нынче узнал много нового... Рассказывай-ка всё по порядку и не скупись на подробности.

– Ох, мужик... Подробностей ты захотел... – Гарик страдальчески улыбнулся. – Ладно! Будут тебе подробности! Плаксивые, если ты не против...

– Не против.

– Видишь ли, такое дело... – Подбирая слова Гарик задумался. – Как бы это сказать... Короче! Дима держит меня за яйца. Ага... Крепко так держит. Надёжно. Знаешь, в этом деле он большой мастак! Много народу подгрёб под себя, никто и пикнуть не смеет. Ослушаться боятся, в рот ему смотрят. Особенно Решётка. Аня Решетникова то есть. Слышал про такую?.. Нынче она, между прочим, главный самарский начальник по наркоте, а ещё совсем недавно в Сызрани шпану гоняла. Вот она, кстати, самая большая его сторонница. Такая сука!..

– Мне Дима тоже показался необычным... – Никита кивнул, вспоминая тот день, начавшийся с гуляния по городу, а закончившийся запиской с номером Вали. – Что дальше?..

– Дальше... – повторил Гарик, словно передразнивая. – Дальше Дима этим оружием барыжит. По-крупному. Пистолеты, автоматы, гранаты... Он очень много связей имеет и постоянно новые настраивает. Покупает дёшево, продаёт дорого. У него крупная сеть, не только в Самаре – по всей России толкает! Всюду нос свой суёт!

Никита слушал и кивал, подбадривая Гарика продолжать. А того уже несёт, как воду из дырявой бочки. Наверное накопилось...

– Очень он хитрый, этот Дима! Похитрее многих! И уж точно один из самых подлых... – Гарик тяжело вздохнул, кадык у него скакнул вверх-вниз. – Правда, торговать стволами для него оказалось мало. Он решил перековаться. Решил дурью заняться, наркотой. Жадности у него не меньше, чем хитрости!

– А ты тут при чём? – Никита как бы невзначай пощупал острие ножа.

– Очень бы хотел быть ни причём... – Гарик медленно моргнул. – Но, к сожалению, в этом говне я почти с самого начала. Правда, это ПОЧТИ достаточно увесистое. Уже годика с два... Да, где-то два года уже мне приходится плясать под эту песню, а иначе отцу моему каюк...

– Чего-чего?..

Гарик возмутился громко, с претензией, на его побитом лице заалел румянец:

– По мне что, можно сказать, что я люблю стрельбу и драки?! А?! Да я в жизни никого нарочно не обидел! Да плевал я на всех! И на Диму! И на Агаяна с Кутузом! И на вас! Нахер мне всё это сдалось?! Только уж вот откреститься от этого я никак не могу – отец мой пострадает. Если вздумаю Диму послушаться, то всё – кранты батю моему!

Гарик всё повышал голос, пока Никита не показал ему палец у губ.

– Тише. Нас могут услышать... – Никита кинул взгляд по сторонам. – Если вдруг придётся удирать, живым я тебя

оставлять не собираюсь. Умерь свой пыл...

Гарик надулся, как жаба, с ненавистью отвернул лицо.

– И кто такая Аня? – продолжил Никита спокойным и ровным голосом. – Как она связана с Димой? И как тут замешан твой отец? Про Агаяна тоже не забудь рассказать...

Гарик повернулся обратно. На лице его уже не было злости, лишь глубокая усталость. Уронив голову на землю, он продолжил, время от времени сипло кашляя:

– Зачем тебе всё это знать, а?.. Да всё просто очень. Кхе-кхе... Отец мой работал на Диму курьером. Он в Сызрани живёт. Мелкая сошка. Шестёрочка. Аня эта самая тогда в сызранской ментовке служила, как раз занималась уголовкой. Вот и попался ей батя мой непутёвый, спалился. Эх!.. Загремел он в режим, а по этому поводу на Аню Дима и вышел. Так они и познакомились, я думаю. Тут много ума не надо до такого додуматься. Аня эта мразь ещё та... Похлеще любой гадюки! В общем подружились они с Димой сразу и крепко. Дима её в Самару подтянул, на кресло нужное посадил. Теперь она в погонах полковничьих ходит и ему, когда надо, активно подмахивает. Весело, правда?..

Неожиданно для себя Никита захохотал.

– Да, ты прав! – Не в силах сдержать смех он растянул рот до ушей. – Ха-ха! Молодцы! Ха-ха! Пять с плюсом им за находчивость!

– Рад, что смог повеселить... – Взгляд Гарика стал мрачнее тучи. – А мне вот совсем не весело. Сурен, отец мой, на

Хлебцевича Один уже два года, как прописался. Это СИЗО сызранское. У него нож у горла, и через это мной помыкают, как хотят!

Никита прохохотался, с каким-то извращённым наслаждением отдаваясь этому чёрному, кажущемуся сейчас максимально неуместным чувству. Очередной волк среди пастушьих собак – это кое-что напомнило... Да и не смеялся Никиту уже очень давно. Всё повода не было.

– Ладно... – он уже не хохотал, только сдержанно улыбался. – Ладно... Сурен – это так отца твоего зовут, да?

– Да. – Гарик кивнул, как смог. – У Димы там на Хлебцевича ниточка. Он только чихнёт – отца моего тут-же прирежут.

Никита спросил нейтрально:

– Ну а с Пашей-то что? Что с его ребятами? С японцем этим?

– А что с ними не так? Или ты о другом?.. – Гарик стыдливо отвёл глаза. – Да просто все они крайними оказались. Так, знаешь ли, бывает... Сеню – не знаю, чего там тебе Паша про него нарасказывал – я ещё до всей этой поганой истории знал. Хороший был мужик, мы вместе армянским коньяком приторговывали. Это потом уже появился этот японец со своей волшебной отравой, и у Сени на этой почве крыша поехала конкретно. Оказалось, что он потихоньку ганжой барыжыл, а тут захотел, так сказать, выйти на новый уровень. Не знаю, как этот япошка вообще нашёлся, но Сеня,

дурак такой, побежал за большой деньгой, потерял осторожность... На этом и погорел.

Максимально спокойно, стараясь, чтобы это не прозвучало, как обвинение, Никита спросил:

– А разве это не твоя работа?..

– Отчасти... – Гарик отвечал бесцветно, глядел он в одну точку. – Жалко мне было ребят, да что поделывать?.. Отец дороже даже лучшего друга. Несколько месяцев назад Дима приказал мне к агаяновским затесаться. Работать и постукивать время от времени, ничего важного... Как это сделать была моя проблема. И вот тут-то Сеня, вот уж совпало так совпало, занялся этой новой дурью! Решение, как ты понимаешь, пришло само... А то, что именно Сеня с этой новинкой связался, что я знаком с ним был и что именно мой отец у Димы с Аней в их лапах оказался – это чистое совпадение. Одно большое чёрное совпадение... Хочешь верь, хочешь нет – плевать мне. Устал я...

Гарик шумно втянул носом, так же шумно выдохнул, закрыл глаза. Никита какое-то время смотрел на него, потом медленно поднялся и пошёл поглядеть, что делается за автобусом.

– Эх, когда же ты уже русский-то выучишь... – Высунув комично язык, Паша набирает на телефоне текст. – Япончик ты наш япончик... Блин, экран треснул...

Японец сидит возле него. Когда Паша протянул ему гаджет, он взял его, прочёл и тут-же принялся строчить ответ.

– Приходится через переводчик. – Глядя на приближающегося Никиту, Паша состряпал кислую мину. – Но я успел хотя-бы пояснить ему, что мы не враги... – Вдруг лицо его стало серьёзным, у рта и глаз проступили морщины. – Мы же ведь не враги ему, верно?..

– Нет. – Никита помотал головой и в задумчивости опустил взгляд под ноги. – Нет конечно... Зато вот у нас врагов хватает. Нужно что-то срочно придумывать...

Японец ткнул Пашу в бок, протянул телефон. Тот прочёл, но отвечать не стал, положил руку с гаджетом на колено.

– А что тут мудрить? – Паша нахмурился, пожал плечами. – Я забираю японца и уезжаю куда-нибудь. Ты тоже. И всё! Поминай, как звали!

Никита закусил указательный палец, развернулся на месте, сделал несколько шагов и остановился.

– Нет, это не вариант. – Он помотал головой. – Мы многое знаем, многим перешли дорогу. Таких не отпускают просто так... К сожалению нет, Паш. Даже, если удачи и денег хватит смыться куда-нибудь во Владивосток или даже в Украину или Беларусь, то найдут и там. Где угодно найдут и придушат, как щенков. Нет, не можем мы бежать так просто. По крайней мере не могу я.

При последних словах лицо Паши стало каменным, глаза превратились в стёкла. Он кинул на Никиту подозрительный взгляд и осторожно спросил:

– Уж не предлагаешь ли ты уходить мне, а сам будешь раз-

бираться?..

– А чем не вариант?.. – Никита развернулся, его брови удивлённо вскинулись. – Ты, можно сказать, нигде и не светился. Так, по мелочи... Тебе можно и утечь. На хвост никто падать не будет.

Губы Паши выгнулись обратной дугой, а ноздри расширились, как у орангутанга, готового броситься в драку.

– Интересно ты рассуждаешь! – выпалил он, чем сидящего рядом азиата не на шутку встревожил. – А с японцем что будет?! Мне его бросить?.. Или на тебя оставить?.. А если тебя убьют?! А если я его с собой возьму – так нас же, сам говоришь, искать будут! Уж его-то будут точно! Он ведь как курица с золотыми яйцами! Ага, давай, посмейся... В покое его не оставят, а значит и до меня доберутся!

Никита, пока Пашу слушал, прислушивался и к месту, где оставил Гарика, но с той стороны всё тихо.

– Значит ты решаешь остаться и пострелять, да?.. – Он взглянул Паше прямо в глаза. – Повоевать хочешь?..

– Не хочу! – выпалил тот честно, выражение его лица стало решительным и одновременно страдающим. – Но, видимо, иначе не получится! Видно так надо!..

– Надо... – Никита снова погрузился в раздумья и закусил указательный палец. – К сожалению надо... Там, кстати, твой старый знакомый дожидается. Ты вроде бы хотел с ним поболтать...

Лицо Паши враз стало жёстким, даже жестоким, как у ак-

тёра, мастерски сменившего роль.

– И до сих пор хочу... – Его голос посуровел, взгляд остановился на притихшем японце. – Как раз сейчас и начну... Вы пока познакомьтесь, поболтайте. Я, кажется, видел у тебя нож. Одолжишь?..

До заслуженной пенсии Сидорову Александру Фёдоровичу осталось всего две недели и потому во всякие передраги он не лез. Воспитывая время от времени поступающих на службу в ГАИ новичков, он давно привык больше сидеть, чем стоять, отрастил брюхо и уже с трудом помещался за руль, хотя ревниво не уступал его никому. Жена иногда жалуется, что муж слишком уж растолстел, однако вовсе не жаловалась, когда он купил ей золотое с россыпью изумрудов ожерелье и повёз отдыхать на Кипр на юбилей свадьбы. Но-чи уже давно выдаются спокойные, дни проплывают один за другим. Сегодняшний не исключение.

– Александр Фёдорович! – подал голос Миша, совсем ещё молодой пацан, всего полгода, как вернувшийся из армии. – Посмотрите! Там! На обочине!

Сидоров лениво скосился, но в следующую секунду проморгался, взглянул внимательней. Уже несколько часов ходит ориентировка на «Фиат» со следами выстрелов. Было приказано сразу сообщать наверх.

– Вот же чёрт! – Смачно выругавшись в душе, на глазах у новенького Сидоров взглянул орлом и покрепче сжал ба-

ранку. – Миша, готовь оружие! Не забыл, надеюсь, как обращаться?!

Продолжая ругаться про себя на чём свет стоит – ну не хочется в последние дни во что-то вляпываться, до поросычьего визга не хочется! – Сидоров направил машину к автобусу и осторожно припарковался у края дороги.

«Фиат» явно пригнали сюда и специально столкнули с обочины. Он лишь чудом не перевернулся: задняя его часть нависала над передней и косится вбок, словно по спирали. Сидоров сразу понял, что это подстроено. Если бы машина ехала на полной скорости, а хотя бы и под шестьдесят в час, она бы так не задержалась. Она бы вскопала землю метрах в десяти дальше. А может бы и кубарем покатилась. Склон достаточно крут.

– Хм... – Миша вышел из машины, осмотрелся. – Следов торможения нет... Александр Фёдорович, тут человек!

Хотя и новенький, но вовсе не глупый Миша не стал спешить, а прошёл чуть дальше, заглянул, насколько позволяет положение фургона, в распахнутую дверь. Из салона свисает нога, её хозяин покоится на сиденье и, как во сне, закрывает голову обеими руками.

– Кажись у нас тут пьяный! – воскликнул Миша громко, даже с ноткой веселья.

Наступает вечер и в меркнушем свете фургон выглядит уже не белым, а скорее серым. Сидоров с надеждой осмотрел его, молясь не найти следы от пуль. Может пустое?.. Может

совпало?..

– Миша! – Сидоров невольно оглянулся на видеореги-
стратор собственной патрульной машины, перед которым
ужас как не любил стоять. – Обойди-ка автобус по кругу,
осмотрись! Да будь осторожней! Следи, чтобы эта колымага
на тебя не свалилась! Я пойду пока, доложу...

– Хорошо! – Миша кивнул и полной грудью с наслаждени-
ем вдохнул свежий вечерний воздух. – Сейчас! Две минуты!

Сидоров пошёл к патрульной машине, а Миша двинулся
дальше, на пьяницу уже не глядел. Земля от влаги мягкая и
на подошвы налипает тяжёлой грязью. Стараясь ступать ти-
ше мыши, парень перебрался на другую сторону, где видне-
ется уже вторая распахнутая дверь. Посередине её зияет рва-
ное пятно. Оно соткано из множества маленьких дырочек,
особенно просвечивающих по краям. Несколько точек ухо-
дят вбок, все не больше мизинца.

– Александр Фёдорович! – окликнул Миша громко, раз-
глядывая рваный металл. – Кажется, тут следы от пуль!

Сидоров уже держал в руках рацию, когда услышал напар-
ника. Глаза его закрылись, он глубоко вдохнул, а на выдохе
его губы прошептали грязное ругательство.

– Вот же... Опять гору бумажек писать! Тьфу!

На брюзжание старшего Миша давно научился не обра-
щать внимания. Он с любопытством стал разглядывать на-
ходку. Взгляд его скользнул в салон, где тут-же наткнулся на
тёмные пятна, засохшие, покрывшиеся молнией трещинок.

– Тут везде кровь! – крикнул он, подтягиваясь на носочках, чтобы увидеть больше. – Видно это тот самый автобус, о котором в ориентировке говорили!..

Сидоров уже доложил и получил приказ оставаться и охранять. Подойдя к краю дороги, он махнул младшему пятернёй и с раздражением крикнул:

– Миша! Давай-ка ты оттуда вылезай! Не дай бог наследись!.. Всё, сидим, курим. Ждём подкрепление.

... Через минут пятнадцать позвонил сам Ческов, от чего у Сидорова чуть сердце не прихватило. Было строго-настрого приказано ничего не трогать а также пропустить неких людей, которые не представятся и будут в гражданке.

– Как вы думаете, это приедут из ФСБ? – Миша пил чай из термоса.

– А тебе вот какое дело? – Сидоров недовольно уставился на новичка. – Научись поменьше задавать вопросов! Запомни – слишком умных никто не любит.

Миша скривил губы, отвернулся и с лёгким раздражением вздохнул.

Спустя ещё минут сорок подъехал дорогуший чёрный внедорожник. Из него сразу выпрыгнули двое. Один постарше, с залысиной, и оба похожи друг на друга, как братья. Кивнув патрульным они без единого слова направились к «Фиату». Сидоров даже с места не сдвинулся, только чуть-чуть кивнул в ответ. Мише же будто шило в задницу воткнули, так он заёрзал, со жгучим интересом стал рассматривать

спускающихся к автобусу людей.

Вова пошёл в обход. Вася сразу направился к салону, где углядел ногу в знакомой обуви. Хозяин её покоится с накрытой руками головой.

– Эх, Гарик... – выдохнул Вася с несерьёзной, почти шуточной грустью. – Несчастный ты дурак...

Ножевые раны в груди, перерезанное горло... Лицо синее и в кровоподтёках, кожа местами порвана от ударов. Взгляд Васи загнулся за листочек, торчащий из запачканного тёмно-красным кармана.

– Тут ничего нет! – крикнул Вова с другой стороны. – Нужно скатить машину вниз, тогда можно будет залезть в кузов!

– Погоди пока... – Двумя пальцами Вася аккуратно ухватил бумажку и потянул. – Иди лучше суда, что покажу...

Вырванный из какого-то блокнота листочек оказался не больше ладони в размере. Сложенный, он содержал невесомый кусочек пластика – SIM карту. На чистой стороне, куда всё равно попало несколько алых капель, выведена строчка: «Японец у меня. Хотите его – заплатите! Я позвоню сам».

– Отлично! – Вова уже успел добраться и прочитать записку вместе с братом. – Хорошая новость!

Вася от восторгов воздержался, лишь сухо произнёс:

– Доставай телефон, звони. Обрадуем нашего предпринимателя...

Глава 16

Цена Жизни

Держа осанку и придерживая платье, Анна уселась и закинула ногу на ногу. Кресло на колёсиках, кожаное, очень мягкое и удобное. Когда девушка вошла Дима сразу встал и уступил ей его, а сам отошёл к подоконнику и сел на подоконник спиной к окну. Офис, в котором Анна очутилась впервые за всё время в Самаре, оказался обставлен скромно, но со вкусом: декоративный камин, резные стол и стулья, лакированные шкафы. Очень правильно подобранное и настроенное освещение из лампочек, спрятанных в потолке. Помещение это устроено на втором этаже магазина «Всё для охоты», что на улице Карла Маркса.

– Ну, что расскажешь? – Дима скрестил руки на груди. – Есть какие-то новости?

Анна еле сдержала улыбку: разве не ясно, к кому новости приходят перее? С серьёзным лицом она ответила:

– Нет. Наши бобры как в воду канули... Я напрягаю всех, кого только можно. Люди Ческова досматривают каждую машину. Патрульные дома не ночуют. К сожалению пока ничего...

– Хм... – Дима почесал подбородок, мазнул по девушке внимательным взглядом, после бросил его за окно, на проезжие машины. – Четыре дня ведь уже прошло. Как бы не

вышло так, что они уже из города выскочили. Нехорошо... А что думаешь ты?

Третьим присутствующий в комнате человек не успел ответить, как Анна отрезала:

– Нет! Такого не может быть!

Дима поднял брови, глаза его блеснули интересом.

– Почему?..

– Записка! – выпалила Анна, словно это объясняет всё. – Записка же! Он хочет денег, это ясно. Готов рискнуть! Иначе почему просто не удрал, бросив этого ускоглазого?.. Нет, он здесь. Он просто прячется, я уверена.

Дима, высокий и ширококостный, с круглым лицом и короткой стрижкой, обычно выглядящий, как тренер по боксу или борьбе, сейчас напомнил статую раздумывающего атлета, когда-то вылепленную древним греком.

– Не забывай, что ему кто-то помогал... – Он снова поглядел на движение за окном. – У нас здесь может быть новые ребята организовались, а мы и не в курсе... Так чего от Никиты стоит ждать?

Вопрос снова адресовался третьему, пьющему сейчас коньяк. Тот сидит на офисном стуле, у стены под картиной с выпивающими охотниками. Рядом с ним книжный шкаф, нижнее отделение которого прячет спиртное. Человек как раз опустошил очередную рюмку и уже собирался ответить, когда зазвонил телефон.

– Всем тихо! – С бьющимся сердцем Дима уставился на

старенькую «Нокию», в которой уже давно ждёт та самая симка. – Тссс!!!

Телефон дребезжит, с противным звуком ползёт по столу. Дима ухватил его двумя пальцами, взглянул на неизвестный номер и только тогда нажал кнопку ответа.

– Ало?..

– Добрый день... С кем я разговариваю?..

Дима узнал голос тут-же, но поддержал игру и подчёркнуто вежливо спросил:

– А с кем разговариваю я?..

– Меня зовут Никита.

– А, Никита! – Дима радостно оглядел соседей по комнате, губы его азартно растянулись. – А я всё ждал когда ты позвонишь! Молодец, Никит! Ловко ты всё это! Хорошая работа...

– Спасибо, польщён. Тык вы?..

– Дима! Ты меня узнал, Никит, я это чувствую. Давай лучше на Ты, а то этот разговор звучит как-то глупо...

Голос в трубке умолк и Дима нервно сглотнул – не перестарался ли? Он поймал на себе пристальные взгляды Анны и особенно третьего, застывшего с бутылкой в руках и, кажется, пытающегося даже со своего места расслышать голос в телефоне.

– Ну хорошо, Дим, давай. Я тут про тебя много нового узнал. Говорят ты крепко город держишь...

– Ну какую-то его часть да... – Дима понизил голос. – А

это имеет значение?..

– Да нет, не особо. – Никита помолчал. – Знаешь, Дима, давай сразу к делу...

– Давай! – Дима мгновенно встал в позу, будто готовится кого-то схватить, чего сам за собой не заметил. – Я только за!

В этот момент он напомнил Анне охотничьего пса, почуявшего зайца и держащего нос по ветру. Закусив губу, девушка перекинула ноги.

– У нас товар, у вас купец. У меня товар, если быть точнее. Японец. Варщик. Я так понимаю он тебя интересует?

– Допустим... – Дима сделал несколько шагов по комнате. – Что ты предлагаешь?..

– Я предлагаю формулу. – Никита неожиданно закашлял, очень громко и с надрывом. – Извиняюсь... Японец напишет вам формулу, по которой вы сварите ваш собственный кофе, если можно так выразиться. Взамен я хочу три миллиона рублей и свободный выезд из города для меня и для него.

Дима открыл было рот, но призадумался, подождал. Метнув на Анну и на третьего задумчивый взгляд, он пожевал губу и только тогда ответил:

– Извини Никит, не могу согласиться. Видишь ли – мне не нужна просто формула. Мне нужна голова, её придумавшая. Вот за неё я готов заплатить, и даже в два раза больше, чем ты просишь. Как тебе такое предложение?..

Настал черёд для размышлений Никиты. Дима старался быть терпелив, как рыба, что подсекает, но не тянет изо

всех сил. Наконец спустя не меньше минуты голос в трубке ответил:

– Хорошо, я понимаю... Ладно, я согласен. Но только при некоторых условиях.

– Я слушаю. – Дима остановился и опять сел на подоконник. Его глаза снова встретились с глазами Анны и третьего. Оба следят за ним затаив дыхание.

– Первое и самое важное – мы устроим стрелку там, где я скажу, и тогда, когда я скажу. Должен присутствовать только ты и максимум два твоих человека... Второе и тоже обязательное – ты приведёшь на стрелку Алекса, который недавно подвязался к тебе. И ты убьёшь его. Нет трупа Алекса, нет японца. Это не обсуждается.

Дима напрягся, но постарался не подать вида.

– Что-нибудь ещё?..

– Думаю нет. Но разумеется никаких ментов, никаких засад. Увижу до стрелки слишком близко от себя кого-нибудь подозрительного – договору сразу конец. Это ясно?

– Ясно... Что-нибудь ещё?..

Никита опять замолчал. Видно, крепко задумался.

– Нет... Нет, это всё. Да, мне всё также будут нужны деньги. Мои три миллиона. И да – будь готов выезжать в любое время. Когда я подберу подходящее место для встречи, я позвоню.

Экранчик телефона погас. Дима не заметил, как ещё с полминуты стоял, удерживая трубку и думая об услышан-

ном. Ни Анна, ни другой человек не решились его побеспокоить. Заметив наконец, что застыл, как истукан, Дима отложил телефон и скрестил руки на груди, нахмурился. Анна робко спросила:

– Что нового?..

Третий помалкивает, взгляд его не отрывается от широкого диминого лица.

– Хорошая информация, оптимистичная! – Сказав это, Дима улыбнулся. – Наша рыбка рвётся в сети! Прекрасно, просто прекрасно!.. Алекс, ты всё ещё горишь желанием поквартираться?

– Шутишь что ли?! – Беловолосый гигант отставил пустую рюмку, наклонился и упёрся здоровой рукой в колено. – Скажи лучше что для этого нужно сделать!

Вторая его рука висит в перевязи, перемотанная.

– Сущий пустяк. – Дима улыбнулся шире, в глазах его затанцевал хитрый огонёк. – Нужно съездить со мной на стрелку и немного оросить травку красненьким. Так ты в теме?..

Никита отключился, после чего телефон вообще выключил – на всякий случай, для спокойствия. Руки его дрожат, а сердце колотится, как в детстве, когда соседский велосипед украл. Паша озабоченно спросил:

– Как там?.. Они клюнули?..

Больших усилий Никите стоило ответить без заиканий:

– Кажется да... Да, думаю клюнули. Самое сложно позади.

Пустьяк остался – всё нами задуманное в жизнь воплотить...

Паша шутку понял, но не улыбнулся, наоборот – черты его лица заострились, а кожа будто бы стала серой. На мгновение оглянувшись на спокойно играющего в уголке в какую-то смартфонную игру японца, он посмотрел Никите в глаза и сказал:

– Не волнуйся, Никит, я не подведу. Можешь на меня рассчитывать. Мне-то, правда, самое лёгкое достаётся... Скажи – а ты сам точно справишься?.. Может всё-таки попробуем как-нибудь без риска улизнуть?..

От Паши пахнет луком, жареными котлетами и шампунем. Он только что поел а до того помылся, вернувшись с длительной вылазки. Квартира, в которую они заселились, располагается недалеко от Кировской станции метро. Никита снял её «на долгий срок» в тот же день, как получил от Виктора деньги и документы. Представившись хозяйке студентом и оплатив сразу первый и последний месяц, он также разыскал неподалёку тайничок, где спрятал оружие, которое ещё тогда удалось у Вити выцыганить. Рядом с пистолетом и патронами дожидаются своего часа ещё и две из трёх гранат, так и не использованные в ту самую ночь засады.

Как бы Никите ни хотелось согласиться, но он помотал головой, губы его трагически изогнулись.

– Нет, не получится. Поймают обязательно, а там пожалеем, что легко не умерли... Нам просто жизненно необходимо действовать именно так! Либо победим, либо погиб-

нем. Поверь мне – я знаю, о чём говорю...

Паша опустил взгляд. Тяжело вздохнув, он пожал плечами и широко развёл ладони.

– Что-ж... Если без этого не обойтись... Надо так надо! Доверимся тебе. Всё-таки дураком ты себя ещё не успел показать...

Никита смолчал, раздумчиво покосился на японца. Паша поймал его взгляд, быстро сообразил.

– Не волнуйся, я ему всё объясню! – Говорил он бодро, может, даже наигранно бодро, храбрясь. – Он мне доверяет! Мы с ним теперь что-то типа... э... кровных друзей!

Японец будто понял, что разговаривают о нём, поднял глаза. К огромному удивлению Никиты на страшно ломанном русском он спросил:

– Ми съто-то дьелать?..

Никита потерял дар речи а Паша наоборот захохотал, ткнул друга в бок и улыбнулся уже с искренним задором.

– Гляди-ка! Понимает!

– Это хорошо... – выдавил Никита так, словно его ведром холодной воды окатили. – Это просто замечательно... Осталось надеяться, что в нужный момент он не струсит.

Разумеется никакого места подбирать не нужно – оно уже найдено заранее, ещё до звонка. Это старый, давно заброшенный склад на окраине Самары, неподалёку от пересечения Аэропортовского шоссе и Транзитной улицы. Никита

тщательно прочесал всю местность, запомнил каждый куст и поворот, каждую дырку в заборе. Даже запоминал, где какие камни валяются на случай, если придётся бегать в темноте.

Приготовления начались с самого утра, а ближе к четырём к складу подъехали на такси Паша с японцем. Азиат вышел с объёмной спортивной сумкой, в джинсах и в куртке, совсем недавно купленных на рынке. Обнявшись с Пашей, он прошёл за спину к Никите и встал там, ожидая.

– Как у тебя?.. Всё готово?.. – Паша не скрывал волнения. – Если честно – мне сыкотно чё-то...

– Ну ты нашёл время! – Никита комично покачал головой, стараясь не показать, что и сам на взводе. – За меня не переживай, у меня всё ровно. Ты нашему другу, надеюсь, всё правильно разъяснил?..

– Да. – Паша глянул на японца, кивнул. – Не волнуйся. Мне он кажется покрепче, чем выглядит. Он даже не спорил, когда я ему про верёвки рассказывал.

– Ну ладно... – Никита обнял приятеля, а после отстранился, положил ему ладонь на плечо и крепко сжал. – Всё Паш! Назад дороги нет! Помни: делай в точности, как я сказал, тогда справишься легко. Кусачки-то захватил?

– При мне! – Паша хлопнул по нагрудному карману, от чего тот выгнулся в форме инструмента. – Уж склерозом-то не страдаю! Я, кстати, даже чемоданчик специальный надыбал, как раз для дела. – Тут он помялся, отвёл глаза. – Ну... Ну всё, Никит! Давай! Как буду на месте – позвоню!

Резко развернувшись, он возвратился к такси и сел на заднее сиденье, стараясь глядеть строго перед собой. Машина зарычала и скоро скрылась из виду, а Никита уже глядел на азиата, который с ожиданием глядел на него.

– Гоу, – произнёс он, стараясь вспомнить хотя-бы простейшие английские слова. – Уи... э-э-э... маст вёрк.

...Разрисованное похабщиной и забросанное мусором, здание склада возвышается двумя этажами красного кирпича над некогда асфальтированным, а нынче кустарниковым полем. Сорняк пожух и опустился. Почти вплотную к стенам подступила берёзовая роща. Никита как раз обошёл очередной круг, когда в кармане зазвонил телефон.

– Ало...

– Ало! Это я! – Голос Паши прозвенел, как натянутая струна. – Я на месте. Людей вокруг слава богу мало, меня вроде пока особо не срисовал никто... Ох! Блин-блин! В общем-то всё по плану идёт, только... ну, ты понимаешь... мандраж у меня... Так чё?.. Начинаем?..

– Давай, Пашенька... – Никита облизал вмиг пересохшие губы. – Не подведи, родной! Всё, я тогда звоню Диме. После встречаемся, где условились. Если что, больше шести часов друг друга не ждём...

– Да знаю я, знаю! – огрызнулся Паша с раздражением, но быстро успокоился. – Незачем это всё время повторять... Ладно! Ни пуха ни пера!

– К чёрту!

Отсчитав минуту, Никита набрал номер, некогда бывший его собственным. Ждать долго не пришлось.

– Ало?! – Голос Димы прямо хлестнул нетерпением. – Слушаю!

Никита назвал точный адрес, объяснил как доехать, даже про камеры предупредил.

– И всё должно быть, как договорились! – закончил он властно. – Только так и никак иначе!

– Хорошо, Никит, хорошо... – Дима растягивал слова, словно жвачку жевал. – Моё слово крепче гороха. Скоро буду! Жди.

Отключившись, Никита поплёлся к проёму в стенах, где явно когда-то были ворота. Японец уже встал там и смотрит на него с нервным ожиданием, с серым худым лицом и нервно сжатыми губами. В его глазах прочлось напряжение.

– Старт, – произнёс Никита и показал на пальцах, что только что звонил. – Уи старт.

... Часы показали двадцать минут десятого, когда вдалеке послышалось рычание моторов. Глубоко вздохнув, Никита встал со старого деревянного ящика и принялся отворачивать крышку с пол-литровой бутылки, которую уже с полчаса разогревал в руках. Напиток оказался вкусный, только от большого количества сахара занял больной зуб. Скривившись, Никита всё же допил до конца и, вытерев рукавом губы, отбросил тару прочь.

– Не бойся, – произнёс он сидящему рядом японцу, руки

которому связал за спиной. – Эм... Донт фиер...

Может быть поняв, а может и нет, японец кинул на Никиту простой, совсем не боевой взгляд и тяжело вздохнул. Моргнув, он кивнул и уронил голову.

Рычание моторов нарастало и нарастало и вот на площадку перед руинами выкатились две машины: чёрный блестящий внедорожник и старый, давно не крашенный «УАЗик». Никита достал пистолет и сдвинул предохранитель. Не сводя глаз с машин, он встал за спиной японца и упёр тому дуло в затылок.

Внедорожник остановился. Двери распахнулись, наружу выскочили трое мужчин. Подтянутые, атлетичный, бравые. С горящими взглядами. Дима, Вова и Вася. Дима сразу вышел вперёд, широко и по-хозяйски улыбнулся.

«УАЗик» припарковался позади. С водительского сиденья поднялся незнакомый мужчина лет тридцати пяти. Выглядит он как типичный вохровец или охотник-любитель: короткие волосы, узкое, совершенно незапоминающееся лицо и уныло-серые глаза, теряющиеся на фоне серого же камуфляжного костюма.

Чувствуя, как разгоняется сердце, Никита с волнением взглянул на человека, вторым вылезшего из «УАЗика». Алекс появился как всегда злой и громадный, с прямой спиной и чувством превосходства во взоре. Одна рука в перевязи, другая держит чёрный чемоданчик. Никита ждал, что гигант обязательно ляпнет что-нибудь дерзкое, но тот просто

молча встал за спиной Димы, чем по-настоящему удивил.

– Ну привет, Никит! – Дима дружески показал зубы. – Я гляжу ты не хило у нас тут погулял!

– И ты здравствуй... – Взгляд Никиты прыгал то на одного, то на второго, будто подозревая их в чём-то нехорошем. – И я о тебе слышан... Нахожу теперь нашу встречу достаточно ироничной...

– Тут ты прав! Смешно получилось! – Глаза Димы хитро блеснули. – Если бы я знал, кому даю Валин номер, я бы, может быть, сам бы тебя на работу позвал!

– Или убил, – произнёс Никита скептически.

– Может быть. – Дима пожал плечами. – Кто может предвидеть судьбу?.. Так что? За дело?

Его взгляд скакнул на японца. Неосознанно Дима чуть покачал головой и поиграл пальцами по штанине, словно по клавишам рояля. Вася и Вова выглядят вроде бы спокойно, но всё равно заметно, как напряжены их руки, как ноги готовы прыгать, а пальцы хватать оружие. Никита показательно сжал рукоять пистолета – так, чтобы его движение виделось хорошо.

– Ну давай! – сказал он так твёрдо, как только смог, хотя уже почувствовал, как пот по спине побежал ручьём. – Мои требования, пожалуйста...

Дима понимающе улыбнулся, но выражение у него такое, как если бы вам улыбнулась акула.

– Алекс, – произнёс он, не оборачиваясь. – Дай-ка мне

чемоданчик.

Ощущая, что уже стали влажными и ладони, Никита поражённо смотрел, как беловолосый гигант послушно вышел вперёд. Лицо его не выражает ничего хорошего, глаза мечут молнии... И тем не менее вот он встал, послушно протягивая Диме кейс.

– Спасибо. – Дима принял чемоданчик, усмехнулся. – Ты настоящий друг!

Быстро – быстрее охотящейся куницы – Дима выхватил из рукава нож и воткнул его беловолосому в живот! Вова и Вася с готовностью прыгнули к тому с обеих сторон, ухватили за руки. Никита старался стоять спокойно, наблюдал без эмоций. Японец же поднял голову, увидел всё это – и побледнел.

Алекс сжал зубы, попытался вырваться, но Вася и Вова держат крепко. Дима проследил, смотрит ли Никита, а затем, не вынимая клинка из жертвы, провернул его влево-вправо, от чего Алекс агонизирующе вытянулся, застонал мучительно... и безвольно обмяк.

По коже побежали мурашки, зрение помутилось. Никита стал чувствовать, что ему то холодно, то жарко. Руки задрожали. С огромной натугой он заставил себя держаться.

– Ну вот и всё! – Как ни в чём не бывало Дима поглядел на лежащее у его ног тело. – Это второе, что ты и просил. А вот и первое!

Он махнул рукой и кейс полетел к Никите. Огромных, просто титанических усилий стоило поймать его показатель-

но спокойно, без резкости.

– Двадцать два пятнадцать, – произнёс Дима деловито. – Можешь пересчитать, я подожду.

Пока Никита набирал код на замке и открывал крышку, «охотник», как он уже успел назвать его про себя, ухватил Алекса под руки и поволок к «УАЗику». Совершенно не церемонясь с трупом он запихнул его на заднее сиденье, затем метнул взгляд на главного – Дима кивнул – и сел в машину. Старый мотор зарычал с тем особым звуком, с которым не работает уже ни один современный двигатель. «УАЗик» проехал чуть вперёд, развернулся и укатил, скрылся в крепчающей вечерней тьме.

– Ровно три, – напомнил Дима с победным выражением. – Не бойсь, Никит. Такие люди, как я, не обманывают.

– Ладно. – Никита кивнул, от чего со лба у него слетели крупные капли пота. – Ладно... Берите ваш приз.

Сердце колотится бешено, дыхание торопится уже так, будто бежишь спринт в гору. Почти задыхаясь Никита ткнул японца оружием в шею. Тот встал и послушно побрёл к новым пленителям.

– Вот видишь! – Дима сделала лицо простым и бесхитростным, хотя глаза его остались прежними, хищными. – Всё так, как ты и хотел! Кроме нас здесь никого, и твой новосибирский приятель со счетов уже списан. Ты теперь при деньгах...

Японец побрёл шажок за шажком, словно боясь наступить

на что-то острое. Дима внимательно следил за ним, Вася и Вова не спускали глаз с Никиты. Когда до японца оставалось уже руку протянуть, Вася нахмурился пуще прежнего, пригляделся к Никите повнимательнее... У него открылся рот: зрачки Никиты размером с сами глазные яблоки, а всё тело трясётся, как в лихорадке!

– Что это с ним?.. – спросил он вполголоса. – Никит... Что это с тобой?..

– Да вот... принял этой... новой дряни... – Никита выдавил слова через силу, словно ему мешают говорить. – Ох ну и ядерная же отравка!

– Идиот... – обронил Дима презрительно, после чего ухватил японца за воротник и притянул к себе. – Чё, так нас напугался, что решил подхрабриться спидами?..

– Ну... почти... – Никита согнулся пополам, он уже не мог держаться ровно. – Сейчас этот парень покажет вам, зачем, а вы, главное, смотрите внимательно...

Вся троица резко насторожилась. Руки Васи в Вовы потянулись к оружию... Но тут в глаза им вонзился такой яростный и злой свет, что от боли все трое стиснули зубы! Выронив из потных ладоней так долго сжимаемую световую гранату, японец почувствовал, как хватка Димы ослабла, а потом и вовсе пропала. Зажмурившись раньше остальных, азиат упал на землю и пополз, на ощупь ища дорогу куда-то направо, где должен стоять внедорожник.

Свет пробился даже сквозь опущенные веки! Секунд пять

Никита вообще ничего не видел. Отбросив пистолет он нашупал припрятанный у ящика молоток и, словно пущенный из рогатки, кинулся в атаку!

Мышцы запели, сознание прояснилось в мгновение: «Кофеин», не находя выхода в физическом действии, бил по организму нещадно, но теперь – вот оно – разгрузка! Ощущая себя больше снарядом, чем человеком, Никита в секунду оказался возле ошарашенных и набросился на них, как ястреб на червяков – так сам себя он сейчас почувствовал.

Вова и Дима оказались за спиной Васи. Болезненно щурясь, тот всё же вытянул руку с пистолетом, постарался прицелиться в размытый силуэт.

– Япошку не зацепи! – крикнул Дима, больше догадываясь, что происходит, нежели видя воочию.

Лицо Васи перекосилось от злобы, он по-волчьи оскалился и уже почти выстрелил во что-то перед собой, но Никита успел раньше. Грубый удар швырнул вражескую руку с оружием к земле. Молоток показался не тяжелее одуванчика, хотя Никита специально выбирал поувесистей.

– Смерть! – со страшным криком он обрушил следующий удар на голову противника. – Всем вам смерть!

Обух молотка с хрустом погрузилась в череп несчастного, жутко прорвал кожу и кости. Глаза Васи остекленели, ноги подогнулись и он рухнул, содрагаясь в корчах.

– Вася! – Вова с ужасом понял, что брат только что погиб, хотя зрение его всё ещё мутится. – Вася, Нет! Не-е-ет!

Переступив через ползущего на локтях азиата, Никита ки- нулся вперёд, по-лягушачьи оттолкнувшись сразу обеими ногами. Левой рукой он ухватил Вову за кисть с пистолетом, правой резко ткнул ему в кадык. Вова хотел крикнуть что-то ещё, но закашлялся. Хотел выстрелить, пусть даже в воздух, но вражеские пальцы не дали. Никита показался ну просто железным, ему невозможно противостоять. А ведь Вова килограммов на двадцать тяжелее, да не жиром, а мышцами!

– Дима... – удалось прохрипеть ему сквозь боль в горле. – Дима... Заходи ему за спину...

Такого чувства превосходства Никита не смог бы ощутить даже в драке с ребёнком. Так легко! Вова скорчился в его хватке, как игрушечный. Никита даже чувствовал, что смог бы сейчас поднять его над головой и бросить о землю, и только мысль, что это всё наркотик, что можно запросто надорваться и не заметить не позволила разойтись во всю дурь.

Одной рукой растирая глаза а второй держа пистолет Ди- ма пошёл полукругом. Никита лишь улыбнулся и с усмеш- кой толкнул Вову прямо на главаря, от чего оба они повали- лись на усеянную мелкими камешками землю. Вова так и не выпустил оружия, но не успел он собраться, как Никита уже встал сверху.

– Да сдохни же ты... – прошипел Вова, вскидывая писто- лет. – Умри...

Палец сдвинул спусковой крючок, оружие с грохотом вы- плюнуло сгусток пламени... Но запястье уже придавлено к

земле чужим ботинком. Никита протянул одну руку к макушке, вторую к челюсти противника. Грудные мышцы напряглись, руки сделали резкий поворот... Хруст! С неестественно выгнутой шеей глядя куда-то в пустоту Вова обмяк.

Сердце кольнуло так, будто в него вонзили нож! Никита ахнул, схватился за грудь и отступил, болезненно согнулся. Он испугался, что его ранил кто-то посторонний, четвёртый, но боль повторилась и стало ясно, что это бьёт изнутри.

– Чёртова отравка... – Скривив лицо, Никита в отвращении сплюнул. – Да чтоб я ещё хоть раз...

Высвободившийся из-под мёртвого соратника Дима вскочил, как ошпаренный! Глаза красные, от дурной крови щеки багровые. Увидав сгорбившегося Никиту он позабыл даже про свой пистолет, настолько обезумел от ярости! Бросив мешающую железяку Дима коршуном подлетел к ненавистному и врезал ему под дых, от чего у Никиты глаза полезли на лоб. С остервенением Дима принялся махать кулаками, с каждой секундой обрушивая на противника удар за ударом. По лицу! В грудь! Снова по животу! Снова по лицу! И ещё по спине.

Никита свалился на землю, но Дима и теперь не подумал воспользоваться оружием. Он продолжил врага с наслаждением пинать, стараясь сломать ему рёбра.

– Против меня попёр?! – орал он, брызжа пеной. – Против меня, да?!

Никите стало страшно, но это страх разума: он не чув-

ствовал боли, хотя понимал, что она должна быть ужасной. Сердце болит а всё остальное нет! Может он слишком много выпил?..

На мгновение полегчало. Улучив момент, Никита схватил pinaвшую его ногу и дёрнул под колено. Усиленные наркотиком мышцы пересилили. Дима не удержался, рухнул на задницу. Нисколько не растерявшись, он набросился на Никиту уже лёжа, ухватил его за горло и стал душить.

– Всё равно убью! – В злобе его лицо превратилось в звериную морду. – Всё равно всё будет по-моему!

Никита горько пожалел, что не успел перехватить вражеские руки. Чужие пальцы впились в шею с такой силой, что никакой наркотической мощи не достаёт их оторвать.

Лицо Димы нависало над лицом Никиты – одно раскрасневшееся, горячее, другое холодное, с уже подступающей синевой. Как Никита не брыкался, но Дима уж очень крепко устроился и позицию не отдаёт, жмёт изо всех сил. В какой-то момент он свирепо оскалился и сделал движение надавить с рывка, как бьют острой рыбу на мелководе... но вдруг вскрикнул, высвободил одну руку и пощупал затылок – на ладони осталось красное.

– Ах ты грязная обезьяна! – гаркнул он на японца, в страхе пятящегося от него с камнем в руке. – Я буду держать тебя в подвале, как животное!

Сделав желанный вздох, Никита вывернул туловище в бок, да так, что напротив головы Димы очутилась его задни-

ца. Ухватив ногами здоровяка за шею, Никиты сцепил их и что есть мочи сдавил, преодолевая уже властвующую над телом смертельную слабость.

Дима гаркнул, попытался вырваться. Дёргая руками и ногами, он ожесточённо стал лягать Никиту по голове и по спине. Удары его стали по-настоящему резкими и отчаянными! Никита давил методично, как удав, стойко терпя слабость, тычки и всё усиливающуюся боль.

Теперь уже лицо Никиты стало красным, а вот Димино посинело, движения его всё замедляются, замедляются... всё медленнее и медленнее... вот уже прекратились... Никита продолжал давить, пока совсем ослабший и умирающий не распростёрся лицом в грязь. Ко всей прелести тело здоровяка, потеряв контроль угасшего мозга, обделалось и обоссалось, добавив к жуткой вони пота ещё и вонь кала и мочи.

С отлётом его души на место схватки пала какая-то магическая, колдовская тишина.

Прошло минут пять прежде, чем Никита решился пошевелиться. словно виртуозный музыкант в консерватории сердце его с бешеного ритма перешло ни еле угадываемый темп. Дыхание даётся с трудом, в глазах стоит темнота. Заставляя себя двигаться на одном лишь упрямстве, Никита отполз, почти не разбирая, что впереди. Чьи-то руки перевернули его на бок, открыли рот. В горло полез противный грязный предмет вроде веточки. Сразу затошнило.

Японец терпеливо ждал, когда парень проблюётся. Из же-

лудка того выплеснулась вонючая зелёная жидкость, словно он обпился огуречного лосьона. Заставив выпить страдальца литр заранее приготовленной чистой воды, японец повторил процедуру с прутиком. На этот раз Никита уже запачкался основательно, весь промок и провонял.

– О боже мой... – простонал он, еле дыша. – О господи! Только бы выжить... Только бы...

Оттащив Никиту от трупов, японец достал из кармана маленький свёрток из фольги. Развернув его и потряся, чтобы порошок скатался в дорожку, он поднёс её к носу Никиты и сильно ущипнул его за щёку, от чего парень открыл глаза и уставился на азиата почти беспамятно.

– Бретф! – японец сделал вид, будто с силой втягивает ноздрей. – Нюхать!

Бродя сознанием где-то в тумане, Никита всё же нашёл силы сделать, как приказали. Вынюхав всю дорожку и больше не в состоянии держаться он уронил голову... Но уже спустя минуту распахнул глаза и встал сам, без помощи!

– Ух ты! – воскликнул он впечатлённо. Тело снова почувствовалось живым и лёгким, а ум быстро прояснился. – Что это?!

Японец уже собирал с трупов шмотки, шарил по карманам. На Никиту оглянулся, словно только того и ждал. С вопросом в раскосых глазах Азиат выпрямился в полный рост.

– Можэт йэхать?..

Солнце давно скрылось. Сумрак и холодный ветер делают

пустырь с развалинами склада всё более отталкивающими. Никита осмотрелся: Вася валяется с вывернутыми карманами и молотком, торчащем из головы. У Вовы отвратительно выкручена шея. Дима весь синий. С выпученными стеклянными глазами он застыл, как манекен, его бестолковый взгляд устремляется в небо.

Ещё подташнивает, но после неизвестного лекарства стало получше. На глаза попался чемоданчику денег... Колоссальной воли стоило не подойти и не забрать его, так как есть огромная вероятность понести маячок.

– Уходим... – произнёс Никита тихо, почти с хрипотцой. – Всё. Нечего нам тут больше делать... Кам витф ми.

Стараясь не наступать на тела и лужу крови, оставшуюся после Алекса, Никита подошёл к Димовскому внедорожнику. Нахмурившись, он остановился, обернулся и внимательно поглядел на эту самую лужу – чёрную, уже стянувшуюся, почти засохшую...

Японец тем временем открыл пассажирскую дверь и уселся в роскошное кресло, вместившее бы двоих таких, как он. Даже пристегнулся, что вызвало у Никиты улыбку.

– Ладно, погнали! – Он усмехнулся такой предосторожности азиата. – Гляди-ка – тут нам и ключики оставили! Давай-ка я тоже пристегнусь. Поедем с тобой с ветерком!

Настроение взлетает с каждой секундой. Толи лекарство так действует, толи мысль, что всё вышло, как задумалось... С каждым мигом дышится всё свободнее, а будущее пред-

ставляется всё светлее.

Хлопнув массивной дверью, Никита выкрутил руль и втопил газ. Стараясь не катить по телам, он направил машину задом по кругу, развернулся и погнал по дороге, единственно ведущей прочь из этого поганого места.

– Мы молодцы! – Никита зажёл фары. – Мы большие молодцы, дружище! Ты молодец! –

Он с энтузиазмом похлопал японца по плечу. – Хорошо справился!

Азиат отреагировал вяло, на его лице усталость, словно он в одиночку вагон угля разгрузил.

Машина идёт покорно, слушается малейшего движения. Никита вёл с большим удовольствием, уже заранее сожалея, что такую красавицу придётся оставить. Ни тряхнёт лишний раз, всё плавно. Будто на лодочке плывёшь... А ведь эту дорогу ноги помнят, как сплошь покрытую выбоинами!

– Кстати! – Он снова повернулся к японцу и даже потряс его за плечо. – А что ты мне дал? – Никита показал, как с шумом втягивает носом нечто невидимое с руки. – Вхот из вис?

– А! – Азиат с пониманием закивал, на его лице расцвела задорная улыбка. – Ай андестенд! Кокаинум!..

...Дорога почти вывела на трассу. По памяти осталось проехать ещё метров пятьсот – сотню до столба а потом налево. Никита спокойно рулил и старался не думать, какое

отравление сегодня получил. Это цена выживания. Это тот кусочек здоровья, который пришлось отдать взамен на все оставшиеся.

Откуда-то донёлся знакомый шум – рычание мотора.

– Тихо! – выпалил Никита настороженно, хотя японец и так сидит тише мыши. – Кажется... Не пойму никак...

В глаза ударил свет фар. Никита зажмурился, прикрылся ладонью. Через пальцы он увидел несущуюся прямо на них машину!

– Вот чёрт! – только и успел он крикнуть. – Сто-о-о-ой!!!

Грохнуло! От страшного удара мир закружился. Никита почувствовал, что его болтает, как тряпку на ветру. Лицо шибануло о надувную подушку, руки взлетели, словно сами по себе. В спину точно пнули, а из лёгких выбило весь воздух.

Протаранный, внедорожник съехал с колеи и утоп задницей в сорняке. Напротив него задымился изуродованный «УАЗик». Смятый капот смотрит набок, лобовое стекло разбито, но не полностью – с водительской стороны цело, а вот с пассажирской дыра, в которой лежит наполовину вывалившийся человек. Суставы вывернуты, лицо изрезанно осколками. Нос вбило в череп. Серая камуфляжа на нём превратилась в кровавые лохмотья.

– Зараза! – Дверь «УАЗика» распахнулась. На дрожащих и подгибающихся конечностях оттуда вывалился и упал на четвереньки Алекс. – Я так и знал! – Он закашлял и отхарк-

нул сгусток крови. – Я так всё, сука, и знал!

Никита проморгался, быстро ощупал голову, осмотрел руки. Вроде цел. Японец оказался лицом на подушке безопасности, словно ехал-ехал да так в дороге и уснул. По бледному умному лбу течёт красная струйка.

– Я так всё, сука, и знал! – гаркнул Алекс, кое-как поднимаясь на ноги. – Говорил я Диме! Говорил! Но нет! Он меня не послушал! А я говорил...

Никита отстегнулся, быстро похлопал по бёдрам, по груди – оружия не осталось, всё брошено. Как глупо!

– Говорил я, что нельзя тебе верить! – С ехидным весельем Алекс шаг за шагом заковылял к внедорожнику. – Говорил, что ты обманешь, что обязательно что-нибудь выкинешь!

Добравшись до машины, он попытался открыть дверь, но Никита закрылся изнутри. Это первое, что пришло ему в голову.

– Не дури, грязная ты скотина! – Алекс с силой треснул по стеклу, от чего то покрылось трещинами. – А ну вылезай!

– Я-то думал ты уже мёртв... – Глядя гиганту в жестокие хищные глаза Никита спешно соображал, искал какой-нибудь выход. – Никак ты из ада за мной вернулся?..

– Если бы попал в ад, то за тобой бы вернулся обязательно... – Алекс достал пистолет, тот самый, грохочущий, как канонирская пушка. Голос его стал тихим и угрожающим, как нож у горла. – Я сказал – выходи...

Никита сглотнул, в груди у него похолодело. Смотрящее на него чёрное дуло – как Смерть. Алекс – как Палач. Безлюдье, где они оказались – как Место Казни.

– Поторапливайся!

Медленно, всё ещё пытаясь хоть что-то придумать, Никита снял блокировку и отпёр дверь. Подняв руки он вылез, сразу ощутив вечернюю прохладу и треплющий волосы ветерок. Алекс отступил на шаг. Лицо его выглядит двояким – с одной стороны победная ухмылка, с другой исключительно настороженные, недоверчивые глаза.

– Не знал, что после таких ран выживают... – произнёс Никита, глядя то на Алекса, то на дуло смотрящего в него пистолета. – Или всё это было постановкой?..

– Конечно! – Алекс следил за Никитой пристальнее часового на кремлёвской стене. – Дима придумал такой план, в конце которого я должен был встретить тебя после стрелки. Сделать тебе сюрприз!

Никита кинул взгляд по сторонам, потом поглядел Алексу прямо в глаза и с подчёркнутой значительностью кивнул.

– Ну... сюрприз у тебя точно получился...

– Да! – Алекс резко подступил и замахнулся. – Для тебя ведь старался!

На голову обрушилась металлическая рукоять. Охнув от боли, Никита упал. Руки сами закрыли ладонями уши.

– Больше ты не убежишь! – Со злобным наслаждением Алекс принялся пинать ненавистного противника. – Никуда

ты больше не скроешься! Здесь останешься навсегда!

Как Никита ни закрывался, защититься у него не получалось – то и дело прилетало по животу и по голове. Рёбра затрещали, руки заныли от ушибов.

– Какая тупость! – орал Алекс, катая недруга на башмаках. – И как я мог на такое согласиться?! Бутафорский нож! Коровья кровь! Дима этот слишком мудрёный! Дурак! Проблемы надо решать проще!

Во рту стало солоно. Никита выплюнул кровь, в ней мелькнуло белое. Язык нащупал в передних зубах свежую пустоту. Алекс перехватил пистолет левой перевязанной рукой, правой же взял Никиту за волосы и потащи вглубь пустыря. Делая один широкий шаг за другим он вдохновенно заявил:

– Кажется я видел где-то там озерцо! Ты же ведь не хочешь получить пулю в лоб, верно? По-моему смерть в грязи для тебя – самое то!

Макушка заныла страшно, от боли на глаза навернулись слёзы. Сорняки стали цепляться за одежду, за шиворот набился сухой мусор. Чтобы хоть как-то облегчить страдания Никита ухватил противника за кисть, но большего сделать не смог – так и волочило его по земле, пока Алекс не потрянул руку и резко остановился.

– И точно! Вот оно!

Сквозь навернувшиеся слёзы Никита рассмотрел «озерцо» – дождевую лужу с плавающими в ней отбросами и мёрт-

выми животными вроде птиц и мышей. На поверхности пересвечивает широченное разноцветное пятно – машинное масло или бензин.

– Подходящее для тебя местечко! Идеальное! – Ухмыльнувшись, Алекс со злостью и наслаждением пнул Никиту в живот. – Давай вставай!

Посыпался новый град ударов: по челюсти, по голове, по спине, снова по голове, по рукам... Алекс пинал лежащего, как футбольный мяч.

– А ну вставай, грязная ты тварь! – орал всё злее и злее. – Поднимайся!

Удары прекратились. Никита почувствовал, что его вновь схватили за волосы.

– Стой прямо! – рывкнул гигант, с силой поднимая противника. – Не смей падать!

Голова кружится до тошноты, ноги подгибаются. Чувствуя себя куском мяса на разделочной доске, Никита всё же удержался от падения. Только закачался из стороны в сторону, его стало заваливать набок.

– Всё-таки у меня для тебя ещё будет один сюрприз! – произнёс Алекс с отдышкой, на его раскрасневшемся от усердия лбу замерцали бисеринки пота. – Вот! Смотри!

Перехватив пистолет здоровой рукой, он направил дуло Никите в голову и нажал на спусковой крючок... Курок щёлкнул. Никита почувствовал, как сердце его бухнуло и провалилось в пропасть. Гигант достал обойму – она оказа-

лась пустой.

– В нём нет патронов! – выпалил он с улыбкой, глаза его страстно наслаждались смятием обманутого противника. – Наконец-то и я тебя обманул! Да! Ну как тебе?.. Хорошая шутка?!

Еле-еле, показывая перепачканные кровью зубы Никита вымолвил:

– Просто убийственная... Ты что, специально его не зарядил?

– Конечно нет! – Алекс по-разбойничьи ухмыльнулся одним уголком губ. В ту же секунду он резко махнул рукой – пистолет полетел в кусты. – Разумеется! Уж слишком тогда был бы велик соблазн! Убить тебя не собственными руками – это всё равно, что дать кому-то съесть праздничный торт вместо себя!

Никита следил, как гигант отстёгивает перевязь с раненого плеча, как она летит на землю, а он вытягивает и разминает застоявшуюся руку, водит ей по кругу и вверх-вниз, разгоняет кровь.

– Нет, Никитушка... – Алекс сжал и разжал кулаки, его глаза внимательно проследили за работой суставов, а после обрекающе остановились на недруге. – Тебя я не буду стрелять. Тебя я своими руками убью! Так мне больше по сердцу!

Никита стремительно бросился вперёд!.. Но стремительно это должно было быть, а на деле вышло совсем вяло. Поймав измученного, Алекс захохотал во всё горло и тут же мет-

нул колено ему в живот, после чего ещё и вдарил кулаками ему по бокам и по спине.

– Даже не думай победить меня! – заорал он, разъярённо мутузя тающего на глазах человека. – У тебя больше не осталось хитростей! Только твоя сила против моей! – Он сделал быстрый и крутой замах и врезал Никите в челюсть. – И я сильнее!

Мир закружился так, словно Никиту катает на американской горке. Раз за разом Алекс опрокидывал его, пинал, бил по голове, по зубам, по животу – и, тупея от боли, истекая кровью, раз за разом Никита поднимался и поднимался. Уже не из силы воли и не из желания победить, а просто из какой-то настырности и упрямства, привычки вставать всегда.

– Знаешь, а ведь это самое сладкое в жизни! – Алекс ухватил Никиту за шею и в очередной раз засадил коленом в живот. – Бить человека ненавистного тебе! Вот так бить, избивать его, чувствуя своё превосходство! Согласен?!

Алекс не ждал ответа, даже не дал бы ему свершиться – сразу врезал Никите по челюсти, на этот раз снизу вверх. Голова избитого запрокинулась но странным образом он устоял, на пару секунд став похож на бального танцора – удержался, размахивая руками и гарцуя на носках.

– Тут ты конечно прав... – Никита выплюнул кровь вперемешку со слюнями. – Мечь – это сладкое чувство. Мечь даёт удовлетворение...

– Ты что ли про папаню своего? – Алекс хохотнул и от-

махнулся, как от мухи. – Да дураком он был, каких мало! Не стоило ему вообще высовываться! Жил ментом и умер мусором!

Никита прочистил горло, нагнулся и смачно харкнул сгустком красных пузырей.

– Батя мой совершил одну лишь ошибку – ему пришлось работать со всякими мразями... – Никита шумно вздохнул и поднял окровавленное, покрытое ссадинами лицо. Среди синяков и кровоподтёков выделились, однако, упрямые, пронзительно смотрящие глаза. – И ты одна из таких мразей!

Стиснув окровавленные зубы он бросился на Алекса с выставленными руками. Гигант сделал движение поймать его, но это был обман и Никита вывернулся, ухватил его за пояс и попытался поднять, чтобы опрокинуть на спину.

– Ха-ха-ха! – зацепившись своей ногой за ногу противника, Алекс засмеялся. Он быстро догадался, на что нацелился враг. – Пустая попытка!

Новый удар по спине заставил сердце биться, наверное, в обратном направлении. Никита закусил опухшие губы и уже просто тиранически заставил себя стоять и двигаться, искать хоть какой-то шанс на спасение. Не сдаваться.

– Ну хватит! Всё! – Алекс бил его по спине со всё возрастающей силой, он заводился по новой. – Пора уже тебе сдохнуть!

Ладонь нащупала в кармане противника выпуклость,

пальцы сами шмыгнули внутрь. В пропитанных потом складах угадался знакомый металлический силуэт... Мысля скорее инстинктами, чем рассудком, второй рукой Никита ухватил врага за яйца и сжал что есть сил.

– Ах ты мразь!

Алекс ударил вдвое сильнее! Втрое! Съездил полумёртвому врагу по скуле и толкнул его в воду. Тело подняло плеск, фигура Никиты скрылась в месиве отходов и масла. Промежность заболела, но подозрительная мысль заставила прежде залезть в карман. На ладони у Алекса оказалась граната, которую он всё время носит с собой. На ней отсутствует кольцо.

– Ха-ха-ха! – снова засмеялся он, уже не обращая внимания на боль. – Идиот! Ха-ха! Она бракованная! Ты просто идиот, Никита!

Вода, хоть и мерзкая и склизкая, обдала спасительно прохладой. Никита не решился открыть глаза. Ждал, как карась в тине, не смел пошевелиться...

По ушам ударил тупой грубый звук, словно лопнул огромный надувной шар. В воду полетели земля и мелкие кусочки. Выждав, Никита воздел голову над водой, с усталой неторопливостью сначала вытер глаза от грязи и только потом поднял веки. Место взрыва оказалось украшено кусками мяса, как новогодняя ёлка игрушками. Часть Алекса всё ещё цела – через разрыв между торсом и ногами из неё течёт кровь. Накапливаясь в лужицу, она бежит дальше и впадает в «озерцо», где растворяется в грязи.

Молча, не испытывая никакого триумфа, Никита выбрался из лужи и лёг на берег, где минут десять пролежал просто глядя в тёмное небо. Его стало сильно морозить. Холод пробрался до костей, зубы застучали. Шевелится больно, дышать больно. Даже просто повернуть шею, вытянуть руку, кашлянуть – всё больно, чертовски больно. Никита подумал, что так, наверное, мог бы чувствовать себя человек, с которого сняли кожу – один сплошной оголённый нерв. Давненько, когда в армии сломал зуб и неделю не мог ни пить ни есть – и то так плохо не было.

Как ни хотелось бы сейчас провалиться в забвение, но надо идти. Не смотря ни на что идти, иначе всё, что было до этого напрасно. И Никита встал и пошёл. Сначала нестойко, ковыляя и оступаясь. Морщась и тихо матерясь. Потом немного уверенней. Шаг за шагом, уже почти на ощупь в нависшей вечерней тьме он добрёл до места аварии. К немалому его удивлению японец уже очухался и теперь сидит возле колеса внедорожника и бездумно пялится на труп, торчащий из разбитого окна «УАЗка».

– Ох, ну хоть одной проблемой меньше... – вышептал Никита тихонько. Нормально говорить не позволило больное горло. – Сам идти сможешь, значит не придётся тебя тащить...

Японец очнулся, как от гипноза. На Никиту уставились испуганные, но в тоже время полные надежды глаза.

– Сяду за руль... – с азиата Никита перевёл взгляд на по-

битый внедорожник. – Думаю, эта лошадка ещё способна скакать.

Эпилог

Мокрый асфальт блестит в лучах восходящего солнца. Вымытый утренним дождиком, автобус идёт по нему гладко, словно по лыжне скользит. Водитель прилежно вписывается в повороты, не спешит и не медлит. Должно быть он знает этот маршрут вплоть до каждого метра: ну прямо как по рельсам едет.

Три часа назад маршрутный «Хендай» вышел с центрального автовокзала Самары и теперь пересекает земли, где легче увидеть поле, берёзовую рощу или сбитую лису, нежели магазин или заправку. Половина пассажиров спит, вторая сёрфит в смартфонах. Есть даже человек, читающий купленную на вокзале книжку.

Кресла новенькие и удобные, со специальными подлокотниками. На широкую полочку над головой люди закинули здоровенные чемоданы и рюкзаки. Даже шторы на окнах висят, от чего треть салона в тени. Ко всем удобствам на стене, отделяющей водителя от пассажиров, шумит телевизор в металлической жёлтой оправе. Настроенный на антенну, он показывает второй канал – «Самара 24».

– Срочные новости! – зататорил диктор, молодой человек с тщательно прилизанной причёской, в белой рубашке и галстуке, с ухоженным модельным лицом. – Вчера вечером в своей квартире была обнаружена убитой начальник отде-

ла по контролю за оборотом наркотиков Решетникова Анна Павловна, уроженка города Сызрани. Женщину нашли в ванной со следами ножевых ударов. Некоторое время она не отвечала на звонки и у неё на службе забеспокоились. По факту убийства...

На последнем ряду бок о бок сидят трое: с левого края азиат, посередине парень лет двадцати с чёрной татуировкой китайского дракона на виске, и ещё один, закрытый кепкой и солнечными очками мужчина, не пожелавший снять головного убора даже в помещении. Последние двое переглянулись, но нарушать молчание, за несколько часов поездки ставшее для всего салона уже священным, не стали. Азиату вообще, кажется, не интересно ничего. Он просто едет и разглядывает виды за окном.

– Что-либо утверждать пока ещё рано, но уже есть человек, который видел, как из подъезда в час предполагаемого убийства вышел неизвестный, одетый в кожаную куртку и джинсы. Посмотрите, вот его портрет, составленный со слов свидетеля...

Пассажиры поглядывают на экран вяло. Некоторые на секунду сосредоточили взгляд на нарисованном черно-белом лице, но после потеряли к передаче всякий интерес.

Автобус ехал дальше.

...Без пятнадцати час «Хендай» припарковался на центральном автовокзале Ульяновска. Из автобуса выбрались семеро, среди которых оказались те самые мужчина в очках

и парень с татуировкой. Водитель отправился куда-то по делам, билетёрша купила пирожок со стаканчиком кофе и теперь следит, как новые пассажиры заходят и занимают места. Курящие у входа уже знают, что билеты она спросит прямо перед самым отъездом.

– Ну что? Вы в Чебоксары? – голос Никиты звучал тихо, приглушённо.

– Ну да, как и планировали. – Паша на краткий миг обернулся и кинул взгляд на усевшегося возле окна японца. – Отсидимся месяцок, может дольше. У меня там кореш хороший есть... В общем всё схвачено.

Никита кивнул. Они чуть помолчали.

– Ну а ты? Куда пойдёшь?..

Никита задумался. Рука его непроизвольно потянулась и нащупала внутренний карман, пальцы дотронулись через ткань до новых документов.

– Да я скорее всего вообще из страны уеду. Мне тут слишком опасно, сам понимаешь...

– Ну да... – Паша кивнул, скривил губы. – Довелось убедиться...

– Кстати, тут это... ну... – Никита закрылся кулаком и немного неестественно кашлянул. – Вот. Это вам на дорожку. Малость моей благодарности, так сказать...

Он вынул из кармана и протянул маленький пакетик, в которые обычно кладут косметику. Тот даже оказался фиолетового с розовым цвета, с изображением прекрасной девушки.

ки с большущими, как крылья бабочки, ресницами. Паша принял, заглянул внутрь – и сразу пакет свернул, уставился на друга ошарашенно.

– Никит! Да ты чего?! У тебя же у самого каждая копейка на счету! И ещё больше потом понадобится! Не дури! Обойдёмся мы!..

– Потихе... Чего разорался?.. – Лицо Никиты стало недовольным, он с опаской оглянул по сторонам, даже за спину. – Бери, не выкабенивайся... Я тебе намного большим обязан, так что не спорь. Не спорь, говорю!.. Всё, дружище, давай прощаться. Вон и водила уже идёт. Скоро вам отъезжать...

Водитель в самом деле идёт обратно, посвистывает и вертит на пальце брелок с ключами. Паша глянул на него, потом, помедлив, шагнул и обнял друга крепко, с силой сжал тому бока.

– Ох! Что ж ты делаешь, злодей!.. – Кривясь от боли, Никита обнял Пашу в ответ. – Совсем меня доконать хочешь?..

Ни слова больше не сказав Паша отстранился и отшагнул. Кинув на Никиту последний прощальный взгляд, он развернулся и полез обратно в салон.

Ещё минуту стояло спокойствие и Никита с японцем играли через стекло в гляделки... Но вот «Хендай» ожил. Билетёрша принялась проверять новеньких, а уже через миг автоматическая дверь закрылась и автобус двинулся, лавируя среди десятка таких же маршруток, как и он. Никита провожал его взглядом и вдруг для самого себя неожидан-

но подмигнул азиату, который всё ещё не сводил с него глаз. С небольшим запозданием японец подмигнул в ответ... и скрылся вместе с машиной.

Сделав несколько хрипящих вдохов, Никита перехватил рюкзак поудобнее и зашагал к кассам. Он прихрамывал, причём сразу на обе ноги, и со стороны это выглядело неуклюже и комично, но всё же Никита шёл целеустремлённо и уверенно, сбавлять темп и не думал.

Скоро другой город. Потом ещё один. Другая страна. Другая жизнь. А там – кто знает?..

В оформлении обложки использован рисунок "На последний шанс меньше" художника Каратаева С. созданный специально для этой книги. Права на рисунок принадлежат автору книги.